

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ
ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ
СЛАВЯН

XXIX

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XXIX

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

XIX—XX вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. А. Хренов (ответственный редактор),
И. К. Бунина, И. Ф. Бэлза, Л. Б. Валев, Л. Э. Калнынь,
В. Н. Кондратьева (ответственный секретарь),
А. Я. Манусевич, И. С. Миллер, С. В. Никольский,
Б. Ф. Стахеев

Н. П. Митина

РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ В КАНУН ВОССТАНИЯ ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ НА КРУГОВАЙКАЛЬСКОЙ ДОРОГЕ

В революционном движении 1863—1866 гг. особое место заняла Сибирь. Издавна являясь местом ссылки лучших представителей народов Российской империи, она и в 60-е годы стала тюрьмой для десятков тысяч революционеров. Только за участие в восстании 1863—1864 гг. в различные места империи было выслано 36 459 человек¹, в том числе в Западную и Восточную Сибирь более 18 тыс. человек². Такое массовое переселение и сосредоточение огромного количества участников революционного и национально-освободительного движения привело к созданию в Сибири в 1864—1866 гг. русско-польских революционных групп и кружков, среди которых наиболее яркой и значительной была Красноярско-Канская революционно-демократическая организация.

Одной из предпосылок возникновения и развития русско-польского революционного союза в сибирской ссылке явилось общественное и революционное движение в Сибири, деятельность сибирского демократического лагеря. Однако эта проблема до сих пор незаслуженно остается малоизученной. Больше того, она в значительной степени запутана. Существующие оценки деятельности сибирских демократов подчас неверны и искажают сущность этого явления. Дело в том, что при изучении общественного движения этих лет исследователь сталкивается с зарождением областнической идеологии, которая пережила долгую историю эволюции от 60-х годов до гражданской войны 1918—1920 гг. и в законченной своей форме стала идеологией либеральной буржуазии.

Основным недостатком многих работ, затрагивающих проблемы общественного и революционного движения Сибири, является то, что авторы оценку более поздних этапов областничества переносят на 60-е годы XIX в.³ Правда, ряд исследователей видел эволюцию областничества и довольно правильно оценивал общественное и революционное движение 60-х годов⁴, но их точка зрения не получила развития. И в более поздних работах резкой критике подвергаются представители сибирского демократического лагеря, а их деятельность оценивается как антинародная,

¹ ЦГАОР СССР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 341, лит. Г, л. 160.

² Там же, л. 365.

³ Г. В. Круссер. Сибирские областники. Новосибирск, 1931.

⁴ Н. Степанов. П. Л. Словцов (У истоков сибирского областничества). Л., 1935; М. Гудошников. Н. М. Ядрищев. М., 1941 (кандидатская диссертация); его же. Классовая сущность областничества. «Будущая Сибирь», кн. 1. Иркутск, 1931; В. И. Николаев. Сибирская периодическая печать и политическая ссылка. «Каторга и ссылка», 1928, № 41; В. А. Обручев. Г. Н. Потанин. М.—Л., 1947.

антинисторическая, ничего общего не имеющая с общероссийским революционным подъемом⁵.

Каждый исследователь, прямо или косвенно сталкивающийся с историей Сибири середины XIX в., ощущает огромный пробел в освещении общественного и революционного движения этих лет⁶. Следует отметить, что авторский коллектив по написанию многотомной «Истории Сибири» при обсуждении основных проблем много места уделил этому вопросу, опубликовав обзор в журнале «История СССР» (1964, № 2, стр. 234—235). Причем точка зрения иркутского историка С. Ф. Коваля о революционно-демократическом характере общественного движения в Сибири в 60—70-х годах XIX в. получила предпочтение, хотя и подверглась критике со стороны ряда участников совещания.

Само собой разумеется, что, для того чтобы правильно осветить данный вопрос, необходимо проанализировать деятельность отдельных лиц с учетом тех конкретных условий, в которых она протекала. Только при таком подходе можно установить место данного общественного течения в истории развития общественной мысли.

Проблема общественного и революционного движения в Сибири в 60-е годы XIX в. многогранна, и ее разработка под силу лишь коллективу исследователей. Для раскрытия данной тематики огромное значение имеет, конечно, изучение сибирских архивов. Однако важнейшие аспекты проблемы могут быть охарактеризованы и на основе материалов центральных архивов и уже изданных источников. Это и составляет задачу настоящей статьи.

* * *

Общественное движение в годы первой революционной ситуации в России захватывает и Сибирь. Несмотря на неизученность этого вопроса, можно с уверенностью говорить, что прогрессивные идеи, подъем общественной жизни проникают и за Урал.

Представитель передовой сибирской общественности М. П. Шестунов отмечал, что «летаргия прошла и общество, отряхнув с себя ее оковы», получая доверие к своим силам, «двинулось вперед к самоусовершенствованию, к самосознанию»⁷. Н. Н. Пестерев в своем показании-исповеди писал, что едва ли где больше сочувствовали новому, чем в Сибири. Подъем настроения, по его словам, замечался во всех слоях общества⁸.

Прогрессивно настроенные и демократические силы сибирского населения знакомятся с передовыми идеями времени через печать. Жители Сибири широко выписывали столичные газеты и журналы, а также зарубежную периодику⁹. Огромное влияние на общественность Сибири имели издания Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена. По подписке на

⁵ Н. Н. Комов. А. П. Шапов. О важнейших проблемах общественной жизни Сибири. М., 1955 (автореферат кандидатской диссертации); Б. Г. Кубалов. А. И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958.

⁶ На основании материалов, ранее не привлекавшихся исследователями, Я. Р. Кошелеву удалось написать интересный очерк общественного движения в Сибири 60-х годов. Признав влияние на сибирский демократический лагерь передовых идей тех лет, постановку сибирскими демократами многих вопросов в духе революционного демократизма, Я. Р. Кошелев тем не менее отдал дань старой точке зрения, опасаясь «преувеличить» революционность «областников», и в конечном счете признал в них лишь наличие народнических элементов (Я. Р. Кошелев. Русская фольклористика Сибири (XIX—начало XX в.). Томск, 1962, стр. 121).

⁷ Цит. по кн.: Н. Н. Козьмин. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910, стр. 195.

⁸ ЦГАОР, ф. 95п, оп. 1, д. 302, ч. 4, л. 139.

⁹ В Иркутске в 1859 г. выписывалось 70 русских газет и журналов в количестве 579 экземпляров и 39 иностранных периодических изданий (Б. Г. Кубалов. Указ. соч., стр. 7).

«Современник» Сибирь занимала третье место¹⁰. Во многих городах Сибири, особенно в тех, где были ссылки декабристы и изгнанники польского национально-освободительного движения, устраивались литературные вечера, на которых читались «Полярная звезда» и «Колокол». А. И. Герцен относился с большим вниманием к Сибири, постоянно подчеркивал богатства этого края и предвещал ему большое будущее. Жители Сибири были не только читателями герценовских изданий, но и их корреспондентами. На страницах «Колокола» мы находим немало статей и заметок, главным образом обличительного характера, осуждающих жизнь Сибири, в особенности вопиющие факты беззакония и произвола¹¹.

Прошпикает за Урал и прокламационная литература этих лет. В одном из доносов сообщалось, что в Западную и Восточную Сибирь «завозится много экземпляров возмутительных прокламаций, воззваний и брошюр, в том числе издания организации «Земля и Воля»¹². В сентябре 1862 г. начальник Томской губернии сообщал в Министерство внутренних дел, что в Томске иркутским мещанином Заборовским было получено два воззвания: «Что надо делать войску» и «К молодому поколению»¹³. В мае 1863 г. генерал-губернатор Западной Сибири уведомил III отделение, что в г. Кургане появились брошюры «возмутительного содержания под заглавием «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти» и «Земля и Воля»¹⁴. В июне 1863 г. томский жандармский штаб-офицер доносил в III отделение, что советником губернского правления А. Романовым получена «Свобода» № 1¹⁵. В августе 1863 г. иркутский жандармский штаб-офицер писал, что учитель Киренского уезда получил «Свободу» № 1¹⁶. В сентябре он же сообщал, что из Казани на имя приходского учителя Косыгина получена также «Свобода» № 1¹⁷. Енисейский жандармский штаб-офицер доносил в августе 1863 г., что по почте из г. Тюмени на имя бывшего политического ссыльного Рабцевича-Зубковского получено два печатных революционных воззвания¹⁸.

Больше того, издавшая в январе 1863 г. группой революционеров листовка «Великорусс» № 4, как известно, включает Иркутск в число названных в подзаголовке листовки центров конституционного движения Руси, Украины и Сибири¹⁹.

Огромное влияние на Сибирь оказывали политические ссылки, которые несли с собой передовые идеи, веру в светлое будущее России, являлись примером высокого гражданского долга и мужества. Прибытие в Сибирь поэта-революционера М. Л. Михайлова всколыхнуло всю сибирскую общественность. Один из «патриотов» с ужасом писал, что окончившие курс в Казанском университете, а также учителя гимназии и частные лица посетили М. Л. Михайлова и «остались в восторге от его либеральных идей»²⁰. Еще до приезда Михайлова в Томск там начали появляться его статьи²¹. Томские учителя гимназии Игнатьев, Чигирь, Сидоренко, внушавшие юношам «свободу и либеральные чувства», во время пребывания Михайлова в Томске возносили его сочинения и

¹⁰ Подписка из года в год увеличивалась. Если в 1860 г. в Сибири выписывалось 221 экз., то в 1861 г. уже 250 (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 478).

¹¹ См., например: «Колокол», 1858 г., л. 29; 1859 г., л. 36; 1860 г., л. 73; 1861 г., л. 109; 1862 г., л. 131; 1863 г., л. 170; 1865 г., лл. 193, 204; 1866—1867 гг., лл. 219, 228, 229.

¹² ЦГАОР, ф. 109п, 1 экз., 1863 г., д. 280, л. 105 об.

¹³ Там же, 1862 г., д. 230, ч. 140, л. 1.

¹⁴ Там же, 1863 г., д. 97, ч. 62, л. 1.

¹⁵ Там же, лл. 225—226.

¹⁶ Там же, л. 241.

¹⁷ Там же, ч. 71, л. 69.

¹⁸ Там же, ч. 62, л. 44.

¹⁹ «Русско-польские революционные связи», т. II. М., 1963, стр. 75—76.

²⁰ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экз., 1863 г., д. 140, л. 3.

²¹ Там же, л. 24.

ставили его в пример как человека, «ищущего общей свободы»²². Таким образом, Сибирь в годы общероссийского революционного подъема, несмотря на отдаленность от центров революционного и общественного движения, испытывает на себе влияние передовых идей и революционно-демократической мысли. Наивысший подъем общественной и революционной деятельности в Сибири наблюдался в 1863—1865 гг.

Наиболее яркими представителями сибирского демократического лагеря 60-х годов были Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Пашков, Н. С. Щукин, Ф. Н. Усов, А. Шайтанов, Д. Л. Кузнецов, Е. Я. Колосов, М. В. Загоскин и др. Одни из них, до начала сибирской революционной деятельности, были студентами и слушателями учебных и военных заведений Петербурга, Москвы, Казани, другие — не покидали Сибири. Но как те, так и другие испытывали огромное идейное и организационное воздействие общероссийского освободительного подъема конца 50-х и начала 60-х годов.

Формирование взглядов Г. Н. Потанина началось в бытность его в Сибирском кадетском корпусе (1846—1852 гг.). Преподаватель русской словесности Н. Ф. Костылецкий широко знакомил учащихся кадетского корпуса с произведениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, со взглядами В. Г. Белинского на русскую литературу²³. Инспектор классов Ждап-Пушкин стремился воспитать в учащихся любовь к родине. Уже в кадетском корпусе Г. Н. Потанин и его товарищи смотрели на себя как на будущих борцов за прогресс России и сочувствовали идеям революции²⁴. Тогда же начал воспитываться у Г. Н. Потанина и местный патриотизм²⁵.

Огромное влияние на формирование мировоззрения Г. Н. Потанина имела тогда прогрессивная литература, все чаще поднимавшая на своих страницах животрепещущие вопросы. «Это было время тотчас после Парижского мира, после окончания севастопольской кампании. В воздухе веяло новым духом, — вспоминал Г. Н. Потанин, — журналы заговорили смелее, запрещенные говорить о крепостном праве было снято; разоблачения злоупотреблений сыпались как из рога изобилия; каждая новая месячная книжка производила переворот в наших взглядах. Мы с жадностью хватали книжки «Современника» и либерального тогда «Русского вестника». Г. Н. Потанин, в частности, называет две статьи, имевшие влияние на формирование его взглядов: это статья И. Березина «Метрополия и колонии», в которой Сибирь называлась земледельческой колонией²⁶, и Г. Г. Пейзена «Исторический очерк колонизации Сибири»²⁷. «Эти статьи, — указывает Г. Н. Потанин, — взволновали мои местные инстинкты. Так постепенно для меня выяснились задачи деятельности сибирского публициста»²⁸.

В течение 1852—1859 гг. Г. Н. Потанин в качестве казачьего офицера служил во многих местах Сибири. В этот период он знакомится с передовыми людьми Сибири, много читает.

В эти годы Г. Н. Потанин переживает духовный перелом. Под влиянием встреч, особенно с М. А. Бакуниным, отбывавшим ссылку, петрашевцем Дуровым, другом Н. Г. Чернышевского Лобазовским, приехавшим в Омск преподавать русский язык и литературу в кадетском корпусе, топографом Копейкиным и др., а также под влиянием прогрессивной литературы меняются его политические убеждения. Если раньше Г. Н. Потанин «благоговел перед императором Николаем I, в котором видел вто-

²² ЦГАОР, ф. 109л, 1 экз., 1863 г., д. 140, лл. 2—4.

²³ Г. Н. Потанин. Воспоминания. «Сибирская жизнь», 30.I 1916.

²⁴ Сб. «На славном посту», ч. II. СПб., 1900, стр. 257—258.

²⁵ Г. В. Крессер. Указ. соч., стр. 67.

²⁶ «Отечественные записки», 1858, № 3—5.

²⁷ «Современник», 1859, № 77.

²⁸ «Сибирская жизнь», 19.V 1913.

рого Петра Великого и поборника прогресса и европейских идей о политической свободе», то постепенно он «сделался петрашевцем»²⁹.

Перелом произошел и в планах на будущее. Г. Н. Потанин считал свой выход из казачьего сословия безнадежным и мирился с мыслью остаться навсегда казачьим офицером, но приезд П. П. Семенова-Тянь-Шанского подал надежду на возможность попасть в университет. П. П. Семенов посоветовал Г. Н. Потанину выйти в отставку «по болезни». Полковой врач дал удостоверение, что Потанин «страдает» грыжей, и весной 1859 г. Г. Н. Потанин освободился от военной службы.

Не имея материальной поддержки, Г. Н. Потанин испытывал крайнюю нужду. О поездке в Петербург он мог только мечтать. На помощь пришел М. А. Бакунин. Он устроил Г. Н. Потанина с караваном золота, снабдил рекомендательным письмом к своей сестре, и, таким образом, Г. Н. Потанин добрался до Петербурга, где поступил в университет на естественно-историческое отделение физико-математического факультета.

В 1860 г. в университет, также на естественное отделение, поступает Н. М. Ядринцев, впоследствии близкий друг Г. Н. Потанина и видный деятель сибирского демократического лагеря. Еще будучи учеником томской гимназии, Н. М. Ядринцев внимательно знакомится с произведениями В. Г. Белинского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева.

Большое влияние на томскую молодежь оказал бывший студент Главного педагогического института и Петербургского университета Н. С. Щукин, впоследствии учитель иркутской гимназии, деятель сибирского демократического лагеря. В 1859 г. Н. С. Щукин оставил университет и уехал в Восточную Сибирь. Зимой он провел в Томске. «Для окружающей среды, — писал о нем Н. М. Ядринцев, — он был передовой человек — „будильщик“. Являясь в сибирский сонный город, он сразу обегал всех, знакомился с гимназией, со всеми выдающимися личностями и подвергал все поголовной критике. Осмеивал ретроградов, кричал против взяточничества, говорил с жаром о прогрессе и увлекал юношество. Он проповедовал ему о новой жизни, внушал уважение к науке и литературе [...], рекрутировал и обязывал всех ехать в университет, поощрял проблески любознательности, открывал литературные призвания, устраивал дебаты [...]». В Томске он устраивал литературные вечера и соединял всех, кто интересовался литературой. Кружок гимназистов был его поклонником; он добывал все лучшие сочинения, проливал новый свет на творчество Н. В. Гоголя, трогал живые темы, философствовал, учил, организовывал литературные беседы и вечера»³⁰. Г. Н. Потанин, так же как и Н. М. Ядринцев, дает высокую характеристику Н. С. Щукину: «Это был неутомимый пропагандист. Каждую минуту он был готов встать на баррикаду»³¹.

Роль Н. С. Щукина в формировании взглядов сибирской молодежи, безусловно, была огромной. Знакомя слушателей с новыми идеями века, он заставлял их критически относиться к действительности.

В 1850—1860-х годах многие сибиряки обучались в Петербурге.

Петербургский университет, по определению Н. М. Ядринцева, «играл тогда роль фокуса, отражавшего умственную жизнь всего общества, и был центром обмена идей между лучшими представителями старого поколения и восприимчивыми поколениями новыми»³². Среди студентов существовала масса кружков, групп, землячеств. Началось брожение и среди студентов-сибиряков. «Идея сознательного служения краю в тот

²⁹ «Сибирская жизнь», 20.I 1913.

³⁰ Н. М. Ядринцев. Сибирские литературные воспоминания. «Восточное обозрение», 9.II, 28.VI 1884.

³¹ «Сибирская жизнь», 28.II 1913.

³² «Восточное обозрение», 9.II 1884.

момент, когда в Европейской России пробуждалось тоже самосознание, — вот идея, которая легла в основу нашего сближения», — писал Н. М. Ядринцев в своих воспоминаниях³³. Он указывал, что инициатива объединения принадлежала Г. Н. Потанину, «личности, которая выдавалась своими способностями, серьезными занятиями, замечательным умом и любовью к Сибири»³⁴. Землячество объединило учащихся разных профессий. Здесь были студенты университета, технологи, слушатели духовной академии, художники, военные и студенты горного института. В землячество, которое получило название «Молодая Сибирь», вошли Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Ф. Н. Усов, Н. И. Наумов, Куклин, И. А. Худяков, братья Черемшанские, Павлиновы, И. В. Федоров-Омулевский, Перфильев, Березовский, Красиков, Шешуков, Пирожков и др.

Студенты-сибиряки изучают политическую и экономическую литературу, знакомятся с произведениями представителей революционного демократического лагеря. Чтение «Былого и дум», вспоминает Г. Н. Потанин, вызывало самое бодрое настроение, веру в светлое будущее. Говоря о том, что эта книга в среде сибирского «высшего» общества вызвала пессимизм и страх, Потанин указывал, что «мы принадлежали к разным классам. Я, читая Герцена, приобретал»³⁵, а они теряли.

Большое идейное влияние на формирование взглядов сибирского студенчества имела революционная литература, проводившая идею противопоставления свободного самоуправления областей самодержавно-бюрократическому строю и ставившая вопрос о федеративном устройстве России. Идея федерации находила отражение на страницах «Колокола» в статьях Н. П. Огарева³⁶. В основу федеративного деления будущей республики Огарев, кроме национального принципа, выдвигал географические и промышленные условия. Н. П. Огарев рассматривал областные самоуправления как этап создания федерации, соединения «в общий союз славяно-русских областей»³⁷. Преобразование деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей ставила в своей программе «Молодая Россия». Требуя полной независимости Польши и Литвы, «Молодая Россия» выдвигала тезис о предоставлении всем областям возможности решить «по большинству голосов, желают ли они войти в состав Федеративной Республики Русской».

Немалую роль в формировании идеологии сибиряков сыграли лекции профессоров Н. И. Костомарова и А. П. Щапова. «Я припомнил, — писал Н. М. Ядринцев, — лекции Костомарова, кружок Шевченко, его поэзию, лекции Щапова об областности — все это материал, канва»³⁸.

Влияние революционных общественных идей 60-х годов на формирование мировоззрения сибирских демократов отмечали сами члены сибирского демократического лагеря. Годы, проведенные в Петербурге, считал Г. Н. Потанин самыми важными в их жизни: «Новые идеи, новые течения сыпались на наши головы». Потанин называет петербургский период временем «политического воспитания». «В эти годы определилась наша индивидуальность, — пишет он, — дано было направление нашим политическим взглядам, было указано нам особое место в общественной деятельности»³⁹. Г. Н. Потанин дает прямой ответ относительно этих политических взглядов. Указывая два направления в развитии общественной мысли того времени, нашедших выражение в «Современнике» и «Русском слове», он пишет, что идеи Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и М. А. Антоновича были сибирским демократам ближе и понятнее, чем

³³ М. К. Лемке. Н. М. Ядринцев. СПб., 1904, стр. 34—35.

³⁴ «Восточное обозрение», 9.II 1884.

³⁵ «Сибирская жизнь», 27.I 1913.

³⁶ См.: «Колокол», 1861, л. 89.

³⁷ Там же.

³⁸ М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 43.

³⁹ «Сибирская жизнь», 9.V 1913.

идей «писаревщины»⁴⁰, противниками которых они были. Влияние передовой революционной и общественной мысли на студентов-сибиряков отметила и Омская следственная комиссия⁴¹. В записке следственной комиссии указывалось, что «виновники по делу получили настоящее революционное направление в С. Петербурге, откуда они возвратились около 1863 года»⁴². Начальник VIII округа корпуса жандармов Н. Н. Политковский писал в III отделение: «Весь этот безумный замысел людей, еще недоучившихся, без всякого сомнения зародился в головах их отнюдь не в кадетском корпусе, да и вообще не в Сибири, а есть, к несчастью, гибельная прививка современных идей университетов, так как все упомянутые выше личности начинали было слушать в них лекции и, окончив их, вынесли только оттуда идеи преступных и безумных стремлений к ниспровержению существующего порядка»⁴³.

Члены сибирского студенческого кружка имели обширные связи с деятелями общероссийского революционного движения. Н. С. Щукин был знаком с представителями передовой русской печати и имел связи с «Колоколом»⁴⁴. По его протекции Г. Н. Потанин устанавливает связи с издателями «Колокола» и становится одним из его корреспондентов⁴⁵. О широких взаимоотношениях Г. Н. Потанина с революционными деятелями 60-х годов красноречиво свидетельствуют бумаги и письма, отображенные у него Омской следственной комиссией. «В рассмотренных подробно и представленных мною губернатору Лерхе для отправления в г. Омск бумагах и книгах Потанина, — говорилось в донесении томского жандармского штаб-офицера, — хотя и не были найдены прямо его сочинения в зловредном смысле, но в числе писем частной корреспонденции его с разными лицами много доказывают, во-первых, отношение его с лицами, подвергнутыми ссылке как изобличительными злыми агитаторами в государстве, а именно с Бакуниным, Щаповым, Чернышевским и проч., и, во-вторых, способность его, Потанина, сочувствовать разным красным идеям лицам, кои, как видно, рассчитывая на него, адресовались к нему письменно, заявляя свои мысли или объявляя о каких-либо местных событиях»⁴⁶.

В рамках «великого акта пробуждения русской жизни»⁴⁷ члены «Молодой Сибири» от обсуждения вопросов общероссийского освободительного движения переходили к определению насущных задач Сибири. Перед членами кружка встал вопрос — пользуется ли Сибирь равными правами с другими областями империи, заботится ли царское правительство об экономическом развитии Сибири, просвещении, культурном прогрессе, является ли Сибирь провинцией империи или его колонией. Они приходят к выводу, что Сибирь не просто колония, а штрафная колония, место ссылки осужденных и извлечения богатств в виде золота, серебра, денег. Ссылка уголовных преступников неблагоприятно отражалась на коренном населении. Экономическая отсталость Сибири поддерживалась кон-

⁴⁰ Там же, 26.V 1913.

⁴¹ 21 мая 1865 г. в Сибирском кадетском корпусе было найдено рукописное воззвание «К патриотам Сибири». Оно послужило поводом к созданию в г. Омске особой следственной комиссии по делу «О злонамеренных действиях некоторых лиц, стремившихся к ниспровержению существующего порядка управления в Сибири». В ходе работы комиссии по всей стране были произведены обыски и аресты, в результате чего деятельность и планы сибирского демократического лагеря были сорваны. Его участники были осуждены и сосланы в различные места империи.

⁴² ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1865 г., д. 196, л. 178.

⁴³ Там же, лл. 59, 60 и об.

⁴⁴ «Сибирская жизнь», 12.IV 1913.

⁴⁵ Можно с уверенностью говорить об авторстве Г. Н. Потанина «К характеристике Сибири», помещенной в 62-м листе «Колокола» за 1860 г., так как в своих «Воспоминаниях» он упоминает об одном из эпизодов, описанных в этой статье, и о комментариях к нему А. И. Герцена.

⁴⁶ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1865 г., д. 196, лл. 67 об.—68.

⁴⁷ «Восточное обозрение», 9.II 1884.

курением дешевых товаров метрополии. Отсутствие своего университета отрывало молодежь от родины, мешало формированию сибирской интеллигенции. Бесправное положение коренных народов Сибири препятствовало развитию производительных сил. В землячестве развивалась мысль о необходимости подготовки к будущей деятельности в Сибири, об изучении родного края, появилась идея составить библиографию сибирских книг и издать ее в виде календаря или памятной книги. Руководил этим делом Г. Н. Потанин. На собраниях впервые был поставлен вопрос о значении и необходимости создания в Сибири университета⁴⁸.

За три-четыре года пребывания в Петербурге у сибирских студентов к моменту отъезда на родину наметились основные местные сибирские вопросы. Г. Н. Потанин указывал, что в теоретической части их программы на первый план был поставлен вопрос об отмене ссылки, казавшийся молодым сибирякам таким же основным вопросом для Сибири, каким для Европейской России был вопрос об отмене крепостного права. Важнейшим же практическим делом намечалось основание сибирского патриотического органа печати. Сибиряки пришли к выводу, что над Сибирью тяготеет три зла: деморализация ее населения как в верхних, так и в нижних слоях, вносимая уголовными ссыльными, подчинение сибирских экономических интересов интересам московского мануфактурного района и отсутствие местной интеллигенции⁴⁹. В Сибири эти вопросы конкретизировались и дополнялись. На вопрос следственной комиссии объяснить с полной откровенностью и чистосердечием, чего именно, по его мнению, недостает в Сибири для полного ее благоденствия, Г. Н. Потанин отвечал: «Для блага Сибири желательно разрешение следующих вопросов: об улучшении быта рабочих на золотых приисках, на горных заводах и на рыболовных оброчных статьях на пизовьях Оби и Иртыша, об улучшении земледелия и вообще условий промышленного движения, о колонизации и просвещении, наконец, об улучшении сибирской администрации и более справедливом установлении финансовых торговых отношений Сибири к ее метрополии»⁵⁰. Таким образом, студенты-сибиряки ехали на родину с программой широких демократических преобразований.

Г. Н. Потанин являлся членом общества «Земля и Воля». В 1862 г., когда встал вопрос о создании Зауральского отдела «Земли и Воли» и посылке туда кого-либо из Петербурга, выбор пал на Потанина⁵¹. По-видимому, именно с этой целью он, не окончив университета, осенью 1862 г. прибыл в Омск. Одновременно с Потаниным в Сибирь, в Омск, уехал и Ф. Н. Усов, казачий офицер, слушавший лекции в военной академии. Выбор Омска был не случаен. Как известно, в планируемом восстании большое место отводилось войску, а в Омске находился Сибирский кадетский корпус и казачьи части. В Омске Г. Н. Потанин вел широкую агитацию среди казачьих войск. Однако более полными данными об этом периоде деятельности его мы не располагаем.

Еще в университетские годы Г. Н. Потанин «колебался между натуралистом и публицистом», так как был страстным исследователем. «Мои политические друзья, в том числе и Л. Ф. Пантелеев, — вспоминал он впоследствии, — отвлекали меня от увлечения Центральной Азией. «Что это вам далась какая-то шишка в Центральной Азии», — говорил мне Пантелеев, смеясь. — Оставьте ее в покое»⁵². В течение всей жизни Г. Н. Потанин сочетал оба призвания, став выдающимся географом, этнографом и общественным деятелем Сибири.

⁴⁸ Г. В. Крессер. Указ. соч., стр. 80.

⁴⁹ «Сибирская жизнь», 3.XI 1913.

⁵⁰ Г. В. Крессер. Указ. соч., стр. 72.

⁵¹ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 296.

⁵² «Сибирская жизнь», 5.II 1914.

Сильная нужда заставляет Г. Н. Потанина прервать свою деятельность в Омске, чтобы принять участие в экспедиции К. В. Струве. После возвращения из экспедиции в 1864 г. Г. Н. Потанин получил место секретаря губернского статистического комитета и поселился в Томске.

* * *

Волна общественного движения 60-х годов из-за Урала докатилась и до Томска; здесь образовались либеральные кружки, устраивались журналы, на которых читали литературные новинки, а иногда подпольные издания, рассуждали о политике. После чтения прокламации «К молодому поколению», вспоминает Г. Н. Потанин, «впечатление было общее»⁵³.

Приехав в Томск, Г. Н. Потанин быстро сошелся с передовыми представителями общества. «Самые для меня интересные люди в городе Томске были учителя гимназии, и я поторопился перезнакомиться с теми из них, о которых услышал хорошие отзывы», — пишет Г. Н. Потанин⁵⁴. Это были Д. Л. Кузнецов, учитель гимназии и редактор неофициальной части газеты «Томские губернские ведомости», учитель гимназии И. К. Смирнов, человек с обширными познаниями, Пичугин — любопытный тип купца-самородка с большими умственными запросами и др. Вокруг Потанина быстро собрался кружок молодежи, жаждавшей знаний и служения на пользу Сибири.

Наиболее яркой фигурой среди местных демократически настроенных лиц был, по-видимому, Д. Л. Кузнецов. О передовых взглядах Кузнецова и его сочувствии прогрессивным идеям 60-х годов свидетельствует переписка, отобранная у него Омской следственной комиссией. Как явствует из одного письма, Д. Л. Кузнецов принадлежал к тем передовым лицам Сибири, которые оказали горячее сочувствие сосланному на каторгу поэту-революционеру М. Л. Михайлову, выразив тем самым протест против насилия и жестокости царского правительства. Автор письма замечал Д. Л. Кузнецову: «Вот и другое Ваше умное дело, а именно, что Вы несколько раз навестили Михайлова. Неужели оно останется без хороших для Вас результатов? Только мошенникам, невеждам и глупцам, населяющим Томск, и могло показаться это дело с Вашей стороны не умным, и вызвать на Вас гоение. Но что Вам до них? Ваша жизнь не от них, не для них, не будет зависеть от них, и в настоящее время все молодое и новое, уже сильное, презрительно только смотрит на бессильные попытки подлого-старого, попытки завязать его; еще несколько лет, и конец царству шпионов, взяточников, самодуров, холопов и всех их врагов света. А Вы своим посещением Михайлова зарекомендовали себя с хорошей стороны всему молодому»⁵⁵.

Почти одновременно с Г. Н. Потаниным и Ф. Н. Усовым в Сибирь возвращается С. С. Шашков, а осенью 1863 г. и Н. М. Ядрищев. В это же время в Сибирь приезжает Е. Я. Колосов, офицер, покинувший Сибирь в 1862 г., чтобы поступить в Академию генерального штаба. В Петербурге Е. Я. Колосов сразу увлекся студенческим движением. Под влиянием событий 60-х годов взгляды Е. Я. Колосова на задачи жизни изменились. Целью своей жизни он поставил «пропаганду политических идей». «Честь мундира заменилась честью гражданина», — писал Г. Н. Потанин⁵⁶. С приездом Г. Н. Потанина в Томск туда переселяется и Е. Я. Колосов.

⁵³ «Сибирская жизнь», январь 1914.

⁵⁴ «Сибирская жизнь», 5. I 1914.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экзп., 1865 г., д. 196, л. 286.

⁵⁶ «Сибирская жизнь», 12. I 1914.

Таким образом, многие члены петербургского студенческого кружка перемещаются в Сибирь для проведения там культурно-просветительной и революционной деятельности. В целях ведения широкой агитации в Сибири Ф. Н. Усов и Н. М. Ядринцев поселились в Омске, С. С. Шашков — в Красноярске, Н. С. Щукин — в Иркутске; в Тобольск еще ранее выехал Н. И. Наумов.

О настроении среди студентов-сибиряков, вернувшихся на родину, свидетельствуют воспоминания Н. М. Ядринцева: «Мы все явились в Сибирь в каком-то восторженном состоянии экзальтированных прозелитов новой идеи, одушевлявшей нас. Мы могли говорить о Сибири, о ее обновлении, о будущих задачах целые часы. Горячо, пламенно говорить. Спорам, разработке деталей не было конца. Воображение живо переносило нас в даль будущего. Нам представлялось все в розовом цвете. Мы короновали, изукрашали свою родину, как песту, всеми цветами нашей души; явившись в сибирское общество, у нас явилась потребность скорее высказаться, передать, провести свои идеи в жизнь, пробудить и заставить жить это общество. Мало того — заставить трепетать его и воспламениться тем же огнем, какой кипел в нас. Мы неустанно пропагандировали везде обновление Сибири и, не довольствуясь кружками, искали случая говорить публично, читать лекции и зажигать сердца»⁵⁷.

В Сибири повсюду началось оживление общественной жизни. В городах основывались библиотеки, которых ранее почти не было, читались публичные лекции, что для Сибири также было новшеством⁵⁸. Эта культурно-просветительная деятельность проводилась главным образом возвратившимися на родину бывшими студентами и прогрессивно настроенной интеллигенцией. Енисейский жандармский штаб-офицер Н. И. Борк доносил в III отделение, что в г. Красноярске в зале благородного собрания было прочтано несколько публичных лекций. Лекции по истории Сибири «читал молодой человек Шашков». По характеристике Н. И. Борка, лекции Шашкова отличались вредным направлением и «безусловным порицанием всего, что делалось в Сибири с начала ее до новейших времен»⁵⁹. Далее жандарм указывал, что лекции С. С. Шашкова, на которых в «заметном количестве» постоянно присутствовали ученики духовного училища, имели целью «восстановить юное поколение против своих отцов и руководителей»⁶⁰.

В начале февраля 1864 г. С. С. Шашков прибыл в Томск. По характеристике томского жандарма, «личность этого молодого человека с светлыми познаниями [...] и прогрессивными идеями спискала к себе в круг томского общества благосклонных». Вскоре с разрешения томского губернатора С. С. Шашков начинает читать публичные лекции по истории Сибири⁶¹. В своих лекциях С. С. Шашков стремился на историческом материале показать антинародную сущность царского правительства и его ставленников в Сибири. На чтениях присутствовали представители различных слоев томского общества, а также польские ссыль-

⁵⁷ М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 50.

⁵⁸ Чтения публичных лекций вне стен университетов, начавшиеся с 1859 г. в Петербурге, в течение 1860 и 1861 гг. получили распространение во многих городах России — Москве, Казани, Кieve, Одессе, Полтаве, Житомире, Воронеже, Н. Новгороде, Орле, Симбирске и др. (см. М. К. Лемке. Дело о публичных лекциях в 1860-х годах, стр. 9—11). Среди перечисленных в деле городов мы не встречаем ни одного сибирского.

⁵⁹ ЦГАОР, ф. 109л, 1 экз., 1864 г., д. 267, л. 1 об.

⁶⁰ Там же, л. 3 об.

⁶¹ Программа предусматривала пять лекций: «Завоевание Сибири и историческая судьба сибирских «породцев»; «Русские на Восточном океане и Российско-американская кампания»; «О колонизации вообще. Колонизация Сибири»; «История сибирской администрации»; «Производительные силы Сибири. Нужды и потребности сибирского университета» (там же, л. 17).

ные⁶². Лекции С. С. Шашкова принимались восторженно. «Весьма натурально, — писал томский штаб-офицер, — что в числе слушателей много нашлось одушевленных речью Шашкова, как это выражалось аплодисментами лиц большею частью в низшем слое общества»⁶³. Последняя лекция превратилась в демонстрацию. Параллельно с историческими справками С. С. Шашков говорил о современных пуждах Сибири. Когда он произнес фразу: «нам, то есть сибирякам, нужен университет, — рассказывает Г. Н. Потанин, — то Колосов, стоящий на эстраде, громко крикнул: «Нам нужен университет». Семинаристы, стоящие в разных местах залы, подхватили этот крик, а за ними вся зала начала дружно кричать: «Нам нужен университет»⁶⁴.

С публичными лекциями сначала в Омске, а затем в Томске выступал и Н. М. Ядринцев. Первым его выступлением была лекция о необходимости создания университета, прочитанная в Омске.

Об огромном влиянии на молодежь лекций Н. М. Ядринцева свидетельствует случай, происшедший в Сибирском кадетском корпусе. 10 ноября 1864 г. в зале Омского благородного собрания в пользу бедных студентов были прочитаны две лекции: «Об эмансипации женщин» и «Об общественной жизни в Сибири». Вторую лекцию читал Н. М. Ядринцев и заслужил, по определению омского жандармского штаб-офицера, «одобрение присутствующих, по преимуществу молодежи и в особенности воспитанников выпускного класса Сибирского кадетского корпуса [...]», они несколько раз аплодировали Ядринцеву и в заключение вызывали его»⁶⁵. Выпускник корпуса унтер-офицер Михайлов вскоре после лекции прочитал свое сочинение, в котором высоко оценил заслуги Н. М. Ядринцева перед сибирским обществом, «порицал и разоблачал» воспитателей кадетского корпуса⁶⁶. Михайлов был посажен в острог, а затем исключен из корпуса. В «Томских губернских ведомостях» появилась заметка о ноябрьском литературном вечере. Автор заметки с удовлетворением отмечал, что «при скудости или, вернее, отсутствии сибирских органов гласности, нельзя не порадоваться тому явлению, что в настоящее время публичные чтения устраиваются в сибирских городах не для одного только приятного препровождения времени, но по преимуществу для возбуждения в обществе внимания к интересам нашей родины, Сибири, для ознакомления с ее состоянием, для указания ее общественных недугов». В конце заметки высказывалось пожелание, чтобы такие вечера «вошли во вкусы общества» и заменили бы те литературные вечера, на которых предлагаются «разные эротические и фантастические произведения»⁶⁷.

В течение зимы 1864/65 г. почти во всех губернских городах Сибири читались публичные лекции. В Тобольске учитель гимназии Бильдинский прочитал семь лекций по истории русской литературы, в Иркутске Н. С. Щукин читал лекции об иркутской старине⁶⁸.

Таким образом, в эти годы чтение публичных лекций становится одной из форм агитационной деятельности сибирского демократического лагеря. Огромное значение лекций заключалось в том, что они способствовали пробуждению интереса к Сибири, росту самосознания и, самое главное, как правильно указывал енисейский штаб-офицер, разоблачали царское правительство, как «корень всего зла, существующего с древнейших и до настоящих времен, приписывая ему же все бедствия и застой в развитии в Сибири»⁶⁹.

⁶² Там же, л. 13.

⁶³ Там же, л. 15.

⁶⁴ «Сибирская жизнь», 19.V 1913.

⁶⁵ ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1863 г., д. 280, л. 120 и об.

⁶⁶ Там же, лл. 121—122.

⁶⁷ «Томские губернские ведомости», 22.I 1865.

⁶⁸ Там же, 26.V 1865.

⁶⁹ ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1865 г., д. 196, л. 95 об.

Местное начальство, придя к выводу, что чтение лекций может повлечь «потерю доверия к правительству», запретило публичные лекции в Сибири⁷⁰.

Просветительная деятельность сибирских демократов, кроме чтения публичных лекций, проявилась в устройстве школ, библиотек и т. д. и увлекала представителей различных слоев сибирского общества.

В Томске учителя гимназии пытались учредить общество грамотности. Д. Л. Кузнецов организовал при гимназии публичную библиотеку, Е. Я. Колосов открыл частную школу. Он завязал знакомства с семинаристами, раздавал им книги из своей библиотеки, в которой были и книги по истории и политической экономии. Этим же в Томске занимался Пичугин⁷¹. С. С. Шашков совместно со смотрителем Красноярского духовного училища Тютюковым и врачом богоугодного заведения Лазаревым открыли в Красноярске частную школу для мальчиков и девочек⁷². В Омске Ф. Н. Усов свою деятельность сосредоточил на агитационной работе среди войска и устройстве казачьей публичной библиотеки. Это была первая публичная библиотека в Омске. Ею пользовались все жители города⁷³.

Распространение в эти годы получают и публичные спектакли. Собранные как с литературных вечеров, так и со спектаклей деньги высылались нуждающимся студентам-сибирякам, но только тем, которые по окончании курса дали слово вернуться на родину⁷⁴.

Находясь в Томске, Г. Н. Потанин ведет переписку и поддерживает связи со многими лицами в Сибири и вне ее. В письме к А. Шайтанову Г. Н. Потанин делает ему наставления «не увлекаться науками, а изучать законы революции и реакций политических»⁷⁵. Ф. Н. Усову в Омск Г. Н. Потанин писал: «Надо объединять Сибирь. В своих статьях бейте на эту цель, рисуйте горячим патриотом Сибири, будучи казаком. Это возбuditельно будет действовать на остальных сибиряков. Для возбуждения же своих делайте намеки о значительной роли, которую придется играть войску впоследствии в сибирской истории»⁷⁶. Переписка Г. Н. Потанина этих лет свидетельствует о его углубленном изучении философии, политэкономии, трудов русских революционных демократов. Он просил своих друзей прислать ему сочинения Фейербаха, Ренана, Прудона, статьи А. И. Герцена о философии, революции и социализме⁷⁷.

* * *

Члены «Молодой Сибири», сознавая всю силу печатного слова, еще в Петербурге лелеяли мысль об издании сибирской газеты «для проведения наших идей»⁷⁸.

Д. Л. Кузнецов, сделавшись редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей», проявил много настойчивости, всеми средствами стараясь организовать местные силы для работы в этом, единственном тогда в Томске, органе печати. Это была первая газета, в которой «Молодая Сибирь» выступила печатно. В течение нескольких месяцев 1864—1865 гг. в ней появляются статьи Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, А. П. Щапова, Ф. Н. Усова и др. Эти статьи являются выражением идеологии сибирского демократического лагеря 60-х годов XIX в.

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экзп., 1865 г., д. 196, лл. 5 об.—6.

⁷¹ «Сибирская жизнь», 12. I 1914.

⁷² ЦГАОР, ф. 109п, 1 экзп., 1864 г., д. 267, лл. 3 об.—4.

⁷³ «Сибирская жизнь», 12. I 1914.

⁷⁴ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экзп., 1865 г., д. 196, л. 5.

⁷⁵ Там же, л. 6 об.

⁷⁶ Там же, л. 15 об.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ «Сибирская жизнь», 5. I 1914.

в той мере, в какой это было возможно сделать на страницах официальной прессы. Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и их сторонники, преследуя задачу пробуждения общественного сознания среди сибиряков, в своих статьях заостряли внимание на специфических сибирских вопросах и выступали с решительным разоблачением самодержавия.

«Наступает время, — писал Н. М. Ядринцев, — когда Сибирь должна подумать о своих интересах и своем будущем. Наступает время, когда она должна предъявить права свои на цивилизацию, доставшуюся в удел всему человечеству без климатических привилегий и ограничений». Целые столетия сыпались на Сибирь самые жестокие обвинения. Сибирь, указывал он, называли тундрой, неспособной ни к какой культуре, на нее смотрели, как на место для каторжников. «Словом, у сибирского народа отнималось его будущее, оспаривалось общечеловеческое право на цивилизацию и убивалась самая святая надежда на разумно-человеческое существование». Правление ставленников царизма — воевод, губернаторов — Н. М. Ядринцев определил как «мученическую историю» Сибири. Он разоблачал «повсеместный грабеж народа, житье в застенках, бесчеловечные казни, зверские убийства и истязания»⁷⁹.

Придерживаясь мнения, что огромная сила развития страны заключается в знании, сибирские демократы выступили с горячим призывом поднять народное образование, создать в Сибири городские и сельские школы, женские училища, библиотеки и читальни, книжные лавки и, главное, открыть университет. В прямой связи с развитием в Сибири образования, Н. М. Ядринцев ставил вопрос о роли и значении образованного молодого поколения. Указывая, что Сибирь до сих пор имела мало образованных людей, он призывал сибирское юношество, обучавшееся в российских университетах, возвращаться на родину для служения ей. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин призывали сибирское общество дать средства для обучения молодежи, посылать помощь для поддержания неимущих студентов, желавших возвратиться опять на родину⁸⁰. Образованной молодежи, утверждал Н. М. Ядринцев, принадлежит разработка и исследование страны, «воспитание и образование своих земляков и создание того заветного будущего, в котором заживет страна наша лучшею жизнью»⁸¹. Следовательно, задачу молодого поколения демократы видели в подготовке сибирского общества к борьбе с царизмом.

Большое значение Н. М. Ядринцев придавал местной литературе, которой, по его словам, «принадлежит роль указать будущее Сибири и вывести народ ее на путь цивилизации и исторического прогресса». Создание такой литературы, по мнению Н. М. Ядринцева, будет «зачатком осмысленной жизни и началом умственного развития масс»⁸². Практическое ознакомление с жизнью народа, его способностью к восприятию идей борьбы, с его стремлениями и инстинктами может изменить застывшие теоретические догмы и дать новые философские выводы. В этом Н. М. Ядринцев видел великую миссию провинциальной литературы⁸³.

Кроме задачи изучения жизни народа и воздействия на его развитие, вторая, не менее важная цель местной литературы — пробуждать коллективный интерес к данной местности. Каждая провинция, указывал Н. М. Ядринцев, в зависимости от географических, топографических и этнографических условий имеет местные вопросы. В одной провинции, писал он, необходимо развитие земледелия, в других — фабрик, в третьих — горного дела, там — вопрос о колонизации, здесь — об эмиграции, в иных местностях — вопрос «инородческий». Но ни в одной провинции,

⁷⁹ «Томские губернские ведомости», 8.I 1865.

⁸⁰ Там же, 5.II 1865.

⁸¹ Там же, 8.I 1865.

⁸² Там же, 5.III 1865.

⁸³ «Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину». Красноярск, 1918, стр. 225.

с сожалением отмечал он, эти вопросы еще не выяснены, потому что смешиваются с вопросами общегосударственного характера. «Указать эту связь вопросов каждой маленькой общины, деревни, города с высочайшими интересами человечества — вот воспитательное значение литературы»⁸⁴.

В своей публицистической деятельности Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин большое место уделяли показу экономической отсталости Сибири. «Сибирь пользуется всем привозимым, — писал Н. М. Ядринцев, — у нас нет мануфактуры и заводы ничтожны, мы пьем, едим и одеваемся чужими произведениями, мы не самостоятельный экономический народ, а эксплуатируемые массы»⁸⁵. Г. Н. Потанин отмечал, что «Сибирь — страна исключительно земледельческая, и в этом заключается одно из главных условий, задерживающих ее прогресс»⁸⁶. И Г. Н. Потанин, и Н. М. Ядринцев, видя в промышленном развитии не видя возможности ликвидации отсталости Сибири. Однако развитие промышленности они подчиняли исключительно интересам народа. Они полагали, что необходимо еще некоторое время существование капитализма, ибо у рабочих, у крестьян нет капиталов и фабрик они не создадут. Рабочему будет лучше получить впоследствии из рук буржуазии промышленность, чем не получить ничего. По мнению Н. М. Ядринцева, «еще не пробил час войны с буржуазией». Буржуазия должна выполнить свою роль в развитии народа. Она должна сгруппировать рабочих, создать заводы и фабрики. И кончив эту задачу, «уступить место общинной, артельной организации в силу новых условий и новых потребностей»⁸⁷. В развитии сельского хозяйства Н. М. Ядринцев также придавал первенствующее значение общине, которая, по его мнению, «может заменить проектируемых земледельцев в скоплении богатства, в образовании народного капитала [...]. Община одна способна водворить в Сибири рациональное хозяйство»⁸⁸.

Выступая сторонником промышленного развития Сибири, Н. М. Ядринцев в то же время резкой критике подвергает сибирское купечество, буржуазию, обвиняет ее в невежестве, косности, замкнутости, отсутствии умственной жизни, в испорченности нравов⁸⁹. Чувства «демократической массы и поднятие ее умственного уровня», говорит он, должны быть противовесом влиянию развивающейся буржуазии. Повышение образования, особенно создание университета, будет способствовать, по мнению Н. М. Ядринцева, развитию интеллигенции не в буржуазном, а в демократическом духе. Эта демократическая интеллигенция в союзе с народом будет той силой, которая «даст новую демократическую окраску обществу и укажет направление жизни и ее строя»⁹⁰. Широко знакомый с экономической и политической литературой этих лет, в том числе с трудами К. Маркса, Н. М. Ядринцев в силу социально-экономической отсталости России в целом и Сибири в частности не смог еще понять основ научного социализма. Он боялся классовой борьбы, создания партий, «могущих только раздробить общественную силу». В борьбе против буржуазии он видел опасность розни, обессиливающей массы и признающей слабость народа, а не силу⁹¹. Взгляды Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина об экономическом развитии Сибири свидетельствуют, что сибирский демократический лагерь рассматривал буржуазный строй как необходимый этап в развитии Сибири, смутно представляя дальнейший ход борьбы с буржуазией.

⁸⁴ «Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину», стр. 226.

⁸⁵ «Томские губернские ведомости», 8.I 1865.

⁸⁶ «Сибирские записки», 1918, № 1, стр. 46.

⁸⁷ «Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину», стр. 129.

⁸⁸ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1881, стр. 79.

⁸⁹ «Томские губернские ведомости», 5.II 1865.

⁹⁰ «Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину», стр. 130.

⁹¹ Там же, стр. 131.

Для понимания и раскрытия идеологии сибирского демократического лагеря огромное значение имеют две рукописные прокламации. Одна из них, «Сибирским патриотам», была отобрана при обыске у учителя Иркутской гимназии Н. С. Щукина. Другая, под названием «Патриотам Сибири», была найдена в Омске. Первая из них более пространна и, как справедливо замечено чиповником III отделения, — главная⁹². Ни следствие, ни судебный процесс не установили авторов прокламаций.

Относительно происхождения этих листовок имеются свидетельства Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Н. Н. Пестерева, С. С. Шашкова. «Перед моим отъездом из Петербурга стало выходить много прокламаций, — писал Г. Н. Потанин. — Эти обстоятельства и меня привели к мысли об областной сибирской прокламации». Отрицая в комиссии свою осведомленность относительно предъявленной ему прокламации, Г. Н. Потанин вместе с тем заявил, что в прокламациях не много такого, что не было бы ему обязано своим происхождением⁹³.

В следственной комиссии Н. М. Ядринцев и С. С. Шашков показали, что сибирскую листовку они видели в Петербурге⁹⁴. С. С. Шашков же заявил, что им по почте в Петербурге была получена прокламация, написанная на почтовой бумаге измененным почерком на манер печатного. Ее он показал Н. М. Ядринцеву, который списал текст. При отъезде в Сибирь С. С. Шашков, хотя якобы и боялся взять ее с собой, захватил, однако, положив в бумажник, и потерял вместе с деньгами в Иркутске⁹⁵. О существовании прокламаций у петербургских студентов сообщил в своих показаниях Н. Н. Пестерев, привлеченный к следствию «Каракозовской комиссией»⁹⁶. Эти свидетельства, а также анализ содержания прокламации «Сибирским патриотам» убеждают нас, что она была создана в кругу петербургских студентов-сибиряков⁹⁷.

По своему содержанию обе листовки написаны в духе прокламационной литературы 60-х годов. Поскольку в Сибири не было крепостного права, они не содержат лозунга борьбы за землю. Вся сила агитации в них направлена против правительства.

«Неспособность петербургского правительства разумно и либерально управлять подвластными ему народами, его тупоумие и недобросовестность признаны всеми честными людьми», — говорилось в прокламации «Сибирским патриотам». Далее подчеркивалось, что в Сибири, в силу ее отдаленности от центра управления, «тиранство, самодурство могут безнаказанно проявляться в полном блеске своего отвратительного величия»⁹⁸. Правительство же превратило Сибирь в место ссылки, сделало ее пугалом русского народа, громадным острогом, у дверей которого стоит русский царь с кнутом в одной руке и с кружкой для сбора денег в другой⁹⁹. В прокламации разоблачался грабительский характер политики царского правительства в отношении Сибири. Народ Сибири, указывалось в тексте, частью был превращен царизмом в подзаводных крестьян, частью «закабален» в казаки. Правительство «обирает Сибирь посредством тяжелых податей и палогов», — говорилось далее. Природные богатства Сибири — металлы, золото, пушной промысел — сделались достоянием разбойничьего общества Российско-американской компании,

⁹² ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 154, л. 145.

⁹³ Г. В. Круссер. Указ. соч., стр. 70.

⁹⁴ Там же, стр. 83.

⁹⁵ Там же, стр. 95.

⁹⁶ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 302, ч. 4, л. 105 об.

⁹⁷ Упоминание в прокламации «Центрального народного комитета» и ожидание всероссийского выступления позволяют датировать ее началом 1863 г., между выходом «Свободы» № 1 и весной 1863 г., датой предполагавшегося восстания.

⁹⁸ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1865 г., д. 196, л. 72.

⁹⁹ Там же, л. 73.

лишившего Сибирь выгодного пункта торговой деятельности. В прокламации затрагивался важный для Сибири вопрос о коренном населении. В ней отмечалось, что в результате всевозможных повинностей, чиновничьих и миссионерских грабежей, запрещения свободной торговли происходит постепенное вымирание коренных народов Сибири, что еще более ослабляет малонаселенную Сибирь¹⁰⁰. Резкой критике подвергалось административно-чиновничье управление, члены которого «налетают на Сибирь, подобно стае хищных птиц, и, насытившись вдоволь, покидают ее навсегда». Под игом «навозных кровопийц» Сибирь представляет собой, говорится далее в прокламации, разоренные деревни, ограбленные семейства: «Повсюду грабеж, разбой, кровь, стон и слезы»¹⁰¹. Вся эта пространная часть критики самодержавия подводила к обоснованию требования самостоятельности Сибири и установления республиканского строя: «Отдаленность Сибири и географическое положение ясно указывают на необходимость ее самостоятельности. Тогда только пойдет она вперед с американской быстротою, когда сделается независимой от враждебного его правительства, когда станет республикой со своим выборным из сибирского народа правительством, со своей администрацией, финансами и войском»¹⁰².

Как же представляла группа сибирских демократов борьбу с царизмом? «Мы знаем, — писали они, — что российский народ страдает так же, как и сибирский, мы знаем, что он уже заявил свои требования на свободу и явился борцом против общих притеснителей наших, его вдохновенные сыны, глашатаи свободы и правды, не раз умирали в наших рудниках, теперь они имеют уже целую организованную противоправительственную партию в лице русского Центрального народного комитета, поставившего своей целью всеобщее восстание для освобождения всей нашей русской империи. Мы, сибиряки, братски подаем руку российским патриотам для совокупной борьбы с нашим врагом. По окончании ее Сибирь должна будет, созвавши свое народное собрание, определить свои будущие отношения к России. Это ее неотъемлемое право»¹⁰³. Это, столь важное по своему значению, место прокламации до сих пор авторами, касавшимися так или иначе вопроса об общественном и революционном движении Сибири, обходилось молчанием¹⁰⁴. Между тем для оценки идеологии сибирского демократического лагеря, для понимания того, какое содержание вкладывалось им в лозунг независимости Сибири, эта часть прокламации имеет первостепенное значение. Прежде всего она свидетельствует, что петербургский сибирский кружок рассматривал выступление в Сибири как составную часть общероссийского революционного выступления, в результате которого должен был быть решен вопрос о Сибири и ее дальнейших путях развития. «Но если, — говорилось далее в прокламации, — Россия замедлит своим освобождением, если она помирится на уступках подлого правительства, мы смело пойдем добывать одну свободу и силой вырвем нашу независимость»¹⁰⁵. Таким образом, вопрос о самостоятельном выступлении Сибири ставился на второе место, в зависимость от русского революционного движения.

Революционеры Сибири, выдвигая требование независимости Сибири, имели в виду отделение от царской России. Но конечной целью их было не обособление Сибири от России, а соединение ее освобожденного на-

¹⁰⁰ ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1865 г., д. 196, лл. 72—75.

¹⁰¹ Там же, л. 76 об.

¹⁰² Там же, лл. 78 об.—79.

¹⁰³ Там же, л. 79 и об.

¹⁰⁴ Кроме А. А. Шилова, который в статье «Общество Независимости Сибири» 1865 г. цитирует это место, никак не комментируя его («Вольная Сибирь», 3.III 1918).

¹⁰⁵ ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1865 г., д. 196, л. 92 и об.

рода и всех свободных народов России в единую семью. Н. М. Ядринцев верил, что «скоро настанет день, «когда пароды, распри позабыв, в великую семью соединятся». И в этой семье народ Сибири будет таким же цивилизованным и Сибирь такую же богато развитой экономически, как и все прочие»¹⁰⁶.

Сибирские революционеры отдавали себе отчет в том огромном значении, которое может иметь самостоятельное движение в Сибири и его победа. «Вспомните, — писали они, — что Сибири, быть может, выпадет на долю первой из славянских племен осуществить великую идею демократической республики. Вспомните, что наша независимость будет иметь такое же великое значение в истории нашей и в истории человечества, как независимость Соединенных Штатов Америки»¹⁰⁷. Сибирский демократический лагерь твердо верил, что «в Сибири, населенной потомками эмигрантов, изгнанников, непокоренных стрельцов, опальных раскольников, в Сибири, не имевшей никогда дворянства как сословия и крепостного права, высоко развито чувство свободы, и поэтому легко и прочно может водрузиться священное знамя независимости, свободы и прогресса!» Сибирские демократы рассчитывали, что в движении за свободу и независимость Сибири примут участие и раскольники, и коренные народы, и крестьяне, и приисковые рабочие, и забайкальские казаки, «все эти несчастные жертвы правительственного деспотизма»¹⁰⁸. Отсюда видно, что сибирские революционеры, решая вопрос о движущих силах восстания, ориентировались на широкие народные массы Сибири при организующем участии радикальной интеллигенции и прежде всего молодого образованного поколения. Наиболее революционными из всех этих групп населения они считали рабочих. В своих показаниях Г. Н. Потанин заявил: «Революционная масса Сибири состоит из приисковых рабочих и рабочих на казенных алтайских заводах». Сибирский пролетариат немногочислен, указывал Г. Н. Потанин, но положение его более бедственно, чем положение пролетариата в других странах. Фабричный пролетариат живет в населенных местностях, вблизи полицейской власти, приисковый — живет в глуши, в тайге, вдали от полицейской власти и попадает неизбежно в полную зависимость от хозяина, физическую и нравственную¹⁰⁹.

Прокламация «Сибирским патриотам», кроме критики правительства и призыва к борьбе с ним за независимость и создание республиканского строя, более развернутой программы не содержит.

Вторая, более краткая, прокламация «Патриотам Сибири», судя по ее содержанию, была написана в Сибири. По смыслу она в значительной степени совпадает с прокламацией «Сибирским патриотам». Но если первая, в пространной форме излагая основные программные положения, допускает излишне грубую форму, то вторая написана четким, прокламационным языком.

Первая часть листовки «Патриотам Сибири» также содержит резкую критику царизма: «Несостоятельность русского правительства управлять подвластными ему народами признана в настоящее время всеми благомыслящими и честными людьми России. День ото дня ненависть и недовольство императорством усиливается. Сибирь более, чем прочие части империи, прочувствовала всю тяжесть монархического гнета, всю силу притеснений и оскорблений, наносимых народу от ее самовластных правителей. С самого начала наша страна, будучи завоевана нашим народом для создания в ней независимой и свободной жизни, была незаконно

¹⁰⁶ «Томские губернские ведомости», 5.III 1865.

¹⁰⁷ ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1865 г., д. 196, л. 79 об.

¹⁰⁸ Там же, л. 91 об.

¹⁰⁹ Г. В. Круссер. Указ. соч., стр. 71, 76.

захвачена в руки жадных к обладаниям московских царей и самовольно присоединена ими, вместе с народом. В продолжение почти трех столетий в нее посылались воеводы и губернаторы, которые по своему произволу управляли ею, обирали и грабили, пытали и мучили, вешали и убивали несчастный наш народ. Вся история Сибири ознаменовалась страшными насилиями и злодействами царского чиновничества, да рядом политических и экономических стеснений»¹¹⁰. В следующей части прокламации с революционных позиций разоблачается политика реформ, проводившаяся царизмом. «Рядом с освобождением крестьян, — говорится в прокламации, — мы видим невинно пролитую крестьянскую кровь и отдачу необходимой крестьянам части земли помещикам. Рядом с облегчением, под громким именем освобождения от телесного наказания, мы видим ссылки и каторгу, мученья и казни лучших граждан, осмеливающихся говорить в защиту народа. Суля льготы, правительство разоряет народ свой увеличением податей, обременяет рекрутчиной, чтобы солдатам огрادیть право разбойничать и грабить своих подданных. Такому правительству нельзя верить, оно не друг, а злодей и палач народа! Его реформы есть низкая ложь и подлый обман!»¹¹¹

Разоблачая лживость самодержавия, авторы прокламации пишут о жестокой расправе с восставшей Польшей, выразив глубокое сочувствие польскому народу. «Суля милости, — говорится в листовке, — правительство передумало тысячи поляков; плодом его благодеяний у его ног лежит ограбленная, сожженная и окровавленная Польша»¹¹².

Центральной частью прокламации «Патриотам Сибири» является призыв к борьбе за независимость Сибири. Этот лозунг, по сравнению с текстом «Сибирским патриотам», получил здесь самодовлеющее значение. И это не случайно. Если первая листовка писалась в обстановке общероссийского революционного подъема, ожидания всеобщего восстания, то вторая была написана в условиях наступившей правительственной реакции, спада общественного движения, ликвидации общероссийской революционной партии «Земля и Воля», идейного шатания. Отдаленность Сибири, демократический характер населения, тысячи сосланных за участие в революционном и национально-освободительном движении создавали обстановку, при которой революционеры Сибири считали восстание возможным. Однако, не видя перспектив общероссийского восстания, они выдвинули как самостоятельный лозунг борьбу за независимость Сибири.

Развивая федеративную теорию в применении к Сибири, Г. Н. Потанин и его единомышленники приходили в увлечении к ошибочному выводу об «особых» путях развития Сибири.

А. П. Шапов и Г. Н. Потанин не менее ошибочно считали, что смешивание русского населения с коренными народами Сибири должно дать особую этническую группу, отличающуюся в расовом отношении от великорусов.

Из идеи о свободном самоуправлении областей и федеративном устройстве у сибирского демократического лагеря появилась мысль о возможности самостоятельного существования Сибири. Постановку вопроса об отделении Сибири сибирские демократы объясняли особенным географическим положением, особенной территорией, особенной производительностью, особенными экономическими интересами, а вследствие этого — потребностью особенной политики¹¹³. Они надеялись своими силами совершить революционный переворот и полностью перестроить общественные отношения. Демократический состав общества, говорилось в прокламации, на

¹¹⁰ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1865 г., д. 196, л. 23 и об.

¹¹¹ Там же, л. 24 и об.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, л. 25.

началах пародного самоуправления особенно благоприятствует созданию в Сибири республики¹¹⁴.

В прокламации «Патриотам Сибири» намечалась конкретная деятельность, необходимая для осуществления революционного переворота. «В настоящее время, — указывалось в тексте, — основывается и организуется общество «Независимость Сибири» [...]. Именем этого общества мы обращаемся к вам теперь, честные люди и граждане Сибири. От вас зависит будущее спасение вашей страны. Вы первые должны сказать слово правды народу, указав все злодейства и казни, делаемые в стране вашей, и обнаружить всю ложь лживых обещаний врагов народа. Вы должны предсказать лучшее будущее страны вашей и заявить интересы народа [...]. Вы должны воспитать молодое поколение в любви к своей родине, в надежде на ее освобождение и создать из него свободных граждан, а не рабов императорства. Вы должны указать путь освобождения, проповедуя восстание, вы должны и подготовить это восстание. Для этого сближайтесь, — говорилось далее, — преданные люди страны, знакомствами, не показывая вида и цели вашего сближения, деятельной пропагандой здравых политических и экономических идей. Увеличивайте свою партию, заводите сношения с другими городами, деревнями и приисками. Устраивайте тайные типографии и литографии для свободного слова. Сбирайте деньги на революционные цели. Общество «Независимость Сибири» путем организации будет соединять вас и помогать вам; когда таким образом соединятся все преданные люди страны в одну общую организацию, когда мы будем довольно сильны, когда народ наш будет готов на борьбу, когда враги наши всего менее будут ожидать восстания, тогда мы развернем и поднимем знамя войны за независимость и свободу Сибири и, сильные верой в свою лучшую судьбу, поведем народ наш»¹¹⁵.

Таким образом, из прокламации «Патриотам Сибири» видно, что сибирские демократы большое внимание уделяли подготовке революционного выступления. Выше уже говорилось о той широкой культурно-просветительной работе, которая развернулась по всей Сибири и способствовала мобилизации всех антиправительственных сил, пропаганде среди народа революционных идей. В прокламации содержится призыв к созданию тайного общества. Имеется ряд указаний на возникновение в это время революционных кружков. Так, например, к польским ссыльным обратились представители военного кружка, центр которого находился в Омске, с предложением принять участие в подготовляемом в Сибири восстании¹¹⁶. В Енисейской губернии к польским ссыльным обратились русские революционеры с просьбой помочь создать организацию, выразив при этом уверенность, что те поддержат восстание в Сибири¹¹⁷. По свидетельству другого мемуариста, в Красноярске в местный кружок входили и поляки¹¹⁸. Г. Н. Потанин указывал, что в первые же дни существования кружков деятельность их была прервана арестами¹¹⁹.

Итак, листовки сибирского демократического лагеря «Сибирским па-

¹¹⁴ Нужно отметить, что в отношении требования отделения Сибири от России единодушия в сибирском демократическом лагере не было. Г. Н. Потанин в следственной комиссии заявил, что Д. Л. Кузнецов не соглашался с этой идеей, оспаривал ее также Е. Я. Колосов (Г. В. Круссер. Указ. соч., стр. 66).

¹¹⁵ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экз., 1865 г., д. 196, лл. 26—27.

¹¹⁶ H. Samborski. Wspomnienia z powstania 1863 roku i pobytu na Syberii. Warszawa, 1917, str. 59.

¹¹⁷ Dr. J. J. Wspomnienia z dalekiej północy. Krosno, 1909, str. 91. Цит. по: М. Janik. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928, str. 361.

¹¹⁸ Pamiętniki pułkownika Walentego Lewandowskiego, naczelnika cywilnego i wojskowego na województwo podlaskie i lubelskie. Sprawozdanie Zarządu Muzeum Narodowego Polskiego w Rapperswilu za r. 1908. Paryż, 1909, str. 80.

¹¹⁹ Г. Н. Потанин. Нужды Сибири. В кн.: «Сибирь, ее современное положение и ее нужды». СПб., 1908, стр. 270.

триотам» и «Патриотам Сибири» содержали радикальную программу борьбы с царизмом и достижения главной цели — изменения политического строя.

* * *

Таким образом, влияние передовой общественной и революционной мысли конца 50-х—начала 60-х годов на формирование идеологии сибирских демократов, основные черты их мировоззрения, глубокое сочувствие страданиям народов и защита их интересов, постановка вопроса о борьбе за независимость Сибири именно в рамках ожидаемой общероссийской революции — все это позволяет сделать вывод, что общественное и революционное движение Сибири этих лет является составной частью общероссийского революционно-демократического подъема.

Отсутствие во взглядах сибирского демократического лагеря идей утопического социализма позволяет отнести его представителей к группе революционно-демократического направления без социалистической окраски, имевшей место в русском революционно-демократическом движении конца 50-х—начала 60-х годов.

Ряд положений — о самобытности Сибири, о создании особой народности, сама идея самостоятельности Сибири, несмотря на конкретные условия, объяснявшие ее появление, — был ошибочным, а последующее развитие сделало их вредными и реакционными.

Но в 60-х годах сибирский демократический лагерь все же не противопоставлял себя общероссийской революционной демократии, выступал как ее составная часть в борьбе против самодержавия. Он сыграл большую прогрессивную роль, провозгласив своим лозунгом мобилизацию сибирской интеллигенции на борьбу за экономический и культурный подъем Сибири, сделался центром объединения и сплочения всех передовых сил Сибири, способствовал оживлению общественной жизни Сибири и пробуждению самосознания.

Деятельность сибирского демократического лагеря по времени совпала с массовой ссылкой в пределы Западной и Восточной Сибири участников революционного и национально-освободительного движения. Наличие демократического лагеря создало в Сибири обстановку, при которой стала возможной реализация революционных планов ссыльных и подготовка восстания. Вопрос о революционной деятельности ссыльных в Сибири в 1863—1866 гг. является большой самостоятельной темой, ряд проблем которой в последнее время разрабатывался в исторической литературе.

Вывранные из огня восстания, оторванные от сражающейся родины, ссылаемые на многие годы тяжелой мучительной жизни, польские повстанцы несли за Урал жажду свободу, звали к борьбе за нее. В Тобольске летом 1864 г. возникает организация польских ссыльных под названием «Товарищество взаимной помощи» во главе с комитетом, получившим наименование «Владзы Народовой»¹²⁰. Члены этой организации должны были вести широкую агитационную работу по всей Сибири¹²¹. В Томске, который был центром деятельности сибирского демократического лагеря, организация получает свое дальнейшее развитие и поддержку томской прогрессивной общественности¹²².

¹²⁰ Z. Minejko. Wspomnienia. Biblioteka Jagiellońska, rkp. № 7092, t. VII, стр. 190—191.

¹²¹ Н. П. Митина. Из истории русско-польских революционных связей в Сибири в 1864—1866 гг. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 644—651.

¹²² Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова. Русско-польские революционные связи в подполье и ссылке (1864—1866). «Русско-польские революционные связи», т. II, стр. 577, 609—628, 646.

Отличительной особенностью революционной деятельности ссыльных было стремление к сближению с сибирским народом и установлению связей с русскими революционерами. Тяга к революционному сотрудничеству наблюдалась с обеих сторон. Русские революционеры видели в польских ссыльных огромную революционную силу, способную принять активное участие в борьбе против царизма. Сосланный в начале 1864 г. в Сибирь, видный деятель польского национально-освободительного движения Валентий Левандовский в своих мемуарах отмечает, что от Казани до Красноярска представители русского революционного лагеря устанавливали с ним контакты, вели переговоры о совместной дальнейшей борьбе с царизмом ¹²³.

После раскрытия сибирского демократического лагеря весной 1865 г., массовых арестов и репрессий центр революционной деятельности передвигается из западных районов Сибири на восток, в частности в Енисейскую губернию, где летом и осенью 1865 г. находились видные деятели русского и польского революционного движения — П. А. Беневоленский, П. Н. Освальд, В. Левандовский, П. Ляпдовский, Ю. Шленкер, Ю. Ратышский и др. Осенью в красноярскую тюрьму прибывают Н. А. Серпо-Соловьевич, Ветошников и Владимиров.

Здесь осенью 1865—зимой 1866 г. организация ссыльных получает свое завершение, превратившись к этому времени в русско-польскую революционно-демократическую организацию, известную под названием Красноярско-Канской. Ею создаются организационные и идеологические документы, в которых содержится открытый призыв к восстанию. Выступление намечалось на весну 1866 г. и рассматривалось как составная часть общероссийской революции ¹²⁴.

К этому времени в революционном подполье Москвы и Петербурга происходит значительная перестройка. В своих программных документах революционеры центрального подполья основной целью своей деятельности выдвинули борьбу за установление социальной республики революционным путем. Вполне вероятно, что благоприятные вести из Сибири могли способствовать активизации деятельности революционеров Петербурга и Москвы. Петербургские революционеры обращаются в Сибирь с предложением объединить общие усилия и придать революционной работе «единое направление и цель» ¹²⁵.

Таким образом, лозунг самостоятельной борьбы за независимость, выдвинутый сибирским демократическим лагерем в 1864 г., просуществовал недолго. И этому в значительной мере способствовала революционная деятельность ссыльных.

Как известно, широкие революционные планы этих лет были сорваны. Однако вспыхнувшее в июне—июле 1866 г. на берегах озера Байкал восстание польских ссыльных явилось прямым результатом предшествующей совместной деятельности русских и польских революционеров ¹²⁶.

¹²³ «Pamiętniki pułkownika Walentego Lewandowskiego...», str. 79.

¹²⁴ См. «Литературное наследство», т. 62, стр. 552—570; «Русско-польские революционные связи», т. II, стр. 553—567.

¹²⁵ «Русско-польские революционные связи», т. II, стр. 575, 623.

¹²⁶ В. Р. Лейкина-Свирская. О характере восстания ссыльных поляков на Байкале в 1866 г. «Исторические записки», т. 72. М., 1962, стр. 229—245; H. Skok. Powstanie polskich zesłańców za Bajkałem w r. 1866. «Przegląd historyczny», 1963, t. LIX, z. 2, стр. 244—267; С. Ф. Коваль. «Метеор» — рукописный журнал польских ссыльных в Сибири. «Русско-польские революционные связи и восстание 1863 г.». М., 1962, стр. 460—478; Н. П. Митина. Материалы к истории Кругобайкальского восстания польских ссыльных в июне—июле 1866 г. «К столетию героической борьбы „За нашу и вашу свободу“». М., 1964, стр. 351—435.

Т. Ф. Федосова

**ПОЛЬСКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(1855—1863 гг.)**

В 40—50-х годах XIX в. большое число польской молодежи вливается в русские высшие учебные заведения и образует в них студенческие общества взаимопомощи — огулы¹. Огулы возникли в Дерптском, Петербургском, Киевском, Харьковском, Московском, Казанском университетах и других высших учебных заведениях. По своему социальному составу и политическим течениям они в известной степени воспроизводили польское общество тех лет. Будучи тесно связанными с польскими патристическими и революционными организациями, огулы испытывали вместе с тем влияние революционно-демократического движения в России. Современники отмечали большое значение этих обществ в развитии польского национально-освободительного движения, особенно его революционной и демократической струй².

Интерес к изучению Московского огула определяется рядом обстоятельств. Во-первых, это была одна из самых крупных и активных организаций польских студентов, члены ее принимали участие как в подготовке восстания 1863 г., так и в самом восстании. Во-вторых, в Московском огуле более ярко проявились революционные и демократические настроения. В рамках огула возникло тайное общество, деятельность которого продолжалась и после восстания 1863 г. В-третьих, изучение истории этой организации в период общественного подъема конца 50-х—начала 60-х годов дает дополнительный материал для характеристики русско-польских революционных связей. Сохранившаяся часть архива Московского огула проливает свет на деятельность не только самого огула, но и других польских организаций в России и за границей, поскольку он поддерживал с ними тесный контакт.

Специальных работ, посвященных деятельности студенческих польских организаций в России, очень мало. Лишь в последнее время эта тема привлекла внимание историков³.

¹ Ogół — общество, совокупность (польск.).

² Я. Гейштор. Исторический взгляд на восстание (см.: ГИП, ф. 629, папка 13, стр. 34); «Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864 r.», t. IV. Lwów, 1894, стр. 8—11.

³ W. Sulewski. Młodzież w powstaniu styczniowym. «Walka młodych», 1955, № 1; M. Wierchowiski. Z zagadnień współpracy młodzieży studenckiej polskiej i rosyjskiej w latach 60-tych. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1955, № 4; И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX в. М., 1954; Т. Г. Смытко. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. В сб.: «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 176—322; С. А. Ла-

С конца 50-х годов в III отделении с. е. и. в. канцелярии откладывались сведения, свидетельствовавшие о существовании в Московском университете польской студенческой организации, а также вещественные доказательства ее деятельности. В III отделении и так называемой голыцинской комиссии возник ряд следственных дел. В 1864 г. жандармерией были обнаружены часть библиотеки и архив Московского огула⁴. Этот документальный комплекс представляет большой интерес для исследователя, так как документы, отложившиеся хотя неполно и неравномерно, позволяют представить внутреннюю жизнь польского студенческого общества в Москве. Незначительная часть архивных документов была использована и опубликована ранее⁵.

Большой материал опубликован в недавнее время⁶. Известный интерес представляют мемуары Г. Реутта, Ю. Янковского, Т. Корзона, Б. Липановского, М. Маркса⁷.

* * *

В 1848 г., по агентурным донесениям, в Москве вокруг студентов братьев Александра и Станислава Деспот-Зеновичей, родом из Вильно, возник кружок. В их доме собирались студенты-поляки, ксендзы и другие лица. Посещали Деспот-Зеновичей студенты М. Бужинский, Ф. Салатка, Петриц, В. Бартошевич, А. Халупчинский, Гурский, Подгурский, гр. Радзивилл, гр. Э. Чапский и др.⁸ Можно предположить, что именно эта группа являлась одной из ячеек «Союза литовской молодежи» в Москве. В воспоминаниях А. Далеvской сообщается, что после разгрома организации весной 1849 г. ячейки «Союза» продолжали свою деятельность. Л. Савицкий и Л. Маткевич организовали студентов-поляков в Московском университете по плану, разработанному Фр. Далеvским⁹. Речь, по-видимому, идет о создании среди студентов-поляков Московского университета студенческой организации — огула. Действительно, в 1849 г. в Московский университет поступил Леопольд Савицкий, а в 1850 г. — Фердинанд Маткевич¹⁰. В первой половине 1850-х годов часть студентов-поляков была объединена в огул, имевший студенческую кассу для бедных, банк и две библиотеки: одну из книг, запрещенных цензурой, другую — из легальных.

Т. Корзон, поступивший в Московский университет в 1855 г., пишет, что, приехав в Москву, он застал там большую «громаду» польской молодежи, студентов, вольнослушателей, «футуров»¹¹. О «начале» существовавшего среди студентов огула никто не помнил, пишет Т. Корзон¹². Следовательно, можно считать, что огул возник в самом начале 50-х годов.

з у т к а. Революционная ситуация в Литве 1859—1862 гг. М., 1961; А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши. М., 1962.

⁴ Историю того, как был обнаружен архив и библиотека огула, см.: ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 81а. В настоящее время сохранившаяся часть архива огула находится в ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, д. 23—53 и хронологически охватывает период 1856—1863 гг.

⁵ Часть материалов этого архива использована Т. Г. Снытко в указанной работе.

⁶ См. «Русско-польские революционные связи» (в дальнейшем — РПРС), т. I—II. М., 1963.

⁷ B. Limanowski. Pamiętniki, t. I. Warszawa, 1957; «W czterdziesta rocznicę powstania styczniowego 1863—1903». Lwów, 1903; T. Korzon. Mój pamiętnik przedhistoryczny. Kraków, 1912; М. Маркс. Записки старика. Библиотека АН УССР (Львов). Отдел рукописей, ркп. 3453.

⁸ ГИА г. Москвы, ф. 46, оп. 1, 1848 г., д. 278, 288.

⁹ В. Б. Бикulich. Воспоминания А. Сераковской (Далеvской) и другие материалы о З. Сераковском в ЦГИА Литовской ССР. В сб.: «К столетию героической борьбы за нашу и вашу свободу». М., 1964, стр. 66.

¹⁰ В воспоминаниях А. Далеvской у Маткевича, вероятно, ошибочно указан инициал «Л», а не «Ф».

¹¹ «Футурам» называлась молодежь, не поступившая в университет и оставшаяся в Москве для подготовки.

¹² Т. Korzon. Указ. соч., стр. 61.

Первоначально в его организации большую роль играли профессора Московского университета Г. Гивартовский и Г. Визинский. По словам Т. Корзона, среди поляков-студентов из западных губерний, которых было большинство, различались две группы: «белорусская» и «литовская»; последняя преобладала. Студентов из Царства Польского и юго-западных губерний было немного; они были более обеспечены, отличались даже внешним видом; беднейшее студенчество объединяло их словом «nieszpornicy»¹³. Основная масса поляков-студентов училась на медицинском факультете и жила в районе Трубной площади, Цветного бульвара, более обеспеченные жили в районе Арбата¹⁴.

Вплоть до конца 1861 г. огул объединял примерно 200 студентов; большинство их составляли медики. В огул входили и поляки-студенты из других учебных заведений, например, из Художественной школы. В 1856/57 учебном году в огуле из 170 членов было 100 медиков, 70 человек — с других факультетов; в 1857/58 учебном году из 235 членов — 120 медиков, 115 — с других факультетов¹⁵.

Огул делился на восемь групп. Пять курсов медицинского факультета составляли пять групп, физико-математический, историко-филологический и юридический факультеты — три группы. Каждая из групп выбирала кассира и библиотекаря, собрание которых составляло Раду огула¹⁶.

Студенческая касса огула составлялась из ежемесячных взносов. Платили все члены огула, кто сколько мог. Размер взносов был различен, большинство платило от 25 до 75 коп., реже 1 руб., 1 р. 25 к., 1 р. 75 к., взносы в 2 и 3 руб. единичны. В студенческую кассу поступали и небольшие взносы от лиц, уже окончивших университет и др.; туда же шли доходы от любительских концертов и лотерей, проводимых с целью поддержания кассы. Общая сумма ежемесячного поступления невелика. Для 1857/58 учебного года она составляла от 114 до 236 руб. в месяц¹⁷. Меньшие поступления падают на летние месяцы. Поступавшие деньги шли на помощь нуждающимся и на содержание библиотеки.

Кроме того, при огуле существовал так называемый «банк». В основу его легла либо кем-то пожертвованная, либо собранная (наиболее вероятно) в Литве сумма в 6 тыс. руб. Ежемесячно банк отчислял в кассу огула на оказание помощи нуждающимся 20 руб. и давал деньги главному кассиру в обмен на долговые расписки студентов, чтобы не задерживать выдачу вспомоществования, когда они не могли внести взноса вовремя. Кроме того, студент мог (при наличии поручителя) брать мелкие суммы в долг под процент: с 1 руб. — 3 коп.; с 50 коп. — 2 коп.

Банк по требованию Рады выдавал деньги на нужды огула в долг, погашавшийся потом студенческой кассой. Единственным постоянным доходом банка были проценты с долговых расписок и долгов. Но долги возвращались плохо, тем более процент с долга. Сумма собственно банковских денег постоянно уменьшалась. Все деньги огула, студенческой кассы и библиотеки хранились в банке. Банк вел учет по всем правилам бухгалтерии: были журнал регистраций, книга прихода, расхода, долговая книга.

Выборы администрации огула, разрешение спорных дел, урегулирование вопросов, поднимаемых кассирами и библиотекарями групп, происходили на собраниях, которые устраивались у членов огула, имевших большие помещения. Для ведения собраний выбирались маршалки на определенный срок.

¹³ Nieszpornicy — вечера (польск.). Вероятно, этих студентов называли так за их чрезмерную религиозность.

¹⁴ Т. Корзон. Указ. соч., стр. 53—54.

¹⁵ ЦГАОР, ф. 112н, оп. 2, д. 34.

¹⁶ В. Limanowski. Указ. соч., стр. 136.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 112н, оп. 2, д. 34.

Т. Корзон вспоминает, что в середине 50-х годов собрания огула не были регулярными, но «были шумными, особенно если поднимались вопросы, касавшиеся судьбы Польши»¹⁸.

Первым известным нам главным радным (первое время он же главный кассир и банкир) был в 1856 г. Д. Бородзич. В 1858 г. главным радным был В. Шипло, в 1859 — Е. Бородзич, в 1861 г. — Т. Далевский. Касспирские в 1857—1859 гг.: Ю. Зданский, Обакевич, Шаблевич, Б. Длуский, Борзобогатый, Залеский, Мицкевич, Овчино, Гедимиш, Мацкевич, В. Шипло и др.¹⁹

Болеслав Лимаковский, бывший студентом Московского университета в 1854—1858 гг. и членом огула с 1857 г., пишет, что огул ставил своей целью «сближение между собой, поддержку бедных студентов, воспитание в национальном духе и подготовку к будущей гражданской и патриотической деятельности на родине», следил за нравственностью и патриотическими настроениями его членов²⁰. На особенно безнравственных, «космополитов» Рада налагала следующие наказания: 1) исключение из огула; 2) презрение и 3) письменную публикацию по месту его жительства. «Решено было, — показывает Б. Люгайло, — не сближаться с теми поляками, которые не принадлежат к обществу, и вообще оказывать им презрение»²¹. Из деятельнейших членов огула этого периода Т. Корзон и Б. Лимаковский называют фамилии К. Бошинского, Я. Карловича, Г. Буковского, Б. Длуского, Д. Боцарского, В. Голомберского, К. Хмелевского, В. Борзобогатого, Ю. Зданского и др.

* * *

После окончания Крымской войны, с оживлением общественной и политической жизни в России и Царстве Польском, с подъемом освободительного движения в Италии, в огуле усиливается стремление к деятельному участию в польском национально-освободительном движении. В эти годы через Москву из сибирской ссылки возвращались многие польские революционные деятели предшествующих лет: Ш. Токажевский, Г. Эренберг, А. Краевский и др. Здесь они посещали польскую студенческую колонию, получали от нее денежную помощь. Само появление ссыльных, беседы с ними заставляют молодежь задумываться о судьбе родины, о своих обязанностях по отношению к ней.

С 1857 г. обсуждаются проекты реорганизации огула, признается необходимость установления отношений с другими польскими студенческими организациями учебных заведений России, Царства Польского и Галиции, с эмигрантскими демократическими крутами. Среди студентов распространяются различные рукописные трактаты на эту тему²². В такой обстановке, надо полагать в 1857 г., в огуле и возникает перензбигаемый время от времени комитет, начавший играть в жизни польской студенческой колонии руководящую роль.

Для установления связи с Дерптским университетом туда переводится Б. Лимаковский, приславший сразу же в Москву несколько информации о деятельности Дерптского огула. Переписка с краковскими студентами ведется через студента В. Горт-де-Гротта. В Петербургском университете обучалось много студентов из Литвы и Белоруссии, связь с ними была постоянной и в момент их пребывания в Петербурге, и на родине. Но все польское студенчество обращало взоры в первую очередь на «край» и эмиграцию. «Корняжки» (уроженцы Царства Польского) — В. Голомберский и Я. Новодворский — устанавливают постоянные отношения с вар-

¹⁸ Т. Корзон. Указ. соч., стр. 62.

¹⁹ ЦГАОР, ф. 112и, оп. 2, д. 34.

²⁰ В. Limanowski. Указ. соч., стр. 135.

²¹ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 313, лл. 9—10.

²² В. Limanowski. Указ. соч., стр. 156.

павской патриотической группой Э. Юргенса, а позднее и с объединенным руководством групп Э. Юргенса, В. Голомберского и К. Маевского (так называемым триумvirатом). С момента выезда ряда членов огула в «легионы» Л. Мерославского можно говорить и об установлении в какой-то мере связи с эмиграцией. В последующие годы связь с эмиграцией, в частности с Я. Кужиной, поддерживалась через Варшаву, а также через организацию Фр. Далевого в Вильно.

К 1859 г. многие члены огула приходят к мысли о необходимости введения в огуле, в дополнение к факультативно-курсовому делению, еще обязательной кружковой, секционной структуры, считают необходимым создание среди членов огула ряда групп политического самообразования польской молодежи и подготовки их к сознательному и активному участию в развертывавшемся национально-освободительном движении.

Еще в 1857 г. член огула Юзеф Зданский, студент III курса медицинского факультета, организовал конспиративный по отношению к огулу кружок, «который своей целью ставил [...] изучение произведений польских писателей, подготовку к гражданской и патриотической деятельности по возвращении на родину, согласованность в общественных делах нашего огула, наконец, соответствующую пропаганду в этом направлении»²³. Этот кружок был кружком самоусовершенствования и в то же время конспиративно-пропагандистской группой. По воспоминаниям Б. Лимановского, бывшего членом кружка Ю. Зданского, в него входили, кроме Ю. Зданского и Б. Лимановского, брат Юзефа, Болеслав Зданский, Юлиан Догель, Ильдефонс Якубовский, Яворовский. Обязанностью Б. Лимановского в этом кружке было чтение лекций по польской истории и реферирование новых польских книг по истории. Под руководством Ю. Зданского издавалась небольшая газетка; членами кружка писались статьи, газетка размножалась и далее распространялась среди членов огула. Какого характера была газетка, можно примерно судить лишь по названиям статей, написанных для нее Б. Лимановским. Это перевод немецкой статьи о польском национально-освободительном движении 1831—1848 гг. и статья «О духовном раздвоении человека, выросшего в неволе». Кружком была даже организована литография²⁴.

Во второй половине 1859 г. в огуле начали создаваться секции.

Орган огула — «Газета польской молодежи» («Gazeta Młodzieży Polskiej»), которая стала выходить с осени 1861 г., — во втором номере писал: «Реорганизация огула путем введения секций произошла потому, что курсовая организация, имеющая в основе банк, библиотеку и студенческую кассу, была уже недостаточной для нашего коллектива. Будучи студентами чужого нам университета, мы не перестали быть политическим организмом; исходя из этого, организация секций должна была способствовать нашему политическому образованию, дать возможность обдумать пути, с помощью которых мы бы поняли как следует собственные задачи и могли бы в каждом случае поступать соответственно [...]»²⁵.

При организации секций не было определенных правил, обязывавших членов огула войти в определенный кружок-секцию. Секции составлялись без вмешательства администрации огула. Вероятно, объединялись поначалу студенты, хорошо знавшие друг друга по совместной учебе в гимназии, университете; играли также роль и родственные связи. По новому уставу в огул принимались при условии поручительства четвертой части секции. Секционный взнос равнялся четвертой части взноса в кассу огула. На собраниях одной секции не должны были присутствовать члены другой секции. Обсуждавшиеся вопросы никому не сообщались без разре-

²³ B. Limanowski. Указ. соч., стр. 148.

²⁴ Там же, стр. 153—154.

²⁵ ЦГАОР, ф. 109н, 1 экзп., 1862 г., д. 230, ч. 75, л. 6.

шения своей секции. Члены секции могли иметь личные тайны, которые не обязаны были сообщать ей²⁶.

Сведения о количестве, составе и деятельности секций псевдички. Всего секций было не более десяти, обозначались они померами. Известны лишь три: секция Ю. Зданского, Т. Далевского, Б. Колышко. Первым, после кружка Ю. Зданского, возник, в конце 1859 г., кружок Т. Далевского (секция № 1), не считая ранее существовавшего кружка Ю. Зданского.

При возникновении секция № 1 объединяла 29 студентов, в основном уроженцев Виленской губернии²⁷. В последующие годы состав этой секции уменьшился до 20 человек, так как одна часть студентов окончила университет, другая прекратила обучение. О секции, руководимой Б. Колышко, известно, что в нее входили также русские студенты. Очевидно, секции не были такими замкнутыми группами, как было указано в уставе огула, и вовлекали молодежь, не входившую в огул.

О деятельности кружка Б. Колышко сообщал член кружка, студент медицинского факультета С. И. Сычуг: «В это же приблизительно время (1860 г. — Т. Ф.) я случайно попал в польско-русский кружок, в котором, впрочем, русские едва ли составляли и $\frac{1}{4}$. Дебатировались здесь политические, национальные, а более — общественные и литературные вопросы. Кружков польских с ярко национальной окраской было несколько, но наш кружок отличался особенно примирительным настроением; поляки — искренне или нет, я не знаю — держали себя относительно нас терпимо, о пропаганде пока не заикались и вообще вели себя превосходно. Головой выше всех нас в этом кружке был студент Колышко. Это был человек замечательного ума, железной энергии, с громадной эрудицией, обладавший недюжинным даром слова и вдобавок пленительной красотой. Он знал мои взгляды на польский вопрос; я не раз в кружке говорил, что разделы Польши были крайне несправедливы и много омрачили славу Екатерины, но их трудно признать бесспорно свершившимися фактами; думать же о восстановлении Польши в границах 1772 г. просто безумно, тем более что в отторгнутых тогда областях польский особенно элемент составляет теперь ничтожный процент. Некоторые возражали мне, но Колышко вполне соглашался со мною и убедительно проводил мысль, что между славянскими племенами должна быть не рознь, а дружба, что особенно необходимо для противовеса немцам. Политическое учение его было разумно-умеренное; тут мы сходились почти во всем; разногласия бывали у нас только по вопросам общественным и частью литературным»²⁸.

Секции действовали в огуле около трех лет, в 1859—1861 гг., превращаясь по существу из кружков самообразования в политические революционные кружки, которые играли большую роль в сплочении польской студенческой массы, понимании ею своего долга перед родиной и необходимости подготовки к предстоящей борьбе за независимость.

Один из членов огула следующим образом характеризует Московский огул этих лет: «Если бы требовалось вкратце выразить наше направление умов, то я бы сказал, что мы трудимся и совершенствуемся для пользы нашего исключительно отечества. Благо нашей родины — вот идеал, вот та цель, к которой мы все стремимся разными путями, по освещенным

²⁶ ЦГАОР, ф. 112и, оп. 2, д. 29, лл. 30—32.

²⁷ ЦГАОР, ф. 112и, оп. 2, д. 37. В секцию № 1 вошли следующие студенты литовских губ.: Богушевич, Барапович Генрик, Баращевич Константин, Бжезинский, Чарновский Юлиан, Цехаповский Михаил, Далевский Тытус, Далевский Константин, Домбровский Феликс, Домбровский Конрад, Длуский Болеслав, Эйсмонт Игнатий, Геншель Константин, Янковский Юзеф, Косиловский Игнатий, Копець Юзеф, Корсак Адольф, Кмитта Петр, Макаров Даниель, Макаров Павел, Некрашевич Иоахим, Пацынко Эдвард, Просцевич Клеменс, Рымажевский Адам, Ручинский Станислав, Шарский Адольф, Шатковский, Томкевич Цезарий, Жуковский Вацлав.

²⁸ С. И. Сычуг. Записки бурсака. М.—Л., 1933, стр. 275—276.

одними и теми же идеями, одним и тем же духом. Московский университет первый выказал это нравственное стремление, Петербургский последовал его примеру, и в настоящее время [идет] сильное соревнование между тем и другим университетом относительно постановлений обществ, богатства библиотек и в особенности относительно усилий и степени развития членов общества. Но самый блистательный факт в нашем быту, факт, который обещает стране нашей более, чем могли бы для нее сделать мудрецы и гении, — это то братское единство, которое господствует между нами»²⁹.

Секционная структура огула, способствуя формированию взглядов его членов, в то же время содействовала их идейному размежеванию, и хотя, по словам современника, создавалась «всеполюсная горячая атмосфера», огул не был единым, возникли разные группы: «аристократическая и демократическая, монархическая и республиканская, католическая и «bezwyznaniowa», даже атеистическая, но без тесной организации, без крайней приверженности, проявляющие себя единственно в спорах о чертах будущей Польши»³⁰.

На формирование взглядов польского студенчества оказывали влияние оживившиеся с подъемом национально-освободительного движения демократические и либерально-шляхетские группировки на родине, а также издания демократической эмиграции, выступавшей с программой буржуазной революции, но проводимой с максимальным сохранением прав помещиков и помещичьего землевладения. Большое значение в предстоящей борьбе придавалось роли крестьянства. На первый план выдвигалась задача завоевания независимости Польши. Отказ от признания противоположности классовых интересов помещиков и крестьян приводил к пропаганде национального единства. Будущая Польша мыслилась в границах 1772 г.

Революционизирующее влияние на поляков-студентов оказывали выступления русских революционеров-демократов в «Колоколе» и «Современнике». Б. Лимановский писал: «Я всегда был революционно настроен, но в это время такое настроение значительно усилилось под влиянием сочинений Герцена и Добролюбова»³¹.

В 1859—1861 гг. огул значительно расширил свою библиотеку. В 1862 г. библиотека из запрещенных цензурой книг составила 825 томов (168 названий)³². Большинство книг в ней было на польском, немного на французском и немецком языках. В основном это была историческая литература, книги по истории Польши с момента ее разделов, книги по истории польской литературы и художественная литература. Часть книг касалась истории революционного движения во Франции, Венгрии, Чехии. Библиотека разрешенных цензурой изданий составляла 1085 томов (524 названия) на польском языке³³. В эту библиотеку, вероятно, входили гимназические учебники, необходимые для подготовки футуров в университет. Снималось отдельное помещение — кабинет для чтения газет и журналов. Выписывались «Czas», «Wiadomości Polskie», «Gazeta Warszawska». Студентами-«короняжами» в 1858 г. была организована еще библиотека с изданиями на французском и немецком языках. Главным организатором был В. Големберский, библиотекарями — Рыхловский и Я. Новодворский. Число книг в ней достигло 400. Библиотека была создана на средства отдельных студентов и формально не была собственностью огула³⁴. Кроме того, каждая секция на секционные взносы также заводила свою библиотечку.

²⁹ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 1, д. 1204, л. 2 об. (жапдармский перевод).

³⁰ Т. Korzoni. Указ. соч., стр. 61.

³¹ В. Limanowski. Указ. соч., стр. 135.

³² ЦГАОР, ф. 112и, оп. 2, д. 31, л. 7; д. 32.

³³ Там же, д. 31, лл. 3—4.

³⁴ Там же, лл. 5—6.

В это же время, с целью распространения патриотических и революционных сочинений среди студентов и на родине, огулом создается литография. Первая попытка литографирования была сделана еще в 1857 г. Ю. Зданским. О литографированных изданиях, распространявшихся среди студентов-поляков, пишет М. Маркс³⁵. С 1859 г. А. Верницким с группой студентов было налажено издание портретов Л. Мерославского, Ш. Конарского, Ю. Вема, Э. Дембовского, М. Воловича, Т. Зана, А. Завиши, Д. Гарибальди, Ю. Заливского, Т. Костюшки. Деньги на это взаимнообразно были взяты у члена огула А. Келпша³⁶. По поводу цели этого издания А. Верницкий писал позднее в отчете огулу: «Нашим намерением было популяризировать на благо нашей страны известных людей путем распространения их портретов. Деньги же, вырученные от продажи, обратить на общественные цели, как-то: часть пожертвовать на благо народа, другую же — на пужды учащейся молодежи, в огул»³⁷.

Современники отмечали изменившийся характер огула: «Рассматривая каталоги кружковых библиотек, каждый должен был убедиться, что молодежь работала и трудилась, и училась не только для выдержания экзамена и для получения диплома. На что студентам пужны были Бюхнер и Фейербах, а между тем они не только составляли необходимость каждой библиотеки, но даже появились литографированные переводы их сочинений. И, без сомнения, не без пужды были деланы эти переводы»³⁸. Именно этот, слишком изменившийся в сторону увлечения политикой характер огула, как казалось умеренным лицам, и послужил, вероятно, причиной отказа проф. Пеховского принять присланные в 1860 г. огулу из Варшавы 10 тыс. руб. из кружка Э. Юргенса³⁹.

* * *

До студентов-поляков Московского огула доходили сведения о планах создания легиона под руководством Л. Мерославского, а позднее — о создании военной школы в Генуе. Начались сборы пожертвований на легионы. Агентурные сведения начала 1861 г. говорят о большом интересе студентов-поляков Московского университета к слухам о деятельности Мерославского и о выезде многих в Италию, в польскую военную школу. Так, 1 апреля 1861 г. в III отделение сообщалось, что студенты-поляки «предполагают устроить прощальный обед товарищам своим, русским студентам, так как все поляки, за исключением весьма немногих, и то самых бедных, остающихся держать экзамены на научные степени, уезжают из России, поступая будто в формирующиеся польские легионы Мерославского»⁴⁰.

Трудно проверить, сколько и когда выехало из Москвы студентов за границу. Точно известно лишь, что осенью 1861 г. в Генуе появился деятельнейший член Московского огула Б. Колышко, а из студентов Московского университета находился еще и В. Мрочковский⁴¹.

В феврале 1861 г. по приглашению патриотической организации Э. Юргенса и К. Маевского в Варшаву прибыли делегаты огулов русских уни-

³⁵ М. Маркс. Указ. соч., тт. 48 об., 53 об.

³⁶ ЦГАОР, ф. 112н, оп. 2, д. 24, лл. 17—18.

³⁷ Там же, л. 18.

³⁸ М. Маркс. Указ. соч., т. 46.

³⁹ В предшествовавшем присылке денег письме В. Голомбергского из Варшавы к королю Ю. Добижскому давался совет использовать 2000 руб. на литографирование революционно-патриотических сочинений (ЦГАОР, ф. 109н, с. а., оп. 2, д. 154, лл. 7—10).

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 109н, 1 экзп., 1858 г., д. 258, л. 58. Еще в 1860 г. из Москвы выехали студенты Г. Реутт, В. Амброжевич и Ростковский.

⁴¹ E. Halicz. Polska szkoła wojskowa w Genui i Cuneo (1861—1862). «Biuletyn WAP», 1959, nr. 3 (16).

верситетов для участия в манифестации в связи со съездом Земледельческого общества (где должен был рассматриваться крестьянский вопрос) и годовщиной Гроховской битвы. Варшавские демократические и умеренные круги стремились использовать этот съезд как представительный, от всего польского народа, и через него подать адрес царскому правительству с рядом демократических требований. Отсюда в Варшаву съезжали делегаты, в том числе и польская студенческая молодежь, обучавшаяся вне Царства Польского. От Петербургского университета приехали в Варшаву Владислав Хорошевский, Адам Маевский; от Московского — Константин Геншель, Ян Новодворский; от Киевского — Томаш Бужинский, Густав Василевский, Конрад Пашковский, Юлиан Кособудский, Юлиуш Верещинский; от Дерптского — Болеслав Борейша; фамилия второго делегата неизвестна. Неизвестны и фамилии студентов Казанского университета. Т. Бужинский упоминает еще из присутствовавших студентов Герасимовича и Пепловского⁴².

По сведениям III отделения, главную роль по созыву студентов-поляков, учившихся в русских университетах, сыграли московские студенты-поляки⁴³.

В отношении наместника Царства Польского в III отделение сообщалось о прибывших в Варшаву в отпуск студентах-поляках из русских университетов, которые не явились по установленному порядку к попечителю Варшавского учебного округа и, «выдавая себя за депутатов от упомянутых университетов», намерены были ходатайствовать посредством членов здешнего Земледельческого общества об учреждении в Варшаве университета⁴⁴.

Совещание прибывших в Варшаву студентов произошло на квартире А. Пенковского в присутствии Э. Юргенса⁴⁵. Как видно, на этом собрании обсуждалось дальнейшее направление национально-освободительного движения, так как, со слов участника этого собрания, на нем среди студенчества определилось два течения: «Одно, поддерживая агитацию, имело целью добиваться постепенных уступок, другое — вело движение прямо к революционному взрыву»⁴⁶. По воспоминаниям Б. Шварце, студенты пришли к выводу о необходимости начать подготовку к восстанию⁴⁷.

Что же касалось официальных целей съезда, то был составлен и прочитан проект адреса от имени студентов, изложенный в очень умеренной форме, и было решено, что большая часть делегации с К. Маевским во главе отправится к ряду членов Земледельческого общества с просьбой о поддержке адреса, в особенности требований в области просвещения (речь шла, в первую очередь, об открытии Варшавского университета). Анджей Замоийский, президент Общества, уклонился от приема делегации студентов. Адрес был вручен гр. Т. Потоцкому. Ряд членов общества принял делегацию, но лишь некоторые из них прямо обещали поддержку. О вручении адреса непосредственно на заседании Земледельческого общества не могло быть и речи. В буржуазных же кругах молодежь была принята хорошо.

⁴² «Wydawnictwo materialow...», стр. 137—140.

⁴³ ЦГАОР, ф. 109н, 1-эксп., 1861 г., д. 52, л. 17. В воспоминаниях Т. Бужинского инициатива созыва студенчества отведена Киевскому огулу, депутаты которого, решив подать адрес Земледельческому обществу, только по приезде в Варшаву пришли к выводу о необходимости присутствия делегатов от всех огулов («Wydawnictwo materialow...», стр. 137—140). Вряд ли за такой короткий срок можно было оповестить и собрать всех делегатов.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 109н, 1-эксп., 1861 г., д. 52, л. 14.

⁴⁵ W. Nagórska-Rudzka. Młodzież Kongresówki w latach 1855—1861. «Przegląd historyczny», 1934, z. 1, стр. 211.

⁴⁶ Л. Ф. Палтеев. Воспоминания. М., 1957, стр. 172—173.

⁴⁷ О. П. Морозова. Материалы к биографии Бронислава Шварце. В сб.: «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи...», стр. 129.

10 (22) февраля часть студентов-депутатов была арестована. У некоторых из них был произведен обыск. Спустя два дня их выслали из Варшавы с запрещением возвращаться в Царство Польское⁴⁸.

* * *

1861 год в польском национально-освободительном движении — год широких манифестаций демократически настроенных масс, создания тайных повстанческих организаций. Польская студенческая молодежь, находившаяся вдали от родины и считавшая себя ее частицей, считала необходимым, по возможности, идти в ногу с событиями на родине. Студенты носили национальную одежду, устраивали сходки, посвященные знаменательным датам польской истории. Об одной такой сходке в честь годовщины Ноябрьского восстания, происшедшей осенью 1860 г., сообщается в письме члена огула, впоследствии известного деятеля эмиграции Ю. Токажевича. По этому поводу им были сочинены стихи, призывавшие молодежь стать на защиту угнетенной родины⁴⁹.

Наиболее известным фактом манифестационной деятельности поляков-студентов весной 1861 г. в Москве явилась организация 16 и 17 марта двух панихид по жертвам расстрела демонстрации в память Гроховской битвы в Варшаве.

Современник событий М. Маркс писал: «Как громом поразило всех известие о событиях в Варшаве... В Москве никто не одобрял стреляния по пароду... В Москву летели письма с копиями писем, известий из-за границ, речей, писем, отзывов и прокламаций»⁵⁰. В Москве решили организовать панихиду по примеру студентов-поляков в Петербурге.

По получении сведений о панихиде, организованной в Петербурге, московский генерал-губернатор П. А. Тучков предупредил декана польской католической церкви в Москве А. Довгялло о нежелательности службы по убитым в Варшаве, а также и в том случае, если не будет указано, за кого именно заказывается панихида. И действительно, когда студенты обратились к декану, он наотрез отказался исполнить их просьбу. Тогда студенты заказали панихиду во французской католической церкви, у аббатов Кудера и Террайля. Разрешение французского консула на панихиду было получено, по при условии, что не будет политических речей. По Москве было разослано 700 конвертов с приглашениями полякам, русским, чехам, французам, итальянцам, армянам на двухдневную панихиду⁵¹.

16 марта собралось около 200 человек, вход был по билетам, большинство присутствовавших составляли студенты. Здесь находились и профессор Московского университета О. И. Пеховский и Г. Вызинский. После панихиды был пропет гимн «*Boże, coś Polskę*». 17 марта в этой же церкви панихиду отслужили еще раз в присутствии около 400 человек. После панихиды П. Г. Заичневским, одним из руководителей русского революционно настроенного студенческого кружка, была произнесена речь от имени русской молодежи с выражением сочувствия и призывом к совместной борьбе против самодержавия. М. Маркс говорит об этом следующее: «После панихиды к Вяземскому, родственнику генерал-губернатора, подошел одетый в русский костюм молодой человек и попросил разрешения сказать от имени русских студентов речь. На паперти русский произнес речь: «Поддадим друг другу руки. Да здравствует Польша!» Был еще оратор. Это посланные от русских кружков Заичневский и Освальд, очерта

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1861 г., д. 52, л. 17.

⁴⁹ Там же, с. а., оп. 1, д. 342.

⁵⁰ М. Маркс. Указ. соч., л. 51.

⁵¹ Там же.

голову, исполнили свое поручение»⁵². Точное содержание речи П. Г. Заичневского неизвестно. Позднее он показал, что речь заключала в себе «выражение сочувствия к идее, руководившей и в настоящее время руководящей поляками. Я сказал в ней, что наступило время доказать всем, что правительское и образованное и развитое меньшинство — различны, что это последнее сочувствует самостоятельности Польши, первое же идет против нее».

По словам очевидцев, П. Г. Заичневский призывал польских и русских студентов «подать друг другу руки, идти к одной цели» и закончил речь словами: «Да здравствует социальная Польша!»⁵³

Весной 1861 г. огул принимает решение «об отъезде всех студентов-поляков из Москвы на родину с целью принятия активного участия в патриотических усилиях наших земляков»⁵⁴.

И действительно, в летние каникулы 1861 г., находясь в Литве и Белоруссии, студенты Московского огула становятся активными участниками и инициаторами многих манифестационных выступлений, агитаторами подготовки восстания среди шляхты и крестьян. В донесении виленского генерал-губернатора В. И. Назимова указан ряд студентов Московского университета, принимавших «деятельное участие во всех беспорядках и демонстрациях»: А. Зельверович, Ю. Токаржевич, Б. Мацкевич, братья Владимир и Эдуард Адольфы, Ю. Чарновский, Б. Колышко, К. Геншель, О. Мицкевич, В. Окушко, Ф. Шуневич, Длужневский и др. Говоря о «беспорядках и демонстрациях», В. И. Назимов имел в виду и распространение прокламаций, запрещенной литературы, денежные сборы и лотереи на легионы Мерославского, а также «хождения» студентов по деревни в крестьянских одеждах для сближения с крестьянами и агитации в пользу восстания. Деятельность студентов была столь оживленной и беспокойной для правительства, что встал вопрос о запрещении выдачи студентам отпусков для выезда на родину во время летних каникул⁵⁵.

На деятельность огула, в плане вовлечения его членов в национально-освободительное движение, оказывала влияние существовавшая в это время в Москве организация, связанная с создававшимся в Петербурге кружком Я. Домбровского и З. Сераковского. Деятельность этой организации в Москве в 1859 — первой половине 1861 г. следует связать с именем И. Кеневича, будущего участника так называемого «Казанского заговора»⁵⁶.

Многие члены огула Московского университета были ее участниками. Можно думать, что именно об этой организации пишет в своих воспоминаниях бывший член огула Г. Реутт: «Полная тайна была положена в основу организации, цель — патриотическая; каждый знал только своего десятника. Вербовка происходила следующим способом: один коллега часто приходил и всегда говорил о национальных делах и понемногу вербовал. Был и пароль: один из общества в общем разговоре вставлял слово «zakon», другой при дальнейшей беседе добавлял слово «polski», далее опять первый говорил «poświecenie», а другой также добавлял «zupelne»; таким образом узнавали друг друга. Что делало это общество, не знаю, так как я принадлежал к нему только несколько месяцев. Возили меня для присяги к одному поляку, пиженеру, живущему в Москве»⁵⁷. Среди лиц, близких к И. Кеневичу, в Москве можно назвать директора Нижегородской железной дороги Кенига, круг людей, собиравшихся у его сестры Славянской⁵⁸,

⁵² М. Маркс. Указ. соч., л. 52.

⁵³ РПРС, т. I, стр. 59—61.

⁵⁴ ЦГАОР, ф. 112и, оп. 1, д. 81а, л. 15.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экзп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 126, 150—152, 312—314.

⁵⁶ РПРС, т. II, стр. 263—435.

⁵⁷ «W czterdziestą rocznicę...», стр. 357.

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 130.

сослуживца И. Кеневича Дунина, офицера Ю. Еленского и ряд военных-поляков.

С начала 1861 г. на деятельность огула большое влияние оказывает преподаватель 4-й мужской гимназии в Москве Максимилиан Маркс. Уроженец Галиции, он учился в Московском университете еще в 40-х годах, был участником кружка Станкевича, где встречался с Грановским, Катковым. Не окончив университета по болезни, он стал преподавать в Витебске, Смоленске. С рядом демократических деятелей этих лет в Литве его связывали близкие личные отношения (бр. Рениеры, Одынец). Приехав в Москву в январе 1861 г., он восстанавливает старые связи, сразу же устанавливает контакт со студенческими колониями (польской, болгарской, чешской). М. Марксу был близок ряд студентов огула: П. Маевский, И. Пекарский, А. Зельверович, А. Верницкий, В. Лебедев и др. Сам М. Маркс пишет, что в его доме ежедневно бывало 15—20 студентов⁵⁹. Документально подтверждается и его знакомство в Москве с И. Кеневичем.

* * *

Полных данных для характеристики взглядов, течений, группировок огула нет. Большинство молодежи огула первостепенной задачей поляков-революционеров считало завоевание независимости Польши. Этой задаче должны быть подчинены все остальные, решение социальных вопросов откладывалось до решения основного вопроса.

В ряде документов огула утверждается необходимость восстания и единства действий в нем всех сословий, утверждается классовый мир. В одном из таких документов говорится: «Только путем единодушного народного восстания всех сословий Польша найдет свою утраченную независимость»⁶⁰. В ответе огула на речь П. Г. Заичневского 17 марта 1861 г. польские студенты писали: «Наше главное стремление — освобождение нашей нации. Пока народ подчинен другому, — партий быть в нем не должно. Все они должны объединиться для общей цели освобождения от иностранного ига»⁶¹.

Огул считал, что завоевание независимости может быть осуществлено только своими собственными силами: «Польша не должна рассчитывать на моральную и материальную помощь, на дипломатические осложнения, обещания и т. п. [...] Польша хочет и может получить свободу, независимость — только собственными силами, собственным одновременным и дружным восстанием всех своих сынов. Только с оружием в руках, руководимые сильной волей, сердцем и мозгом, на собственной земле, собственными силами вырвем родину нашу из-под гнета ее палачей»⁶².

Было в огуле и направление, утверждавшее, что польской молодежи следует выезжать на учебу в заграничные университеты: «Освобождение отчизны от трех захватчиков может произойти только путем нашего умственного и морального перевеса», а участие в национально-освободительном движении и временный отказ от учебы может дать этот перевес противнику. Руководство огула, напротив, считало, что, когда «отчизна проснулась к жизни», пробудился народ, место молодежи не в картинных галереях Дрездена, а на родине, где предстоит много работы, где нужно занимать должности сельских учителей и гимназических писарей, чтобы нести знание народу.

⁵⁹ М. Маркс. Указ. соч., стр. 24.

⁶⁰ ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 75, л. 10.

⁶¹ РПРС, т. I, стр. 62.

⁶² ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 75, л. 10.

Мнение Московского огула по этому вопросу было изложено в связи с приездом делегатов Петербургского огула, которые привезли в Москву брошюру, советовавшую польской молодежи выезжать в Дрезден. Московский огул отклонил такое предложение, подкрепляя свою точку зрения ссылкой на высказывания в «Колоколе» Герцепа и Огарева, а также на заявления «Великорусса»⁶³. Но многие «рассуждали, что достигнут освобождения не иначе, как путем интервенции западных держав, на что не только надеялись, но и положительно были в этом уверены»⁶⁴.

Для характеристики понимания основной частью польской молодежи Московского университета классовых взаимоотношений в стране, роль крестьянства и шляхты в предстоявшей борьбе интересна дискуссия, возникшая в огуле в 1860 г. по поводу привезенных из Литвы бывшим членом огула Хрепцевичем денег для пеймущих студентов-поляков университета. Эта дискуссия показала степень влияния шляхетской идеологии, проповедовавшей классовый мир и единство нации, ограничивавшей свою деятельность среди крестьян просветительством и опекой. Как можно заключить из горячих высказываний, прозвучавших на собраниях огула, ряд его членов считал необходимым отравить эти деньги обратно для использования их на просвещение и образование крестьян, вместе с воззванием к шляхте, следуя патриотической цели сближения с народом. О необходимости открытия польских школ, библиотек, детских садов для крестьянских детей, установления опеки над крестьянскими хозяйствами и т. д. говорят многие документы огула. Молодежь понимала значение и роль крестьянства в восстании. Манифест 19 февраля об освобождении крестьян, распространявшийся на Литву и Белоруссию, как и пожелание шляхты идти на уступки крестьянам, вызывали серьезные опасения, что русское правительство в крестьянском вопросе окончательно вырвет инициативу из рук шляхты и вызовет ненависть у крестьян к ней, что и приведет к внутренней борьбе накануне восстания⁶⁵. В конце концов деньги, вызвавшие эту дискуссию, было решено отослать назад, с тем чтобы они «были употреблены на образование в низших учебных заведениях нескольких человек из народа. И вместе с тем просить о постоянной помощи». На эти же деньги предполагалось выкупить отобранных для учебы крестьянских детей из крепостной зависимости⁶⁶.

По вопросу о будущем строе Польши во взглядах членов огула не было единства. Т. Корзон пишет, что в среде польской молодежи существовали монархические, республиканские, демократические группы⁶⁷. Во многих документах огула имеются указания на то, что многие его члены хотели бы видеть будущую Польшу демократической. Основной вопрос демократизации общественного строя, вопрос об освобождении крестьян и наделении их землей, решался молодежью огула положительно. По воспоминаниям М. Маркса, на демократической «Трубе» и аристократическом Арбате в связи с обнародованием манифеста 19 февраля происходили студенческие собрания. Об одной из таких сходов в районе Трубной площади М. Маркс пишет: «Собралась группа студентов, члены польских кружков, человек 10 русских, болгары. Хозяин квартиры студент-поляк провозглашал по-польски:

Witaj jutrzeńko swobody,
Za tobą zbawienia słońce.
Witaj! Witaj!

⁶³ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экз., 1862 г., д. 230, ч. 75, лл. 8 об.—13 об.

⁶⁴ Там же, 1863 г., д. 23, ч. 313, л. 10.

⁶⁵ ЦГАОР, ф. 112п, оп. 2, д. 27, лл. 1—4.

⁶⁶ Там же, д. 30, л. 1.

⁶⁷ Т. Корзон. Указ. соч., стр. 61.

После этого все бросились друг другу в объятия с возгласами: здравствуй, здравствуй! И далее на мотив куплетов из «Фра-Дьявола» стали петь:

Witaj jutrenko swobody,
Spójrzcie tu na nas z dala,
Zaborcy cudzych dóbr:
Polak ściska moskala,
A bułgar płacze jak bóbr.
Drżycie!
Bo wkrótce jak piorun z burzą
Odległe echa powtórzą!
Wolni my! Wolni my! Wolni my!»⁶⁸

Среди студентов огула была и более радикальная группировка, которая восприняла идеи русских революционных демократов. Она ставила вопрос о социальной борьбе в Литве и Белоруссии и была связана с кругом революционеров, разделявших взгляды К. Калиновского. Именно об этой группе говорит Э. Антушевич, сообщая в III отделение, что в летние каникулы часть студентов «намерена съехаться в Вильно по случаю споров помещиков с крестьянами и говорить, что надо братья за оружие, что только тогда [крестьяне] будут свободны»⁶⁹.

Я. Гейштор, активный участник восстания в Литве, «белый», позднее писал о «немногочисленной партии действия, негодующей на дворянство», — так он назвал студенческую молодежь. «Идеи, почерпнутые в Петербурге, Москве, на всю жизнь сделали их вредными утопистами, но не охладили их сердца, отданные отечеству... Это те личности, которые яростно проповедовали народную войну»⁷⁰.

Споры в огуле вызывал вопрос о будущем положении Литвы и Белоруссии в независимой Польше. Этот вопрос обсуждался с возвращавшимся из ссылки Г. Эренбергом. Часть студентов, скорее всего литовско-белорусская группа, «мечтала о какой-то союзной республике, возможной к осуществлению не только в будущем времени, но еще и во время пребывания в университете»⁷¹, против чего активно выступал «короняж» Ю. Добожинский. Впрочем, и среди литовско-белорусской группы были сторонники «короняжей». Т. Корзон пишет еще о группе «жмудинов» и пазывает И. Якубовского и Д. Боцярского, мечтавших о «Тельшевском царстве»⁷². Ближе к ожидавшемуся в Царстве Польском и России восстанию, в момент установления тесных связей с русскими революционерами, вопрос о том, «с кем Литва», становится более злободневным. 4 марта 1863 г. на собрании виленской гмины огула «проектировалось предложение о преобразовании Литвы в русскую провинцию»⁷³.

Многим студентам-полякам были близки идеи романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Считая, что знакомство с этой книгой будет полез-

⁶⁸ Здравствуй, зоря свободы,
За тобой идет солнце спасения.
Здравствуй, здравствуй! (неточная цитата из А. Мицкевича. — Т. Ф.)
Здравствуй, зоря свободы,
Посмотрите на нас издали,
Захватчики чужого:
Поляк обнимает русского
И болгарин плачет, как бобр.
Трепещите!
Вскоре, как гром и буря,
И далеко эхо повторит: Мы свободны! Мы свободны! Мы свободны!
(М. Маркс. Указ. соч., т. 49).

⁶⁹ ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1861 г., д. 80, л. 12 об.

⁷⁰ А. Ф. Смирнов. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963, стр. 129.

⁷¹ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 1, д. 154, л. 12.

⁷² Т. Корзон. Указ. соч., стр. 62.

⁷³ ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1863 г., д. 97, ч. 10, л. 27 об.

ным для польского общества, П. Маевский, Л. Павлович и Ст. Краков приняли попытки перевода и издания романа на польском языке ⁷⁴.

* * *

Панихида, организованная польским студенчеством в марте 1861 г. по жертвам расстрела в Варшаве, и открытое участие в ней русских студентов послужили поводом для непосредственных переговоров между ними об объединении усилий в борьбе против общего врага — самодержавия.

Мысль о необходимости совместной борьбы с поляками-студентами возникала не раз и ранее среди русского студенчества. Первая попытка переговоров произошла еще осенью 1857 г. в связи с так называемым делом А. Гапусевича ⁷⁵. Активное участие в этих событиях принимал П. Н. Рыбников, один из руководителей кружка «вертепников» ⁷⁶, который состоял из молодежи, увлекавшейся социалистическими взглядами ⁷⁷.

Предложение кружка П. Н. Рыбникова огулу об объединении студенческих организаций с точки зрения материальной было выгодно для огула, так как студенческая касса была бы намного богаче, но с точки зрения политической, как казалось членам огула, «это была бы добровольная зависимость от русских» ⁷⁸. И предложение было отклонено. Но кружок П. Н. Рыбникова вновь обратился к огулу с воззванием, где необходимость объединения рассматривалась с точки зрения взаимных интересов в борьбе с царским самодержавием. В воззвание было включено помещенное в «Поллярной звезде» полное уважения и симпатий воспоминание А. И. Герцена о Станиславе Ворцеле. Однако огул составил отрицательный ответ, автором которого был Т. Корзон. В своих воспоминаниях он рассказывает о встрече польской делегации с кружком П. Н. Рыбникова, когда огул «окончательно отказался от их предложения, невзирая на доводы «вертепников». Т. Корзон, как видно, был одним из трех делегатов, выбранных огулом для переговоров ⁷⁹.

В последующие годы между русскими и польскими студентами наблюдались отдельные личные контакты, возникали смешанные русско-польские кружки самообразования (кружок Б. Колышко). Член огула Юзеф Сороко в 1860 г. вместе со студентами Московского университета Я. А. Сулиным и П. П. Петровским-Ильенко организовали типографию, где печаталось сочинение Н. П. Огарева «Разбор сочинения Корфа о восшествии на престол императора Николая I». Предполагалось напечатать также прокламации Н. Г. Чернышевского «К барским крестьянам» и Н. В. Шелгунова «К солдатам». Позднее, по доносу В. Д. Костомарова, Ю. Сороко привлекался к суду и был выслан в Виленскую губернию. За хранение литографированных изданий привлекались к следствию и другие члены огула ⁸⁰.

В марте 1861 г. состоялась организованная огулом панихида по жертвам расстрела в Варшаве. Речь, сказанная на панихиде П. Г. Заичневским, а может быть, и специально написанное обращение к студентам-полякам, стали предметом широкого обсуждения в огуле, в результате чего появился ответ «Odezwa do Rosjan», найденный при аресте П. Заичневского в его бумагах ⁸¹. Авторы воззвания стараются дать ответ на предложения, выдвинутые русскими студентами, обрисовать свои задачи и условия, на ко-

⁷⁴ Т. Ф. Федосова. Павел Маевский и первые попытки перевода романа Чернышевского «Что делать?». В сб.: «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи...», стр. 323—336.

⁷⁵ Т. Г. Снытко. Указ. соч., стр. 233—234.

⁷⁶ Название возникло из-за убогих номеров, где жили эти студенты.

⁷⁷ А. П. Разумова. Из истории русской журналистики. М.—Л., 1954, стр. 22, 37.

⁷⁸ B. Li m a n o w s k i. Указ. соч., стр. 157.

⁷⁹ Т. K o r z o n. Указ. соч., стр. 56, 63, 64.

⁸⁰ РПС, т. I, стр. 114—124.

⁸¹ Там же, стр. 61—63.

торых могло бы произойти сближение этих групп. Они считают, что их не может соединить с русским студенчеством ни красное знамя социализма, ни «черное знамя пролетариата», так как, по их мнению, время социализма еще не настало. Главная задача поляков, по их мнению, — это завоевание национальной независимости.

Авторов возмущения беспокоит вопрос о том, как отнесется к восстанию в Польше русское общество. Авторы убеждены, что русские студенты вполне согласны с ними, и просят сообщить ответ полякам возможно большому числу русских, объясняя им справедливость и законность таких требований. Воззвание было вручено членам кружка П. Г. Заичневского.

Осенью 1861 г., в связи с введением в жизнь реакционных университетских правил, в Петербургском, Казанском, Московском университетах вспыхнули студенческие волнения. Среди студентов-поляков были разногласия по вопросу об участии в волнениях. Первоначально на сходках, в августе и сентябре, они решили не участвовать в «беспорядках» и даже собрали подписи 500 студентов⁸². Но кружок Аргиропуло — Заичневского, которому принадлежала руководящая роль в волнениях, решил все же привлечь их к общему делу. Для переговоров с польским огулом были посланы И. Полятовский, Ал. Покровский, В. Праотцев и И. Кельсиев. Встреча произошла на квартире Левашова. С польской стороны присутствовало восемь человек. Из них лишь Б. Колышко и А. Зельверович старались склонить польских студентов действовать заодно с русскими, остальные препятствовали этому. Соглашение все же было достигнуто⁸³. В дальнейшем Б. Колышко играл в «студенческих беспорядках» очень заметную роль. Он убедил студентов-поляков отказаться подписывать адрес к царю, составленный умеренной группой русского студенчества, с просьбой об отмене реакционных университетских правил⁸⁴.

Среди задержанных за участие в волнениях было много и студентов-поляков, под разными предлогами отрицавших свою причастность к ним (А. Зельверович, А. Адольф, Мештович, К. Саросек, Сутович и др.). Очевидцы отмечали, что в этих событиях «польский кружок действовал не как польский, а как кружок студентов», и в дальнейшем охотно участвовал во всех «беспорядках» студентов⁸⁵. В организованной в это время студентами панихиде памяти историка Т. Н. Грановского поляки-студенты также приняли активное участие. На панихиде «большая часть поляков была в национальных своих венгерках из серого сукна, обшитых черными шнурами, в которых они постоянно являются в публике»⁸⁶.

Совместные выступления сблизили русских и польских студентов. Надо полагать, что именно в это время в кружке Аргиропуло — Заичневского и была написана «Записка о состоянии Литвы»⁸⁷. Автор «Записки», исходя из исторически сложившихся условий, пытается разобраться в причинах, вызвавших у польских студентов нежелание объединить усилия русского и польского студенчества, и настойчиво доказывает необходимость союза: «Итак, нам пужен, непременно нужен союз. Но нужен союз и взаимное понимание, а не слитие: слитие невозможно и безправственно. Русские первые должны протянуть руку, как хозяева гостю и как люди, стыдящиеся за свое правительство. Но они протягивают ее уже 4 года, хотя и безуспешно. Да убедятся поляки, что их обществу протягивали руку искренно и что у польской нации, даже при теперешнем ненормальном взаимном отношении, нет врагов среди русских студентов». Записка оканчивается выводом, что если огул по-прежнему будет отказываться от сближения, то

⁸² О. Еленский. Воспоминания: «Русская старина», 1906, т. X, стр. 234.

⁸³ Т. Г. Снытко. Указ. соч., стр. 241.

⁸⁴ Н. П. Шестаков. Студенческие беспорядки в Московском университете в 1861 г. «Русская старина», 1888, т. XI, стр. 356, 364.

⁸⁵ М. Маркс. Указ. соч., л. 53.

⁸⁶ РПРС, т. I, стр. 98.

⁸⁷ Там же, стр. 63—69. Т. Г. Снытко полагает, что ее написал П. Г. Заичневский.

этим он лишь докажет, что им руководит только выработанное годами отрицательное отношение к русским и национализм.

По-видимому, обмен такого рода обращениями происходил неоднократно. В бумагах арестованного позднее Д. Квятковского, члена огула и возникшего в 1862 г. тайного общества, сохранилась часть обращения студентов-поляков к русским студентам. В нем говорится: «Мы вас называем братьями, потому что вы, подобно нам, принадлежите к детям огромного славянского семейства, подобно нам питаете в себе желание свободы, которая движет всеми людьми». Далее авторы обращения утверждают, что «деспотизм» правителей стал причиной разъединения двух народов: «С того времени, как деспотизм укрепил свою гордую голову на нашей земле, сколько раз кровь русская и кровь польская лилась на одних и тех же полях битвы? Вам хорошо известны причины этих кровавых войн, которые были пружинами гордости и интереса деспотов. Только их эгоизм был неиссякаемым источником споров, разъединивших два народа»⁸⁸.

В Московском огуле идею союза между русскими и польскими студентами наиболее горячо отстаивали Б. Колышко и А. Зельверович. Один из современников пишет, что в Москве был даже создан «Союз свободного польского и русского народа»⁸⁹.

В этом же плане интересно сообщение московского жандармского офицера о хождении в 1862 г. в Москве бланков и печати с надписью «Свобода, братство и равенство», а также о том, что главным руководителем общества был студент физико-математического факультета университета И. В. Рукавишников, ездивший в 1862 г. за границу⁹⁰.

* * *

Еще ранней весной 1861 г., в связи с манифестациями, в огуле начало формироваться «Общество инициаторов». Это общество стало играть направляющую роль в политической жизни огула, ставя своей задачей привлечение польских студентов в подготовку к восстанию. В связи с этим «Общество инициаторов» приходит к мысли о необходимости перестройки структуры огула, и, начиная с лета 1861 г., оно вплотную занялось подготовкой его реорганизации, действуя, как говорится в одном источнике, «самостоятельно, независимо от обществ и партий в стране». Каждый из его членов, число которых достигало примерно пятидесяти, должен был стараться расширить организацию, создавая вокруг себя группы единомышленников.

Осенью 1861 г. идея о необходимости реорганизации огула уже обсуждалась в студенческих кружках. Вдохновенная речь одного из активных членов огула, В. Лебедева, выступившего 31 августа 1861 г. перед польской молодежью, приехавшей для поступления в университет, ясно излагает цели и суть реорганизации. «Существующие сегодня деления на курсы и секции уже стары, непригодны, непрактичны, — говорил он. — Последние события в стране застали нас неготовыми; в стране сейчас не хватает всего: и связей, и знакомств, и коммуникаций. Чтобы предупредить это, чтобы уже здесь как следует подготовиться к труду, который нас ждет в стране, академическая молодежь приходит к вам с новым проектом более практического подела нашего кружка, нашей администрации». В. Лебедев предлагал следующее: «За исходный момент берем местность. Каждый гражданин-поляк, остающийся в Москве, должен сблизиться, знакомиться, объединяться с теми прежде всего коллегами, которые являются одной с ним местности, одного повета. Отсюда вытекают институты трех родов: а) объединения поветовые — лица, населяющие определенный повет, соединяются в одно тело, создают то общество, кото-

⁸⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, л. 729, л. 35 (жандармский перевод).

⁸⁹ О. Еленский. Указ. соч., стр. 234.

⁹⁰ ЦГАОР, ф. 109н, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 24, л. 10.

рое выбирает из своего числа делегированных в губернский комитет, для совещания с делегатами иных поветов. Минимум членов в обществе должно быть 10, если нет столько, то повет входит в объединение соседнего повета и устраивает свои нужды через делегата того повета, в который включились. Максимум не определен. Число же делегатов должно быть пропорционально числу членов. Так, общество, состоящее из 10 до 15 членов, посылает 1 делегата, общество, по числу членов содержащее от 15 до 23 членов включительно, посылает 2 делегатов и т. д. в такой же пропорции. Вхождение в поветовые организации обязательно под страхом позора, никакие взгляды, никакие симпатии не признаются уважительными; б) губер[нские] комитеты составляются следующим образом: каждая поветовая орган[изация] выбирает соответственно своему числу число делегатов, из этих делегатов создается новое число; другая институция деления — губ[ернский] комит[ет]. Следовательно, число членов губ[ернского] комитета определенной губернии остается в зависимости от числа членов всей определенной губернии; в) третьей и наивысшей инстанцией должна быть Централизация, которая составляется следующим образом: каждая губерния должна дать одного представителя». Эта часть речи ясно говорила, что смысл новой организационной структуры огула состоял в том, чтобы подготовить молодежь к восстанию. Мыслилось в обязательном порядке объединить всех (или как можно больше) студентов-поляков в Москве, создать земляческие группы, с тем чтобы среди них выбрать постоянные органы (губернские комитеты и Центральный комитет), которые бы связали огул с революционными организациями «края» и постоянно держали его в курсе событий.

Далее В. Лебедев, излагая преимущества новой структуры огула, сообщает, что проект реорганизации находится уже в стадии разработки и к моменту возвращения всех студентов с каникул, должен стать предметом общего обсуждения⁹¹. Таким образом, огул, сохраняя старые функции организации взаимопомощи, становился политической организацией, стремившейся идти в ногу с событиями на родине.

Осенью 1861 г. проект устава в первоначальном виде был подготовлен. Началось его обсуждение, доработка и дополнение.

В начале октября на собраниях огула рассматривались проект «новой организации огула, берущий за основу местность»⁹², и проект, касающийся внутренней структуры огула⁹³. Но дело, видимо, двигалось не так быстро, как хотелось, и в октябре 1861 г. одна из групп студентов-поляков в количестве 25 человек обратилась к Раде огула с просьбой «создать как можно скорее сеймики с целью проведения через общее голосование новой организации огула на основе местности»⁹⁴.

Во втором номере «Газеты польской молодежи», вышедшем 2 декабря, была помещена статья, излагавшая принципы, на которых реорганизовывался огул, и в общих чертах сам процесс реорганизации. В статье, как и в проекте, указывалось, что главная задача новой организации — «быть готовой к событиям, какие произошли, либо могут произойти в стране»⁹⁵.

⁹¹ ЦГАОР, ф. 112п, оп. 2, д. 29, л. 2.

⁹² Там же, л. 3 об.

⁹³ Там же, л. 3.

⁹⁴ По действовавшему уставу, 25 членов огула могли потребовать внеочередного созыва сеймов. Под этим обращением стоят подписи членов огула, позднее вошедших в разные гмины. Многих из них, учитывая последующую деятельность в огуле, можно считать членами возникшего в огуле еще в начале 1861 г. «Общества инициаторов»: Копиловский Игнаций, Верницкий Александр, Эйсмонт Г., Корсак, Кантовт, Обухович Н., Стецевич С., Быховский В., Кудыньский С., Пеполь Юзеф, Здоровский Эмерик, Каринский Казимеж, Домбровский Феликс, Копець Юзеф, Дубовяк Болеслав, Морозетти Цезарий, Беджицкий Станислав, Беджицкий Леопольд, Здоровский Вацлав, Лебедев Виктор, Шуневич Флориан, Плеевский Владислав, Баранович Г., Освенцимский Константин.

⁹⁵ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экзп., 1862 г., д. 230, ч. 75, лл. 3—13 об.

К декабрю 1861 г. проект реорганизации был рассмотрен на сеймиках огула.

В заключении руководства огула о результатах голосования по поводу принятия проекта новой организационной структуры сообщается: «Гмины с администрацией были утверждены путем голосования на факультетских собраниях большинством 125 голосов против 5»⁹⁶.

Внутренняя борьба по вопросам организации и задачи огула среди всей массы польского студенчества, как входившей, так и не входившей в огул, по документам почти не прослеживается. Можно указать лишь на несколько фактов. В. Лебедев в обращении к «футурам» 31 августа 1861 г. говорит о той части польской молодежи университета, которая забыла свои обязанности по отношению к родине и проводит время в праздности и развлечениях. Он упрекает молодежь за то, что кто-то разглашает сведения о проходивших собраниях.

В конце 1861 г. в огуле начали формироваться 10 гмин (Минская, Виленская, Ковенская, Жмудская, Русинская, Новогрудская, Гродненская, Могилевская, Слуцкая, Двинская), которые объединили более 350 студентов. На шесть западных губерний было организовано девять гмин (Ковенская губерния имела две гмины — Ковенскую и Жмудскую, а Минская губерния — три гмины — Минскую, Слуцкую, Новогрудскую). Десятая по счету — Русинская, объединявшая студентов из юго-западных губерний и Царства Польского, осенью 1862 г. распалась.

По официальной книге главного радного, гмины имели следующее количество членов⁹⁷:

	На 1861/62 учебный год	На 1862/63 учебный год		На 1861/62 учебный год	На 1862/63 учебный год
Виленская . . .	53	73	Новогрудская . .	31	32
Ковенская . . .	38	50	Гродненская . .	38	43
Жмудская . . .	48	48	Могилевская . .	18	25
Минская	46	43	Слуцкая	30	42
Русинская . . .	24	15	Двинская	29	30

В феврале и марте в огул вступило еще 24 студента, из них: в Виленскую гмину — 7 человек, в Слуцкую — 3, в Двинскую — 3, в Ковенскую — 1, в Новогрудскую — 1, в Гродненскую — 2, в Минскую — 3, в Могилевскую — 1, в Жмудскую — 2, в Русинскую — 1.

В начале 1862 г. в огуле, судя по этим данным, было 355 человек; с осени 1862 г., с момента поступления в университет новых студентов на первые курсы, в огуле был 401 человек. Из этого общего числа значительная часть студентов были уроженцами литовских губерний: Ковенской и Виленской. В 1862 г. их было 139, в 1863 г. — 171 человек.

В январе—феврале 1862 г. реорганизация огула была закончена, и новый устав вступил в силу.

Новый устав огула⁹⁸ состоял из шести разделов. Первый раздел, носивший название «Основные положения», определял построение огула и гмин, права органов управления огула; второй раздел регламентировал основные обязанности и права членов; третий определял взыскания,

⁹⁶ ЦГАОР, ф. 112и, оп. 2, д. 30, л. 2.

⁹⁷ Там же, д. 35; Т. Г. Снытко. Указ. соч., стр. 217.

⁹⁸ Устав огула сохранился в двух экземплярах, оба рукописные. Один экземпляр — «официальный», который должен был храниться у главного радного. Вторым экземпляром — ученическая тетрадь, где старательно выписаны положения устава (вероятно, принадлежав какой-нибудь гмине). Заглавия и прописные буквы, так же как и в «официальном» экземпляре, раскрашены акварельными красками; кроме того, этот экземпляр снабжен карикатурными рисунками в акварельных красках (ЦГАОР, ф. 112и, оп. 2, д. 25).

четвертый — управление огулом, пятый — деятельность студенческой кассы, шестой — дополнительные правила⁹⁹.

Как видно из «Основных положений» устава огула, новый общественный и политический смысл, новое назначение огула не нашли в них отражения. По уставу, огул выглядит, как и в момент возникновения, только как организация взаимопомощи. Здесь нельзя не согласиться с мнением Т. Г. Снытко, что это было сделано в конспиративных целях¹⁰⁰. Хотя огул и был формально на нелегальном положении, но о его существовании как организации взаимопомощи властям было известно, и устав, включавший в себя политические задачи организации, мог немедленно привести к репрессиям со стороны правительства. Возникшая параллельно в огуле тайная организация вполне разделила эти два направления (политическое и академическое).

В начале 1862 г. в огуле основное внимание было уделено проведению в жизнь нового устава, выборам новой администрации и т. д. Главным радным был избран Станислав Булгаровский, главным кассиром — Титус Далевский, главным банкиром — Казимеж Сулистровский, главным библиотекарем — Юзеф Пеноль.

Общая сумма сборов в 1862 — начале 1863 г. была примерно той же — в пределах 200 руб. Размеры взносов оставались прежними, но появилась «rozkładka bankowa», взнос, иногда собираемый за долг, числящийся за огулом в банке. Постоянным стал чрезвычайный налог. Таблица показывает, из каких элементов складывался фонд денежной кассы¹⁰¹.

Годовое содержание члена огула (руб. сер.)	Годовой взнос	Взнос в месяц	Чрезвычайный налог (коп. сер.)	Процент. штраф за долговые расписки (коп. сер.)	«Rozkładka bankowa» (коп. сер.)
100	—	—	—	—	10 *
125	6,25	52	3	2	22
150	9,00	75	5	3	32
175	12,95	1,02	5	4	41
200	16,00	1,33	7	5	70
250	25,00	2,08	10	7	90
350	36,00	3,00	—	—	—

* Члены огула, имевшие годовое содержание меньше 125 руб., платили только «rozkładki bankowe».

В ноябре 1862 г. в банке на счете студенческой кассы было наличных денег 882 р. 09 к. Как и ранее, ежемесячно студенческая касса получала дотацию из банковских сумм (20 руб., независимо от сборов в гминах и присылки денег с родины). Сумма денежной помощи пуждающимся предоставлялась в размере от 3 до 10 руб. Для помощи ссыльным, возвращавшимся из Сибири, как правило, собирались чрезвычайные взносы, но их не всегда хватало, и тогда бралась ссуда в банке. Кроме того, широко практиковались подписные листы на сбор денег по самым различным поводам: для посылки делегата в Геную, для выезда некоторых студентов на родину, для помощи ссылаемым, для вступительного взноса в университет отдельным неимущим лицам и т. д.

В студенческую кассу в 1862 г. более щедро, чем раньше, поступали различные суммы для пуждающихся студентов, присылавшиеся частными лицами, а также от имени шляхты тех или иных уездов и губерний¹⁰².

⁹⁹ Содержание нового устава огула подробно изложено в указанной статье Т. Г. Снытко (стр. 276—277).

¹⁰⁰ Т. Г. Снытко. Указ. соч., стр. 278.

¹⁰¹ ЦГАОР, ф. 112и, оп. 2, д. 24, лл. 1—5.

¹⁰² Там же, д. 50, лл. 6—8.

Все деньги (остатки от раздачи студенческой кассы, поступления с родины, деньги библиотеки) хранились в банке огула. Собственных денег в банке было очень мало. Весь его капитал состоял из старых долговых расписок на сумму 6000 руб. Ежемесячно в банк поступал долговой процент. Для улучшения положения в 1862 г. банком был увеличен процент с долговых расписок: процент с долга в 30 коп. равнялся 1 коп., с 30 до 60 коп. — 2 коп., с 60 коп. до 1 р. — 3 коп.

Некоторое время действовали небольшие студенческие магазинчики. Закупка товаров оптом давала в банк небольшой доход. Одной из таких лавок ведал Ю. Зданский.

Главными банкирами были: с июня 1861 г. — К. Сулистровский, летом 1862 г. — Б. Новицкий, а далее К. Карпинский. Состав библиотекарей на 1862 г. был следующим: главный библиотекарь — Ю. Пеполь, помощник главного библиотекаря и администратор «запрещенной» библиотеки — Г. Баранович. На Арбате библиотекарями «незапрещенных» библиотек были Фолькман, Вецур, Домановский, «запрещенных» библиотек — Яцевич, Вишневский, Т. Баранович. На Трубной площади библиотекарями «незапрещенных» библиотек были Цешкевич, Плесевский, Освенцимский, библиотекарями «запрещенных» — Окулич, Цеханский, Володько¹⁰³. Библиотека располагала своим денежным фондом, студенческая касса выделяла ежемесячно 10 руб. на помещение, покупку и переплет книг.

Подвергались упорядочению и некоторые моменты внутренней жизни огула. Для прохождения собраний гмин в надлежащем порядке выработаны были правила из 18 пунктов, по которым маршалку собрания отводилось главное руководство и предоставлялись большие полномочия¹⁰⁴.

Для разрешения спорных, не касающихся всего огула вопросов, относившихся к личным взаимоотношениям, нарушениям кодекса морали и т. д., огулом вводился товарищеский суд, который руководствовался специально выработанными «Правилами ведения товарищеских и общественных судов»¹⁰⁵.

На основе нового устава огул действовал в 1862 и начале 1863 г. Но почти сразу же по его введению члены огула стали совершенствовать деятельность всех его институций, и в Административный совет начали поступать самые разнообразные проекты по вопросам изменения или дополнения отдельных пунктов как «Основных правил» огула, так и уставов библиотеки, студенческой кассы и банка¹⁰⁶.

Одним из последних проектов, принятых для рассмотрения Административным советом, примерно в октябре—ноябре 1862 г., был проект о разграничении законодательных и исполнительных функций Административного совета.

Согласно проекту, Административному совету и советам, которые предлагалось иметь при каждой кассе, банке, библиотеке, отводились чисто административные, исполнительные функции; законодательная власть поручалась Общему совету, состоящему из делегатов гмин и главных выборных всех институций¹⁰⁷. Это предложение, очевидно, было принято, так как разделение функций Административного совета произошло либо в конце 1862 г., либо в самом начале 1863 г. Устав, сле-

¹⁰³ ЦГАОР, ф. 112п, оп. 2, д. 24.

¹⁰⁴ Там же, д. 28, лл. 50—54. Для ведения собраний маршалок выбирался и до реорганизации огула. Но, видимо, он избирался не на одно собрание, так как, критикуя ход собраний до реорганизации огула, «Газета польской молодежи» указывала, что на собрания маршалок иногда не приходил вовсе.

¹⁰⁵ Там же, д. 29, л. 62.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же, лл. 22—24 об.

довательно, пополнялся новыми разделами, обязанностями и атрибутами советов институций и Административного совета. Всего было добавлено 30 новых пунктов.

Реорганизуя огул и привлекая к революционно-патриотической деятельности основную массу студентов-поляков Московского университета, «Общество инициаторов» параллельно приступило к созданию на базе огула тайной революционной организации в Москве, которая ставила целью «более быстрое проведение в жизнь в огуле принципов общей работы нравственной чистоты»¹⁰⁸ и подготовку «будущих граждан и защитников страны». Создавалось тайное общество на основе уже существовавшего «Общества инициаторов»¹⁰⁹. Оно делилось на пять инициативных округов, члены которых обязывались к 15 января 1862 г. создать вокруг себя кружки; из выборных от инициативных округов создавался Центральный комитет.

Нижней инстанцией общества являлся «работающий кружок». Число его членов вместе с руководителем не должно было превышать семи человек. Кружок должен был собираться раз в неделю. Член кружка во время нахождения в Москве обязывался не входить ни в какие другие организации.

Вторая инстанция — это «округ инициаторов», куда входил каждый организовавший вокруг себя кружок работающих. По началу создавалось пять округов из членов существовавшего «Общества инициаторов» при условии, что тот, кто не имел кружка, организует таковой к 15 января 1862 г. Далее округа пополняются новыми членами, создавшими уже кружки работающих. Число членов округа не должно превышать десяти. Отсюда название «десяток» и «десятник», который руководит округом (или, как сказано иногда в документе, кружком инициаторов). При округном начальнике выбирается Совет, а собрания десятка должны происходить раз в неделю. Новый округ создается в случае, если число членов во всех округах будет более десяти. Округ заседает каждые две недели, член десятка отчитывается также каждые две недели. Округ руководит своим десятком, контролирует своих членов, посылает отчеты Центральному комитету. Округ отчитывается каждые две недели перед Центральным комитетом.

Избранные по одному из округа инициаторов представители составляют Центральный комитет. Члены Комитета избираются два раза в год, после каникул и после рождества, и контролируются избравшими их округами. Центральный комитет управляет организацией через округа инициаторов, принимает отчеты и утверждает членов десятков и создаваемые ими кружки. Во все дела организации посвящались только округа инициаторов и Центральный комитет. Они должны были показывать пример нравственного поведения: категорически отказываться от употребления водки, вина, игры в карты и др.

Огулу отводилась большая роль в создании тайного общества. Он должен был оказывать содействие в вовлечении в общество членов огула, предоставлять им денежный кредит и давать возможность пользоваться книгами библиотеки на льготных условиях. Члены огула принимались в тайное общество на следующих условиях: «1) Они должны что-нибудь делать или иметь непреклонное желание работать в каком-нибудь направлении в соответствии с духом общества [...] 2) Каждый должен представить по крайней мере шесть поручителей. Поручителями могут быть только те, кто изучит характер, образ мыслей и обществен-

¹⁰⁸ Выражение «общая работа» употребляется во многих документах огула и означает революционную деятельность, направленную на завоевание национальной независимости и демократизацию общественного строя Польши.

¹⁰⁹ Там же, д. 29, л. 11.

ные взгляды кандидата. 3) Кандидат должен быть человеком, не связанным семейными узами, либо иметь твердый характер», словом, ежеминутно быть готовым на все¹¹⁰.

* * *

В середине 1862 г. тайное общество получило название «Союз сторонников движения», уже этим заявляя о тождестве своего политического направления с течением «красных». Летом того же года в Париж через Варшаву для напечатания в эмигрантском журнале была отправлена статья с изложением взглядов польского студенчества в Москве на положение Польши и отношения к предстоящим событиям. Молодежь заявляла о своем долге и готовности немедленно встать в ряды борцов за национальную независимость Польши¹¹¹. Одна из директив тайного общества, датированная 29 сентября 1862 г., заявляла о полном подчинении действий «Союза» Центральному Национальному комитету¹¹². Действительнейшими членами общества были Т. Далевский, А. Верницкий, И. Пекарский, П. Маевский, А. Зельверович, Б. Люгайло, Н. Берпацкий и др.

«Союз сторонников движения» связывается с формирующимися тайными организациями в Литве, Белоруссии, Петербурге, поддерживает связи с отдельными польскими группами, разбросанными по русским городам (Бесядовский — Симбирск, Гросс — Казань, В. Лебедев — Ярославль). Возникли ли органы связи, упоминавшиеся в конце 1861 г. в речи В. Лебедева (губернские комитеты в округе и централизация), сказать трудно, скорее всего эти функции отошли к тайному обществу. Многие члены «Союза» были и членами революционной организации на родине. С революционной организацией Могилевской губернии связь идет через И. Пекарского, в Минской губернии — через Мештовича. Тесные связи устанавливаются с революционными организациями в Виленской и Ковенской губерниях. В Ковно поддерживается связь с К. Хмелевским, Д. Бодзярским, Т. Корзоном, в Вильно — как с Литовским провинциальным комитетом, так и с «белыми». С петербургскими организациями связь идет через П. Маевского, Н. Берпацкого к Мокрицкому (член офицерской организации З. Сераковского — Я. Домбровского). Для переписки члены тайного общества пользуются рядом шифров¹¹³. По-прежнему поддерживается связь с организацией И. Кеневича в Москве. В Москве находились в 1862 г. Л. Звездовский, Я. Станевич; с офицерами-поляками в Москве были связаны А. Верницкий, Обухович, Седлецкий, Королько, Ровницкий и др.

Уже упоминавшаяся инструкция тайного общества от 29 сентября 1862 г. заявляла о необходимости укрепления «Союза» путем исключения всех, кто оказывал какое-нибудь нерасположение к обязанностям, возложенным на него организацией. Согласно инструкции, каждый член общества «должен стараться действовать в пользу Жонда Народового [...], развиваться нравственно, умственно, физически и обстоятельно знать историю со времени падения Польши до настоящего времени; владеть оружием, выбор которого предоставляется его усмотрению; более или менее знать военное искусство, по крайней мере знать устав того рода войск, в котором впоследствии будет служить. Кто способен к математике, должен иметь общее понятие об артиллерии, то есть о пушках и о партизанской войне. Об уклончивых действиях своих товарищей каждый должен немедленно довести своему начальнику... Каждый обязан узнавать о том, что творится за пределами общества и стараться извещать

¹¹⁰ РПРС, т. I, стр. 126.

¹¹¹ PAN (Kraków), гкп. 2325, стр. 175 об.

¹¹² РПРС, т. I, стр. 183.

¹¹³ ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1863 г., д. 97, ч. 10, л. 30.

о том своего начальника, причем известия свои не сообщать ни одному члену союза»¹¹⁴.

Практической деятельностью членов «Союза» стала подготовка к восстанию. Среди студентов-поляков в Москве собирается национальная подпольная организация; при активном участии И. Кеневича и Л. Звездовского закупается оружие и переправляется в Литву. Члены «Союза» должны были в полтора месяца познать «Устав пехоты», познакомиться с военным делом, военной литературой; они же распространяли издаваемые студенческой литографией эмиграционные издания. Обязанностью их также было стараться вовлекать новых членов в тайное общество. У московских студентов-поляков появляются также подпольные издания, как «Ruch», «Głos Karłana», «Strażnica», «Мужицкая правда», «Гуторки» и др., а с началом восстания и «Wiadomości z pola bitwy». С момента возникновения в Москве тайного общества вся политическая и общественная деятельность огула направляется этим обществом, и в отдельные моменты трудно точно разграничить политическую деятельность одной и другой организации.

С начала 1862 г. постоянной заботой «Союза сторонников движения» и огула становится опека и помощь ссыльным участникам национально-освободительного движения из Царства Польского, Литвы, Белоруссии. Провозимых через Москву ссыльных размещали в Крутицких и Покровских казармах. Жандармерия указала на двух лиц, добивавшихся свидания со ссыльными, — М. Маркса и А. Верницкого¹¹⁵.

Молодежь по-прежнему волновал вопрос о школе в Генуе, неурядицах, происходящих там, дальнейших намерениях Л. Мерославского в связи с событиями в Италии. Ранней весной 1862 г. во многих гминах рассматривался вопрос о посылке делегата в Геную¹¹⁶. На Л. Мерославского возлагались большие надежды. Приближалось лето, и студенты хотели явиться на родину с более четкими конкретными планами. Делегата предполагалось послать частным порядком, без официальных полномочий. Можно думать, что делегатом, отправившимся в Геную, был студент Иодко.

Для распространения революционно-патриотической литературы среди молодежи, особенно на родине, в Москве продолжала активно действовать польская литография. В 1862 г. она помещалась в Газетном переулке (сейчас ул. Н. П. Огарева) у литографика Некрасова. Руководили ею И. Пекарский, А. Верницкий и П. Маевский. Близкими помощниками были Э. Рустейко, А. Зельверович, К. Сулистровский, Кшижаковский. В начале июля 1862 г. по доносу у П. Маевского и в литографии были сделаны обыски. У литографика Некрасова ничего не было обнаружено, так как И. Пекарский успел к приходу полиции скрыть следы работы¹¹⁷. После непродолжительного ареста Пекарский был освобожден. Однако на квартире П. Маевского, которого в доносе обвиняли в литографировании и распродаже отпечатанных сочинений, при обыске 1 июля были обнаружены литографированные воззвания и несколько номеров газеты «Wiadomości Polskie», издававшейся в Париже¹¹⁸. Были найдены также литографированные экземпляры «Gazety Młodzieży Polskiej» № 2 и два сборника, содержавшие патриотические стихотворения польских поэтов В. Поля, С. Гоцинского, Д. Луцевской и др., а также серию стихотворений, посвященных польским женщинам, сочинения А. Мицкевича (третья часть «Дзядов») и др.

¹¹⁴ РПРС, т. I, стр. 183.

¹¹⁵ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экз., 1862 г., д. 424, лл. 14—19.

¹¹⁶ РПРС, т. I, стр. 128.

¹¹⁷ Там же, стр. 186—187.

¹¹⁸ Т. Ф. Федосова. Указ. соч., стр. 326.

Вскоре после освобождения из-под ареста И. Пекарский начал переговоры с литографщиком Некрасовым и заключил о нем договор «вновь устроить секретно литографию [...]»¹¹⁹.

В октябре 1862 г. московские студенты-поляки приняли участие в съезде университетской польской молодежи, организованном в Кракове якобы по инициативе краковского студенчества. Скорее всего инициатива принадлежала Центральному Национальному комитету, а Краков был избран как более безопасное место. Приглашения были разосланы еще в июле. Ю. Лукашевский пишет, что съезд собирался «с целью более тесного согласования деятельности молодежи в соответствии с принятой программой»¹²⁰. Присутствовало более 100 делегатов. Сведения о съезде скупы. В данном случае они основаны на воспоминаниях Ю. Лукашевского, который, зная из других источников, что цель съезда — не просто встреча, до осени собирал сведения о национально-освободительных настроениях в Княжестве Познанском. Приехав в Краков, Ю. Лукашевский застал большое количество молодежи из русских университетов, особенно «жмудинов» (вероятно, студенты родом из Литвы). Ю. Лукашевский отмечает на съезде «молодеческую силу, сердечность, воодушевление, братанье, взоры, устремленные в будущее. Пришельцы из земли Кейстута, с захваченных земель и Царства Польского омолодили краковских автохтонов». Что происходило на съезде, о чем конкретно шла речь, можно судить только по рассказу Лукашевского о его беседе с Брониславом Шварце. В беседе он изложил свое отношение к восстанию и силам, которые должны участвовать в нем. Лукашевский считал, что в возникающей организации лучше всего было бы обойтись без шляхты, так как «она всегда куда-нибудь заведет». Крестьяне, мещане, сельские официалисты, учителя, ксендзы, низшие чиновники — вот благодатный материал для каждого восстания. Далее он говорил, что деятельность партии движения не надо подгонять, необходимо дать возможность в течение нескольких лет подготовиться к восстанию низшим слоям общества. Б. Шварце горячо уверял Ю. Лукашевского, что Центральный Национальный комитет работает именно в этом направлении, чтобы привлечь к движению крестьян и ремесленников¹²¹.

* * *

31 января 1863 г. московский жандармский штаб-офицер сообщал шефу жандармов: «Сочувствие поляков-студентов ко всему происходящему в Царстве Польском обнаруживается все более и более. Начавшееся восстание сплотило всех студентов-поляков, даже и не входивших в огул. До настоящего возмущения в Польше было много им несочувствующих даже из поляков, которые пренебрегали их собраниями и отвергали предложения денежных вспомоществований. После возмущения в Польше у поляков-студентов возбуждено почти у всех взаимное единодушие, и они будто бы все согласились выйти из университета и немедленно ехать на родину»¹²². Огул решил единодушно принять участие в восстании. К 12 февраля 1863 г. 74 студента-поляка из уроженцев западных губерний и Царства Польского были исключены из Московского университета, так как подали заявления об отпуске¹²³. Отчеты Главного радного огула кончаются в феврале, отметки в книгах гмин о выплате денег в кассу на нуждающихся — в марте, отметки о выдаче пособия — в феврале¹²⁴. Сле-

¹¹⁹ РПРС, т. I, стр. 187.

¹²⁰ J. Łukaszeński. Zabór pruski w czasie powstania styczniowego 1863 r. Jassy, 1870, стр. 250.

¹²¹ Там же, стр. 251—255.

¹²² ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 8, л. 9.

¹²³ Там же, лл. 54—55.

¹²⁴ Там же, ф. 112и, оп. 2, д. 24, лл. 6—7.

довательно, основная масса студентов, участвовавших в восстании, к весне 1863 г. выезжает из Москвы. Хотя выплаты пуждающимся прекратились, сам огул еще продолжал действовать.

К началу апреля, по сведениям ректора Московского университета на 20 марта, число выехавших из Москвы студентов-поляков (из Царства Польского, западных и смежных с ними губерний) составило 137 человек, но выезжали с чужими документами и без разрешения. Студенты, выехавшие в первые месяцы восстания из Москвы, были наиболее активными деятелями в огуле и «Союзе сторожников движения», а также были связаны с местными революционными организациями в Белоруссии и Литве¹²⁵.

В планах как русских, так и польских революционеров 1863 год был годом вооруженного восстания. Между руководителями тайных обществ происходит ряд переговоров о совместной деятельности. В Москве группа Ю. Мосолова—Н. Шатилова стояла ближе других к польскому студенческому тайному обществу.

В феврале 1863 г. в Москве появились сведения о распространении прокламаций «Земли и Воли», «Льется польская кровь, льется русская кровь...» и «Свобода» № 1. Члены польского тайного общества приняли участие в их распространении. В дневнике Д. Квятковского запись за 19 февраля гласит: «Мы разбрасываем по Москве прокламацию от русского комитета, на конце которой имеется добавление от польского комитета»¹²⁶, т. е. прокламацию «Льется польская кровь, льется русская кровь...»

20 февраля московской жандармерией был арестован лекарь Каликст Павловский, опустивший в почтовый ящик два пакета с листовками «Свобода» № 1. К. Павловский, уроженец Царства Польского, только что окончивший университет, был членом польского тайного общества в Москве. При обыске на его квартире были задержаны приехавший из Калуги бывший член огула лекарь Константин Юндзилл Рылло, а также деятельнейший член огула и «Союза» Александр Зельверович¹²⁷.

Деятельность огула прекратилась весной 1863 г. в связи с отъездом из Москвы для участия в восстании большинства его членов.

¹²⁵ Это следующие студенты: Ф. Родаевич, Ю. Кушелевский, Ю. Лыко, В. Скаржинский, Л. Бульковский, А. Петровский, А. Евзилович, Ю. Лоцинский, Ю. Цимкевич, Я. Сыцко, И. Шверин, Л. Андрушкевич, В. Богдзевич, К. Вержбицкий, А. Бржозовский, Ю. Волк, К. Бульковский, Л. Бжесский, Э. Моро-Пляцид, Я. Стапкевич, В. Нейман, А. Степановский, Л. Бум, Я. Прекер, Г. Буткевич, К. Желязовский, Э. Кмитт, А. Владичанский, Ю. Владичанский, М. Ключковский, В. Консевич, Б. Ярошевский, Ю. Бородич, Б. Левкович, А. Рязанский, К. Добровольский, Ф. Липштович, А. Хилинский, Л. Шакурский, Я. Гундиус, Ю. Вишневецкий, К. Фолькшман, А. Бантле, М. Кантовт, А. Булгак, М. Гиртович, В. Боржым, Г. Мицкевич, Н. Покульский, С. Мацкевич, Ф. Худзинский, Я. Шидловский, Л. Иоч, С. Мацевский, М. Доманевский, К. Наркевич, А. Булгак, В. Боровский, М. Сломский, П. Яцкевич, Ю. Рысинский, Э. Попчаревы, М. Банер, А. Клечковский, А. Ростиневский, В. Ястржембский, М. Окулич, Я. Мержековский, Ц. Мицкевич, К. Вроблевский, Р. Берб, Л. Валицкий, С. Средашевич, Я. Гомолицкий, Т. Далецкий, К. Чеховский, Ф. Соллогуб, Ю. Бабинский, К. Копульевич, Г. Баранович, Ф. Домбровский, А. Королько, М. Орловский, Я. Шпиндлер, К. Юрага-Гедройц, Я. Довгирд, Ю. Довгелло, Г. Эсьман, Я. Черешкевич, К. Дзедюля, Р. Блажевецкий, М. Марциповский, В. Долобовский, В. Булгак, В. Хоревич, Г. Смоневич, В. Плееский, Ф. Шуевич, Ф. Кобылинский, Б. Миссуно, В. Позняк, В. Подрез, В. Мильвид, К. Ястржембский, С. Шпиндлер, Б. Блажевецкий, А. Ровинский, К. Освенцимский, А. Ратынский, К. Сулистровский, М. Менчинский, К. Кульбацкий, Г. Козелл, В. Здитовецкий, К. Вержбицкий, В. Лисицкий, В. Демуков, А. Колендо, Л. Бородич, Ю. Станевич, В. Соколовский, В. Ржевуский, Б. Володько, Ю. Куявский, Ю. Мицкевич, К. Цешковский, Ю. Пеполь, Э. Цюндевицкий, А. Козелл, Э. Козелл, С. Левкович, Ю. Ломашевич (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 729, лл. 255—256).

¹²⁶ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1863 г., д. 97, ч. 10, л. 27 об.

¹²⁷ Там же, ч. 8.

С началом восстания деятельность всех польских революционно настроенных групп возглавил Польский комитет, ставший органом повстанческой власти в Москве. В руководство комитета вошли активные деятели огула и «Союза сторонников движения» — Т. Далецкий, Н. Бернацкий, А. Зельверович, М. Маркс, П. Маевский и др. Эта организация в дальнейшем сыграла значительную роль в революционном движении 1864—1866 гг.

Следует сказать, что польское студенческое движение в конце 50-х — начале 60-х годов XIX столетия являлось серьезным политическим фактором общественного движения в России и Царстве Польском. Огул студентов-поляков Московского университета был одной из наиболее крупных демократических польских организаций в России. В силу исторически сложившихся обстоятельств огул уже с момента возникновения не был только студенческим обществом взаимопомощи — он ставил общенациональные задачи, привлекая для их решения молодежные массы.

В период подъема польского национально-освободительного движения и революционной ситуации в России огул сыграл серьезную роль в подготовке революционных кадров восстания 1863 г.

З. Я. Тальвирская

**СОЗДАНИЕ ОШМЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И ОБЩЕСТВО «ПЁНТКОВИЧЕЙ»
в 1861—1862 гг.**

Большую роль в истории восстания 1863—1864 гг. сыграли различные организации, определявшие и направлявшие ход восстания. Если история Центрального Национального комитета, Литовского провинциального комитета и других центральных повстанческих организаций уже изучалась, то история провинциальных организаций на местах обычно выпадает из поля зрения исследователя либо рисуется только как результат деятельности центральных комитетов, посылавших агентов в провинцию.

Такое положение в первую очередь вызвано состоянием источников по данной теме. До начала восстания царские власти не относились серьезно к поступающим к ним сведениям о создаваемых организациях на местах, разыскивая главным образом эмиссаров эмиграции или, в крайнем случае, эмиссаров Варшавы. Обеспокоенное широким размахом манифестационного движения, правительство проглядело начало организованного подполья, готовившего восстание. Действовавшие в 1863—1865 гг. следственные комиссии также мало собрали материала о периоде 1861—1862 гг. и если интересовались прошлым, то главным образом в связи с деятельностью членов центральной повстанческой организации. Провинциальные организации интересовали комиссии только в том составе, в котором они сложились в период восстания. Комиссии выявляли действующих членов, мало интересуясь историей этих организаций, а сами подследственные, за очень небольшим исключением, откровенных и подробных показаний не давали. Мемуарная литература также очень скупа на описание деятельности местных организаций, особенно в период подготовки восстания. Все это усложняет работу над историей создания и деятельности организаций на местах, а в иных случаях делает ее почти невозможной.

По истории Ошмянской организации в силу ряда обстоятельств материалов сохранилось больше, хотя они не обладают необходимой полнотой и не разъясняют многих вопросов, встающих перед исследователем. Наибольший материал по истории организации под названием «Библиотека ошмянской молодежи» и тесно связанного с ней виленского студенческого общества «Пёнтковичей» дают доносы агента III отделения, студента Петербургского университета Юзефа Бернацкого. Подлинники этих доносов находятся в делах III отделения¹. Доносы Ю. Бернацкого вы-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 109н, 1 экзп., 1861 г., д. 293, 439; 1862 г., д. 230, ч. 17 и ч. 17, лит. А. Копии доносов см.: ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 9, 145. Копия, находящаяся в Вильнюсском архиве, опубликована в сборнике «Архивные мате-

зывали недоверие властей, и никаких специальных расследований в то время по ним проведено не было. В 1864 г. дело с доносами Ю. Бернацкого было вытребовано в Виленскую следственную комиссию, и председатель комиссии генерал С. Г. Веселитский указал, что сведения Ю. Бернацкого были достоверны и подтвердились дальнейшими событиями², но опять же следователей заинтересовали главным образом сведения о центральных организациях. В 1863—1864 гг. заведены были специальные дела на Ошмянскую и Свенцянскую организации³, арестовано много лиц; следствие тянулось два года, по ничему предсудительного открыто не было, так как за давностью времени расследовать события 1861—1862 гг. оказалось трудно, а арестованные упорно отрицали политический характер организаций. Власти вынуждены были освободить многих арестованных и прекратить расследование⁴. Несмотря на это, дела комиссии содержат ценный материал об участниках организации и подтверждают почти все факты, сообщенные Ю. Бернацким в его доносах, не подтверждая прямо лишь сведения о политическом характере организации. Чтобы выяснить этот, безусловно самый важный вопрос, пришлось пересмотреть многие дела рядовых повстанцев из Ошмянского уезда⁵, сообщавших в своих показаниях отдельные сведения о членах организации в период восстания, об их действиях, восстановить по возможности ее состав в 1863 г. и оценить, учитывая все это, деятельность лиц, входивших в организацию до восстания.

В работах, посвященных истории восстания 1863—1864 гг. в Литве и Белоруссии, ни обществу «Пёйтковичей», ни тем более Ошмянской организации не было уделено особого внимания. Обычно исследователи только сообщают о существовании общества «Пёйтковичей» либо, в лучшем случае, разбирают статью Эвстахия Чарновского «Новый год», распространяя затем ее оценку на все общество, и этим ограничиваются⁶. Между тем при более углубленном исследовании восстания, когда от изучения общего его направления истории переходят к уточнению вопросов социального состава организаций и повстанческих отрядов, выяснению отношения разных слоев населения к восстанию и т. п., изучение организаций, создававшихся на местах, организовывавших и проводивших восстание у себя в уезде, городе, губернии, становится первостепенной необходимостью. В данной статье сделана попытка собрать по возможности все сведения об одной из таких организаций, показать процесс ее создания и деятельность накануне восстания.

* * *

Прежде чем излагать историю создания организации в Ошмянском уезде, следует коротко остановиться на характеристике отдельных слоев

риалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края», ч. 1. Вильно, 1913, стр. 95—100. Основные доносы Ю. Бернацкого опубликованы в сборнике «Революционный подъем в Литве и Белоруссии 1861—1862 гг.». М., 1964.

² ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1862 г., д. 230, ч. 17, лит. А, л. 170.

³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1495, 1605; ф. 1248, оп. 2, д. 1518—1519.

⁴ В Ошмянской и Свенцянской комиссиях дела тянулись вплоть до закрытия этих комиссий; заключения по делам делала уже Виленская комиссия (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 12, лл. 12, 35; ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1495).

⁵ Дела по фондам канцелярии генерал-губернатора (ф. 378) и следственных комиссий и аудиторната (ф. 1248, оп. 1 и оп. 2; ф. 419, 494 и др.).

⁶ Об обществе «Пёйтковичей» писал С. А. Райковский в статье «Польская молодежь Западного края в мятеже 1861—1863 годов» («Русский вестник», 1869, т. 79, стр. 656). Из работ советских историков см.: С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве 1859—1862 гг. М., 1961, стр. 196, 197, 202; А. Ф. Смирнов. Манифестационное движение в Белоруссии и Литве (в сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1961, стр. 476); его же. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963, стр. 69—71.

населения, сыгравших особенно активную роль как в подготовке восстания, так и в ходе его.

Ошмянский уезд, расположенный на холмистой равнине юго-восточной части Виленской губернии, по территории и количеству населения занимал первое место в губернии (17% всей площади губернии, или 645 468 десятин, и 128 666 человек населения, или 15,3% ⁷). Местность изобилует лесами и болотами. Почвы преимущественно глинистые, малоплодородные, требующие большого удобрения, однако животноводство, решающее вопрос об удобрениях, в этом уезде было развито менее, чем в соседних. Население занималось главным образом земледелием, только в имениях таких крупных помещиков, как гр. Хрептович, имелись чугунолитейный, кирпичный, гончарный заводы, у кн. Витгенштейна — железный, стеклодувный, скипидарный заводы. В остальных поместьях были только винокуренные и пивоваренные заводы, а в самих Ошмянах — кожевенные. Всего в уезде насчитывался 91 заводик с общим числом рабочих 1029 человек, причем половина из них работала на железном заводе кн. Витгенштейна в Налибоках ⁸.

Большинство населения уезда составляло так называемое податное сословие — 112 519 человек (87,4%) ⁹. В него включалось: крепостных помещичьих крестьян — 70 219 человек, казенных крестьян — 29 881, однодворцев — 3682, вольных людей — 338, мещан — 7690, купцов — 137 ¹⁰. Таким образом, подавляющее большинство населения — 100 тыс. из 128 тыс. — составляло крепостное крестьянство, перешедшее после реформы 19 февраля в большей своей части в разряд временнообязанных крестьян. Положение его было исключительно тяжелым. По инвентарным правилам, крестьяне с полного надела (1 уволока, или 19 десятин) были обязаны отбывать у помещика 6 барщинных дней в неделю и 8 дней стогу летом для всех работоспособных, платить данину, исполнять шарварковый сбор, дорожную повинность, сторожевую и платить, кроме того, государственные подати — 8 руб. с хаты ¹¹. К 60-м годам XIX в. полный надел имели три четверти помещичьих крестьян, остальные жили на половине надела или имели только огород, либо жили у помещика или других крестьян батраками ¹². Последние категории крестьян заметно увеличались в числе накануне реформы. После опубликования реформы именно эти категории особенно резко выступали против нее, так как она несколько не улучшила их положение. Впрочем, недовольство реформа вызвала у всех крепостных крестьян, поскольку на два года сохранились в прежнем виде барщина и прочие повинности. Во многих же имениях западных губерний помещики постарались даже увеличить эти повинности за счет записанных в инвентар, но не выполняемых обычно из-за скудости крестьянских хозяйств. Особое недовольствие вызвала реформа у государственных крестьян, так как она обошла их совсем.

Такое положение крестьянства делало его самой беспокойной, самой опасной для правительства и помещиков частью населения. В Ошмянском уезде положение крестьянства было особенно тяжелым. Как пример можно привести такие цифры: в среднем по губернии оплата работника с лошадей составляла 65 коп. в день; в Трокемском, Виленском, Свенцяномском и Лидском уездах она поднималась до 1 руб., а в Ошмянском, Вилейском

⁷ А. Корев. Виленская губерния, материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1861, стр. 108, 110, 308.

⁸ Там же, стр. 505.

⁹ Там же, стр. 312, 335.

¹⁰ Там же, стр. 383, 394—397. По данным 10-й ревизии, крепостных на общем крепостном праве значится 70 127 человек и на условном праве — 2666 (А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб., 1861, стр. 28).

¹¹ А. Корев. Указ. соч., стр. 400, 488.

¹² Там же, стр. 487.

и Дисненском — не более 50 коп.¹³, хотя плотность населения в них самая низкая.

Мещан насчитывалось в уезде 7690 человек, но они не все были горожанами, так же как и не все горожане принадлежали к сословию мещан¹⁴. Весьма значительная часть мещан жила в уезде и владела землями, которые они обрабатывали либо сами, либо сдавали в аренду; известное количество служило работниками у помещиков и крестьян. В городах большое число мещанства составляли евреи, занимавшиеся главным образом торговлей.

Однодворцев в Ошмянском уезде насчитывалось 3682 человека. По экономическому положению это те же крестьяне, лишь свободные от крепостной зависимости. Социальное расслоение среди них было также чрезвычайно велико; только часть имела собственные земли, а большинство арендовало их у помещиков, либо батрачило в других хозяйствах. Однодворцев-арендаторов в Ошмянском уезде был самый высокий процент по губернии, возможно, что это объяснялось низкой арендной платой за землю (25—30 руб. в год за волоку, в то время как в соседних — Дисненском и Свешнянском уездах — 40—50 руб.)¹⁵.

Неподатного сословия насчитывалось в уезде 15 505 человек (12%)¹⁶. В него включались: личные и потомственные дворяне, духовенство, отставные военные и гражданские чиновники, учащиеся и т. п.

Потомственных дворян в уезде насчитывалось 9574 человека¹⁷. Это сословие, как, впрочем, и другие сословия того времени, в социальном отношении было разделено на группы, объединенные между собой только одним сословным признаком.

К первой группе следует отнести дворян-помещиков, владевших землей и крестьянами. Таких в уезде было 356 человек (т. е. менее 4% дворян) и в их собственности — 70 219 душ крепостных и около 48 тыс. десятин земли¹⁸. 158 помещиков принадлежали к категории мелких и владели от одной до 21 крестьянских душ, 151 помещик владел от 21 до 100 душ, 37 помещиков имело от 100 до 500 душ, четыре помещика имели поместья с населением от 500 до 1000 и шесть — более тысячи душ. Среди последних можно назвать гр. Тышкевичей, обладавших 3782 крепостными крестьянами, графиню Тизенгауз — 2890 крепостных и гр. Хрептовича — 2344. Ошмянский уезд занимал первое место среди уездов Виленской губернии как по числу самых крупных владельцев, так и по числу мелких (имевших до 100 душ) и делил первое место с Виленским уездом по общему числу помещиков¹⁹.

Вторая категория дворян — это владельцы денежных капиталов или земель без крестьян. По губернии они составляют 47,5% всего дворянского сословия. Обычно эти лица являлись арендаторами поместий или казенных ферм. Дворяне же, владевшие только землей, обычно жили околицами и сами обрабатывали землю. По образу жизни они мало отличались от крестьян. Таких дворян больше всего в Ошмянском и Лидском уездах. Третья категория — дворяне, не имеющие собственности и арен-

¹³ А. Корева. Указ. соч., стр. 490.

¹⁴ По данным 1863 г., в уезде насчитывалось всего 129 922 человека, из них в г. Ошмянах проживало 3317 человек, а в 31 местечке и городках уезда — 17 701 человек («Статистический временник Российской империи, издание Центрального статистического комитета МВД», серия I, вып. 1. СПб., 1866, стр. 8, 82, 83).

¹⁵ А. Корева. Указ. соч., стр. 492.

¹⁶ Там же, стр. 309, 334.

¹⁷ Там же, стр. 369.

¹⁸ Там же, стр. 111. По губернии помещики составляли 3,9% дворянского сословия и имели 2521 имение в 2 397 894 десятины земли с 368 637 крепостными крестьянами (там же, стр. 499).

¹⁹ Там же, стр. 370—371.

дующие земли, которые сами же обрабатывают. Эта категория также самая многочисленная в Ошмянском уезде. К четвертой категории относились потомственные дворяне, занимавшиеся ремеслами или находившиеся в услужении у частных лиц, обычно в должностях управляющих или приказчиков в имениях, писарей, камердинеров, лакеев²⁰.

Кроме дворян потомственных, некоторый процент населения составляли дворяне личные; всего по губернии их насчитывалось 1557 человек²¹.

К первой и второй группам дворянства, т. е. более или менее обеспеченным, относилось 51,4% всего дворянства, а 48,6% дворян третьей и четвертой групп по социальному составу ближе всего были к положению свободных крестьян или горожан.

Отличительной особенностью Ошмянского уезда было значительное число безземельной шляхты, арендовавшей земельные участки у помещиков, — чиншевой шляхты и однодворцев, также арендаторов. По экономическому положению чиншевая шляхта и однодворцы, а часто и околичная шляхта, сидевшая на своих землях, очень мало отличались от крестьян. Большое число шляхты работало по найму не только в качестве управляющих и экономов, но и просто батраками в хозяйствах мелкой шляхты и однодворцев. Положение этих батраков было особенно бесперспективным.

Постепенное ухудшение экономического положения, отмена старых, феодальных привилегий шляхты при оставлении прежней сословной структуры общества делало эту прослойку населения активной силой в революционных выступлениях. События 1863—1864 гг. в Ошмянском уезде показали, что немущая шляхта выставила значительное число участников повстанческих отрядов. Большую роль сыграло еще и то, что это была именно польская шляхта, т. е. получившая и утвердившая свое сословное положение именно в польском государстве (независимо от того, к какой национальности принадлежали ее представители — к полякам, белорусам или татарам). Именно поэтому она легче откликнулась на лозунги польского национально-освободительного движения. Последнее обстоятельство во многом определило и активность мелких помещиков и арендаторов небольших поместий. Ухудшение их экономического положения, вызванное начавшимся развитием капитализма, а также разорительные последствия для мелких хозяйств реформы 19 февраля вели к идеализации этими людьми прошлого и поддержке польских национально-освободительных лозунгов. Выдвинутые одними помещиками и для одной только шляхты, эти лозунги имели бы только реакционное содержание и все движение против царизма потеряло бы свое революционное значение. Однако выдвинутое вместе с требованием наделения крестьян теми же правами приобретало для того времени прогрессивное буржуазное содержание — уравнивание всех сословий в будущем государстве.

Важной категорией участников национально-освободительного движения явилось чиновничество. По действовавшим в России законам на государственную и военную службу принимались только лица дворянского происхождения либо окончившие гимназии с отличием, за что получали право на 14-й класс. Поэтому чиновничество почти целиком принадлежало к дворянскому сословию, причем к его бедной части. Только очень немногие из чиновников имели какое-то личное состояние или небольшие поместья, большинство же жило на жалованье. До 1855 г. существовали ограничения для уроженцев западных губерний при поступлении там на службу: принимались только лица, прослужившие уже несколько лет в учреждениях или учебных заведениях внутренних губерний России. В 1855 г. это ограничение было отменено, и число чинов-

²⁰ Там же, стр. 371—372.

²¹ Там же, стр. 347.

ков и преподавателей пополнилось молодежью из немущей или бедной шляхты местного происхождения, окончившей гимназии или университеты. Эти представители интеллигентной молодежи были среди наиболее активных участников движения. Ближе всего с ними связаны были ученики гимназий и студенты высших учебных заведений. В Ошмянском уезде своей гимназии не было, поэтому ученики и студенты — местные уроженцы — уезжали учиться в гимназии Вильно, Минска, Свенцян, в университеты Москвы, Петербурга, Киева, по связи с родными местами поддерживалась самая тесная. Эта категория населения, несмотря на относительно небольшой состав, сыграла исключительно важную роль в движении.

Таков, в общих словах, социальный состав населения Ошмянского уезда, но без характеристики национального состава многое останется неясным. В этнографическом отношении уезд представлял как бы в уменьшенном виде подобие Виленской губернии и даже всего Северо-Западного края. Северо-западная часть уезда населена литовцами, юго-восточная — белорусами. По всему уезду, а особенно в городах и местечках, жили поляки, евреи, татары, русские (староверы). По не очень точной статистике того времени, учитывавшей главным образом вероисповедание, в уезде значится: белорусов (православных) — 27 394 человека, литовцев (католиков) — 62 571, литовцев (православных) — 2527, поляков (католиков) — 20 650. Остальные 15 524 человека — русские, татары и евреи²². Следует отметить особенно высокий процент польского населения — 16%, в то время как средний процент по губернии, включая г. Вильно, составлял только 12,3%²³.

Крепостное крестьянство уезда состояло исключительно из литовцев и белорусов, другие же категории крестьян (вольные люди, однодворцы) происходили как из литовцев, так и из белорусов и поляков. Сложнее всего поддается определению национальный состав дворянства. Исторически оно сложилось из литовцев и белорусов, из приехавших поляков и татар. Однако со времени объединения Великого Княжества Литовского с Польшей все привилегированные сословия сильно ополячились, приняв католичество, а в период национально-освободительных движений 1830—1863 гг. многие лица, до того подчеркивавшие свое непольское происхождение, стали называть себя поляками, солидаризируясь этим с антицаристским национально-освободительным движением, центром которого была Польша.

* * *

В большинстве городов Литвы и Белоруссии в марте—апреле 1861 г. началось манифестационное движение в знак протеста против варшавских расстрелов, в знак солидарности с варшавянами, положившими начало мощному народному движению за национальное освобождение и демократические свободы. В западных губерниях первые манифестации были начаты интеллигенцией при участии представителей знати и дворянства, выразившего этим свою оппозицию царизму в связи с проведением крестьянской реформы и ущемлением некоторых привилегий. Главными участниками в панихидах были средние слои населения города: чиновники, учащиеся, ремесленники. В марте—апреле панихиды по убитым в Варшаве были отслужены во многих костелах Западного края²⁴,

²² Н. П. Столянский. Девять губерний западно-русского края в топографическом, геоэкономическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношениях. СПб., 1866, стр. 41.

²³ А. Корева. Указ. соч., стр. 320.

²⁴ «Революционный подъем...», стр. 12, 14—20, 230, 325, 326, 333, 432, 433, 514, 572, 595.

но они послали мирный характер, не были особенно многочисленны и не слишком волновали правительство.

Первое беспокойство вызвал приезд студентов. Начальник IV округа жандармов А. М. Гильдебрант доносил 18 апреля 1861 г. в III отделение: «Полученные мною [...] с разных сторон сведения заключаются в том, что в Вильну съехались много студентов из разных университетов без видимой надобности и что в страстную пятницу [т. е. 21 апреля (3 мая): — 3. Т.] готовится восстание, в котором примут участие виленские жители, и ремесленники в особенности»²⁵. Вызывавший опасения властей день 70-летия конституции 1791 г. прошел спокойно²⁶. Были приняты строгие меры против приезда в Вильно студентов, но манифестация все-таки состоялась. 8 мая в кафедральном соборе небольшая группа студентов пропела запрещенный правительством гимн, за что они были арестованы и высланы во внутренние губернии России. Несмотря на то, что студенты 8 мая почти не были поддержаны жителями Вильно в тот момент, эта манифестация послужила началом нового широкого движения, охватившего летом 1861 г. все города и местечки литовских, белорусских губерний и достигшего кульминационного развития в августовских демонстрациях. Везде зачинщиками и организаторами первых антиправительственных манифестаций выступают приехавшие студенты и местная молодежь.

В Ошмянский уезд прибыли на каникулы многие студенты, местные уроженцы: Эвстахий и Юлиан Чарновские, Владислав Пилецкий, Густав Воллович, Юзеф Бернацкий, Генрик Баранович, Генрик Хмелевский, Карчевский, Печковский, Цезарий Чарницкий, а также ученик пижонерного училища Зыгмунт Мишейко и студент Петербургской академии художеств Ян Мисевич. Все они были тесно связаны родственными и дружескими связями с местными помещиками и чиновниками. Кроме студентов, на каникулы прибыли в июне и гимназисты, уже прошедшие школу манифестаций в Вильно. Широкая волна манифестаций в июне 1861 г. из Вильно перешла в провинцию и взбудоражила местное общество. Почти все женщины стали носить траур, а многие мужчины — запрещенные чепарки, пояса с эмблемами и т. п. 1 июня по случаю церковного праздника в Ошмянском костеле собралась многочисленная публика, и группа студентов и канцеляристов, по примеру виленцев, пропела гимн «*Boże, coś Polskę*». Как отмечено в дописании виленского генерал-губернатора В. И. Назимова, в пении участвовали студенты Ю. Бернацкий, И. Мисевич, Г. Баранович и Г. Хмелевский, канцеляристы И. Марковский, Бокшанин с братом, М. Волчанский и А. Керсновский. Их поддерживали молодые помещики Г. Завадский, Е. Мишейко, Ф. Свобода, помещица Одаховская и жена канцелярского чиновника Гапа.

7 июня также торжественно была отслужена панихида, а братом аптекаря Андреем Ольшевским и дворянином Жвердовским собирались денежные пожертвования для семей убитых во время варшавских манифестаций. Из уездного города пение гимна распространилось и дальше в местечки и городки. В июле В. И. Назимов доносил в Петербург: «В Ошмянском уезде возмутительный гимн пел был четыре раза в Сморгонском костеле, один раз в Кревском и два раза в Голшанском; в пении замечены, в последнем костеле, дворяне Мишейки, Юсевичи и Невярович, а также студенты Карчевский и Печковский. Лица эти, не довольствуясь пением гимна в костеле, повторили таковой 9 июля в заезжей корчме еврейки Шеншелевой»²⁷. В течение лета 1861 г. манифестации охватили

²⁵ Там же, стр. 16.

²⁶ Там же, стр. 19—20.

²⁷ Там же, стр. 33, 61.

весь уезд. Запрещенный гимн пели всюду, даже в самых отдаленных сельских костелах²⁸.

Любопытно описание одной из манифестаций, сделанное в 1863 г. на следственной комиссии Винцентием Бокшаниным: «Однажды, весною, не помню ни месяца, ни числа, по день был праздничный и здесь была ярмарка, я был в костеле. Во время выхода из костела, перед концом обедни, меня остановил студент Бернацкий, уговаривал остаться потому, что будут служить молебен и что всем присутствовавшим будут прощены грехи на 100 дней. Я заметил, что как он, так и товарищи его студенты и гимназисты уговаривали и других. Они зазывали в костел из рынка простолудшюв, и потому в костеле народу было очень много. По окончании обедни девушки Елена Рымашевская, Ядвига Яблопская, Иозефа Родзевич и Софья Новосельская, Соболевские и другие дамы, мне знакомые, подошли к алтарю и стали на ступенях, за ними стали студенты Иосиф Бернацкий, Владислав Пилецкий, Иван Мисевич, Генрих Хмелевский, помещик Мечислав Невярович и другие и начали петь гимн: «Боже, цось Польску». Ксендз Ковалевский стоял за алтарем в ризнице и смотрел на певших. По окончании пения студенты и гимназисты скрылись в толпе и парод стал выходить из костела [...]; должен добавить, что до пения гимнов упомянутые студенты раздавали некоторым писавые гимны, мне не дали»²⁹.

Как видно из этого описания, манифестации не были только стихийным явлением. Определенная группа студентов и гимназистов выступает организаторами движения. То же самое было в Вильно при начале движения, такая же инициативная группа, или, как тогда называли — комитет, возникла в Ковно³⁰. Вначале она организовывала исполнение гимна, раздачу переписанных или перепечатанных текстов, разучивание их, а затем пыталась руководить различными формами манифестаций. Аналогичным образом, видимо, развивались события и в Ошмянском уезде, где также можно проследить действия определенной инициативной группы. Осенью 1861 г. из Вильно в провинцию были разосланы сообщения о готовившихся арестах и провокациях властей, было предложено временно прекратить всем пение запрещенного гимна. Приказ из Вильно распространился очень скоро. Это могла сделать только группа лиц, тесно связанная с Вилenskим комитетом.

В сентябре 1861 г. в Ошмянах офицеры расквартированного там Нарвского полка устроили бал и пригласили на него местное «общество». Несмотря на продолжавшийся так называемый национальный траур, некоторые польские дамы приняли в нем участие. Известие об этом быстро дошло до г. Вильно. 25 сентября из Вильно было послано «Письмо к ошмянцам», в котором говорилось: «Нам очень грустно, что вы, наши соотечественники, не чувствуете того, что должен чувствовать каждый из нас [...]. Еще не засохла кровь наших братьев, еще вся Погулянка вдыхает запах крови наших соотечественников, а вы уже забыли об этом и, сбросив с себя траурные одежды, веселитесь и развлекаетесь [...]. Раньше Ошмяны гордились своей любовью к отечеству, а сейчас приходится ее оплакивать. Кто всего лишь несколько десятков лет назад поставил их на такую высоту, что они служили примером для других? Знаете кто? Ведь это были ваши отцы и деды и прадеды, а сейчас вы, их сыновья, внуки и правнуки, навлекаете позор не только на Ошмяны,

²⁸ Так, например, настоятель костела в местечке Деревно ксендз Б. Шапявский показал на следствии, что в его костеле устраивались такие манифестации семь или восемь раз во время съезда прихожан из окрестностей на церковные праздники, в соседних же костелах гимны пели еще чаще (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 48, лл. 20—21).

²⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1519, л. 129.

³⁰ T. Korzon. Mój pamiętnik przedhistoryczny. Kraków, 1912, стр. 83—84.

но и на весь народ»³¹. На следующий день была написана уже в Опшьянах афишка на русском языке якобы от «Общества солдат Нарвского полка» с приглашением местным дамам на шпиршкў. В ней было сказано: «[...] усматриваем сочувствие и нежданную даже нами в настоящее время охоту к танцам у некоторых из дам Опшьяны, а пмешпо жеп секретаря полиции Родзевича, Захаровича, Коппневича и Куршовских [...]»³². Чем кончилась эта история и как широко распространялись эти афишки, содержавшие насмешку над перечисленными в них лицами, установить невозможно, но интересно, что Родзевич в скором времени подал прошение о переводе его в другой город.

Одной из центральных задач Опшьянской пинципативной группы было вовлечение в манифестационное движение широких масс народа, особенно крестьянства. Попытки выполнить поставленную задачу почти нигде в губернии не увенчались успехом, хотя агитация велась очень активная. Препрезжавшие на каникулы З. Минейко и Ю. Чарновский переезжали в крестьянские армянки и ходили по деревням, агитируя за примирение крестьян с помещиками, за совместное выступление против царизма. Ю. Берпацкий доносил в III отделение: «Есть еще один опасный человек в Опшьянском уезде — кадет Николаевского инженерного училища Сигизмунд Минейко, который ходит переодетый крестьянином и разносит «гуторки» и возбуждает народ против государя»³³. Ю. Берпацкий сообщал также: «Вообще, как уверяют, крестьяне западных губерний охотнее слушаются студентов, чем своих помещиков или тамошних обывателей, говоря, что студенты и умнее их, последних, и лучше знают о предположениях и мероприятиях правительства, живя большей частью в столицах и больших городах»³⁴.

Широкую известность во всех губерниях с белорусским населением получило летом 1861 г. стихотворное воззвание «Гуторка старого деда», изданное в г. Белостоке³⁵. Каким путем и через какие каналы получалось это воззвание в Опшьянском уезде, осталось невыясненным, хотя агент III отделения Ю. Берпацкий специально занимался этим вопросом. В своем допосе он передал лишь слухи о том, что автором гуторки был поэт В. Дуниц-Марцинкевич, также в это время «ходивший в народ»³⁶. Гуторка написана простым народным языком и пользовалась популярностью среди крестьян. Как пишет тот же агент: «Это сочинение уже довольно распространено и так убедительно действует на крестьян, что где только оно появилось, то крестьяне перестали быть привязаны к государю, которого прежде обожали, и начали искать покровительства помещиков»³⁷.

Гуторка призывала крестьян к участию в борьбе поляков за национальное освобождение, за социальный мир с помещиками, ибо только общая борьба при участии крестьянства могла принести победу. В народ агитаторы шли не движимые желанием помочь ему, защитить его интересы, а лишь для того, чтобы привлечь на свою сторону, использовать в будущей борьбе. В этом смысле характерно письмо Юрия Бринка, возвратившегося на родину из ссылки в 1859 г. В 1861 г. он был активным участником манифестаций и за пение гимнов был подвергнут тайному надзору. Он советует ксендзу проповедовать помещикам делать льготы и уступки крестьянам: «Сердце раздирается, смотря на такое тупоумие, отсталость и эгоизм обывателей (т. е. помещиков. — З. Т.). Согласен с тем, что холопы глупы,

³¹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1061, лл. 7—8.

³² Там же, ф. 1248, оп. 2, д. 1519, л. 13.

³³ «Революционный подъем...», стр. 55.

³⁴ Там же, стр. 71.

³⁵ Редакторами и издателями «Гуторки старого деда» были Б. Шварце и Гриневецкий («W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego». Lwów, 1903, стр. 440).

³⁶ «Революционный подъем...», стр. 55.

³⁷ Там же.

что это скот, не имеющий доверия, и злобные, но кто же за это ответит богу. Будем выше их! Не будем поддаваться себялюбию и ненависти, а сделаем то, что пужно для блага Польши, сделаем из холопов граждан хотя в будущем! [...] Поднимай также и холопов, пусть они поймут, что будущность их счастья есть в соединении с паннами, что они должны с ними быть заодно, что нынешняя свобода исходит не от царя, а от панов. Что, держа сторону правительства, они навсегда утратят религию и свободу, что хотя много панов дурных, но что есть и хорошие, и что они-то и положили начало свободы и поведут их далее, что в Царстве Польском давно есть равенство сословий, что в основе права у поляков всегда была свобода, у москалей же деспотизм и неволя»³⁸. С такой программой шли к крестьянам даже агитаторы, искренне им сочувствующие, ибо задачи будущего восстания требовали, в их понимании, сглаживания противоречий между классами. Никакой программы социальных преобразований, идущих дальше царской реформы, в этот период агитаторами не выдвигалось.

Нельзя думать, что подобные воззвания и разговоры не имели никакого успеха; антиправительственная агитация удачно использовала огромное недовольство крестьян реформой, но попытки установить согласие между крестьянами и помещиками были напрасны.

Ошмянский уезд был одним из центров крестьянского движения, вспыхнувшего в ответ на реформу. В имении Ивье графини Замоиской началось самое крупное выступление крестьян Виленской губернии. В нем приняло участие около 10 тысяч крестьян. Движение охватило не только все соседние имения, но перекинулось в другие уезды Виленской и Минской губерний³⁹. По подсчетам С. А. Лазутки, в марте—начале апреля 1861 г. произошли выступления крестьян более чем в 20 имениях Ошмянского уезда⁴⁰.

Во время этих волнений крестьяне выступали с требованием полной отмены крепостной зависимости и немедленного прекращения всяких отношений с помещиками, считали, что введенный реформой двухлетний срок является обманом, утайкой помещиками действительной свободы. Можно процитировать отрывок из рапорта минского земского исправника минскому губернатору Э. Ф. Келлеру, где говорилось о реакции белорусских крестьян на реформу. Он пишет: «Народ в здешней стороне до того необразован, что не в состоянии понять, в чем заключается личная свобода; они полагают, что, будучи освобождены от крепостной зависимости помещиков, освобождаются от всяких в пользу их повинностей и что состоявшие в пользовании крестьян угодья перейдут в их собственность безвозмездно»⁴¹. В поле вновь происходили волнения крестьян в той же Ивейской волости, а также в имении Жимославь помещика Казимежа Умястовского и в соседних, охватив сразу около 2000 крестьянских дворов⁴².

Волнения продолжались в Ошмянском уезде весь 1861 г. Реформа всколыхнула всю массу крепостного крестьянства, старые споры и разногласия с помещиками выплыли наружу. Крестьяне были убеждены, что паны спрятали настоящую волю, дарованную им царем, что помещики

³⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 508, лл. 62—63. Письмо написано 13 декабря 1861 г. и адресовано ксендау Тышкевичу, настоятелю Мелегианского костела в Свенцянском уезде.

³⁹ См. сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)». Минск, 1959, стр. 67—70, 72—74, 75, 88; ЦГАОР, ф. 109п, оп. 85, д. 26, лл. 95—96; 4 экзп., 1861 г., д. 81, л. 16; ЦГИА, Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 909, лл. 49—53, 65, 113; ф. 419; оп. 2, д. 125, л. 13; д. 126, лл. 1, 8—10; д. 135, лл. 1, 9.

⁴⁰ С. А. Лазутка. Указ. соч., стр. 105.

⁴¹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 135, лл. 5—6.

⁴² «Революционный подъем...», стр. 263—264.

и чиновники обманывают их, неправильно объясняя положения манифеста. Отсюда многочисленные свои толкователи манифеста — крестьяне, отставные солдаты, писари. Отсюда и главная неудача агитации студентов и молодых помещиков. Трудно убедить крестьянина, которого только что выпороли за неповиновение помещику, что тот его лучший друг и защитник. В этом смысле ни гуторки, ни устная агитация успеха не имели. Только агитация против представителей царских властей, против ничего не изменившего в их положении манифеста встречалась сочувственно, но и то далеко не везде. Ряд донесений с мест указывает, что крестьяне враждебно встречали польские патристические манифестации, пение гимнов в костелах, считая, что этим паны выражают свой протест против освобождения крестьян.

Несмотря на попытки отдельных студентов, канцеляристов и молодых шляхтичей агитировать крестьян за поддержку манифестационного движения, несмотря даже на отдельные успехи некоторых лиц, крестьянство в массе осталось равнодушным к их призывам. Это вызвало серьезное разочарование молодежи.

Интересно в этом отношении письмо неизвестного лица из Сморгони к студенту Зенону Сушицкому в Москву от 25 сентября 1861 г. Автор письма приходит к выводу: «Ни сверху от господ нам польза ожидать поддержки, ни снизу от народа мы не знаем, как ее получить»⁴³. Любопытно заключение автора письма, что действовать нужно вместе с русскими: «Из того, что делается у нас и в России, надо вывести то заключение, что теперь с россиянами, уже освобожденными от рабства, мы должны действовать заодно, разумеется, в отношении к тому, что посредственно или непосредственно нас интересует и из чего могут выйти только благие последствия»⁴⁴.

Таким образом, крестьянское и манифестационное движение летом 1861 г. развивались в разных руслах. Попытки объединить их были безуспешными, хотя манифестации оказали известное влияние на крестьянство.

По количеству манифестантов Опшмянский уезд занимал одно из средних мест, несмотря на то, что процент польского населения в уезде был самым высоким по губернии. Здесь не было ни массовых процессий, подобных тем, которые имели место в Вильно, Ковно, Гродно или Поневежском уезде Ковенской губернии, не было и поющих гимны тысячных толп в костелах, как это было в Вильно. Застенковая шляхта, такая многочисленная в уезде, видимо, в основном осталась равнодушной к движению. Активных деятелей манифестационного движения в уезде, по сравнению с общей массой населения, было очень мало, но это был наиболее образованный и интеллигентный слой населения. Главными участниками манифестаций были горожане: чиновники, ремесленники, учащиеся, а также небогатые помещики и служащая шляхта. По национальному составу это было преимущественно польское движение, но в нем принимали участие также и белорусы, литовцы, русские и татары, жившие в уезде.

Лето 1861 г., несмотря на сильное развитие манифестационного движения, кончилось для большинства молодежи разочарованием. Исчезла вера в проповедуемое Л. Мерославским быстрое восстание, пачатое горсткой людей, ведущих за собою неорганизованную и неподготовленную массу, и отсюда был сделан вывод о необходимости создания кружков, обществ и, наконец, организации, задачей которой была бы подготовка восстания. Необходимость организации была всем понятна, вопрос стоял о характере ее деятельности. Кружки, общества и комитеты

⁴³ «Революционный подъем...», стр. 280.

⁴⁴ Там же, стр. 279.

теты начали оформляться уже с 1860 г., но они охватывали очень узкий круг лиц, и задачи и возможности их были очень ограничены. Манифестации изменили положение вещей. В политическую жизнь оказались вовлеченными такие массы народа, которые в иной ситуации были бы выведены из политической инертности только за многие годы организационной работы в подполье.

* * *

Осенью 1861 г. в Вильне собрался небольшой кружок студентов, оставших по тем или иным причинам университет. Одним из руководителей кружка был Эвстахий Чарновский, который ушел с четвертого курса естественного факультета Петербургского университета в связи с женитьбой. Э. Чарновский взял в аренду казенную ферму Ольховку, находившуюся в четырех верстах от Ошмян, и летом деятельно занимался хозяйством. В аренду он получил пустующие земли без хозяйственных строений, и ему все пришлось создавать самому. Так как земли были не заселены, то Э. Чарновский нанял на работы батраков по договору с Ошмянским однодворческим обществом⁴⁵. Повидимому, не участвуя сам в манифестациях, Э. Чарновский вел агитацию среди крестьянства, в том числе среди своих батраков. О нем доносили, что «он имеет большое влияние на крестьян, которые его любят, потому что он, одеваясь в серый армяк, называет их братьями»⁴⁶.

Студенческий кружок имел заседания по пятницам, и потому участники его получили название «Пёнтковичей». Кружок не был большим и цели имел вначале очень скромные: сбор пожертвований в пользу пострадавших во время манифестационного движения⁴⁷, но затем у участников его появились и более широкие планы.

Вопрос о времени создания общества «Пёнтковичей» не вполне ясен. Впервые о нем донос Ю. Бернацкий в поябре из Петербурга, основываясь, по-видимому, на сообщении приехавшего туда Э. Чарновского. В записке III отделения об этом доносе сказано следующее: «По изъяснению Чарновского, в течение нынешнего года составилось будто бы в Вильне общество под названием «Пёнтковичей»⁴⁸. В сентябре—октябре известно уже о влиянии «Пёнтковичей» на создание уездных организаций, так что общество сложилось раньше. Если Ю. Бернацкий правильно указана цель создания «Пёнтковичей» — помощь пострадавшим за участие в манифестациях, — то организация общества отодвигается еще дальше — к лету 1861 г. Это и более вероятно, потому что к сентябрю начался массовый выезд студентов, и в Вильно остались очень немногие из них. Если принять последний срок и считать, что в число «Пёнтковичей» вошли некоторые студенты, выехавшие в Москву и Петербург, то становится более понятной поездка Э. Чарновского в ноябре 1861 г. в эти города.

Еще до поездки в Петербург Э. Чарновский начал действовать в Ошмянах. Как уже указывалось выше, во время манифестации успел сложиться известный кружок наиболее активных участников. Возможно, что таких кружков было несколько. Э. Чарновский, живущий поблизости от Ошмян, безусловно был знаком с частью руководителей. Как велись предварительные переговоры и с кем именно, неизвестно, но о дальнейших событиях сведения сохранились.

В сентябре в Ошмянах, на квартире у коллежского секретаря Юлиана Войнюша, состоялось первое организационное собрание, на ко-

⁴⁵ ЦГИА Лит. ССР. ф. 1248, оп. 2, д. 1518, л. 22.

⁴⁶ «Революционный подъем...», стр. 71.

⁴⁷ Там же, стр. 70.

⁴⁸ Там же, стр. 283.

тором было решено создать своими силами библиотеку. С этим предложением выступил Э. Чарновский. Для Ошмян библиотека не была новым мероприятием. Уже раньше, с 1856 по 1859 г., существовала ошмянская библиотека, созданная на добровольные пожертвования нескольких человек, которые ею сообщали и пользовались. В 1859 г. она прекратила существование, и книги разделили между участниками. Новую библиотеку, в отличие от прежней, решили назвать «Библиотекой ошмянской молодежи»⁴⁹. Через месяц предполагали созвать другое, более многочисленное собрание и произвести запись в члены библиотеки, утвердить ее устав. Составление устава поручили Э. Чарновскому⁵⁰. Первым библиотекарем избрали Михала Волчанского, члена прежней ошмянской библиотеки⁵¹. Однако библиотека была только легальным прикрытием для создаваемого в Ошмянах общества, которое, по мнению Э. Чарновского, должно было стать уездной организацией, связанной с виленским обществом «Пёнтковичей». «Главная цель общества, — сообщалось в агентурной записке, — состоит в том, чтобы всеми силами стараться внушить простому народу, мещанам и крестьянам, враждебные против государя понятия, склонить их на сторону вопроса о возрождении Польши, подготавливая их таким образом к восстанию при первом удобном случае»⁵². В докладе Ю. Бернадского указано, что был избран и первый председатель общества — канцелярист городской ратуши Валериан Бокщанин.

На первом собрании присутствовали следующие лица: хозяин квартиры, коллежский секретарь Юлиан Войнюш, служивший в Ошмянах в городской ратуше, а затем в уездном суде (жена его работала уездной акушеркой и потому имела очень широкий круг знакомств); титулярный советник Фульгентий Окушко — писмоводитель дворянской опеки и губернский секретарь Винцентий Окушко, служивший в ошмянской городской ратуше; чиновник уездного казначейства, коллежский регистратор Тадеуш Косцелецкий и избранный библиотекарем Михал Волчанский, служивший в уездном суде⁵³.

Следующие собрания проходили также на квартире Ю. Войнюша; они были в ноябре и декабре 1861 г. Э. Чарновский на них не присутствовал. К названному кружку чиновников на следующих собраниях присоединились еще Генрик Цвинский, Казимеж Гаурликевич, Фабян Розадовский, Якуб Завадский, Ян Окушко, Юрий Рагинский, Генрик Гришцевич. Все они служили в канцеляриях ошмянских учреждений, были дворянами по происхождению, по имуществу, как правило, никакого не имели⁵⁴. Возраст их колебался от 20 до 40 лет. Семейное положение также было очень различно; так, у Ф. Окушко было шесть детей, Ю. Войнюш был бездетным, Т. Косцелецкий — холостым. Все ли названные лица вошли в состав тайного общества или только стали членами библиотеки, судить трудно, но можно предположить, что участники первого собрания вошли в общество.

Приблизительно в это же время в соседнем уезде — Свенцяном — была создана также большая уездная библиотека, а рядом с нею тайное общество. Там первым инициатором организации библиотеки был Юлиан Вышпекский, окончивший в 1860 г. Киевский университет и живший до августа 1861 г. в Свенцянах и Вильно в ожидании назначения на

⁴⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1495, лл. 18—20.

⁵⁰ Там же, ф. 1248, оп. 2, д. 1519, л. 396.

⁵¹ «Революционный подъем...», стр. 290.

⁵² Там же, стр. 284.

⁵³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1519, л. 250.

⁵⁴ Большинство из них после увольнения со службы в 1864—1865 гг. оказались в таком бедственном положении, что не смогли уплатить штраф в 50 руб. (см. там же, д. 1518).

службу. Мысль о создании библиотеки появилась у него уже весной 1861 г.⁵⁵, и за лето он, по-видимому, очень много успел сделать, потому что организаторы ошмянской библиотеки указывали, что хотят создать такую же, как в соседних Свенцянском и Новогрудском уездах⁵⁶. В январе 1862 г. библиотека насчитывала до 2000 томов и охватывала почти всю помещицью и чиновную молодежь Свенцянского уезда. После отъезда Юлиана Вышинского на службу уездным врачом в Великий Устюг Вологодской губернии дальнейшей организацией библиотеки занялся его брат Цезарий⁵⁷. В октябре или ноябре 1861 г. Цезарий в Вильно связался с «Пёнтковичами» и создал при библиотеке тайное общество. Возможно, что какое-то общество там было и раньше, а в это время только оформилась организационная связь, ибо в январе 1862 г. Ю. Берпацкий следующим образом описал его деятельность: «Теперь это общество уже значительно подвинулось вперед и считает своим членами всех молодых и образованнейших помещиков, о чем можно судить по предположению просить о разрешении открыть в Свенцях библиотеку не только для города, но и для целого уезда. [...] Действия означенного общества отразились уже на простом народе, в деревнях, не говоря уже о мещанах. Агент разговаривал со многими крестьянами и убедился, что они переменяли свой образ мыслей. Они говорят, что государь не хочет давать им воли такой, какую намерены были дать помещику; что они последние думали их поделить землей, но государь этого не позволил, что готовы были бы идти добывать себе волю топором, но только не от помещиков, а от правительства, и что они весьма недовольны своим постоянным положением»⁵⁸.

В начале ноября 1861 г. Э. Чарновский отправился в Петербург оформлять свое увольнение из университета. Там перед студентами польского огула он изложил широкие планы по развертыванию деятельности «Пёнтковичей». Рассказав об уже созданных уездных обществах в Свенцях и Ошмянах, Э. Чарновский агитировал студентов оставить Петербург, отправиться на родину и там создавать такие же общества, чтобы сеть их охватила все уезды северо-западных губерний. Целью этих обществ будет антиправительственная агитация в народе. Периодически в губернских городах будут происходить съезды представителей обществ для обмена опытом и координации действий. Первый такой съезд было решено собрать в Вильно 6 января 1862 г., когда приедут туда студенты на новогодние праздники, и пригласить на него и другую молодежь. На съезде предполагалось избрать делегата на дворянские выборы, чтобы он изложил там требования молодежи западных губерний и, в первую очередь, поставил вопрос об открытии университета в Вильно или в Варшаве. Если правительство не согласится, то нужно создать комитет для отправки за счет дворянства неимущих молодых людей учиться в заграничные университеты. Переговорив об этом с петербургскими студентами, Э. Чарновский поехал на несколько дней в Москву, чтобы и от Московского огула получить согласие на проведение съезда в Вильно. Целью поездки было также налаживание связей между студентами, находящимися в Вильно, студентами, остающимися в Москве и Петербурге, и теми, кто предполагал выехать на новогодние праздники в Вильно⁵⁹. Важной задачей поездки было и получение информации о политических событиях, о ближайших задачах тайных организаций.

⁵⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1605.

⁵⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1519, лл. 250, 396 и др.

⁵⁷ Там же, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1605.

⁵⁸ «Революционный подъем...», стр. 286.

⁵⁹ Там же, стр. 70—71.

Однако информация оказалась недостаточной, и было решено отправить одного из членов общества в Варшаву, Париж, в военную школу в Генуе, где учились многие товарищи студентов и откуда приходили очень разноречивые и беспокойные слухи. Ехать должен был студент Томаш Греготвич⁶⁰, который сразу стал хлопотать о загранчном паспорте. Паспорт ему был беспрепятственно выдан петербургским военным генерал-губернатором 16 ноября⁶¹, несмотря на доносы, поступившие в III отделение. Там считали, что «Пёнтковичи» пахотятся в Вильно и паспорт будут просить у В. И. Назимова; его и предупредили⁶²; петербургский же вариант был совершенно не предусмотрен. Поездка, по неизвестной причине, состоялась только в феврале 1862 г.; вполне возможно, что много времени ушло на поиски средств, так как Т. Греготвич принадлежал к неимущим студентам и на собственный счет выехать не мог⁶³.

В Москве Э. Чарновский пробыл два дня и через Петербург возвратился в Вильно⁶⁴. Очень многие студенты — уроженцы западных губерний, не дождавшись исхода борьбы за отмену матрикул, стали также разъезжаться по домам⁶⁵. В декабре наплыв студентов в Вильно был значительным, но В. И. Назимов, предупрежденный о готовящемся съезде, приказал выслать их немедленно по месту жительства⁶⁶.

На 30 декабря было назначено собрание «Пёнтковичей» для обсуждения вопроса насчет подачи помещиками адреса о восстановлении в Вильно университета и о введении в присутственных местах польского языка, а также об исключении от помещиков средств на отправку бывших петербургских студентов учиться в Краков или Дрезден, т. е. те же вопросы, которые должны были обсуждать на съезде 6 января⁶⁷. Однако в Вильно собрание не состоялось «по той причине, что за всеми собраниями начали очень строго смотреть и что даже «Пёнтковичи», хотя в малом числе, не смогут свободно собираться, без опасения быть открытыми»⁶⁸.

Под новый год удалось собраться только в Ошмянах, небольшим кружком, состоявшим главным образом из студентов — уроженцев Ошмянского уезда и нескольких чиновников и молодых помещиков, тесно связанных со студенческой средой. На собрании присутствовали оба Чарновские, Ян Марковский, Францишек Богусевич, два брата Волловичи, братья Колусовские. Собрание происходило на квартире у канцеляриста К. Гаурилкевича⁶⁹. Вышеперечисленные лица вероятно еще не были членами виленьских «Пёнтковичей» потому, что Ю. Чарновский, Ф. Богусевич, Г. Воллович, Ц. Колусовский только что приехали из Петербурга, а Юзеф Колусовский из Варшавы (либо они вступили в общество еще летом 1861 г.).

Видимо, на собрании обсуждались вопросы об университете в Вильно и о поездке за границу, которые остро волновали студенчество, но все еще не были решены. Кроме этого, обсуждалась статья Э. Чарновского «Новый год», затрагивавшая самые общие проблемы современности и

⁶⁰ ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1861 г., д. 439, л. 6.

⁶¹ Там же, л. 25, а также: ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 145, лл. 8—13.

⁶² «Революционный подъем...», стр. 283.

⁶³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1519, л. 396.

⁶⁴ За его поездкой следили агенты III отделения и доносили о времени отъезда и приезда (ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 3, д. 3233, лл. 65—66).

⁶⁵ Там же, лл. 125—126.

⁶⁶ Ю. Бернацкий сообщил, что, «приехав 23 числа из Петербурга в Вильно, не мог там долго оставаться, потому что генерал-губернатор приказал всех студентов немедленно выслать, и ему дозволили пробыть в Вильне только несколько часов» («Революционный подъем...», стр. 284).

⁶⁷ Там же, стр. 285.

⁶⁸ ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1861 г., д. 439, лл. 23—24.

⁶⁹ Там же, л. 12.

касавшаяся всех присутствовавших в равной степени как студентов, так помещиков и чиновников.

На это собрание не были приглашены случайные лица и некоторые приехавшие в Ошмяны студенты⁷⁰. Все его участники впоследствии проявили себя как активные деятели организации, поэтому о них следует сказать несколько слов. Ян Марковский, канцелярист из Ошмян, был самым деятельным организатором манифестаций, первым начал носить польскую национальную одежду, участвовал в пении гимнов и уговаривал других, за это сидел под арестом, а в начале восстания был отдан в солдаты. Брат Эвстахия Чарновского, Юлиан, был студентом Петербургского университета, который оставил, не приняв матрикул. В 1863 г. — гражданский комиссар уезда. Казимеж Гаурилкевич, столоначальник уездного суда, один из организаторов «Библиотеки ошмянской молодежи». Францишек Богушевич, студент Петербургского университета, приехал домой, не приняв матрикул, впоследствии известный белорусский поэт и участник восстания, происходил из бедной мелкопоместной шляхты. Из братьев Волловичей, старший, Густав, также студент Петербургского университета, в 1863 г. — окружной начальник революционной организации, младший, Михал — новоиспеченный помещик, только что получивший в наследство имение Германички в Ошмянском уезде, также один из организаторов восстания⁷¹. Устин Колусовский, только летом взял в аренду ферму Гудогай в Ошмянском уезде, а до этого был приказчиком у виленского купца, в 1864 г. сослан. Его брат, Цезарий, бывший студент Медико-хирургической академии в Петербурге, также член повстанческой организации в 1863 г. Третий брат, Юзеф, студент Медицинской академии в Варшаве, член центральной Виленской организации в 1863 г.⁷²

Было ли на этом собрании оформлено вхождение этих лиц в Ошмянскую организацию, установить трудно, но можно предположить, что из них была создана какая-то своя группа (десяток), возможно, даже не связанная непосредственно с чиновничьей организацией.

Э. Чарновский прочитал присутствовавшим свою статью «Новый год»⁷³. Несколько рукописных копий ее впоследствии распространялись среди ошмянцев. В статье рассматривались итоги 1861 г., причем оценки были очень высокие и прогнозы на будущее оптимистические. Э. Чарновский писал, что прошедший год убедил Европу в том, что Польша жива и жить будет, что единственным желанием трех братских народов — поляков, литовцев и белорусов — является восстановление независимости. Но особенно значительны успехи минувшего года внутри страны: народ впервые узнал за это время о своей истории и географии, познакомился с основными событиями, запомнил имена героев, погибших за дело свободы, возвысил и развил в себе дух гражданственности до такой степени, что главным знаменем его стало знамя братского единства всех сословий и вероисповеданий. События прошлого года показали всему миру и истинное лицо угнетающих Польшу трех государств, и

⁷⁰ Между прочим, не был приглашен и студент Юзеф Бернацкий, все лето активно участвовавший в манифестациях и бывший даже под судом за то, что облил кислотой платье Родзевич, не соблюдавшей национального траура (ЦГАОР. ф. 109я, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 17, лит. А, л. 78). По-видимому, приглашены были особо проверенные лица, решившие посвятить себя делу тайной организации.

⁷¹ Густав Воллович отказался принять свою половину имения, записав ее целиком на брата, может быть, он уже тогда предполагал посвятить себя революционной деятельности.

⁷² Юзеф фигурирует в доносе как Осип-студент из Варшавской медицинской академии; вполне возможно, что с братом Устином был только он, так как Цезарий уже работал в Обуховской больнице и на Новый год мог домой не приехать, хотя в доносе сказано, что присутствовали «оба Колусовские и Осип, студент из Варшавской медицинской академии» («Революционный подъем...», стр. 285).

⁷³ ЦГАОР, ф. 109я, 1 эксп., 1861 г., д. 439, лл. 23—24.

моральную силу народа. 1861 год убедил в том, что главные препятствия, мешавшие победному восстанию, лежат в самих участниках, и потому они решили очистить себя от всего, что могло бы отвлекать силы, мешало бы всесторонне их развивать. В будущем должны быть осуществлены искренние желания сделать как можно больше для крестьян. Самим же следует избавиться от разорительных дурных привычек: роскоши в одежде, карточной игры, вина и табака. Сбереженные таким образом деньги следует копить («в звонкой монете») на тот случай, когда родине могут понадобиться материальные средства. Следует основательно заняться умственной деятельностью, так как страна испытывает недостаток в национальных научных кадрах. Нужно изучать и поднимать все национальные польские традиции, изучать язык, историю, литературу не только самим и в своих домашних кружках, но руководить чтением в кружках приятелей. Следует знакомить с книгами и журналами бедных соотечественников. Необходимо заставить обучением грамоте простого народа. Иностранные языки нужно исключить совсем из употребления, ибо история показывает, что все предатели охотнее всего говорили между собой по-французски. Однако всестороннее самоусовершенствование и воспитание в национальном духе не исключает необходимости работать над тактикой и стратегией. Эти занятия должны заполнить все долгие зимние вечера и заменить развлечения, которые были отменены из-за национального траура.

На первый взгляд в статье изложена умеренная программа «белых», но при внимательном изучении ее видно, что вера в восстание, ожидаемое в ближайшую весну, пронизывает всю статью, хотя и не высказывается прямо. Вообще статья о многом говорит неясно, нарочито туманными фразами, которые можно понимать по-разному, но это, видно, вынужденная необходимость.

Для нас статья представляет большой интерес, поскольку она местного происхождения, а не привезена из Парижа или Варшавы. В начале Э. Чарновский как бы отдает дань прошлому и говорит, что значение прошедшего года заключается в том впечатлении, какое манифестационное движение оставило в Европе, но тут же замечает, что главное — это внутреннее развитие народа, рост его политической сознательности. Мысль, что участники событий убедились в том, что якобы главное препятствие к освобождению от неволи лежит в них самих, можно понимать в двойном смысле: как призыв к самоусовершенствованию и как призыв рассчитывать на внутренние силы, а не на иностранную интервенцию и легионы. Очень мало и очень неопределенно сказано о крестьянском вопросе, хотя он назван одним из главных. Неясно, о каких благих намерениях, кроме учреждения школ в сельских местностях, идет речь. Вопрос о социальных противоречиях вообще не ставится, напротив, как одно из знаменательных событий года называется достигнутое якобы единство сословий. Предложенная Э. Чарновским программа действий очень скромна: воспитание всех окружающих в польском национальном духе. Но вместе с тем можно за этим усмотреть подтекст: призыв накапливать силы и средства для предстоящего восстания, изучать стратегию и тактику, готовить единомышленников среди окружающих. Еще нет речи о сборе средств, предлагают пока их только накапливать дома, еще речь идет не о вербовке кадров будущего восстания, а только о моральной подготовке. Самое важное — требование продолжать манифестации, готовиться к новому подъему массового движения, который должен начаться летом следующего года. В этой программе видна прямая связь с деятельностью именно того комитета, который руководил манифестациями в Вильно и других местах. В этом отличие программы Э. Чарновского от программы «белых», которые противились манифестациям и только в силу сложившихся обстоя-

тельств вынуждены были иногда принимать участие в наиболее крупных выступлениях (процессия в Ковно). Программа Э. Чарновского отличается и от программы демократического крыла «красных», поскольку намеренно заглушает все социальные противоречия, не выдвигает никакой позитивной программы по крестьянскому вопросу. Правильнее всего назвать статью «Новый год» программой правых «красных», умеренных шляхетских кругов. Неясности, имеющиеся в статье, объясняются, видимо, полулегальным ее характером, так как она предназначалась для распространения и могла попасть в руки полиции⁷⁴. При разговорах между собой все эти неясности, вероятно, устранились, как видно из сообщений о собрании в Ошмянах 10 января, и программа действий намечалась более конкретная.

На 10 января было намечено собрание ошмянской молодежи. Предполагалось, что оно произойдет после студенческого съезда в Вильно 6 января, но последний не состоялся из-за полицейских строгостей и был отложен на время, когда будет снято военное положение. В Ошмянах же собрание состоялось, но в более узком составе, чем было задумано. Из студентов не было никого, за исключением Ю. Берпацкого. Приехали молодые помещики: Эвстахий Минейко, Владислав Юсевич, Иван Осмольский, Устин Колусовский, Юзеф Карчевский, Новосельский и др.⁷⁵ Прибыли ксендзы из соседних приходов: ксендз Рутковский из Дашошева, ксендз Жабо из Ольшан, ксендз Папкевич из прихода, где находилось именно матери Э. Чарновского. Из чиновников присутствовали: секретарь уездного суда Росцислав Равдович, почтмейстер Бокщанин⁷⁶, чиновник палаты государственных имуществ Куль и хозяин квартиры, у которого происходило собрание, Ю. Войниш⁷⁷.

На собрании Э. Чарновский представил написанный им устав библиотеки, который и был принят. Устав включал 22 пункта, определявшие порядок ведения библиотеки, выбора библиотекаря, его обязанности и т. п. Библиотека предполагалась вполне легальная, но все же были отдельные параграфы, которые могли иметь и иное значение. Таков § 2: «В случае, если бы библиотека прекратила свое существование, библиотекарь или исполняющий его обязанности должен поместить таковую под расписку при библиотеке костела до времени, пока не соберутся члены ее и не захотят опять заботиться об увеличении оной». Вряд ли здесь имеется что-либо другое в виду, кроме ожидаемого восстания. В § 3 значится: «Библиотекой управляют ее члены; членом может быть каждый, которого принимают с общего согласия всех членов библиотеки». Второй и третий параграфы больше всего заинтересовали и членов следственной комиссии, но все подследственные упорно отрицали какое-либо политическое значение библиотеки и уверяли, что общее согласие при приеме требовалось только потому, что хотели оградить ее от приема аморальных лиц. Весь устав очень напоминает уставы студенческих библиотек университетов. И это понятно, потому что составителем был

⁷⁴ Статья была списана Ю. Берпацким и отослана в III отделение, где не произвела особого впечатления, так что вопрос об аресте Э. Чарновского даже не поднимался. В дела же следственной комиссии 1863—1864 гг. она не попала и поэтому никак не повлияла на решение суда по делу Э. Чарновского.

⁷⁵ Кто именно из Новосельских присутствовал, неясно, вероятно Даниель, в то время еще ученик виленьской гимназии, участник повстанческого отряда весной 1863 г.

⁷⁶ Семья Бокщаниных состояла из отца Францишка, служившего помощником управляющего у графа Чапского в им. Новоселках, и трех его сыновей — Владислава — чиновника уездного казначейства, Валериана — чиновника городской ратуши, и Винцентия, служившего с 1862 г. в уездном суде. Кроме этих лиц, к делам библиотеки причастен коллежский ассессор Алоизий Бокщанин из уезда. Никто из перечисленных лиц не был почтмейстером.

⁷⁷ В показаниях, данных в 1863—1864 гг., названы К. Гаурилкевич, Б. Гринцевич и И. Саблинский.

Э. Чарновский, сам активный член студенческого огула. Но не только устав, а все имеющиеся данные позволяют думать, что и по форме предполагалось создать библиотеку как полулегальное учреждение для прикрытия тайного общества, т. е. так же, как это было в студенческих огулах. Многие параграфы, взятые оттуда, вряд ли могли попадобиться просто в уездной библиотеке; это касалось и порядка голосования, и порядка ведения библиотечных книг и т. п. Многозначительно звучит § 7: «В обязанности членов и учредителей библиотеки входит забота об увеличении числа членов ее», и «все члены обязаны оставить у библиотекаря свои адреса для облегчения пересылок»⁷⁸. Эти параграфы особенно важны, если учесть, что одним из главных вопросов, обсуждавшихся на Ошмянском собрании, был вопрос о расширении тайного общества⁷⁹.

Присутствовавший на собрании Ю. Берпацкий так изложил его содержание: Э. Чарновский «начал говорить об устройстве библиотеки, независимо от существующей уже незначительной, предлагал учредить клуб для чтения периодических изданий и предложил новую складчину для увеличения библиотеки запрещенных книг, на что собрано более 50 руб. В собрании этом условились также всеми мерами действовать на простой народ, чтобы расположить его к помещикам, на которых он, с объявления свободы, смотрит враждебно, к учреждению школ по деревням, подобно тем, которые уже существуют у помещиков Гапа, Рущица и др. Чарновский сказал, что на народ следует действовать истолкованием в превратном смысле государевых слов, сказанных им в минувшем году в одной губернии собравшимся крестьянам: «Не ждите от меня другой свободы, кроме той, которую я вам даровал, и исполняйте обязанности ваши». Слова эти объявляются крестьянам посредниками, и они, как заметил Чарновский, произвели сильное действие в пароде. Какую же после этого, говорят крестьяне, государь сделал нам милость даровавшем свободы, когда нам теперь гораздо хуже будет, чем было прежде»⁸⁰.

На следствии Э. Чарновский объяснял, что устав библиотеки он действительно представил, но так как большинство собравшихся хотело покупать книги только для легкого, развлекательного чтения, а не научную литературу по сельскому хозяйству, которую он предлагал, то он вскоре ушел с собрания и денег на библиотеку вносить не стал⁸¹. Действительно, в списках членов библиотеки Э. Чарновский не фигурировал. Не были включены в нее и присутствовавшие на собрании у Гаурилкевича студенты, хотя многие из них остались жить в уезде, не был включен в нее никто из ксендзов, кроме Панкевича, хотя и Рутковский, и Жабо были активными деятелями организации, за что и были сосланы в 1863 г. Нет в списках библиотеки и присутствовавших на собрании помещиков Юсевича и Новосельского, также членов общества «Пётколичей»⁸². Видимо, созданная библиотека, прикрывая тайную организацию, не требовала обязательного участия членов организации в библиотеке. С ее назначением было, в первую очередь, связано не вовлечение новых членов, как говорил § 7 ее устава, а ставилась задача вербовки новых членов из имеющих читателей библиотеки. О создании библиотеки нелегальной литературы других данных, кроме доноса Ю. Берпацкого, не имеется.

⁷⁸ Устав библиотеки был найден при обыске у К. Гаурилкевича и хранится в ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1519, лл. 223—224; перевод его на русский: лл. 225—230, и там же, лл. 230—232, находится каталог оставшихся к концу 1863 г. в библиотеке книг. Среди них 122 разрешенных цензурой и 13 запрещенных; куда девались прочие книги, следственная комиссия не выяснила.

⁷⁹ «Революционный подъем...», стр. 285—286.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1519, л. 371.

⁸² Список в 65 человек, см. там же, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1495, лл. 40—55.

Учреждение клуба при библиотеке по каким-то причинам не состоялось, хотя в соседнем Свенцяном уезде была открыта специальная комната для чтения, так что опыт уже имелся⁸³. Э. Чарновский не отрицал перед следственной комиссией, будто было такое предложение, но уверял, что его плохо поняли, он говорил якобы только о необходимости в Ошмянах нового трактира с хорошей кухней, так как в старом дурно кормят⁸⁴. Относительно деревенских школ, упоминавшихся на собраниях, комиссии удалось собрать значительный материал. Было выяснено, что в Ошмянском уезде, в имении помещика Гапа, а также в местечках Воложинке, Вишневе, Олышанах и деревнях Карловщизне, Горецковщизне, Климах и Савичах действительно существовали школы для крестьянских детей, причем обучение в них велось на польском языке. Среди учебников были и перазрешенные цензурой. Преподавали в этих школах местные ксендзы: в м. Олышанах — Игнатий Жабо, в м. Вишневе — Винцентий Карабанович, в м. Воложинке — Демидович, в деревне Климах — солдатка Марианна Яблонская и крестьянка Констанция Неверович⁸⁵.

Среди помещиков и шляхты ходили упорные слухи, что весной ожидается война между Австрией и Италией и с началом ее обязательно должно вспыхнуть восстание⁸⁶. Откладываемая до этого поездки Т. Греготовича за границу для выяснения действительного положения, наконец, состоялась в последних числах января 1862 г. 31 января (12 февраля) он прибыл в Варшаву, где пробыл до 4 (16) февраля и затем отправился в Париж. Сколько времени он пробыл в Париже, установить трудно, потому что в консульстве свой приезд он отметил только 12 (24) февраля, а на следующий день отметил уже отъезд. Вряд ли Т. Греготович успел заехать за это время в военную школу в Генуе, как это проектировалось вначале, скорее всего он пробыл несколько дней в Париже, не отмечая паспорта в русском посольстве. С кем он виделся в Париже, какую информацию и от кого получил там, выяснить не удалось. Скорее всего, он должен был встретиться с кем-нибудь из бывших студентов Петербургского университета, но вполне возможно, что во время четырехдневного пребывания в Варшаве он получил и еще какие-либо адреса в Париже. То, что Т. Греготович не поехал в Генуэзскую школу после Парижа, свидетельствует о том, что пужных людей он встретил и без поездки туда. В Вильно он приехал 23 февраля уже другой дорогой — через Вержболово и Ковно⁸⁷.

* * *

Общество «Пёнтковичей» зимой несколько изменило свой состав. Э. Чарновский находился под наблюдением полиции; он много времени проводил в Ошмянах в своем имении, поэтому несколько отошел от общества. Брат его Юлиан уехал учиться в Краков и Вену. Зато организация пополнилась вновь приехавшими студентами из Петербургского университета. Многими фамилиями мы опять не располагаем. Известно только, что приехал тот же Т. Греготович, Ю. Беркман, отбывавший на-

⁸³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1605.

⁸⁴ Там же, д. 1495, л. 65.

⁸⁵ Там же, лл. 35, 36, 67. О результатах агитации среди крестьян сообщал в каждом своем докладе Ю. Бернацкий. 25 января 1862 г. он писал: «Простой народ, а в особенности крестьяне, которые до сего времени были верными государю и правительству, видимо, переменили свой образ мыслей, перейдя на сторону помещиков. На них имело влияние молодое поколение, всячески старающееся внушить им недоверие и ненависть к царю, а преимущественно ксендзы, которые, как крестьяне сами сознаются, даже на исповеди говорят им, чтобы они слушались только помещиков и не верили лживым обещаниям правительства» (ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1861 г., д. 439, лл. 20—21).

⁸⁶ Там же, л. 20.

⁸⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 145, лл. 8—13.

казание в Кронштадтской крепости за участие в студенческих волнениях (тоже уроженец Ошмянского уезда), Гражевич Юлиан, Жизневский Копрад и закончивший Петербургский университет в 1861 г. Райнольд Скиргайло из Ковенской губернии. Кто еще из бывших студентов входил в это общество, неизвестно, но оно не прекращало свои действия. Имелась ли какая-нибудь связь между «Пёнтковичами» и созданными под их влиянием уездными организациями в Ошмянах и Свенцянах, установить невозможно. Вероятнее всего, отношения были чисто личного, а не организационного порядка, так как организация «Пёнтковичей» никогда не была очень сильной и большой. Ее сила заключалась в студенческих связях, позволявших иметь сношения с многими уездами не только Виленской, но и других губерний, быть в курсе событий. Но вопрос, могли ли оказывать «Пёнтковичи» какое-либо влияние на развитие провинциальных организаций, и не только провинциальных, но и существовавших рядом в Вильно, вызывает сомнение. Фактов, подтверждающих это, нет. Все, что известно было до этого, — создание Ошмянской и Свенцянской организаций — это личная инициатива Э. Чарновского и Ц. Вышинского, даже не члена общества, но действовавшего по его совету. Со временем прежняя сила «Пёнтковичей» стала ослабевать. Существование обособленного студенческого кружка в Вильно себя не оправдывало, и он постепенно превращается в кружок интеллигентной молодежи, существующий рядом с такими же кружками в среде ремесленников и др.

У «Пёнтковичей» были связи и с Виленским комитетом; в состав его зимой 1861/62 г. входили такие разные по взглядам люди, как Людвик Звеждовский, Францишек Далевский, Александр Оскерко. В этот период объединения в комитете всех направлений он был сам очень слаб, так как все силы уходили на внутренние споры, и каждый член вне его проводил работу согласно своим убеждениям. Господствовали в Комитете взгляды «белых», представителем которых был А. Оскерко, и умеренных, примыкавших к ним, представителем которых был Ф. Далевский. «Пёнтковичи», представлявшие относительно радикально настроенную молодежь, были недовольны комитетом. Как сообщал Ю. Бернацкий со слов Р. Скиргайло, «от содействия в этом обществе (т. е. комитете. — З. Т.) отстранены совершенно студенты и почти все молодое поколение, как парод горячий, желающий скорых действий, и как парод, по мнению помещиков, не способный на сохранение политических тайн, которые они, однако, употребляют для достижения своих целей, для распространения своих действий»⁸⁸. В другом доходе Ю. Бернацкий писал: «Молодежь к этому обществу не принадлежит (за исключением двух-трех) и употребляется как орудие к распространению пропаганды, цель и текст которой изготовляют начальники общества»⁸⁹.

Для противодействия комитету общество «Пёнтковичей» решило заняться изданием своего журнала. В редакцию журнала вошли все вышеперечисленные студенты, входившие и в общество, и учитель виленской прогимназии Чарновский⁹⁰. Журнал был назван «Единство» («Jedność»). Редакторы сами переписывали его, поэтому расхodziлся он в немногих экземплярах, но имел шумный успех у публики. Генерал-губернатор В. И. Назимов даже пообещал большую денежную награду тому, кто обнаружит редакцию журнала. Выходить журнал начал в апреле

⁸⁸ Там же, лл. 5—6.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ По памятным книжкам Виленской губернии за 1861/62 г. преподавателя Чарновского не было, но преподавали французский язык в виленской гимназии коллежский ассессор Игнатий Матвеевич Чарноцкий, а в виленском раввинском училище родственник Э. Чарновского Ян Чарновский, переведенный в октябре 1862 г. в Тельшевское уездное училище учителем французского языка, а в октябре 1863 г. посланный в Новгородскую губернию в город Кириллов. Вероятно, он и входил в редакцию журнала.

1862 г.; за три недели было выпущено четыре номера, после чего издание прекратилось, потому что из-за полицейских строгостей редактор его Р. Скиргайло выехал на время в Петербург, где был арестован и после следствия выслан под надзор полиции в Ковенскую губернию⁹¹.

Сохранились два номера журнала: № 1 от 22 апреля и № 3 от 6 мая⁹². Первый номер начинается редакционной статьей, призывающей к единству, как неперемennomу условию для победы в борьбе за национальное освобождение. Другая статья обличает католических прелатов за прислужничество перед царизмом, за измену общему делу, называя фамилии «особо отличившихся» лиц. В это же время редакция «Единства» откликнулась и на начавшиеся выступления в городе театральной труппы, выпустив листовку с призывом не посещать театральных представлений⁹³. Третий номер «Единства» открывается статьей помещика из Лидского уезда, который выступает против продажи крестьянам казенных земель. Он опасается, что такую продажу правительство сможет провести по ценам, более низким, чем смогут продавать помещики своим крестьянам, и это опять вызовет взрыв недовольства у последних.

Автор выступает за амортизационные платежи в рассрочку, которые перенесут все недовольство крестьян реформой на правительство. Вторым разделом журнала называется «Разное». В нем сообщается о событиях, происходящих в России, о появившихся в Петербурге воззваниях. В этом же разделе сообщается о дворянских выборах в Ковно, об обеде, устроенном помещиками в честь прибывших царских чиновников. Назывались имена поляков, нарушавших бойкот театров и присутствовавших на спектаклях⁹⁴. Подобный обличительный материал обязательно публиковался в каждом выпуске. При обыске у Р. Скиргайло был найден список помещиков Ковенской губернии, которых предполагалось изобличить в следующем номере за жестокое обращение со своими крестьянами, за сотрудничество с царскими властями⁹⁵, но этот номер так и не появился.

Таким образом, журнал «Единство» выступал, с одной стороны, за скорейшую подготовку восстания, с другой — очень осторожно подходил к крестьянскому вопросу. Единственная его забота — не раздражать крестьян, несколько уменьшивших антипомещичьи выступления, постараться небольшими уступками привлечь их на свою сторону. Каковы должны быть уступки крестьянам, какие права следует дать ремесленникам и горожанам, чтобы привлечь их на свою сторону, ответа журнал не дает, он только поднимает эти вопросы.

Журнал «Единство», при всей своей ограниченности, все же был более радикален, чем программа Э. Чарновского «Новый год». Можно сказать, что в нем выражалась программа умеренных «красных».

Журнал имел хождение не только в Вильно, но Я. Чарновским развозился и по уезду. В конце третьего номера была приписка с просьбой переписывать журнал и распространять дальше. Как широко шло это распространение, неизвестно, но для «Пёнтковичей» это были самые действенные пути распространения своего влияния. С прекращением издания прекращаются и все известия о существовании «Пёнтковичей».

⁹¹ Райнольд Скиргайло, 1831 г. рождения, происходил из мелкопоместной шляхты Ковенской губернии. Его братья Петр и Бенедикт были чиновниками в ковенском уездном суде и уголовной палате. Сам Райнольд после гимназии служил чиновником в ковенском губернском правлении. В 1856 г. поступил в Петербургский университет, закончил его в 1861 г. По приезде домой некоторое время занимался хозяйством у отца, а затем работал писарем у помещика Орвида в Трокском уезде Вилейской губернии. Позднее переехал в Вильно.

⁹² «Революционный подъем...», стр. 97—113.

⁹³ Там же, стр. 301.

⁹⁴ Там же, стр. 112—113.

⁹⁵ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экз., 1862 г., д. 230, ч. 17, лнт. А, лл. 63—64.

Осенью 1862 г. большинство студентов возвратились в Петербург либо поступили в другие университеты.

Весной 1862 г. начинает налаживаться связь Виленского комитета с организациями, возникшими в уездах и губерниях Северо-Западного края, а там, где они не были оформлены, стали создаваться новые, уже как уездные комитеты от центрального Виленского комитета. Как и когда именно происходил этот процесс, неизвестно, но в мае Ю. Бернадский получил сведения от Р. Скиргайло, что «Библиотека опшмянской молодежи» уже стала уездным комитетом, подчиненным центральному комитету Ф. Далевского, А. Оскерко и Л. Звездовского.

Возглавлял Опшмянский комитет Э. Чарновский⁹⁶. Также подчинен был и Свенцянский уездный комитет, о чем говорит анонимный донос в Свенцянскую следственную комиссию. В нем сказано: «В уездных комитетах Свенцянском, Опшмянском и Троцком, существовавших под фирмой библиотек, бывали заседания в известные дни недели, на которые собирались все лица, принимавшие живое участие в мятеже; на этих собраниях главные члены должны были говорить каждый свое мнение относительно польских дел и вообще передавать все собранные сведения в течение времени между заседаниями. Сведения эти поступали в комитет главным членам от прочих агентов комитета вместе с книгами, быв вставляемы между наружной оберткой книги и папкою»⁹⁷.

Каких-либо конкретных сведений о действиях Опшмянского комитета весной 1862 г. не имеется. Известно лишь, что Михал Волчанский оставил службу и переехал к себе в имение, а на его место был избран библиотекарем Фульгентий Окушко, перевезший к себе на квартиру все книги и заказавший новую печать с надписью «Библиотека опшмянской молодежи».

Летом 1862 г. произошло размежевание в Виленском комитете, и «красными» был создан свой комитет — Комитет движения. Осенью организационно оформился и комитет «белых». Существовавшие прежде уездные комитеты, в зависимости от преобладания в них сторонников того или другого направления, подчинялись соответствующему комитету, другой же посылал тогда в этот уезд агентов и пытался создать свою организацию. Партия «белых», не желавшая скорого восстания, не торопилась и с созданием настоящей организации, заметно отставая от Комитета движения. Прямых данных о присоединении Опшмянского уездного комитета к одному либо к другому центральному комитету нет, но есть косвенные, из которых можно сделать вполне определенный вывод. 6 ноября 1863 г. во всех городских учреждениях Опшмян был произведен обыск. В уездном суде и в дворянской опеке были найдены следующие воззвания: «Братья! Королевство восстало»; «Гуторка двух соседей», № 3 (всего 16 экз.); «Гуторка двух соседей», № 4 (5 экз.); «Мужицкая правда», № 2 (12 экз.); «Поляки! Не мог нас враг сломить ни убийствами, ни преследованиями...» (2 экз.); «Ruch», № 7 от 18 октября 1862 г. (2 экз.), № 8 (1 экз.); «Ruch», № 9 (2 экз.); 5 экз. воззвания Центрального Национального комитета (ЦНК) «Эгоисты — люди пестрой польской совести либо находящиеся под их влиянием [...]»; один экземпляр обращения к помещикам «Do obywateli wiejskich» (о разногласиях между ЦНК и Земледельческим обществом, содержащий подробное изложение программы ЦНК); воззвание от 1 сентября 1862 г. о том, что ЦНК — единственная действительная национальная власть; два экземпляра «Го-

⁹⁶ «Революционный подъем...», стр. 123.

⁹⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1605, л. 37. Это не был в прямом смысле анонимный донос, поскольку доносчик, подписавшийся «Иксвещук», был известен членам комиссии и они заверили его подпись, указав, что он пожелал остаться неизвестным. Видимо, речь идет о каком-то хорошо известном в городе лице.

лоса польского священника», № 4 от 14 ноября 1862 г.; «Strażnica» от 18 октября 1862 г.⁹⁸ После перечисления найденных воззваний, их количества вряд ли у кого-нибудь возникнут сомнения в том, что Ошмянский комитет был связан с Комитетом движения, а не с партией «белых».

Хронологически большая часть воззваний относится к осени 1862 г., — именно тогда и развертывалась работа Комитета движения, создавались организации в уездах, а с такими, как Ошмянская, уже определившимися, устанавливались прочные связи. Воззвания членами организации распространялись по уезду. Одним из центров распространения воззвания было местечко Вишнево, где, как показывали крестьяне, им подкидывали листовки прямо в телеги или в карманы⁹⁹. Больше всего подкидывали издания «Мужицкой правды», № 2 и «Гуторки двух соседей», № 3 и 4. В местечке Вишневе находился чугунный завод и фабрика железных и стальных изделий. Мастеровые и ремесленники, работавшие на фабрике, приехали главным образом из Польши. Управляющий именем Ян Одынец и его сын Северин агитировали крестьян. Им помогали в этом писари Зеньковский и Здзишкевич. Крестьянин Юша и механик Никодим Петрович раздавали крестьянам «Мужицкую правду»¹⁰⁰. В Вишневе в 1863 г. был и один из центров восстания; многие жители окрестностей оказались членами повстанческой организации. Северин Одынец поддерживал связь с отрядами, привозил туда продовольствие, деньги, бумаги и, видимо, был окружным начальником организации. Живший неподалеку помещик Осмольский также был связан с отрядами. Многие крестьяне и особенно однодворцы из окрестностей участвовали в восстании.

Воззвания были обнаружены и в других местах. Так, лесной объездчик имения Ивье В. Сверчинский читал крестьянам «Мужицкую правду» и агитировал против рекрутчины¹⁰¹. Особенно широко проводил агитацию старый шляхтич Юзеф Климашевский в местечке Жупранах, занимавшийся там обучением детей грамоте. Он неоднократно читал крестьянам разные номера «Мужицкой правды», поддерживал связь с партизанскими отрядами. При обыске у него были найдены «Мужицкая правда», ружье, патроны и порох¹⁰². На следствии выяснилось, что последнее воззвание он получил в селении Кушлянах у приехавшего из Вильно гимназиста Антония Ясевича, у которого их было несколько экземпляров. Там же, в Жупранах, действовали и другие лица, так как однажды воззвания оказались расклеенными на стенах домов¹⁰³. В казенной деревне вблизи Крево также читал «какие-то газеты» на белорусском языке приехавший туда Лещинский, сын арендатора казенной фермы Мплейково. Он агитировал всех вступать в партизанские отряды¹⁰⁴. Владислав Юсевич, служивший в магазине гр. Платера в Вильно, разъезжал по Ошмянскому уезду якобы для закупки льна и раздавал при этом воззвания, а затем манифесты Национального правительства. Его брат, Витольд Юсевич, и соседи-помещики Эвстафий Минейко и Валериан Завадский формировали первый отряд в уезде (в январе 1863 г.)¹⁰⁵. Все эти лица были одними из первых основателей Ошмянской организации и библиотеки и первыми начали восстание. В раздаче воззваний «Мужицкая правда», № 2 и «Гуторки двух соседей», № 3 обвинялся также крестьянин м. Крево Викентий Томашевич¹⁰⁶.

⁹⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1519, лл. 40—114.

⁹⁹ Там же, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1027, л. 21.

¹⁰⁰ ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 381, д. 13, лл. 249—250.

¹⁰¹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 363, лл. 21—22.

¹⁰² Там же, ф. 378, ПО, 1864, д. 1555, лл. 1—10.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ ГИМ ОПИ, ф. 381, д. 13, л. 247.

¹⁰⁵ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 259, лл. 34—35; с. а., оп. 2, д. 427, лл. 33—34.

¹⁰⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1027.

Как видно из перечисления найденных в казначействе и уездном суде воззваний, очень многие из них были варшавского происхождения. Они поступали в Ошмяны не только через виленский Комитет движения, принявший осенью 1862 г. название Литовского провинциального комитета, но также непосредственно по почте из Варшавы. Пересыльным пунктом была почтовая станция в м. Сморгонь, куда приходила корреспонденция на вымышленную фамилию («Козляк») и затем начальником станции пересылалась дальше в уезд¹⁰⁷. Другая почтовая станция по Ошмянскому тракту — Нарбутовщина — служила пересыльным пунктом между Москвой и Лондоном. Поддерживал связь помещик Доменик Мавевский, проживавший в имении Даукшишки. В Москве он был связан с приятелем своего брата-студента Николаем Бернадским. Этот канал использовался, видимо, В. И. Кельсцевым¹⁰⁸.

Агитация оказывала известное действие. В декабре 1862 г. виленский жандармский офицер А. М. Лосев доносил в Петербург: «Крестьянское дело здесь ведется таким образом, что, если правительство не решится на положительные меры остановить польскую пропаганду, недолго придется ждать того, что крестьяне, уже и теперь по большей части находящиеся в нерешительности, поневоле переклонятся на сторону поляков, и тогда явное восстание и общее желание отделиться от России будет неминуемо. Польские паны везде проповедают, что еще прежде они сами хотели дать крестьянам свободу, подать руку хлопам на братскую жизнь, но что правительство им этого не позволяло, что дарованная государем императором крестьянам свобода ничего не стоит и что они и хотели бы помочь им, но не могут, потому что закон в этом случае ограждает их братские желания [...]». Успех поляков до того значителен, что даже на своих свадьбах крестьяне одеваются в польские костюмы, чепарки, и на одной из таких свадеб в Ошмянском уезде Вишневого общества по наущению тамошнего кс. Карабаповича пели известный возмутительный национальный гимн». Далее А. М. Лосев делал вывод: «Ожидать ослабления пропаганды от времени уже невозможно. Время может только развить и усилить ее, а пропаганда неминуемо произведет важный беспорядок»¹⁰⁹.

Несмотря на известные успехи агитации, подготовка кадров для вооруженного восстания, сбор средств и оружия в уезде только еще начались.

* * *

Январское восстание в Польше застало всю литовскую организацию неподготовленной. Литовский провинциальный комитет вел курс на вовлечение в движение широких слоев населения, особенно крестьянства, а работы здесь предстояло много. Однако начавшееся восстание вынуждало менять замыслы. В январе из Варшавы прибыли Феликс Вислоух и С. Буковецкий — оба бывшие студенты университетов, копчившие военную школу в Генуе — с требованием немедленного вооруженного выступления. Первую попытку начать восстание решено было произвести в Свенцянском и Ошмянском уездах, где имелись достаточно дееспособные организации.

26 января 1863 г. в казенном имении Желядзь появился первый небольшой отряд в 14 человек, состоявший из ремесленников и учащихся г. Вильно. Командовали им Ф. Вислоух и С. Буковецкий. Повстанцы истребили дела, книги и архив местного сельского управления, разбили дверь сельского запасного магазина, разломали денежный сундук и предложили

¹⁰⁷ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 13, лл. 101—102.

¹⁰⁸ Там же, 1862 г., д. 230, ч. 96, лл. 13, 38.

¹⁰⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1282, оп. 1, д. 32, лл. 111—122.

все это взять крестьянам, но те не решились. Прочитанный крестьянам манифест о паделении их земель также был встречен недоверчиво. После ухода отряда к нему присоединился член организации — сельский писарь Станислав Губинский и два его помощника¹¹⁰. Из Желядзи отряд перешел в Ошмянский уезд, где некоторое время находился в им. Ольшяны помещика Ваньковича, сын которого, бывший студент Петербургского университета, присоединился к отряду. Следующая остановка была в лесу, неподалеку от имени другого студента университета, Густава Волловича, окружного пачальника уезда. Затем, видя, что восстание в уезде подготовлено еще слабо (отряд увеличился только до 22 человек) и население не оказывает поддержки, Ф. Вислоух распустил отряд и отправился в Вильно.

Вторая попытка собрать в Ошмянском уезде отряд была сделана в середине февраля¹¹¹, но тоже неудачно, и только в апреле—мае были созданы постоянные отряды из местных жителей. Формированием отрядов, сбором средств, снабжением продовольствием наиболее деятельно занимались следующие члены организации: окружные пачальники Г. Воллович, помещик Михаловский, вышедший в отставку и поселившийся в небольшом имении первый библиотекарь Михал Волчанский; особенно деятельным был Юльян Чарновский, приехавший в феврале из Кракова и сразу же получивший от К. Калиновского назначение гражданским начальником уезда. После ареста Ю. Чарновского на эту должность назначен был Бепиславский. Военным начальником уезда был назначен прибывший в мае из-за границы Зыгмунт Минейко, но его действия оказались неудачными, и после недельного командования отрядом он был взят в плен. Военным начальником Ошмянского и Свенцянского уездов стал после этого Густав Чехович (Остоя).

Из названных прежде чиновников г. Ошмян деятелями организации оказались: Фульгентий Окушко, Антоний Иодко, Юзеф Вежбицкий, Андриан Спадзский, Якуб Завадовский, Ян Марковский и многие другие, принявшие участие в организации восстания либо участвовавшие в отрядах повстанцев.

¹¹⁰ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 18, д. 1075, л. 11; ф. 380, оп. 20, д. 51, л. 48.

¹¹¹ Там же, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 4, л. 11; ф. 419, оп. 2, д. 181, лл. 51—54. На этот раз сбор отряда был в имении Даукшишки, упомянутом ранее как пересыльный пункт.

В. П. Сторожук

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В РУМЫНИИ И ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА

(По материалам донесений
дипломатических представителей России)

Вопрос о деятельности польской эмиграции в Румынии накануне и во время восстания 1863 г. мало изучен. Между тем он представляет значительный интерес.

Польские патриоты в Соединенных княжествах оказали немалую помощь своим восставшим соотечественникам. Через Молдову Временное революционное правительство доставляло в Царство Польское волонтеров, оружие и военные припасы, а также стремилось создать на территории княжеств базу для дальнейших революционных действий против царской России.

Не претендуя на полное освещение этого вопроса, автор настоящей статьи, используя материалы Архива внешней политики России (донесения русских консулов в Яссах, Галаце и Бухаресте, депеша русского посла в Константинополе и инструкции послам и консулам из Министерства иностранных дел России, обзоры западноевропейских газет и журналов), в значительной степени впервые вводимые в научный оборот, стремится дать картину деятельности польских революционеров в Румынии, а также показать отношение польской эмиграции к восстанию и ее участие в освободительной борьбе 1863 г.

Картина эта рисуется в том виде, в котором она представлялась царским чиновникам, и в этом плане является весьма любопытной. При этом нужно считаться с тем, что в донесениях имеют место ошибки, преувеличения, предвзятые мнения представителей официальной России, которые не всегда могли быть хорошо осведомленными в делах польской эмиграции.

* * *

Массовая польская эмиграция в Румынских княжествах появилась после восстания 1831 г.

Тысячи польских революционеров, спасаясь от преследований царских властей, пахали убежище на молдавской земле. Многие из них принимали активное участие в революционных событиях 1848 г. в княжествах. Был создан «Польский южный легион» во главе с Ионом Лога (Радзиевским)¹.

¹ V. Popovici. Despre activitatea emigranților poloni în Moldova în anii 1846—1848. «Studii și cercetare științifice, istorie», 1958, № 1—2, стр. 88.

Близость Молдовы к польским землям благоприятствовала увеличению численности польской эмиграции в княжествах в последующие годы и созданию здесь одной из зарубежных баз польского освободительного движения. Немалую роль в этом сыграла поддержка эмиграции передовой румынской общественностью, глубоко сочувствовавшей освободительной борьбе польского народа, и правящими кругами княжеств, пытавшимися использовать польское освободительное движение в своих внешнеполитических планах.

В начале 60-х годов местом активной деятельности польских эмигрантов, как проживавших здесь в течение длительного времени, так и вновь прибывших из России и Австро-Венгрии, была Северная Молдова. Около 300 польских эмигрантов, прибывших из разных стран Западной Европы, собралось в южных портовых городах: Галаце, Браила и Тулче.

По мере обострения обстановки в Царстве Польском, все большее значение приобретал пограничный район между Россией и Молдовой. Треугольник Михайлены (на территории Молдовы) — Новоселица (в России) — Черповицы (в Австрии) становится главной ареной действия польских патриотов.

С 1860 г. все более частыми становятся нелегальные переходы границы польскими революционерами. Из Буковины в Молдову они совершались около местечек Михайлены и Герцы, а из России — в районе Липкан и Новоселицы. Переходу через эти пункты содействовали некоторые таможенные чиновники, связанные с Варшавским городским комитетом. В Новоселице, например, переходу границы в Румынию способствовали таможенный чиновник Стемпковский, а в Липканах — управляющий таможней Пясецкий². При переходе границы с австрийской стороны полякам помогал директор Сановецкой таможни Гратский, а с молдавской стороны — чиновник Михайленской таможни Кульчицкий³. На Скулянской таможне полякам, направлявшимся к Яссам, содействие оказывал управляющий таможни Студкий, находившийся в контакте с польскими революционными организациями Подольской, Волынской и Киевской губерний⁴.

В течение 1861 г. число польских демократов, прибывших из Буковины, Бессарабии, Подолии, Волыни и Царства Польского в Северную Молдову, значительно увеличилось. Некоторые перебежчики были задержаны царскими властями в пути следования. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор П. Е. Коцебу сообщал 25 апреля 1861 г. в Министерство иностранных дел, что в Жванце, на переправе через Днестр, задержаны три молодых поляка. Один из них оказался представителем общества вербовщиков, привлекавших молодых людей в формирующийся в Молдове польский легион, другой имел при себе прокламации генерала Л. Мерославского. П. Е. Коцебу сообщал также, что из войсковых частей, расположенных в Подольской губернии, в Молдову для поступления в польский легион через границу перешло 10 офицеров⁵. В другом донесении П. Е. Коцебу писал: «Переход поляков из России в Австрию, а затем в Молдавию в течение апреля месяца 1861 г. продолжается. В Радоуцах и Герце (Молдавия) имеются сборные пункты. Многие поляки прибывают в полном вооружении. Из Радоуц и Герцы они отправляются в Ботошаны [...]»⁶.

Поляки стали появляться даже в окрестностях Ясс, где находились австрийское и русское консульства, что вызвало беспокойство Вены. От австрийского консула в Яссах были затребованы по телеграфу информа-

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7564, л. 12.

³ АВВР, ф. Главного архива (далее: ГА), V-A₂, д. 1158, л. 37.

⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7643, лл. 100—101.

⁵ АВВР, ф. ГА, V-A₂, д. 183, л. 266.

⁶ Там же, л. 270.

ции о поляках, сосредоточившихся в Молдове. Австрийский консул сообщал, что «он не в состоянии прекратить подобное скопление австрийских подданных в Молдавии, потому что лица эти не только принимаются молдавским правительством, но им оказывается всевозможное покровительство и помощь»⁷.

Молдавское правительство оправдывало свое терпимое отношение к польским эмигрантам политикой нейтралитета и правом предоставления политического убежища. Эта поддержка господарем Соединенных княжеств Александром И. Кузой и находившимися у власти буржуазно-боярскими элементами была связана с далеко идущими планами правящих кругов Соединенных княжеств.

В конце 50-х—начале 60-х годов Куза находился в конфликте с Австрией, которая не признавала акта избрания его господарем Молдовы и Валахии. Кроме того, используя австро-французские противоречия в Италии и русско-австрийские противоречия на Балканах, Куза рассчитывал при помощи России⁸ и Франции добиться присоединения к княжествам Трансильвании и Буковины. Этими расчетами и объясняется заигрывание Кузы с польской и венгерской эмиграцией и его стремление заручиться ее поддержкой в случае конфликта с Австрией. Такую же политику проводило и созданное в мае 1860 г. правительство Михаила Когалничану.

Правда, уже в начале 1861 г. обнаружилась тщетность надежды Кузы. Наполеон III не только не поддержал его притязаний, но и предложил Австрии уступить часть ее владений в Италии (Венецию) в обмен на турецкие владения на Дунае⁹.

Россия, не желавшая проникновения Австрии на Балканы, все же не собиралась с ней воевать из-за притязаний Кузы, стремившегося к тому же самостоятельно решать вопросы, касающиеся политического устройства своей страны. Кроме того, Россия решительно осуждала заигрывания Кузы с польскими и венгерскими патриотами.

В обстановке возможного столкновения с Австрией поддержка польской и венгерской эмиграции была особенно важной для Кузы. Некоторое значение имело и то обстоятельство, что Куза и молдо-валахские националистические элементы стали все больше ориентироваться на Францию, пытаясь извлечь выгоды из неожиданных поворотов авантюристической политики Наполеона III. «Австрийцами [в княжествах. — В. С.] не довольны, — доносил в МИД П. Е. Коцебу 15 апреля 1860 г., — так как последние подрывают внутреннюю торговлю страны. Однако многие преклоняются перед всем французским и мало обращают внимание на русское»¹⁰.

По указанию господаря весной 1861 г. в княжествах был произведен новый набор рекрутов, приведены в боевую готовность гарнизонные и пожарные команды, набраны и обучены волонтеры, а для польских эмигрантов были доставлены из Парижа 7 тыс. ружей¹¹.

Однако Куза не мог не понимать опасности войны с Австрией без поддержки России и Франции. Он боялся конфликта с Россией из-за поддержки польской эмиграции, боялся он и стимулирующего влияния освободительной войны в Польше на революционно-демократическое и крестьянское движение в княжествах. Вот почему поддержка Кузой польской эмиграции была незначительной, непоследовательной.

⁷ Там же, л. 253.

⁸ В связи с назревшим вооруженным конфликтом Россия сконцентрировала в Бессарабии войска численностью в 12 тыс. человек («L'Ost-Deutsche-Post», 8.XII 1860, АВПР, ф. Газетной экспедиции, д. 76, л. 30).

⁹ «La Voix Roumaine», 8. I 1861, стр. 5; В. Г. Ревуенков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957, стр. 201—202.

¹⁰ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 182, л. 109.

¹¹ Там же, д. 183, л. 265.

Уже вскоре после признания объединения княжеств, укрепившего его позиции, Куза изменил отношение к польской эмиграции. Примирившись с оппозицией, он призвал ее вождей к власти и 24 апреля 1861 г. образовал единое правительство и единую камеру Соединенных княжеств. Консервативное правительство Соединенных княжеств сразу же постаралось переправить часть польских эмигрантов через Дунай, а затем в Константинополь. Большая же часть поляков, оставшаяся в Молдове, была ограничена в правах¹².

Иным было отношение к эмиграции передовой румынской общественности. В Яссах и Бухаресте по инициативе румынских прогрессивных деятелей были созданы специальные комитеты для оказания помощи польским патриотам. Поляков повсюду встречали и принимали как друзей, а созданный в Яссах комитет с помощью Василе Александри оказал польским патриотам большую помощь, особенно во время восстания¹³.

Подавляющее большинство польских эмигрантов в Соединенных княжествах принадлежало к партии «красных», ставившей целью восстановление Польского государства посредством вооруженного восстания польского народа, создания республиканского строя и наделения крестьян землей. Это направление в Соединенных княжествах возглавил полковник Зыгмунт Милковский. Он был корреспондентом «Варшавской газеты» и газеты «Час» (Краков), вел активную переписку с польскими революционными комитетами за границей и в пределах России¹⁴.

Сторонники партии «белых», ставившие целью восстановление независимой Польши главным образом посредством вмешательства европейских держав, были представлены в Соединенных княжествах доктором Глюком, впоследствии агентом Национального правительства, который по любому вопросу запрашивал инструкции у «Отеля Лямбер», центра аристократической эмиграции. В функции Глюка входили, во-первых, сношения с правительством княжеств в целях устройства польских эмигрантов в государственные учреждения, в армию, на пороховые и оружейные фабрики и, во-вторых, сбор сведений для Бюро «Отеля Лямбер» о положении в Галиции и Царстве Польском.

Варшавский Центральный Национальный Комитет, руководящий центр партии «красных», готовясь к организованному выступлению против царского самодержавия, поставил перед польскими революционерами задачу организовать тайные мастерские и фабрики для изготовления оружия, подготовить кадры для борьбы. В Соединенных княжествах это дело было поручено полковнику З. Милковскому. В декабре 1862 г. его вызвали в Варшаву, где он получил задание «устроить в Молдавии агентуру для транспортирования оружия через Константинополь на Русь и [...] образовать там же, в Молдавии, сильный 2000-ный отряд эмигрантов, не прежде, однако же, апреля месяца 1863 г. [...] С этой целью Комитет обещал доставить в Константинополь 3000 штук ружей (две тысячи для эмигрантского отряда, а третью в запас для волонтеров внутри края) и дал Милковскому около 5000 руб. серебром на первоначальные издержки». Одновременно ему было приказано поддерживать постоянные связи с Варшавой¹⁵.

Возвратившись в Молдову, З. Милковский обосновался на австрийской границе в местечке Михайлены¹⁶. Он вел постоянную секретную переписку с членами Центрального Национального комитета, агенты

¹² АВНР, ф. ГА, V—A₂, л. 270.

¹³ Gh. Duzinchevici. Cuza Volă i revoluția polonă din 1863. Bucureștii, 1935, стр. 22.

¹⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7564, л. 13.

¹⁵ «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде». М., 1961, стр. 486.

¹⁶ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7564, лл. 12—13.

которого переправлялись через границу севернее Новоселицы и в других местах¹⁷.

З. Милковский и его единомышленники создали в горах, в окрестностях Пятры, около с. Таркзу, пороховую фабрику¹⁸. Ими же были созданы две фабрики по изготовлению патронов: одна в г. Роман, ею управлял Длугоборский, и вторая в Яссах, во главе последней был поляк Хорачка, прибывший из Черновиц, причем в его обязанности входила также доставка патронов до Садагуры (Буковина)¹⁹.

Польские эмигранты развернули также издательскую деятельность. В Михайленах на ручных станках перепечатывались газеты «Праца» и «Рух»²⁰, которые распространялись на Волыни и в Подолии²¹. В этих газетах публиковались приказы и воззвания Центрального комитета и Национального правительства к польскому населению, в том числе приказ о немедленной явке в Польшу для участия в вооруженной борьбе²².

В то время как в Северной Молдове развернулась подготовка эмигрантов и волонтеров, прибывших из России и Австрии, к предстоящим военным действиям, в Южной Молдове сосредоточивалось все большее число венгерских и польских революционеров из стран Западной Европы и Ближнего Востока. В Галац, в частности, приезжали группы польских эмигрантов из Турции и Франции²³, Греции и Италии²⁴. Все они поступали под руководство З. Милковского и стремились попасть к границам Австрии и России. Для их временного размещения в городах Молдовы была создана Экспедиционная контора польской эмиграции во главе с Ледрю, Кленом и Лазовецким. «Пока что, — доносил в Азиатский департамент МИД русский консул в Галаце А. С. Романенко, — действия ее [конторы. — В. С.] ограничиваются передачей получаемой здесь тайной польской корреспонденции из Константинополя в Молдавию и представлением эмигрантам секретного переезда в княжество»²⁵. Но с ростом численности польской эмиграции в Соединенных княжествах (она в конце 1862 г. уже насчитывала свыше 1140 человек) растет и роль Экспедиционной конторы²⁶.

В начале 1863 г. группы поляков из Западной Европы, Сирии, Египта, Турции прибывают в Тулчу. Они также стараются переправиться через границу и присоединиться к восставшим в Царстве Польском. Внимательно следивший за перемещением поляков русский консул в Яссах сообщал в марте 1863 г.: «Идея перейти в Россию по частям хотя в высшей степени смелая, однако мысль эта сильно распространена между новоприбывшими поляками в Тулче, где насчитывается уже до 500 человек в ожидании получения оружия и денег»²⁷.

Часть необходимых средств (14 тыс. лей) собрал среди прогрессивной румынской общественности Ясский комитет по оказанию помощи польскому восстанию. В марте 1863 г. благодаря помощи, оказанной румынами, в Галицию переправились 38 поляков, кроме того, было отправлено значительное количество обуви, белья и медикаментов²⁸. Однако большая часть поляков в ожидании оружия и денег осталась в Тулче.

Проблема вооружения повстанцев с развитием борьбы приобретала все

¹⁷ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 372, л. 4.

¹⁸ Там же, д. 1158, л. 32.

¹⁹ Gh. Duzinchevici. Указ. соч., стр. 49.

²⁰ «Рух» («Движение») — печатный орган партии «красных».

²¹ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 1159, л. 4.

²² Там же, д. 1158, л. 22.

²³ Там же, д. 372, л. 2.

²⁴ АВПР, ф. Посольства в Константинополе, д. 1669, л. 6.

²⁵ Там же, л. 14.

²⁶ Там же.

²⁷ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 373, л. 6.

²⁸ Gh. Duzinchevici. Указ. соч., стр. 23.

большее значение. Бюро «Отеля Лямбер» разработало план использования Молдовы в качестве транзитной территории для доставки повстанцам оружия из Западной Европы²⁹. Об этом плане информировал свое правительство румынский посланник в Париже И. А. Александри. Польскому агенту в Константинополе полковнику Владиславу Иордану была дана инструкция немедленно связаться с Портой и с румынским посланником в Константинополе Негри, чтобы заручиться поддержкой Турции и Румынии. В. Иордан добился положительных результатов, после чего «турецкое правительство стало явно помогать полякам в предпринимаемых ими враждебных действиях против России»³⁰.

Для приобретения оружия, амуниции и транспортировки их через территорию Молдовы только от Польского комитета в Турине было получено 450 тыс. франков. На эти деньги в Англии закупили 2 тыс. ружей, которые отправили через Константинополь в Соединенные княжества³¹. Оружие предназначалось для ополченцев в Тулче, для волонтеров, собравшихся в Северной Молдове, и для повстанцев в Царстве Польском. Русский консул в Галаце Лекс сообщал 25 апреля 1863 г.: «Всего до сих пор привезено в Браилов 212 ящиков по 30 ружей в каждом и 80 ящиков с мундирами [...] Это оружие предназначено для инсургентов и будет доставлено им на плотах по реке Серет»³². Румынские власти разрешили перевезти оружие небольшими партиями, и эмигранты с большим трудом переправляли его в Галицию.

В апреле 1863 г. Лекс доносил Н. П. Игнатьеву: «Несмотря на принятые меры предосторожности, как эмиссары, так и малые транспорты при содействии пограничных австрийских чиновников переходят через пределы империи»³³. Переход совершался главным образом в район австрийской Новоселицы, а затем в русскую Новоселицу и Каменец-Подольск³⁴, оружие же небольшими партиями отправлялось на плотах вверх по Серету³⁵.

В мае 1863 г. активность поляков в Тулче, Галаце и Северной Молдове значительно повысилась³⁶. В Тулче для вербовки ополченцев и переправы эмигрантов и оружия в Северную Молдову и Черновицы была создана специальная организация, которую возглавил Ю. Чайковский³⁷.

Оружие в Северную Молдову отправлялось также из Галаца, куда оно доставлялось итальянскими и греческими негоциантами на пароходах общества «Messageries Impériales». Запломбированное и замаскированное различными товарами, оно при попустительстве таможенных чиновников на телегах отправлялось в Северную Молдову. «Местные власти, — доносил Лекс 23 мая 1863 г. поверенному в делах в Константинополе Е. П. Новикову, — хотя на словах и уверяли представителей консульства, что они на стороне России, на деле всеми действиями покровительствовали враждебным России элементам»³⁸. В дальнейшем Галац становится основным пунктом перевоза оружия и военных припасов не только сухопутным, но и речным путем вверх по Серету. В одном из документов отмечается: «Галац по географическому своему положению и важности значения обратил на себя особое внимание польского Народного правительства»³⁹.

²⁹ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 373, л. 20.

³⁰ Там же, л. 9.

³¹ АВПР, ф. Посольства в Константинополе, д. 1670, л. 65.

³² Там же, л. 10.

³³ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 1158, л. 16.

³⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7527, л. 1.

³⁵ АВПР, ф. Посольства в Константинополе, д. 1670, л. 22.

³⁶ Там же, л. 23.

³⁷ Там же, л. 26.

³⁸ Там же, л. 30.

³⁹ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 373, л. 84.

В июне 1863 г. Национальное правительство назначило в Галац своего «чрезвычайного комиссара полуденных стран» Михала Мрозовицкого, который должен был координировать все действия по перевозке оружия и военного снаряжения в Соединенных княжествах, Галиции, Южной части России и Добрудже⁴⁰. Под руководством М. Мрозовицкого оружие и припасы провозились речным путем вверх по Серету до Михайлеца, а там с помощью чиновников австрийской таможни переправлялись в Буковину. В то же время поляки из Тулчи небольшими партиями отправлялись в Буковину правым берегом Прута через Рени, Леово, Новоселицу⁴¹. После этого «они следовали вдоль русской границы от Галиции до Волочиска в Волынскую губернию, куда они попадали без всякого затруднения, и соединились с повстанцами, находившимися в Новгороде Волынском»⁴². Только в первых числах июня 1863 г. таким путем через Рени проследовало около 200 человек⁴³.

При переправке оружия и людей через территорию Молдовы большую помощь полякам оказывало местное население, как румыны, так и польские посесоры⁴⁴. «Это были искренние и горячие друзья польского дела», — писал З. Милковский в своих воспоминаниях⁴⁵. Царский консул в Галаце Лекс вынужден был признать: «В Галаце и Молдавии у польских инсургентов есть много людей, которые секретно помогают им»⁴⁶.

Что касается правительства княжеств, то оно вело себя иначе. Так как количество переправляемого в Польшу оружия все же мало удовлетворяло польских патриотов, Кошут предложил Кузе передать польским повстанцам оружие, предназначавшееся в свое время для венгров и хранившееся на складах Соединенных княжеств⁴⁷. Но Куза всячески затягивал разрешение этого вопроса, мотивируя свои колебания боязнью осложнить отношения с Россией.

Тем временем в Тулче шло формирование польского легиона. Существовал план совместных действий с венгерскими и итальянскими волонтерами. В Венгрии была открыта подписка в пользу польского восстания, а в мае в Соединенные княжества и Тулчу стали прибывать венгры-добровольцы. Во главе итальянских волонтеров в Тулчу должен был прибыть сын Гарибальди — Менотти. В Галац в адрес итальянского консула было направлено 500 карабинов. Но так как в то время в расчеты Национального правительства не входило обострение отношений с Австрией, то Менотти Гарибальди с волонтерами в Тулчу не прибыл, а все итальянское оружие было отправлено в Константинополь⁴⁸.

Вскоре З. Милковский убедился в том, что создать двухтысячный отряд в Молдове ему не удастся из-за постоянного давления русского генерального консула в Бухаресте на Кузу. Однако, рассчитывая на поддержку румынской общественности, он решил провести тулчинский отряд через княжества, несмотря на запрет господаря. В городе Васлуе тулчинские ополченцы должны были соединиться с эмигрантами, находившимися в Молдове.

С прибытием Милковского в Тулчу подготовка к походу усилилась. На виду у местных властей поляки спешно закупали лошадей, седла, уздечки и выюки на ярмарках в Тулче, Текуче, Фокшапах. В Галаце под наблюдением Сташевского открыто готовилась амуниция⁴⁹.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ АВПР, ф. Посольства в Константинополе, д. 1670, л. 30.

⁴² Там же, л. 6.

⁴³ Там же, л. 30.

⁴⁴ Там же, л. 5.

⁴⁵ Z. Miłkowski. W Galicji na Wschodzie. Poznań, 1880, стр. 62.

⁴⁶ АВПР, ф. Посольства в Константинополе, д. 1670, л. 26.

⁴⁷ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 373, л. 21.

⁴⁸ АВПР, ф. Посольства в Константинополе, д. 1670, л. 11.

⁴⁹ Там же, л. 39.

К началу июля приготовления к походу были закончены. Об этом хорошо были осведомлены не только молдо-валашские власти, но и представители русского консульства в Галаце. 4 июля Лекс доносил: «Тулчинский отряд поляков намерен двинуться в Россию не ранее, как через несколько недель, а пока они покупают лошадей. В Тулче ожидают Мерославского»⁵⁰.

Накануне выступления З. Милковский собрал сведения о расположении молдо-валашских войск, рассчитывая на то, что молдавские войска стрелять в поляков не станут, а местное население окажет отряду содействие. Об этом Лекс писал 25 июня 1863 г.: «Польский отряд из Тулчи ожидает большое сочувствие в Молдавии. При переходе через русскую границу они будут поддержаны польским населением, которое будет готово восстать при получении оружия (которое вез отряд Милковского. — В. С.)»⁵¹.

12 июля тулчинский отряд, в составе которого, кроме поляков, были также венгры, итальянцы, греки, болгары, французы, украинцы и молдаване, двинулся в поход⁵².

Когда в Бухаресте стало известно о выступлении поляков, господарь Куза приказал префекту в Галаце Леониду Гике немедленно предупредить поляков, что румынское правительство не пропустит их через свою территорию и выставит заградительный отряд⁵³. Однако молдо-валашские войска, посланные для преграждения пути повстанцам, действовали вяло, некоторые роты 5-го полка отказались преследовать тулчинский отряд, который без препятствия продолжал путь к Кагулу⁵⁴.

По указанию правительства, военный министр приказал командиру 5-го полка полковнику Калинеску силой принудить повстанцев к сдаче оружия⁵⁵. 15 июля Калинеску настиг польский отряд у деревни Констангалия. Бой продолжался около часа. Но и на этот раз молдо-валашские войска действовали неохотно, а две роты этого полка вовсе не участвовали в сражении⁵⁶. Румынские войска были оттеснены, и отряд З. Милковского продолжал путь⁵⁷, стремясь перейти р. Прут и возможно быстрее соединиться в назначенном месте с польскими волонтерами из Северной Молдовы. Не желая допустить этого, военный министр направил в район Гушь и Леово пехотный батальон и четыре эскадрона кавалерии, которые совместно с войсками галацкого гарнизона у деревни Ронзешты окружили польский отряд и после ожесточенной схватки разоружили его (18 июля)⁵⁸. В сражении со стороны молдо-валашских войск принимали участие 827 солдат и 33 офицера, а со стороны повстанцев 262 человека. 16 поляков было убито, 13 тяжело ранено и 20 легко ранено. У румын было убито 25 и ранено около 100 человек. Сдались румынам 194 человека, а остальные сумели вырваться из окружения. В числе

⁵⁰ АВПР, ф. Посольства в Константинополе, д. 1670, л. 34.

⁵¹ Там же, л. 40.

⁵² Выступление отряда произошло при следующих обстоятельствах. В порту Браила стояло судно «Czar», принадлежавшее греко-восточной компании. Десять поляков во главе с майором Зима обратились к команде судна с просьбой перевести их в Галац. Шкипер согласился их принять и, взяв на буксир два шлюпа, отправился в Галац. Однако, пройдя остров Чатал, на расстоянии мили от с. Иваново (на правом берегу Дуная), между Исакчей и Тулчей, судно было остановлено находящимися на пем поляками, которые отдали приказ приблизиться к с. Иваново и перевести польский отряд с вооружением и лошадьми на левый берег Дуная. В тот же день отряд выгрузился западнее озера Кагул (АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 373, л. 56).

⁵³ Там же, л. 59.

⁵⁴ Там же, л. 57.

⁵⁵ Там же, л. 59.

⁵⁶ И. Г. Будаков. Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1959, стр. 35—36.

⁵⁷ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 373, л. 59, 62.

⁵⁸ Там же, д. 1158, л. 18.

сдавшихся в плен было 37 польских офицеров и 2 офицера-француза. У сдавшихся было 727 револьверов, 30 сабель, 169 ружей, большое количество патронов и 20 лошадей⁵⁹.

Разгромив отряд З. Милковского, молдо-валахские власти обвинили польских патриотов в заговоре против господаря Кузы, а некоторые из тех, кто ориентировался на Россию, утверждали даже, что польские демократы были враждебно настроены по отношению к румынской нации. Польские патриоты решительно отрицали какие-либо враждебные намерения против правительства и народа Румынии, доказывая, что цель их состояла исключительно в том, чтобы как можно быстрее пройти через Молдову, соединиться с ожидавшими их единомышленниками в Северной Молдове и переправиться в Польшу. Они ссылались на то, что во время передвижения не причинили Румынии никакого материального ущерба. Эмигранты отмечали также, что хотя правительство распространяло прокламации, в которых повстанцы назывались вторгшейся из Турции бандой грабителей, они пользовались симпатиями местного населения. «За все взятое у местного населения, — говорили на допросе поляки, — уплачивалось вдвое больше стоимости»⁶⁰.

Румынский буржуазный историк Дузинкевич стремится обелить действия Кузы, ссылаясь на слухи о готовившемся против господаря заговоре и возможность осложнений с Россией⁶¹. В действительности Куза не верил в эти слухи и больше всего боялся влияния событий в Польше на аграрное и революционно-демократическое движение в Соединенных княжествах⁶².

Действия Кузы подтверждают этот вывод. В то время, когда польский отряд из Тулчи прибыл в Молдову, господарь через И. А. Александри затребовал мнение Парижа по этому вопросу. Александри сообщил, что общественное мнение во Франции единодушно настаивает на проявлении гуманности к польским повстанцам. Куза был в замешательстве. 16 июля он отдал указание префекту Галаца принять по отношению к польскому отряду мягкие меры. Но такое указание опоздало, а «усердие» полковника Калинеску решило судьбу польского легиона.

Видимо, указание Кузы было умышленно послано с опозданием с целью дать войскам возможность разгромить польский отряд. Куза понял, что в попустительстве польским демократам он зашел далеко, так как под влиянием польского восстания активизировались действия внутренних революционных сил в Молдове, начались крестьянские волнения. Рискуя даже испортить отношения с Францией, Куза стал действовать сурово против польского отряда, сознавая, что своими мерами он нанесет поражение не только полякам, но и внутренним революционным силам. Тем самым он не допустил соединения польского вооруженного отряда с волонтерами, находившимися в городах Молдовы, которые объединенными силами могли захватить хранившееся на складе в Окне оружие, а затем создать базу для дальнейших революционных действий против царской России.

Расправа над польскими патриотами вызвала негодование румынской и зарубежной прогрессивной общественности. И. А. Александри был публично оскорблен парижанами, а французское правительство выразило ему свое недовольство⁶³.

Чтобы ослабить протесты по поводу расправы над польскими волонтерами, успокоить французское правительство, демонстрировавшее по политическим соображениям поддержку польскому восстанию, Куза сде-

⁵⁹ Там же, л. 65.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Gh. Duzinchevici. Указ. соч., стр. 39.

⁶² И. Г. Будаков. Указ. соч., стр. 35.

⁶³ Gh. Duzinchevici. Указ. соч., стр. 39.

дал некоторые жесты в пользу эмигрантов. 21 июля 1863 г. он принял представителя Бюро «Отеля Лямбер» Марцеля Чарторыского⁶⁴. Во время беседы последний сделал честолюбивому Кузе ряд заманчивых предложений, пытаясь вовлечь Соединенные княжества в войну против России⁶⁵. Куза обещал Чарторыскому освободить «пленных» волонтеров тулчинского отряда. «Князь Куза, — сообщается в одном из донесений Н. П. Игнатьеву, — угрожает Франции и общественному мнению страны и не принимает в счет, что своими мерами может навлечь недовольство со стороны России». И далее: «[...] молдо-валашское правительство, сочувствуя Милковскому, освободило всех пленных, возвратив все оружие и военное снаряжение, часть поляков была направлена в Австрию, а другая часть осталась еще в Молдавии, причем местные власти обращаются с ополченцами не как с пленными, а как с гостями и оказывают им свои услуги»⁶⁶.

Румынская общественность выражала сочувствие польским эмигрантам. Благотворительные общества в Галаце, Браиле и других городах собирали деньги и усиленно ухаживали за ранеными⁶⁷, а когда один из них умер в галацкой больнице, негодование местного населения вылилось в антиправительственную демонстрацию⁶⁸.

Растущая симпатия местного населения к польским революционерам, частые поездки З. Милковского по стране и в Константинополь стали вновь тревожить молдо-валашское правительство, подвергавшееся к тому же постоянному давлению со стороны русского генерального консула в Бухаресте. Дальнейшее пребывание Милковского и остатков его отряда в Соединенных княжествах становилось невозможным⁶⁹. Господарь постарался избавиться от присутствия тулчинских ополченцев и связанных с этим внутренних и внешних осложнений. Куза отдал секретное предписание полковнику Дуке в Галаце повести переговоры с поляками, находившимися в лагере Анадолке вблизи Галаца, снабдить их деньгами из казны и переправить через границу в Австрию. Приказ был выполнен, и 16 августа 1863 г. А. С. Романенко доносил Н. П. Игнатьеву: «Милковский, недавно ездивший в Константинополь, теперь пробирается пикогшто через Измаил в Верхнюю Молдавию, а за ним тем же путем поодиночке или группами следуют поляки из его бывшего отряда»⁷⁰.

По пути следования молдавское население тепло провожало поляков, а местные власти, получившие инструкции правительства «беспрепятственно пропускать поляков к австрийской и русской границам», помогали им в переправе через границу⁷¹.

* * *

В июле 1863 г., несмотря на неудачу, постигшую тулчинский отряд, настроение поляков в княжествах оставалось бодрым. Большие надежды возлагались на французское вмешательство в связи с демаршем Англии,

⁶⁴ АВНР, ф. Посольства в Константинополе, д. 1670, л. 61.

⁶⁵ В ходе беседы М. Чарторыский передал предложение В. Чарторыского о том, чтобы княжества участвовали в войне против России на стороне Франции, за что им были обещаны Бессарабия и Буковина (Ch. Brătianu. *Politica externă a lui Cuza — Vodă și dezvoltarea ideii de unitate națională*. «Revista istorică română», II—III, 1932, стр. 131—132).

⁶⁶ АВНР, ф. ГА, V-A₂, д. 185, л. 115.

⁶⁷ Там же, д. 373, л. 67.

⁶⁸ Там же, д. 1158, л. 22.

⁶⁹ Там же, д. 185, л. 115.

⁷⁰ АВНР, ф. Посольства в Константинополе, д. 1670, л. 68.

⁷¹ Там же.

Австрии и Франции перед Россией. В это время Национальное правительство вновь поставило вопрос о создании на территории Молдовы польского легиона. Оно поручило агенту в Галаце М. Мрозовицкому сформировать новый отряд польских эмигрантов. Помощниками М. Мрозовицкого стали Эдмунд Ружицкий и граф Лещинский⁷².

Учитывая ошибки, допущенные З. Милковским, Национальное правительство предусматривало сбор в Северной Молдове невооруженных волонтеров. Только в день перехода границы они должны были получить необходимое оружие. Намечалось, что отряд перейдет границу в районе Липкан-Новоселицы, захватит Хотинскую крепость и оттуда туда часть русских войск. А в это время более сильные повстанческие отряды должны были вторгнуться из Галиции и захватить ряд стратегически важных пунктов. Для получения более подробных инструкций М. Мрозовицкий был вызван в Варшаву, откуда отправился в Лондон для переговоров о получении займа. Поездка была удачной, и Мрозовицкий получил через Оттоманский банк 100 тыс. фунтов стерлингов⁷³.

Начиная с августа, вербовка проходила довольно успешно. Каждому завербованному выдавалось по 10 червонцев в месяц⁷⁴. Со всех концов Соединенных княжеств и Добруджи собирались волонтеры. Уже к концу августа 1863 г. в Ботошанах, Михайленах и Дорохое их собралось более 700 человек. «И хотя они не вооружены, — писал Лекс 23 августа, — но они получают оружие, военные планы и готовые патроны перед самым тем временем, когда им будет дан приказ перейти границу; эти военные принадлежности находятся пока на складах вблизи Прута и Михайлеп»⁷⁵.

Эмиссары М. Мрозовицкого закупали в городах и селах Молдовы теплую одежду, которую отправляли на склад в Михайлену⁷⁶.

Большое внимание уделялось приобретению и доставке оружия. Оружие привозили в Северную Молдову, где оно складывалось в тайниках в селе Вакулешты (15 км от Михайлен). Оно доставлялось не только из Западной Европы через Галац, но и из Австрии через Саповецкую таможню. «Этим путем, — сообщал из Ясс в Азиатский департамент Министрства иностранных дел Лекс, — доставляются под видом разных товаров патроны из Лемберга и военное платье из Черновца, где оно открыто изготавливается у портных поляков и евреев [...] В Михайленах все эти товары сдаются на руки одному старому поляку Иону Логе, который распределяет их по назначению. Он же снабжает революционеров деньгами и инструкциями»⁷⁷.

Румынские власти в основном не препятствовали этой деятельности эмигрантов, так как в это время Куза намеревался в случае войны Франции с Россией выступить на стороне Франции. По его поручению полковник Дука демагогически заявил Глюку, что господарь не хочет быть русским полицейским в собственной стране, и если поляки желают доставлять себе оружие, то его правительство будет всячески способствовать его укрытию от русских⁷⁸.

Об этом стало известно и русским дипломатам в княжествах. «Нам нельзя быть уверенным в здешнем правительстве, — писал 30 августа 1863 г. Лекс Н. П. Игнатьеву, — оно на словах действует за нас, а на деле покровительствует революционерам и никогда ничего не открывает,

⁷² АВВР, ф. ГА, V-A₂, д. 1158, л. 60.

⁷³ Там же, д. 1159, л. 4.

⁷⁴ АВВР, ф. Посольства в Константинополе, д. 1670, л. 71.

⁷⁵ АВВР, ф. ГА, V-A₂, д. 1158, л. 36—37.

⁷⁶ Там же, л. 35.

⁷⁷ Там же, л. 37.

⁷⁸ Gh. Duzinchevici. Указ. соч., стр. 53.

действуя нарочно медленно, и распространяет вперед слух о том, что оно намерено сделать, для того чтобы дать время полякам перевести куда-нибудь в другое место подозреваемые нами склады оружия или других военных принадлежностей»⁷⁹.

Центральным пунктом сбора польских волонтеров был избран город Ботошаны. Эмигранты старались соблюдать правила конспирации. Днем поляков в городе не было видно, они собирались только по ночам. М. Мрозовицкий позаботился, чтобы волонтеры были снабжены паспортами, визами. В тех случаях, когда не было паспортов, он получил у французского вице-консула в Ботошанах специальные удостоверения. Хорошо была палажена и печать. В Ботошанах имелась типография, в которой печатались воззвания и важные распоряжения, которые переправлялись затем в Подолию, Буковину и Галицию⁸⁰.

Таким образом, Мрозовицкий действовал осторожно, но решительно, по возможности согласуя свои действия через доктора Глюка с румынскими властями. Осенью 1863 г. он добился значительных успехов в деле сосредоточения волонтеров, оружия и военного снаряжения. В Бакэуских лесах насчитывалось около 100 добровольцев, в Бырладе — 120, в Текуче — 90, в Тыргу-Фрумос — 100, в Ботошанах — 150 и в Яссах — 50 человек. Собранные волонтеры могли оказать эффективную помощь восстанию. В конце августа в Ботошанском лагере ожидали прибытия Л. Мерославского⁸¹. Неизвестно, должен был он возглавить сформированный отряд, или же, в силу своих полномочий генерального организатора всех военных приготовлений за пределами Царства Польского, назначить командира отряда.

Следует полагать, что Мерославский в Ботошаны не приехал, так как в это время в Царстве Польском произошли существенные перемены. Наместником был назначен генерал Ф. Ф. Берг, начавший кровавые репрессии. Царское правительство наводило Польшу войсками, численность которых к концу 1863 г. возросла на 200 тыс. человек. Огромный перевес в силах лишил смысла намеченные действия в районе Хотина. Теперь польские повстанцы, теснимые царскими войсками, покинули Царство Польское, спасаясь в Молдове. К концу 1863 г. в районе Михайлен и Ботошан уже насчитывалось свыше 1500 беженцев, и «с каждым днем их количество все больше возрастало»⁸².

Буржуазное правительство Когалничану, пришедшее к власти в октябре 1863 г., оказывало польским беженцам значительную помощь. Когда преследуемые повстанцы в октябре 1863 г. стали переходить в Молдову, а некоторые реакционные элементы на молдавской границе пытались задержать их и передать царским властям, М. Мрозовицкий через Глюка сообщил об этом Когалничану. Тут же последовал секретный приказ ко всем префектам относиться сочувственно к полякам, помогать им и способствовать переходу границы в Молдову⁸³.

По предложению правительства Когалничану палата депутатов востановила фонд в 60 тыс. иштяков⁸⁴ в помощь полякам⁸⁵. Местное население относилось с большой симпатией к прибывшим в Молдову польским повстанцам, предоставляя им жилье, продовольствие. «Местные власти, — писал Лекс, — продолжают по-прежнему покровительствовать всем революционерам, выдавая им паспорта, назначая квартиры, и,

⁷⁹ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 1158, л. 37.

⁸⁰ Там же, л. 38.

⁸¹ Там же, л. 35.

⁸² Там же, д. 1159, л. 4.

⁸³ Gh. Duzinchevici. Указ. соч., стр. 55—56.

⁸⁴ 1 иштяк — около 10 коп. серебром по курсу 1864 г. (АВПР, ф. Посольства в Константинополе, д. 1673, л. 77).

⁸⁵ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 1159, л. 10.

наконец, снабжают их деньгами из суммы 60 тыс. пиастров, вотиrowанной румынской палатой депутатов в пользу поляков»⁸⁶.

Особое значение имела поддержка румынской общестwенности. Повсеместно устраивались спектакли и лотереи, деньги от которых сдавались специально созданным комитетам по оказанию помощи беженцам⁸⁷. Такие комитеты были созданы в Бухаресте, Яссах, Галаце. Только в декабре 1863 г. в Мунтении было собрано и передано Глюку для выдачи эмигрантам около 20 тыс. франков⁸⁸.

Однако приток беженцев, лишенных средств к существованию, все увеличивался. Всех собравших сумм было недостаточно, и многие из поляков крайне нуждались в средствах. «Чего не хватало революционерам, — отмечал Лекс, — это денег, а поэтому здешние польские агенты снова собирают добровольные пожертвования для польских инсургентов»⁸⁹.

М. Мрозовицкий был вынужден сделать распоряжение об обязательном сборе пожертвований с местного польского населения. После введения в Галиции осадного положения и прекращения поступлений оттуда денежных средств помощь польского населения в Соединенных княжествах была единственным источником существования для большого числа эмигрантов, прибывших из Царства Польского. Но эта мера была дезавуирована «белыми» политиками, в том числе и Глюком.

В среде польской эмиграции в Румынии начинается разлад, падает дисциплина, появляются всевозможные несогласованные с Национальным правительством планы действий «белых», что было лишь на руку России и Австрии, сконцентрировавшим войска в Бессарабии и Трансильвании и готовым при первом же предложении перейти границу и вторгнуться в княжества. Уже в феврале 1864 г. многие поляки открыто заявляли о своем намерении покинуть княжества.

В апреле 1864 г., после того как польское Национальное правительство фактически перестало существовать, господарь Куза принял меры к рассредоточению поляков, находившихся в лагерях Молдовы. Часть из них была переправлена через Дунай в Турцию, а часть осталась в Молдове на положении частных лиц.

Несмотря на то, что польским легионам, сформированным в княжествах, не пришлось участвовать в вооруженной борьбе за свободу родины, деятельность польской эмиграции, особенно ее демократического крыла, в княжествах имела положительное значение для польских повстанцев. Она прежде всего служила моральной поддержкой борющимся в Польше революционерам. Через княжества в Польшу было переправлено значительное количество оружия, военного снаряжения, продовольствия и медикаментов. Через границу в Польшу переправлялись партии патриотов, принимавших участие в вооруженной борьбе. В княжествах печаталась и затем распространялась среди польского населения России и Австрии революционная литература. Через княжества поддерживалась связь между польскими эмигрантами в Западной и Южной Европе, в Османской империи, на Балканах и руководством революционного движения в Царстве Польском.

В период польского восстания 1863 г. укрепились традиционные связи прогрессивных сил Польши, Румынии и балканских стран.

⁸⁶ Там же, л. 20.

⁸⁷ Там же, л. 22.

⁸⁸ Gh. Duzinchevici. Указ. соч., стр. 55.

⁸⁹ АВРР, ф. ГА, V-A₂, д. 1159, л. 22.

Л. А. Обушenkova

**АРХИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ 1863 Г.**

**(Документальные материалы административных органов
управления территориями, охваченными восстанием)**

Документальные материалы административных органов управления Царством Польским, Литвой, Белоруссией и Правобережной Украиной за 1861—1864 гг., имеющиеся в архивах Советского Союза, содержат многообразные сведения о восстании 1863 г. и предшествующем периоде. Архивная документация всех звеньев административного аппарата, отражающая, с одной стороны, политику царского правительства, а с другой, — проблемы самого восстания, является солидной документальной базой для исследования многих проблем истории Польши и России в 60-х годах XIX в. Особенно ценен данный комплекс документов для изучения социально-экономической проблематики восстания и, в частности, аграрного вопроса и различных аспектов политики царского правительства в районах, охваченных восстанием. Эти проблемы в настоящее время привлекают большое внимание польских и советских историков¹.

Вопросами управления указанными территориями ведали многие лица и учреждения, их материалы и документы сохранились в различных архивах.

Вызванный развитием революционной ситуации 1859—1861 гг. кризис правительственной политики усугублял непрочность позиции царизма и на западных национальных окраинах, охваченных с 1861—1862 гг. мощной волной антиправительственного движения. Стремясь остановить развитие общедемократического движения, царское правительство вынуждено было лавировать, вводя все новые и новые элементы в систему управления западными губерниями и особенно Царством Польским.

Вся полнота власти в Царстве Польском была сосредоточена в руках наместника, которому были подчинены все органы управления страной. 2 октября 1861 г. в связи с ростом оппозиционного движения в Царстве Польском было введено военное положение. При наместнике в целях дальнейшей централизации управления была образована Особая канцелярия по делам военного положения. Сюда поступали донесения от чиновников гражданских ведомств, полицейских и жандармских чинов. В канцелярии подготавливались материалы для докладов наместнику и царю и военному министру — в Петербург.

В декабре 1863 г. в Царстве Польском было введено военно-полицейское управление. Вместо Особой канцелярии по делам военного положения

¹ St. Kieniewicz. W. przededniu setnej rocznicy powstania styczniowego. «Kwartalnik historyczny», 1962, № 4, стр. 799—817.

ния было создано Управление генерал-полицмейстера. Все гражданские, полицейские и жандармские органы власти на местах поступали в полное его подчинение. Функции генерал-полицмейстера в Царстве Польском и начальника жандармов были сосредоточены в одних руках. Варшава была выделена в особое управление во главе с обер-полицмейстером², подчинявшимся непосредственно генерал-полицмейстеру. Еще 26 сентября (8 октября) 1861 г. были вновь преобразованы и усилены полицейские штаты³.

Жандармерию в Царстве Польском возглавлял начальник III округа корпуса жандармов, который был подотчетен наместнику и начальнику III отделения⁴. Преобразования в структуре административно-полицейского аппарата усиливали роль наместника. Вся наиболее важная документация канцелярии генерал-полицмейстера в Царстве Польском проходила через его руки. Наместнику посылали для ознакомления и распоряжений отдельные документы, выдержки и обзоры из дел, отчеты и проекты постановлений.

Наместник стоял также во главе гражданского управления в Царстве Польском. Для решения текущих дел при наместнике существовали канцелярия во главе с вице-директором (впоследствии директором) и Совет управления Царством Польским (Административный совет). Председателем Совета управления был наместник.

В марте 1861 г. под влиянием нараставшего национально-освободительного движения царь вынужден был пойти на уступки и восстановить упраздненный в 1841 г. Государственный совет Царства Польского — высший совещательный орган при наместнике. Все члены Совета управления автоматически становились членами Государственного совета, так что фактически круг лиц, причастных к вопросам административного управления страной, был весьма невелик. Определенное место в системе административных органов занимали Правительственная комиссия просвещения и духовных дел, также созданная в марте 1861 г. (впоследствии Комиссия внутренних и духовных дел), и Правительственная комиссия внутренних дел. Директора этих комиссий отчитывались перед наместником и вели обширную деловую переписку с Административным и Государственным советами.

Гражданская власть на местах до введения военно-полицейского управления находилась в руках гражданских губернаторов. Гражданские губернаторы посылали донесения наместнику и в Совет управления. В 1863 г. центральной фигурой на местах стали военные начальники.

Особое место в системе административного управления занимал Учредительный комитет. Его создание в 1864 г. было вызвано задачами подготовки и проведения административных преобразований. Председательствовал в комитете наместник. В его состав вошли специально подобранные и утвержденные царем лица, а на заседаниях присутствовали главные директора правительственных и Ликвидационной комиссий, генерал-полицмейстер и другие должностные лица, в зависимости от поставленных на обсуждение вопросов. При Учредительном комитете функционировали различные комиссии, осуществлявшие подготовку и проведение в жизнь реформ: Центральная комиссия по крестьянским делам, Комиссия просьб и жалоб, комиссии по подготовке монастырской, судебной и городской реформ, финансовая комиссия и пр. Комиссия по крестьянским делам рассматривала постановления уездных комиссий, Комиссия просьб и жалоб

² ЦГАОР СССР, ф. 109н, с. а., оп. 2, д. 366, л. 3.

³ Там же, л. 49.

⁴ Там же, л. 2. См. также схему: «Zarząd Wojskowo-Policyjny w Królestwie powołany w grudniu 1863 r. i wojskowe władze śledczo-sądowe», составленную Ф. Рамотовской, любезно ознакомившей с ней автора (Muzeum Historyczne w Warszawie. Zbiór Niegatywów, № 14379).

подготавливала ответы просителям и разбирала тяжбы между крестьянами и помещиками, но их постановления требовали санкции Учредительного комитета⁵.

В Петербурге вопросами реформ ведал Статс-секретариат по делам Царства Польского. Статс-секретарь по делам Царства Польского вошел в состав Совета управления и считался представителем Учредительного комитета в Петербурге.

Система управления в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине была такой же, как и в остальных губерниях России. Во главе Северо-Западного и Юго-Западного краев стояли генерал-губернаторы, отчитывавшиеся в своей деятельности перед царем и информировавшие о ней министра внутренних дел и начальника III отделения. Свою власть в губерниях генерал-губернатор осуществлял через губернаторов. В канцеляриях генерал-губернаторов откладывались донесения, поступавшие из губерний.

В канцелярию гражданского губернатора, являвшегося главой местной администрации, поступали регулярные донесения предводителей дворянства, мировых посредников, городничих, отчеты о деятельности местных судебных властей, земных управлений и общем состоянии губернии.

Так же как и в Царстве Польском, полиция была важнейшим элементом административного аппарата в западных губерниях. В декабре 1862 г. были образованы уездные полицейские управления⁶. Во главе управления стоял исправник, назначавшийся губернатором из местного дворянства. Уезды делились на полицейско-территориальные единицы — станы во главе со станowymi приставами, подотчетными исправникам. Полицейский аппарат на местах составляли полицейские заседатели, тысяцкие, сотские, десятские, отчитывавшиеся перед станowymi приставами и исправниками. Материалы донесений низшего звена полицейского аппарата обрабатывались исправниками и посылались в канцелярию губернатора, часть этих документов оставалась в фондах мировых посредников и исправников.

Губернии Северо-Западного и Юго-Западного краев входили в состав IV округа корпуса жандармов. В каждой губернии имелся жандармский штаб-офицер, в распоряжении которого находилось несколько жандармских чинов. В некоторых местах, например в Гродненской губернии, было два жандармских штаб-офицера (с местопребыванием в Гродно и Белостоке). Жандармские штаб-офицеры отчитывались перед начальником округа и регулярно посылали донесения непосредственно начальнику III отделения.

С установлением военного положения в губерниях, охваченных восстанием, была введена должность военного генерал-губернатора; в тех местах, где оставался только гражданский губернатор, он был наделен чрезвычайными полномочиями. В 1864 г. в западных губерниях было введено военно-полицейское управление.

Многие центральные правительственные учреждения России занимались вопросами управления Царством Польским и западными губерниями. Министерство внутренних дел и Комитет министров контролировали деятельность губернаторов и генерал-губернаторов. Совет министров рассматривал годовые отчеты губернаторов и их «всеподданнейшие» доклады царю.

Два комитета, по делам Царства Польского и Западный, занимались исключительно делами территорий, охваченных восстанием. Комитет по

⁵ ЦГИА СССР, ф. 815м, оп. 1, д. 304, лл. 4—5.

⁶ Н. П. Ерошкин. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции (1861—1917 гг.), вып. IV. М., 1958, стр. 27.

делам Царства Польского следил за ходом проведения в жизнь административных реформ⁷. Западный комитет осуществлял надзор за административным управлением губерниями Северо-Западного и Юго-Западного краев и проведением в жизнь мероприятий по их русификации⁸.

Активную деятельность по надзору за населением западных губерний развернуло III отделение и его исполнительный орган — аппарат корпуса жандармов.

После 1861 г. расширились административно-полицейские функции министерства внутренних дел⁹. Объемистая документация, касающаяся вопросов управления и надзора за населением западных губерний, отложилась не только в канцелярии министра внутренних дел, но и в Департаменте полиции исполнительной, а также в Тюремном управлении и Управлении по делам печати.

Министерство народного просвещения ведало вопросами образования в Царстве Польском и западных губерниях и, в частности, занималось студентами-поляками, обучавшимися в русских университетах.

Таков в общих чертах перечень основных административно-полицейских учреждений и должностных лиц, чья деятельность была связана с Царством Польским и западными губерниями в 1861—1864 гг. Структура военного и военно-судебного аппарата и их архивная документация в данной статье не рассматриваются¹⁰.

* * *

Документацию административных властей в Царстве Польском и западных губерниях по принципу происхождения можно разделить на две категории: 1) документация представителей высшей царской администрации и 2) донесения гражданских и полицейских властей с мест.

При оценке документальных материалов представителей гражданских властей следует подходить с двух точек зрения: учитывать не только, какой круг вопросов они освещают, но и с какой степенью приближения к действительности отражали события составители этих документов.

На формирование концепции представителей администрации, готовивших отчеты, записки или донесения о происходящих событиях, влияли многие факторы, сказывалось личное мировоззрение пишущего, степень ответственности за происходящее. В зависимости от целевого назначения документа также могли меняться оценки, выделяться или затушевываться те или иные факты.

В первой группе источников прежде всего следует выделить переписку наместников в Царстве Польском с Александром II¹¹.

⁷ ГБЛ, ф. 327/1, п. 39, д. 2, л. 1.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 11, лл. 18—19.

⁹ Н. П. Ерошкин. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. Пособие для учителей. М., 1960, стр. 267.

¹⁰ F. Ramotowska. Carskie władze represyjne. «Proces Romualda Traugutta i członków Rządu Narodowego», t. I. Warszawa, 1960, стр. XVI—XLVI; Л. А. Обушечкова. Журнал военных действий Штаба войск в Царстве Польском за 1863—1864 гг. как исторический источник. «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г.». М., 1962, стр. 179—215; Л. А. Обушечкова. Архивные материалы судебно-следственных учреждений по делам участников восстания 1863—1864 гг. «К столетию героической борьбы „За пашу и вашу свободу“». М., 1964, стр. 211—279.

¹¹ Переписка наместников в Царстве Польском М. Д. Горчакова (с января по май 1861 г.), Н. О. Сухозанета (с июня по август 1861 г.) и К. К. Ламберта (с августа по октябрь 1861 г.) с Александром II опубликована в «Korespondencji namiestników Królestwa Polskiego z 1861 roku» (Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964).

Письма А. Н. Лидерса к Александру II хранятся в ЦГАОР, ф. 728п (Зимний дворец), оп. 1, д. 2711; ответные письма Александра II — д. 2665; телеграммы Александра II и Лидерса см.: ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, 26 и 34. Несколько рапортов А. И. Лидерса зимой 1861/1862 г. опубликованы в «Русской старине», 1899, № 11,

Письма А. Н. Лидерса, великого князя Константина, Ф. Ф. Берга и ответные письма Александра II в 1861—1864 гг. характеризуют прежде всего политику царизма в Царстве Польском. Они не только освещают официальную сторону распоряжений правительства, но также мотивы изменений общего курса. Переписка вводит исследователя в атмосферу высших кругов царской администрации в Царстве Польском. Одно из центральных мест в переписке занимают вопросы о позиции различных групп населения и о тактике правительства по отношению к ним. Наместники систематически информировали царя о позиции консервативных групп польского населения, не скрывая своих надежд на возможность соглашения с ними. С большим огорчением сообщает князь Константин о колебаниях умеренной партии накануне восстания¹² и начавшемся присоединении высших классов к восстанию¹³. Больше всего сведений сообщают наместники о той части аристократии и зажиточной буржуазии, которая группировалась вокруг А. Велёпольского. Большое внимание уделяют наместники также позиции средней городской буржуазии, дворянства, интеллигенции, студенчества.

Особое место в переписке наместников с царем занимает крестьянство. Материалы переписки важны для исследователя главным образом для характеристики политики царизма по отношению к крестьянству. Попыткам привлечь крестьянство на сторону царского правительства уделяют немалое внимание все варшавские корреспонденты царя. Из переписки можно извлечь сведения о настроениях крестьянства.

В 1862—1863 гг. князь Константин, а затем Ф. Ф. Берг сообщают царю о содержании и распространении повстанческих воззваний и о результатах деятельности следственных комиссий.

Наместники информировали царя о деятельности Государственного совета, Учредительного комитета и о всех персональных изменениях в административном аппарате. О боевых столкновениях с повстанцами в 1863—1864 гг. наместники сообщают сравнительно мало, ссылаясь на «Журнал военных действий».

На содержание писем наместников большой отпечаток накладывали субъективные моменты. Наместник старался представить дело так, чтобы получить поддержку царя, иногда стремился отклонить неудобные ему решения Александра II. В таком случае нередко искажалось действительное положение дел. Например, князь Константин упорно противился назначению Ф. Ф. Берга. Когда оно состоялось, князь Константин 17 (29) марта сообщал царю о своем недовольстве и добавил, что военные действия идут успешно и помощь хорошего военного, каким считался Берг, будет уже не нужна¹⁴. Но уже на следующий день князь Константин противоречит себе: 18 (30) марта он сообщает об усилении подпольной работы Центрального Комитета¹⁵, а 22 марта (3 апреля) — об ожидаемом усилении восстания

стр. 453—479; № 12, стр. 667—696 (см. «Korespondencja namiestników...», стр. VII). Письма великого князя Константина см.: ЦГАОР, ф. 678и (фонд Александра II), оп. 1, д. 773; ответные письма Александра II см.: ЦГАОР, ф. 722и (фонд Константина Николаевича), оп. 1, д. 682. Телеграммы Александра и Константина см.: ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, дд. 35, 36, 64, 82, 84 и др. Отдельные письма Константина Николаевича и Александра II опубликованы в журнале «Дела и дни», 1920—1922 (I—III), кн. I, стр. 122—162; кн. II, стр. 134—151; кн. III, стр. 64—98, на основании копий, хранящихся в ЦГАВМФ СССР, ф. 224, оп. 2, д. 8, лл. 1—133. Копии остальных писем см. там же, д. 5—7. О хранении переписки Ф. Ф. Берга с Александром II см.: З. Я. Тальвирская. Фонд Ф. Ф. Берга. Восстание 1863 года и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 350—351. Телеграммы Берга к Александру II о ходе военных действий см.: ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 95, 97, 98, 124.

¹² ЦГАОР, ф. 678и, оп. 1, д. 773, лл. 410—413.

¹³ Там же, лл. 426—431, 495—498.

¹⁴ Там же, лл. 442—445.

¹⁵ Там же, л. 446.

после пасхи¹⁶ и о том, что весной и летом с повстанческими отрядами бороться будет еще труднее. С другой стороны, мнение помещиков формировалось под влиянием их подчиненных, подготавливавших для них и материал, и определенные выводы¹⁷.

Существенным дополнением к переписке помещиков с царем являются ежедневные политические обзоры положения в Царстве Польском, составлявшиеся с марта 1861 г. в личной канцелярии по делам военного положения для информации царя, военного министра, шефа жандармов и генерал-губернаторов Западного края. Обзоры являлись обобщением конкретного материала донесений жандармских, полицейских и гражданских властей из Варшавы и провинции и обзоров варшавской и заграничной прессы, обработанных с учетом позиции помещика и его окружения¹⁸. Составителем обзоров был Н. И. Павлищев.

В политических обзорах содержатся сводки событий, происшедших в Царстве Польском. Они сообщают более подробные сведения, чем переписка помещиков. Обзоры дают оценку позиций разных слоев польского населения. Интерес представляют не столько общие выводы о расстановке классовых сил, сколько факты о включении в общественно-политическую деятельность того или иного сословия и опасения по этому случаю. В частности, интересный фактический материал содержится в обзорах относительно помещиков, стремившихся подчинить своему влиянию крестьян путем пробуждения в них национального сознания¹⁹.

Общая оценка момента, включенная в обзоры, отражает понимание сложившейся в Царстве Польском обстановки людьми, определявшими направление политики в стране. В обзорах систематически сообщалось также о числе лиц, арестованных на варшавских улицах за нарушение правил военного положения, и о других карательных мерах правительства. Таким образом, обзоры содержат ценный информационный материал для изучения событий 1861—1862 гг., а также для характеристики позиции и настроений правящих кругов в Царстве Польском.

Политические обзоры за время с 25 октября (6 ноября) 1861 г. по декабрь 1864 г. в измененной редакции были опубликованы Н. И. Павлищевым в 1887 г.²⁰ «Седмицы» Павлищева — это переработанный текст обзоров с учетом требований позднейшего времени, из которого изъяты почти все оценочные моменты.

В книге Н. И. Павлищева приводятся не все факты, имеющиеся в обзоре. Например, в обзоре от 28 мая (9 июня) 1862 г. сообщалось о пении патриотических гимнов в Радоме и в Варшавской следственной тюрьме²¹. В «Седмицах» опущено сообщение о демонстрации в тюрьме²². В соответствующем месте книги²³ нет сообщения о требовании коморниками гимны Лукомья земельных участков²⁴ и т. д. Иногда в публикации приводятся только часть сведений, в частности сообщения об арестах в Варшаве²⁵ и выдержки из следственных дел.

В «Седмицах» опущены места из обзоров с оценкой текущего момента, которые особенно ценны для исследователя. Так, в обзоре от 19 июля

¹⁶ Там же, лл. 447—450.

¹⁷ «Korespondencja namiestników...», стр. IX—X.

¹⁸ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, дд. 346—352. Часть подлинных обзоров см. там же, ф. 945п, оп. 1, д. 110, лл. 1—34.

¹⁹ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 352, л. 7.

²⁰ «Сочинения Н. И. Павлищева», т. IV, ч. 1. Седмицы польского мятежа 1861—1864. СПб. 1887. О составлении Павлищевым «Политических обзоров» и «Седмиц» см.: Ю. И. Штакельберг. Архив «Русской старины». «К столетию героической борьбы „За нашу и вашу свободу“». М., 1964, стр. 308.

²¹ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 349, л. 28.

²² Н. И. Павлищев. Указ. соч., стр. 87.

²³ Там же, стр. 89—91.

²⁴ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 349, л. 51.

²⁵ Н. И. Павлищев. Указ. соч., стр. 43, 143.

1862 г. есть замечание о том, что «заявление сочувствия к лицам, скомпрометированным политически, принимает также виды демонстрации»²⁶, а в книге Н. И. Павличева просто констатируется факт возвращения из ссылки 19 женщин, осужденных за пение патриотических гимнов²⁷. Оупущена также характеристика момента в сентябре 1862 г.: «По сведениям, сообщаемым периодически о состоянии умов и образе мыслей в губерниях, должно заключить, что положение края все еще напряженное»²⁸.

Наиболее существен тот факт, что в «Седмицах» опущены сведения, связанные с расставкой классовых сил. В книге нет, например, многих сообщений обзорах о попытках польских помещиков привлечь крестьянство на свою сторону²⁹. Отсутствует и важное для характеристики социально-политической линии повстанцев заявление обзора в конце мая 1862 г. о том, какая роль отводится очиншеванию. «Дело это, — говорится в обзоре, — считается краеугольным камнем воскрешения Польши как политическое, а не социальное: нужно создать народный элемент, которого не доставало. С этой целью приводятся в движение все возможные пружины посредством явной и келейной³⁰ прессы»³¹. Вместо конкретных данных обзора о том, что в Варшавской губернии к 20 июня (2 июля) за месяц приняли очиншевание только в восьми имениях³², Н. И. Павличев пишет: «Крестьяне, между тем, не спешат заключать чиншевых условий с помещиками»³³. Отсутствует также сообщение о сгоне крестьян с земли за неуплату чинша и противодействии крестьян этой мере³⁴.

В публикации Н. И. Павличева можно проследить тенденцию уменьшить роль революционной повстанческой организации накануне восстания³⁵, умолчать о русско-польских революционных связях³⁶. «Седмицы» не отражают настроения царской администрации в Царстве Польском. Так, Н. И. Павличев умалчивает о страхе правящих кругов в связи с опасностью революционного влияния национально-освободительной борьбы народов других стран³⁷ или боязнью перед возможностью включения в нее трудящихся масс польского народа³⁸.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что публикации Н. И. Павличева ни в какой мере не могут заменить подлинных обзоров.

Определенное место в корреспонденциях наместников занимает переписка с шефом жандармов В. А. Долгоруковым³⁹, а также документация Особой канцелярии по делам военного положения (помимо политических обзоров)⁴⁰. Наряду с политическими обзорами, которые велись Особой канцелярией наместника, обозрения политического положения и настроения населения в Царстве Польском составлялись III отделением⁴¹.

²⁶ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 350, л. 11.

²⁷ Н. И. Павличев. Указ. соч., стр. 110.

²⁸ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 351, л. 28.

²⁹ Там же, д. 348, л. 30; д. 349, л. 73; д. 351, лл. 38, 54 об.

³⁰ Так Н. И. Павличев называет повстанческие издания.

³¹ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 349, л. 31 об.

³² Там же, л. 122.

³³ Н. И. Павличев. Указ. соч., стр. 99.

³⁴ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 350, л. 63.

³⁵ Там же, д. 351, лл. 7, 114 об.; д. 352, лл. 3—5, 49 об., 133.

³⁶ Там же, д. 350, л. 34.

³⁷ Там же, д. 348, лл. 66—66 об.; Н. И. Павличев. Указ. соч., стр. 70.

³⁸ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 343, л. 66.

³⁹ Там же, д. 358; 1 эксп., 1855 г., д. 5, ч. 15; 1858 г., д. 113; 1860 г., д. 239 (письма М. Д. Горчакова); с. а., оп. 2, д. 375; 1 эксп., 1861 г., д. 37 (письма Н. О. Сухозанета); 1 эксп., 1862 г., д. 208 (письма А. Н. Лидерса).

⁴⁰ Там же, 1 эксп., 1862 г., д. 54; 1863 г., д. 23, ч. 1; ЦГВИА, ф. 14064, оп. 2, д. 2.

⁴¹ Начальник III округа корпуса жандармов А. А. Куцынский регулярно посылал донесения с обзорами политического положения в 1861—1862 гг. В. А. Долгорукову (ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 366), а в 1863 г. — наместнику (заверенные копии этих записок пересылались в III отделение, см. ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 196).

12(24) марта 1861 г. начальником III округа корпуса жандармов стал А. А. Куцынский, а с 4(16) апреля он начал еженедельно посылать В. А. Долгорукову сообщения «О положении дел в Царстве Польском»⁴², имевшие форму личных писем. Донесения Куцынского характеризуются конкретными сведениями о событиях в Варшаве и провинции и собственными выводами, обобщениями приводимых им фактов. Следует отметить, что Куцынский не довольствовался отчетами жандармских чинов и чиновников военного ведомства с мест, он сам совершал инспекторские поездки по Польше. В. А. Долгоруков, пересылая первое письмо Куцынского Александру II, заметил, что «взгляд его на положение дел в Царстве мало утешителен [...]», с чем согласился и царь⁴³.

Донесения А. А. Куцынского отличаются не только от писем наместников, но и от политических обзоров, несмотря на то, что Н. И. Павлищев использовал конкретный материал донесений, присылавшийся А. А. Куцынским в Особую канцелярию по делам военного положения⁴⁴.

Можно наметить несколько линий расхождения донесений А. А. Куцынского и переписки наместников в 1861 г.

Во-первых, Куцынский более смел в оценке обстановки. 18(30) апреля 1861 г. он пишет об огромной ненависти поляков к национальному гнету, которая не идет в сравнение с этим чувством в 1831 г., и сообщает о волнениях крестьян и фабричных рабочих Лодзи⁴⁵. М. Д. Горчаков в этот же день отмечает в письме военному министру Н. О. Сухозанету: «Здесь все спокойно»⁴⁶. 2(14) июля 1861 г. Куцынский констатирует: «Положение дел в Царстве несколько не изменяется к лучшему»⁴⁷. Накануне Н. О. Сухозанет писал Александру II совсем в иной тональности: «Спокойствие в городе совершенное», но «надежды не оставлены»⁴⁸. 2(14) сентября 1861 г. Куцынский сообщает о многочисленных фактах проявления недовольства польского населения во всех концах страны. Общая картина получалась столь тревожной, что Александр II отметил это обстоятельство особо⁴⁹. Письмо наместника К. К. Ламберта от 23 августа (4 сентября), в силу того что он противился введению военного положения, рисует обстановку в более спокойных тонах⁵⁰.

Во-вторых, А. А. Куцынский особенно большое внимание уделяет вопросу расстановки классовых сил и позиций различных слоев населения накануне восстания. Уже в первом донесении наблюдается несколько иная манера описания событий, стремление более углубленно осветить их, приводятся данные о социальной принадлежности руководителей выступления 27 марта (8 апреля) в Варшаве⁵¹. Всюду, где Куцынский касается вопроса о позиции различных социальных групп населения, он подчеркивает степень их участия в патриотическом движении⁵². При этом следует отметить, что Куцынский, характеризуя обстановку, иногда сгущает краски, стремясь добиться усиления репрессий. Часто при описании того или иного случая он объясняет его «безнаказанностью многих дерзостей»⁵³.

Чаще всего А. А. Куцынский акцентирует внимание на крестьянском вопросе. Его донесения содержат ценный материал обзорного и обобщаю-

⁴² ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 366, л. 2. Впоследствии регулярность в составлении этих сообщений нарушилась.

⁴³ Там же, л. 1.

⁴⁴ Там же, л. 72.

⁴⁵ Там же, лл. 14 об., 15.

⁴⁶ «Korespondencja namiestników...», стр. 156.

⁴⁷ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 366, л. 31.

⁴⁸ «Korespondencja namiestników...», стр. 232.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 366, лл. 45, 48.

⁵⁰ «Korespondencja namiestników...», стр. 273.

⁵¹ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 366, лл. 7 об., 9.

⁵² Там же, лл. 30 об., 42, 43.

⁵³ Там же, лл. 30 об., 42 об.

щего характера об антифеодалных выступлениях крестьян и их участии в национально-освободительном движении.

В донесении от 25 апреля (7 мая) 1861 г. Куцынский подчеркивает, что «на первом плане» стоят крестьянские волнения⁵⁴. За два дня до этого В. П. Платонов, по поручению царя знакомившийся с обстановкой в Польше, писал ему, что крестьянские волнения по своему характеру незначительны, «важных беспорядков при сем нигде не было [...]»⁵⁵. Мнение Платонова, возможно знакомого со взглядами Александра II на крестьянское движение в Царстве Польском в этот период, не отличается от мнения царя⁵⁶. По-разному характеризуют позицию крестьянства Куцынский и Платонов в конце апреля 1861 г. Платонов 30 апреля (12 мая) 1861 г. пишет, будто «крестьяне возвращаются к послушанию и к исполнению своих обязанностей»⁵⁷. А. А. Куцынский 2 (14) мая сообщает о волнениях в Меховском и Красновоставском уездах и о неповиновении распоряжениям властей крестьян имения Лопенник (крестьяне в ярости чуть не бросились на войско)⁵⁸. Можно предположить, что Платонов сознательно льстит Александру II накануне издания указа об обязательном окупе.

А. А. Куцынский не только сообщает подробности о крестьянских выступлениях⁵⁹, но и осмеливается, в мягкой форме, не одобрять принятых постановлений. И если Н. О. Сухозанет, временно заменявший больного М. Д. Горчакова, ничего не пишет о первых впечатлениях от указа 4 (16) мая 1861 г. о замене барщины денежным оброком, то А. А. Куцынский говорит, что крестьяне считают его очень невыгодным для себя, и сам он придерживается того же мнения⁶⁰. 18 сентября 1861 г. Куцынский пишет о взволновавшей его вести о том, будто в пригородной деревне Вычан за Мокотовской заставой обществом крестьян была заказана обедня, посвящая демонстративный патриотический характер. Это, как он говорит, «хуже всего» и само по себе и потому, что такой факт может стать плохим прецедентом⁶¹. К. К. Ламберт в начале сентября заверил царя, чтобы тот не беспокоился, так как «крестьяне до сих пор не принимают участия в волнениях, несмотря на все старания владельцев привлечь их на свою сторону [...]»⁶². Александр II подхватил эту мысль наместника⁶³.

В-третьих, А. А. Куцынский с самого начала показывает понимание им опасности, которую представляла для царского правительства «партия красных поляков»⁶⁴.

В-четвертых, в донесениях прослеживается четкая периодизация патриотического движения, выработанная А. А. Куцынским.

В-пятых, говоря о позиции патриотически настроенной части польского населения, Куцынский более смело касается вопроса о влиянии революционной ситуации в России на развитие движения в Царстве Польском. 23 мая (4 июня) 1861 г. он писал В. А. Долгорукову: «Известно здесь, что правительство озабочено неурядицами в Восточной России, да и в других местах империи между крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, обнаруживая [так! — Л. О.] дух неповиновения. Известно о затруднении в назначении в Варшаву представительной власти. Словом, много таких рассказов, передаваемых от одного к другому, разумеется в преуве-

⁵⁴ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 366, л. 16.

⁵⁵ «Korespondencja namiestników...», стр. 166.

⁵⁶ См. письмо Александра II к М. Д. Горчакову от 12 (24) апреля 1861 г. (там же, стр. 141).

⁵⁷ Там же, стр. 175.

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 366, л. 18.

⁵⁹ Там же, лл. 21, 31.

⁶⁰ Там же, л. 23.

⁶¹ Там же, л. 52 об.

⁶² «Korespondencja namiestników...», стр. 282.

⁶³ Там же, стр. 298.

⁶⁴ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 366, л. 16 об.

личенном виде, которые заметно поощряют людей к мятежному настроению»⁶⁵. Это высказывание прямо указывает на воздействие революционно-демократического движения Центральной России на польское национально-демократическое движение. Наместники обходят этот факт. Только К. К. Ламберт весьма туманно заметил в письме Александру II от 30 сентября (12 октября) 1861 г., имея в виду студенческие волнения: «Ходят тревожные слухи о Петербурге»⁶⁶. Причем он оставляет неясным, среди кого циркулируют эти слухи — в правительственных кругах или среди населения. 7 (19) ноября 1861 г. Куцынский снова возвращается к этой теме. Он доносит: «Беспорядки, случившиеся в наших столицах и в некоторых городах, рассказываются здесь, как и обыкновенно, в преувеличенном виде, и поляки не скрывают своей радости, узнав все то, что может только тревожить законную власть»⁶⁷.

Наконец, в отличие от писем наместников и политических обзоров, А. А. Куцынский много внимания уделяет описанию событий в провинции и пытается вскрыть причины особенно заметного подъема патриотического движения в той или иной местности⁶⁸.

В 1863 г. донесения А. А. Куцынского наместнику Константиному по-прежнему строились на основании сообщений начальников жандармских команд, войтов гмин, частных сведений, но несколько изменилась цель их составления. Куцынский должен был представлять наместнику обычные сводки донесений «о действиях жандармов III округа против мятежников» и о событиях. Второй тип донесений включал в себя графу «Копии с замечательных сообщений в Особую канцелярию наместника по делам военного положения». Поскольку донесения составлялись для князя Константина, в них отсутствуют выводы автора, тем более, что взгляды князя Константина по вопросу о методах подавления восстания расходились с мнением В. А. Долгорукова. Значительное место отводится в донесениях фактам революционного террора повстанцев, так как выписки из них посылались А. М. Горчакову для помещения в «*Journal de St. Pétersbourg*».

Основное внимание, как и в 1861 г., автор донесений уделяет описанию позиции крестьянства во время восстания⁶⁹. В некоторых случаях он более резко оценивает позицию крестьянства, чем князь Константин⁷⁰, который в письмах к Александру II сглаживает формулировки.

Сообщает А. А. Куцынский также об участии в восстании различных слоев польского населения и некоторые отрывочные сведения о боевых столкновениях с повстанцами⁷¹.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что переписка наместников, политические обзоры и донесения А. А. Куцынского требуют параллельного изучения.

Письма с обзорами политического положения писал из Варшавы полковник Ф. Л. Тухолка (на имя состоявшего при шефе жандармов для

⁶⁵ Там же, л. 25 об.

⁶⁶ «Korespondencja namiestników...», стр. 308.

⁶⁷ ЦГАОР, ф. 109н, с. а., оп. 2, д. 366, л. 60 об.

⁶⁸ Там же, лл. 29, 31.

⁶⁹ Там же, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 196, лл. 64, 65, 70 об., 89 об., 93 об., 101 об., 102, 109, 114 об., 116, 141, 180—180 об., 213—215, 227 об.

⁷⁰ Ср. донесения А. А. Куцынского от 23 марта (4 апреля) (ЦГАОР, ф. 109н, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 196, л. 70 об.) и 4 (16) мая (там же, лл. 101 об.—102) и письма Константина к Александру II от 22 марта (3 апреля) (там же, ф. 678н, оп. 1, д. 773, лл. 447—450) и от 10 (22) мая (там же, лл. 491—494).

⁷¹ А. А. Куцынский иногда сообщал запоздалые сведения (ЦГАОР, ф. 109н, 1 эксп., 1863, д. 23, ч. 196, л. 99). иногда слишком кратко (там же, л. 175). Ср. «Журнал военных действий Штаба войск в Царстве Польском». ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1314, ч. 1, лл. 570—571; ЦГАОР, ф. 109н, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 196, л. 237 об. — Ср. «Журнал военных действий», лл. 599—632), иногда неточные (ЦГАОР, ф. 109н, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 196, л. 189 об. — Ср. «Журнал военных действий», л. 538).

особых поручений генерал-майора Левенталя)⁷². Они могут служить дополнением к документам Особой канцелярии по делам военного положения.

Большую группу материалов составляет документация административных учреждений в Варшаве и Петербурге, связанная с вопросами подготовки и проведения различных реформ в Царстве Польском. Она разбросана по многим фондам административных учреждений и личным фондам⁷³.

Эта категория документов отражает процесс рождения реформ, вскрывает их обусловленность и общую направленность, освещает общие проблемы восстания и политику царизма в борьбе с национально-освободительным и демократическим движением⁷⁴. Материалы позволяют поставить вопрос о роли 1863 года в процессе буржуазного развития Польши. Многие документы интересны тем, что они характеризуют социально-экономическое положение Польши, содержат данные об изменении положения отдельных сословий и групп населения накануне и в период восстания.

К этим материалам примыкает документация правительственных учреждений общероссийского масштаба, таких, как III отделение, Министерство внутренних дел и др.⁷⁵

⁷² ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 1. Характеристику писем Ф. Л. Тухоли см.: В. М. Зайцев. Ценный комплекс документов о восстании 1863 г. (Дело III отделения «О беспорядках в Царстве Польском и западных губерниях»). «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г.», стр. 243.

⁷³ Многие основные фонды административных учреждений Царства Польского, хранившиеся в варшавском Архиве древних актов, погибли во время второй мировой войны, что увеличивает ценность материалов, сохранившихся частично в советских архивах. Документация Совета управления отложилась в ЦГИА СССР (ф. 1270, оп. 1, д. 113); Государственного совета — в ЦГАОР (ф. 828и, оп. 1, д. 1354); Учредительного комитета — в ЦГАОР (ф. 547и, оп. 1, д. 262) и ГБЛ (ф. 127, 265). Материалы правительственной комиссии внутренних дел хранятся в ЦГИА СССР (ф. 869, оп. 1, д. 1108 и ф. 1270, оп. 1, д. 39 и 49); Комиссии по крестьянским делам — в ЦГИА СССР (ф. 1270, оп. 1, д. 28) и ЦГАОР (ф. 547и, оп. 1, д. 266); Финансовой комиссии — в ЦГАОР (ф. 547и, оп. 1, д. 124—131, 133, 136—142, 154); Юридической комиссии — в ЦГАОР (ф. 547и, оп. 1, д. 266); Комиссии по преобразованию губернских и уездных управлений — в ЦГИА СССР (ф. 869, оп. 1, д. 583, 585).

О наличии материалов административных учреждений России и Царства Польского в личных фондах см.: З. Я. Тальвирская. Указ. соч., стр. 347; Л. А. Обушенкова. Фонд князей Черкасских. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов», стр. 454—457; Л. А. Обушенкова. Фонд В. А. Арцимовича (там же, стр. 470—476); В. Г. Черпуха. Фонд В. А. Арцимовича в ИРЛИ АН СССР. «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г.», стр. 426; Ю. И. Штакельберг. Фонд П. А. Валуева (там же, стр. 337—339); Ю. И. Штакельберг. Фонды личного происхождения в ЦГИАЛ (там же, стр. 373—382). Переписка члена Учредительного комитета Ю. Ф. Самарина отложилась в его фонде (ГБЛ, ф. 265, оп. 30, д. 1, 2). Журналы Комитета, проекты указов и докладные записки хранятся в ЦГИА СССР в фонде Комитета по делам Царства Польского (ф. 1270, оп. 1, дд. 9, 20, 22, 28, 33, 39, 43, 72, 220, 224, 256, 1422, 1423 и 1425) и в фонде Департамента духовных дел и иностранных исповеданий (ф. 821, оп. 150, д. 79). Письма В. П. Платонова сосредоточены в ЦГАОР (ф. 722и, оп. 1, д. 823); Н. А. Милютин — в ГБЛ (ф. 169, оп. 69, д. 12) и ЦГИА СССР (ф. 869, оп. 32, д. 34), записки члена Комитета К. В. Чевкина сохранились в его архиве (ИРЛИ АН СССР, ф. 548, д. 23).

⁷⁴ И. И. Костюшко. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962; K. Groniowski. Walka Milutina z Bergiem (Spró o georganizację Królestwa Polskiego po r. 1863). «Kwartalnik historyczny», 1962, № 4, стр. 891—905; З. Я. Тальвирская. Указ. соч., стр. 391—401; Л. А. Обушенкова. Фонд князей Черкасских, стр. 457—468; Л. А. Обушенкова. Фонд В. А. Арцимовича, стр. 477—486.

⁷⁵ Фонд III отделения хранится в ЦГАОР (ф. 109и, 1 экз., 1861—1864 гг.). В нем отложились также документы повстанческих организаций. Фонд канцелярии министра внутренних дел — ЦГИА СССР (ф. 1282), Департамента полиции исполнительной — там же (ф. 1286), Департамента народного просвещения — там же (ф. 733).

В дополнение можно назвать рапорты инспектора Петербургско-Варшавской железной дороги главному инспектору частных железных дорог⁷⁶ и записки почтового управления в Почтовый департамент⁷⁷, сообщающие о деятельности повстанцев на территории Царства Польского в 1863 г.

В архивах Советского Союза документация среднего и низшего звена административно-полицейского аппарата в Царстве Польском (в отличие от материалов по Северо-Западному и Юго-Западному краям) почти не представлена. Исключение составляют материалы III округа корпуса жандармов⁷⁸.

* * *

Документы по западным губерниям отложились во многих центральных правительственных учреждениях, ведавших вопросами управления западными губерниями России в 1861—1864 гг. В фонде Комитета министров⁷⁹ имеются материалы, касающиеся мер по управлению западными губерниями накануне и в период восстания. В фонде Западного комитета⁸⁰ хранятся журналы заседаний, записки генерал-губернаторов с обзорами политического положения в крае (1863—1868 гг.), переписка о высылке поляков из западных во внутренние губернии России, о переселении русских крестьян в западные губернии, правила конфискации и секвестра имений участников восстания. Переписка о рассматривавшемся комитетом круге вопросов, которые интересовали III отделение, сохранилась в фонде последнего⁸¹. В фонде Д. А. Милютинна хранятся записки о предложениях по управлению западными губерниями, внесенных на рассмотрение Западного комитета⁸². В архивных материалах Западного комитета зафиксирован процесс обсуждения проектов административных мероприятий по управлению западными губерниями.

Документация таких учреждений, как департаменты Министерства государственных имуществ и Почтовый, а также Министерства юстиции содержит конкретные данные о событиях 1861—1864 гг. Большой интерес представляют донесения управляющих губернскими палатами государственных имуществ. Во второй департамент Министерства государственных имуществ поступали сведения о состоянии государственных имуществ в губерниях Западного края с указанием количества округов, сельских общин, деревень, земель, церквей, оброчных статей, лесов, запасов продовольствия, численности населения. После начала восстания в департамент стали поступать сведения о наложении секвестра, отчеты о числе конфискованных имений⁸³, подлежавшие в то время контролю центральных властей. Параллельно составлялись донесения о событиях. В их основе лежат сведения, полученные от чиновников особых поручений для наблюдений в сельских обществах и сельских окружных правлениях⁸⁴. Помимо того, что круг их наблюдений был ограничен только государственными имениями, их оценки не могли не быть субъективными.

Более достоверными представляются донесения губернских почтовых контор и почтмейстеров в Главное управление почт и телеграфов Министерства внутренних дел⁸⁵. Они информировали о случаях нападения повстанцев на здания почтовых контор и транспорты с корреспонденцией.

⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 259, оп. 1, д. 53.

⁷⁷ ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 148.

⁷⁸ ЦГАОР, ф. 110п.

⁷⁹ ЦГИА СССР, ф. 1263.

⁸⁰ Там же, ф. 1267.

⁸¹ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экз., 1862 г., д. 459.

⁸² ГБЛ, ф. 169, к. 42, д. 9, 11—13.

⁸³ ЦГИА СССР, ф. 384, оп. 12.

⁸⁴ Там же, ф. 381, оп. 4, д. 2687.

⁸⁵ Там же, ф. 1289, оп. 1, д. 1968, 1979.

Донесения губернских прокуроров и уездных стряпчих в Министерство юстиции⁸⁶ касаются фактов судебного разбирательства дел о причастности жителей западных губерний к политическим демонстрациям 1861—1862 гг. и восстанию 1863 г. Они носят частный характер, но являются важным дополнением к материалам судебных и военно-судных органов.

Переписка генерал-губернаторов Северо-Западного и Юго-Западного краев с высшими должностными лицами империи разбросана по многим архивохранилищам. Генерал-губернаторы Северо-Западного края В. И. Назимов и М. Н. Муравьев периодически посылали письма-отчеты министру внутренних дел. Письма из Северо-Западного края хранятся в фондах МВД⁸⁷ и Департамента полиции исполнительной⁸⁸.

Переписка генерал-губернатора Северо-Западного края с начальником III отделения В. А. Долгоруковым и донесения жандармского полковника Гильдебрандта сосредоточены в фондах III отделения⁸⁹.

Корреспонденция генерал-губернатора и других высших должностных лиц Юго-Западного края многообразна и сохранилась в различных архивах. За манифестационный период 1861—1862 гг. сохранились письма генерал-губернатора к министру внутренних дел и в МВД⁹⁰, к начальнику III отделения⁹¹, переписка генерал-губернатора и попечителя Киевского учебного округа⁹². Эта переписка продолжалась в период восстания и в последующие годы⁹³.

Обзоры и донесения генерал-губернаторов, составлявшиеся на основании анализа и обобщений местных сведений, освещают события в широком плане. На характер этих донесений накладывали отпечаток личная концепция автора, степень его осведомленности и цели, которые он преследовал при составлении документа.

Вторая категория источников состоит из документации среднего и низшего звеньев административного аппарата в западных губерниях России, охваченных восстанием. К ней прежде всего относятся служебные материалы губернаторов и военных губернаторов⁹⁴, документация губернских канцелярий (донесения мировых посредников и предводителей дворянства, рапорты уездных и земских исправников, приставов и других полицейских чинов)⁹⁵, а также донесения штаб-офицеров корпуса жандармов из губерний западного края⁹⁶.

Жандармские штаб-офицеры должны были доносить о событиях, происходивших в губернии, об участниках этих событий и политических настроениях населения губернии⁹⁷. Донесения жандармских штаб-офицеров отличаются друг от друга по степени полноты освещения материала, наличию

⁸⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 59, 60, 61, 534, 539; ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1861 г., д. 343.

⁸⁷ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, дд. 24, 26, 28, 32, 35, 37, 49 и др.

⁸⁸ Там же, ф. 1286, оп. 22.

⁸⁹ ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1861 г., д. 303, 304; 1863 г., д. 23. См. В. М. Зайцев. Указ. соч., стр. 249.

⁹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1; ф. 1286, оп. 22; ф. 821, оп. 29; ф. 843.

⁹¹ ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1860 г., д. 239; 1861 г., д. 299, 303, ч. 1, лл. 311, 343, 357; 1862 г., д. 459.

⁹² ЦГИА УССР (Киев), ф. 707, оп. 261, 1861 г.

⁹³ Письма в МВД см. в ЦГИА СССР (ф. 1282, оп. 1, д. 33, 42, 44, 45; ф. 1267, оп. 1; ф. 821, оп. 31); переписку с В. А. Долгоруковым см. в ЦГАОР (ф. 109п, 1 эксп., 1863 г., д. 23, 97).

⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861—1864 гг., оп. 19; ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, 3.

⁹⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 1; ПО, 1861—1864 гг., ф. 440, оп. 1; ф. 1249, оп. 1; ф. 1266, оп. 1; ЦГИА БССР (Гродно), фф. 1, 714, 970, 1159, 1713; ЦГИА УССР (Киев), ф. 442, с. ч., 1861—1864 гг., оп. 369.

⁹⁶ ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1857—1864 гг. См.: В. М. Зайцев. Указ. соч., стр. 247—248.

⁹⁷ ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1857 г., д. 321, ч. 5, л. 1.

анализа обстановки и пр. Тем не менее во всех донесениях 1861—1862 гг. содержится сравнительно полный перечень событий, связанных с массовыми антиправительственными демонстрациями. Находят в них так или иначе отражение настроения различных слоев населения в период, предшествовавший восстанию.

Материалы донесений из Виленской⁹⁸ и Гродненской⁹⁹ губерний в целом намечают правильную периодизацию движения. Указывается на революционизирующее влияние варшавских событий начала и весны 1861 г.¹⁰⁰, отмечается спокойный характер первых весенних демонстраций¹⁰¹. Но ни С. О. Адамович, ни К. А. Прасолов не смогли заметить изменения характера демонстраций в мае 1861 г.¹⁰² Описание хода демонстраций и состава их участников, а также обзоры политического настроения населения позволяют изучать вопрос о социальном составе участников движения¹⁰³.

Донесения периода восстания¹⁰⁴ рисуют менее полную картину обстановки в губерниях, чем в предшествующие годы. Отдельные сообщения о боевых столкновениях повстанцев с царскими отрядами иногда совпадают с данными других источников, в частности «Журнала военных действий»¹⁰⁵, иногда расходятся с ними¹⁰⁶, причем более достоверными являются данные военных сводок.

В некоторых случаях, характеризуя тактику повстанцев, все три жандармских штаб-офицера правильно намечают основные моменты развития боевых действий¹⁰⁷.

По-прежнему жандармские штаб-офицеры много внимания уделяют позиции крестьянства¹⁰⁸. По-разному оценивают источники реакцию крестьян на указ от 1 марта 1863 г. о прекращении с 1 мая обязательных отпущений к помещикам и выкупе земельного надела¹⁰⁹. Из донесений жандармов можно почерпнуть сведения об участии в восстании и других слоев населения¹¹⁰.

В донесениях виленского жандармского штаб-офицера А. М. Лосева 1861—начала 1863 г. открыто доминирует мысль о необходимости проведения жесткого курса по отношению к любым проявлениям оппозиционных настроений населения¹¹¹. Лосев выступал с развернутой политической программой, противопоставленной В. И. Назимову и являвшейся прообразом будущей муравьевщины.

⁹⁸ С. О. Адамович, с октября 1861 г. — А. М. Лосев.

⁹⁹ К. А. Прасолов, затем Лакст.

¹⁰⁰ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1861 г., д. 303, ч. 2, л. 1; 1857 г., д. 321, ч. 8, л. 32.

¹⁰¹ Там же, л. 31; 1861 г., д. 303, ч. 2, лл. 1—2.

¹⁰² Там же, д. 313, л. 2; 1857 г., д. 321, ч. 8, л. 36.

¹⁰³ Там же, л. 36; 1861 г., д. 303, ч. 2, лл. 46, 62; 1862 г., д. 551, л. 20.

¹⁰⁴ В 1863 г. виленским жандармским штаб-офицером по-прежнему оставался А. М. Лосев; из Гродно посылал донесения Н. А. Леляков, из Белостока — С. И. Штейн.

¹⁰⁵ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 14, л. 24; А. Ф. Смирнов. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963, стр. 121—124.

¹⁰⁶ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 14, л. 35 об.; А. Ф. Смирнов. Указ, соч., стр. 123—124.

¹⁰⁷ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 13, лл. 144 об., 145 (ср. А. Ф. Смирнов. Указ, соч., стр. 124); д. 23, ч. 14, лл. 76, 111, 119 об.

¹⁰⁸ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 14, лл. 20, 21 об., 46, 162, 169, 180; 1862 г., д. 230, ч. 143, лл. 6—7. См. также рапорт белостокского уездного стражника Ольшевского министру юстиции В. Н. Панину (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 59, д. 3977, л. 5) и письмо А. М. Гильдебранта А. Л. Потапову (ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 13, л. 47 об.), свидетельствующие о прекращении крестьянами всякой работы на помещиков.

¹⁰⁹ Гродненский жандармский штаб-офицер Леляков пишет о том, что, «выслушав указ, крестьяне единогласно, со слезами радости, благодарили» (ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 14, л. 71 об.). По мнению исследователей, указ 1 марта не удовлетворил крестьян (А. Ф. Смирнов. Указ, соч., стр. 156).

¹¹⁰ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1963 г., д. 23, ч. 14, лл. 21 об., 22, 76 об., 112.

¹¹¹ Там же, 1861 г., д. 303, ч. 2, лл. 46 об., 57.

Донесения жандармских штаб-офицеров в Волынской губернии¹¹² аналогичны донесениям из других местностей. В 1861—1862 гг. сообщаются краткие сведения о манифестационном движении, прослеживаются его этапы¹¹³. Особенно большое внимание уделяется позиции крестьянства¹¹⁴. Примечательно указание о направленности агитации поляков, которые усиленно подчеркивали свое дружественное отношение к русскому народу и ненависть к царскому правительству¹¹⁵.

В 1863 г. волынский жандармский штаб-офицер Жолобов сообщает некоторые сведения о движении повстанцев, их планах и столкновениях с царскими войсками¹¹⁶, косвенно касается вопроса о наличии социального неравенства в повстанческих отрядах¹¹⁷, говорит об участии в восстании шляхты и горожан¹¹⁸. Однако основное внимание автор донесений уделяет позиции крестьян, высказывает свои предположения о способах привлечения их на сторону правительства, сообщает о фактах антипомещичьих выступлений крестьян¹¹⁹, их отношении к правительственному указу¹²⁰. Штаб-офицер проявил наблюдательность, отмечая некоторый положительный результат повстанческой агитации среди крестьян в мае 1863 г. «Между крестьянами, как кажется, — писал он, — начинает проглядывать некоторая осторожность, им толкуют, что поляки идут не на них, а на войска, иногда так отзываются и их волостные»¹²¹. В тот же день, 13 мая, управляющий волынской палатой государственных имуществ сообщал министру государственных имуществ А. А. Зеленому о присоединении 12 крестьян дер. Доминополя Павловичского общества Владимир-Волынского уезда к повстанческому отряду, направлявшемуся к австрийской границе¹²².

Житомирский уездный стряпчий Туровский отмечал, что крестьяне не поддерживали повстанцев¹²³.

В целом донесения Жолобова представляют для исследователя восстания определенный интерес.

Предварительный анализ донесений четырех жандармских штаб-офицеров показывает, что эта категория материалов является ценным источником для изучения событий, предшествовавших восстанию, и самого восстания 1863 г., настроений населения, социального состава участников движения и карательной политики царизма в западных губерниях.

* * *

Документальные материалы всех звеньев административного аппарата на территориях, охваченных восстанием, в первую очередь освещают расстановку классовых сил с точки зрения правительственных властей и политику царизма по отношению к различным классам польского общества, а также различные аспекты карательной политики царизма в 1861—1864 гг.

Имеющиеся материалы говорят о том, что правительство делило польское общество 1861—1862 гг. на несколько групп в зависимости от занимаемой ими позиции.

¹¹² Штаб-офицер Жолобов.

¹¹³ ЦГАОР, ф. 109я, 1 экз., 1861 г., д. 33, ч. 10, лл. 4, 6, 38.

¹¹⁴ Там же, лл. 38 об., 46, 73.

¹¹⁵ Там же, л. 59.

¹¹⁶ Там же, 1863 г., д. 23, ч. 18, лл. 108, 112, 115, 116, 124, 140.

¹¹⁷ Там же, л. 122.

¹¹⁸ Там же, лл. 32, 89, 106.

¹¹⁹ Там же, лл. 29, 59, 78, 99 об., 128, 161.

¹²⁰ Там же, л. 61 об.

¹²¹ Там же, л. 124 об.

¹²² ЦГИА СССР, ф. 381, оп. 4, д. 2687, ч. 19, лл. 6—7.

¹²³ Там же, ф. 1405, оп. 539, д. 17, лл. 16—17.

В общих чертах можно выделить следующие градации:

1. Крупную земельную аристократию и часть ее обуржуазившейся верхушки правительство относило к двум близким друг к другу лагерям — незначительную часть крупных помещиков, группировавшихся вокруг А. Велёпольского, и остальных, составлявших партию А. Замойского и поддерживавших программу Земледельческого общества¹²⁴. Царизм стремился сговориться с этими слоями польского общества в борьбе против революционно-демократического лагеря¹²⁵. Представители царской администрации отмечали возможность более быстрого сближения с аристократией путем использования Велёпольского¹²⁶. Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что правительство видело колебания помещиков и буржуазии и их желание пойти на сговор с царизмом¹²⁷. В апреле 1861 г. в отчете А. А. Куцынского отмечалось, что «в высших слоях общества, в классе собственников, домохозяев, проявляется некоторая умеренность»¹²⁸. «Из достоверных источников я знаю, — писал он 2 июля 1861 г., — что благоразумные люди в Царстве сознавались, что им уже все это надоело»¹²⁹. В то же время царизм видел и колебания этих слоев, попытки нажима на правительство с их стороны. Помещики готовили адрес царю с изложением требования предоставить Польше конституцию¹³⁰.

2. Ко второй группе царизм причислял среднее дворянство¹³¹ и верхушку чиновничества. Правительство вначале рассчитывало на сближение и с этими группами населения¹³².

3. Своего непримиримого врага царизм видел в средних и низших слоях городского населения и учащейся молодежи. «Средний класс чиновников — канцелярские служители, большая часть купечества, ремесленники и городское население»¹³³, «челядь» городская и официалисты¹³⁴, «городское население преимущественно из ремесленного и рабочего класса»¹³⁵ — такими терминами определяют источники наиболее революционно настроенную часть польского населения.

4. Особое место отводят официальные документы позиции католического духовенства. В источниках проводится грань между высшим духовенством, сотрудничавшим с царизмом в деле подавления революционных выступлений масс, и духовенством, близким по настроениям к демократической части польского населения¹³⁶. В частности, министр внутренних дел П. А. Валуев предлагал митрополиту В. Жилинскому составить общее папское наставление «всему католическому духовенству, в котором подчеркивалось бы, что не только правительство, но и высшее духовенство порицает участие ксендзов в патриотических манифестациях»¹³⁷. Представители царского правительства справедливо считали низшее католическое духовенство одним из активных участников патриотического движения, оказывавшим огромное влияние на местное население¹³⁸. «Духовен-

¹²⁴ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1859 г., д. 87, лл. 132—138; ф. 722, оп. 1, д. 366; ф. 828, оп. 1, д. 572, лл. 21—23.

¹²⁵ Подробный анализ позиции царизма по отношению к польским имущим классам см.: St. Kieniewicz. Między ugodą a rewolucją. Andrzej Zamoyski w latach 1861—1862. Warszawa, 1962.

¹²⁶ «Korespondencja namiestników...», стр. V.

¹²⁷ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 351, л. 138.

¹²⁸ Там же, д. 366, л. 30 об.

¹²⁹ Там же, л. 32.

¹³⁰ Там же, 1 экзп., 1860 г., д. 239, л. 72.

¹³¹ Там же, с. а., оп. 2, д. 366, л. 42 об.

¹³² Там же, д. 346, л. 19.

¹³³ Там же, д. 366, л. 43.

¹³⁴ Там же, л. 347, л. 52 об.

¹³⁵ Там же, д. 351, л. 195.

¹³⁶ Там же, д. 346, л. 80.

¹³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 47, лл. 1—2.

¹³⁸ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 366, л. 48 об.; д. 351, лл. 98—103.

ство во всем крае рельефно выдвинулось в духе мятежном и неприязненном правительству», — доносил А. А. Куцынский летом 1861 г.¹³⁹

5. И, наконец, пожалуй, наиболее острым и животрепещущим является вопрос о позиции крестьянства. В подавляющем большинстве оно сдержанно относилось к политическим демонстрациям, происходившим по всей стране. Однако 1861—1862 гг. ознаменовались большим размахом антифеодалных выступлений крестьян. Источники сообщают об отказе крестьян выполнять барщину¹⁴⁰, о сопротивлении порядку замены барщины чиншом¹⁴¹, неуплате чинша¹⁴² и даже требованиях земли¹⁴³, а также об отказе выполнять повинности в пользу помещиков¹⁴⁴. В то же время наряду с сообщением об этих тревоживших власти фактах классовых выступлений подчеркивается преданность крестьян правительству¹⁴⁵.

Расстановка классовых сил в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. также находит отражение в материалах административных властей.

Жандармский штаб-офицер К. А. Прасолов отмечал, что все высшее дворянство Белоруссии не одобряет планов «ярких революционеров»¹⁴⁶. Умеренных требований придерживалась и земельная аристократия литовских губерний, «более расположенная к интересам правительства»¹⁴⁷, по выражению А. М. Лосева.

Движущую силу революционных событий составляли «дворяне, их официалы, и отчасти класс ремесленников», т. е. «среднее и городское сословие»¹⁴⁸ — по терминологии источников. Под этим подразумевалось служилое чиновничество, ремесленники, студенты, гимназисты, мелкая шляхта, экононы, управляющие именьями.

Активное участие в политических демонстрациях принимала часть католического духовенства. Еще в 1859 г. К. А. Прасолов доносил о том, что «в отношении к правительству расположение большинства католического сельского духовенства неблагонадежно»¹⁴⁹. «Во главе демонстраций, — сообщал в конце 1861 г. А. М. Лосев, — стоит католическое духовенство. Фанатизм огромен»¹⁵⁰.

Крупное польское дворянство Правобережной Украины боялось решительного разрыва с правительством. Оно так же, как и в Северо-Западном крае, выдвигало умеренные требования, которые царское правительство рассматривало как созвучные планам А. Замойского¹⁵¹. В конце октября 1861 г., по сведениям волынского жандармского штаб-офицера, в Житомире состоялся съезд помещиков, на котором от имени губернского предводителя дворянства было составлено письмо генерал-губернатору с заверением, что все манифестации несерьезны¹⁵².

Из наиболее активных участников антиправительственных демонстраций местными властями выделяются гимназисты и студенты¹⁵³. Послед-

¹³⁹ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 366, л. 42 об.

¹⁴⁰ Там же, 1 экзп., 1861 г., д. 145, лл. 3—9; с. а., оп. 2, д. 366, лл. 14 об., 31 и др.

¹⁴¹ Там же, с. а., оп. 2, д. 349, лл. 31 об., 94 об., 122.

¹⁴² Там же, д. 350, л. 63.

¹⁴³ Там же, д. 349, л. 51; д. 366, л. 11.

¹⁴⁴ Там же, д. 346, лл. 37—38.

¹⁴⁵ Там же, д. 366, лл. 64 об., д. 346, л. 17.

¹⁴⁶ Там же, 1 экзп., 1857 г., д. 321, ч. 8, л. 42.

¹⁴⁷ Там же, 1861 г., д. 303, ч. 2, л. 62 об.

¹⁴⁸ Там же, ч. 4, л. 13; ч. 2, л. 62 об.; д. 313, л. 2; 1862, д. 9, л. 96 об.; с. а., оп. 2, д. 366, л. 40 об.; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 27, д. 282, лл. 1—5; д. 349, лл. 1—20; д. 350; ф. 1282, оп. 1, д. 22, лл. 216—218.

¹⁴⁹ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1857 г., д. 321, ч. 8, л. 19.

¹⁵⁰ Там же, 1861 г., д. 303, ч. 2, лл. 46—46 об.

¹⁵¹ Так охарактеризовал Александр II содержание «всеподданнейшего» адреса подольских дворян (ЦГАОР, ф. 722и, оп. 1, д. 682, лл. 33—34).

¹⁵² Там же, ф. 109и, 1 экзп., 1861 г., д. 33, ч. 10, л. 40.

¹⁵³ Там же, оп. 85, д. 20, лл. 6—8; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 70, д. 1050, лл. 1—21; ф. 1275, оп. 1, д. 10, лл. 72—75; «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 годах». Киев, 1963, стр. XII.

ние, как сообщал генерал-губернатор И. И. Васильчиков В. А. Долгорукову 13 декабря 1860 г., стремились «сблизаться с простым народом и действовать на него внушением вредных понятий и мыслей»¹⁵⁴.

Крестьянский вопрос в Западном крае, как и в Царстве Польском, занимает центральное место в документации местных и центральных органов власти. Здесь также шла борьба за влияние на крестьянство. Со стороны польских дворян она велась по двум каналам: распространения среди крестьян-католиков и униатов польской грамоты и укрепления устоев католической религии¹⁵⁵. Накануне восстания широкое распространение получила такая форма агитации, как создание обществ по изданию дешевых книг на польском языке¹⁵⁶, организация школ для крестьян¹⁵⁷. Но попытки польских помещиков привлечь на свою сторону украинских крестьян оставались тщетными. «Сближения помещиков с крестьянами я нигде не видел, — писал чиновник особых поручений Руккер генерал-губернатору И. И. Васильчикову в феврале 1861 г. — Напротив, я заметил, что эти два сословия находятся в прежнем антагонизме, несколько не уменьшающемся поведением помещиков в отношении к крестьянам»¹⁵⁸. Антифеодальное движение крестьян накануне и после крестьянской реформы продолжало внушать серьезные опасения царизму¹⁵⁹. Боялось правительство и усиления патриотической польской пропаганды. Так, жагдармский штаб-офицер в Гродненской губернии писал в декабре 1862 г.: «Помещики, и преимущественно из них мировые посредники, употребляют все усилия склонить и крестьян на свою сторону, что им до сего времени никак не удается, но крестьяне ропчат [так!] за настойчивое требование начальствующими лицами, дабы они приняли уставные грамоты, от чего крестьяне положительно отказываются, и если принять строгие меры наказания, то помещики, воспользовавшись этим случаем, несомненно представят крестьянам некоторые льготы, и те, пожалуй, в своем заблуждении готовы будут соединиться с ними заодно»¹⁶⁰.

Особое внимание уделяют источники случаям революционной агитации среди крестьянства, носившей политический характер¹⁶¹ (распространение революционных воззваний, беседы антиправительственного содержания, призывы к неповиновению распоряжениям властей). Правительство больше всего боялось именно этого; в рапортах и обзорах всегда подчеркивалась политическая индифферентность крестьянства западных губерний: «Крестьяне работают по-прежнему», — сообщается из Волынской губернии¹⁶²; «Народ в манифестациях участия не принимал», — говорится в донесении из Белоруссии¹⁶³.

Документальные материалы указанной категории источников дают сравнительно скудные сведения об участии в восстании 1863—1864 гг. различных слоев населения Царства Польского.

Выживавшие развития событий крупные помещики и представители буржуазии весной 1863 г. решили возглавить восстание, направив его в нужное им русло. Источники отмечают присоединение к восстанию «выс-

¹⁵⁴ ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1860 г., д. 253, л. 9—10.

¹⁵⁵ Там же, 1858 г., д. 243, лл. 1—30; 1859 г., д. 233, лл. 1—6; ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 29, 3 отд., 1 стол, д. 14, л. 3; д. 16, л. 12; ф. 796, оп. 144, д. 102, лл. 1—6.

¹⁵⁶ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 3, д. 3226, лл. 106—107.

¹⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 225, д. 70, лл. 1—16.

¹⁵⁸ ЦГИА УССР (Киев), ф. 442, оп. 811, 1861 г., д. 46, л. 9.

¹⁵⁹ Н. Н. Лещенко. Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 г. (60-е годы XIX в.). Киев, 1959; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 59, д. 3977, л. 5; ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 143, лл. 6—7.

¹⁶⁰ ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 4, л. 56.

¹⁶¹ Там же, 1860 г., д. 253, лл. 28—36; с. а., оп. 2, д. 270, лл. 1—2; А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши. 30—60-е годы XIX в. М., 1962, стр. 202, 216—217.

¹⁶² ЦГАОР, ф. 109п, 1 эксп., 1861 г., д. 33, ч. 10, л. 27.

¹⁶³ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 144, д. 102, л. 2.

ших классов населения» в марте-апреле 1863 г.¹⁶⁴ В мае уже появляются сообщения об отходе их от борьбы¹⁶⁵. Бывшие наиболее активными участниками антиправительственных демонстраций 1861—1862 гг. ремесленники, мелкие рабочие, служащие и другие средние городские слои пополняли ряды повстанцев¹⁶⁶. Часть католического духовенства оказывает материальную помощь повстанцам, агитирует в пользу восстания, принимает активное участие в вооруженной борьбе. Факты об участии ксендзов в восстании имеются в документах административных властей¹⁶⁷. Есть сообщения и об участии в восстании учащейся молодежи¹⁶⁸.

Сведения об отношении крестьян к восстанию отражали существовавшую сложность отношений. В одних источниках говорится о нежелании крестьян вступать в повстанческие отряды¹⁶⁹, в других указывается, что повстанцы силой заставляют крестьян присоединяться к ним¹⁷⁰, многие материалы рассказывают о добровольном участии крестьян в повстанческих отрядах¹⁷¹. В этом плане характерно мнение такого осведомленного очевидца, как А. А. Куцынский. Он сообщал 4 мая 1863 г.: «Мятежники варварским обращением с крестьянами при содействии католического духовенства, допускавшего во время великого поста простонародье к исповеди не иначе как с обязательством выполнить революционную присягу, отчасти успели поколебать умы крестьян и привлечь их на свою сторону [...] По сведениям, крестьяне в некоторых местах заготовляют холст и шьют для мятежников разные вещи [...] В г. Раве 29 апреля крестьяне, выйдя после богослужения из костела, сорвали государственный герб со здания уездного училища. Это доказывает, что уже и крестьяне в некоторых местах на стороне мятежников»¹⁷². Приведенная цитата весьма характерна. В ней сочетается стремление, не противореча усиленно поддерживаемой иллюзии о «верноподданности» крестьянства, дать все же знать власть имущим в Петербурге о тревожных фактах поддержки крестьянами восстания.

Результатом действительности революционной пропаганды среди крестьянства объясняет Куцынский и невозможность организации сельской стражи в Царстве Польском¹⁷³.

Отношение крестьян к восстанию определялось многими причинами, которые в большинстве случаев не находят отражения в источниках данного типа. Иногда представители царской администрации отмечали революционизирующее воздействие повстанческих декретов. Так, Куцынский, сообщая о распространении повстанческого манифеста о даровании крестьянам в собственность земли в Августовском воеводстве, писал: «Официальное обнародование повсеместно вышеозначенных плакат сильно подействовало на умы и окопательно ослабило доверие и преданность крестьян к законному правительству»¹⁷⁴.

Аналогичны сведения об участии в восстании различных слоев населения Литвы и Белоруссии. Они также не являются всеобъемлющими и не могут служить единственным источником для изучения расстановки классовых сил и социального состава повстанцев в Северо-Западном крае. Тем

¹⁶⁴ ЦГАОР, ф. 678п, оп. 1, д. 773, лл. 426—431, 447—450.

¹⁶⁵ Там же, лл. 495—498.

¹⁶⁶ Там же, ф. 109п, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 196, лл. 96, 98 об., 99, 109—111; ф. 678п, оп. 1, д. 773, лл. 455—457; ф. 547п, оп. 1, д. 261, л. 75.

¹⁶⁷ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 396, лл. 107—108; ЦГИА СССР, ф. 1270, оп. 1, д. 39, д. 22, лл. 69—78.

¹⁶⁸ ЦГАОР, ф. 547п, оп. 1, д. 261, лл. 155—157 и другие материалы.

¹⁶⁹ Там же, ф. 109п, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 196, лл. 31, 204, 205.

¹⁷⁰ Там же, лл. 38—39, 70 об., 89—91, 93—95.

¹⁷¹ Там же, лл. 114 об., 227 об.; ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 25, д. 1062, лл. 1—22.

¹⁷² ЦГАОР, ф. 109п, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 196, лл. 101 об., 102.

¹⁷³ Там же, лл. 204—204 об.

¹⁷⁴ Там же, лл. 116—116 об.

не менее документация местных органов власти содержит ценные сведения об участниках восстания. Польские помещики Литвы и Белоруссии оказывали материальную помощь повстанческим отрядам¹⁷⁵. Как и в Царстве Польском, уже с июля 1863 г. они, по образному выражению виленского гражданского губернатора Паниютина, начали выдавать «друг друга»¹⁷⁶. Источники сообщают об активном участии в восстании шляхты, однодворцев, чиповников, мещан, фабричных рабочих, служащих¹⁷⁷, учителей, студентов¹⁷⁸, а также представителей католического духовенства¹⁷⁹.

Вопрос о позиции крестьянства Литвы и Белоруссии чрезвычайно сложен. Решать его, анализируя только документацию правительственных властей, нельзя. Однако она содержит большой фактический материал о конкретных случаях поведения крестьян, в частности об их отношении к царскому указу 1 марта 1863 г. В Люцинском и Режицком уездах, например, крестьяне с момента объявления указа «прекратили всякую работу для помещиков до такой даже степени, что не осталось в прислуге человека для ухода за скотом»¹⁸⁰. Крестьяне многих местностей Литвы и Белоруссии считали указ манифестом об аграрной реформе, который они ожидали¹⁸¹, и отказывались от подписания уставных грамот¹⁸². Известны многочисленные случаи задержания крестьянами помещиков-повстанцев или просто неугодных им помещиков¹⁸³, факты оказания материальной помощи повстанцам, выполнения обязанностей проводников, участия в борьбе против царского правительства с оружием в руках¹⁸⁴ и т. д.

Источники отмечают и случаи борьбы крестьян на стороне повстанцев. Одной из характерных черт, подмеченных местными властями, было добровольное вступление крестьян в отряды с апреля 1863 г. Так, в повстанческий отряд вступили 150 крестьян Андрушского сельского общества, «увлеченные обещаниями и угрозами»¹⁸⁵.

Источники содержат материал об отношении к восстанию польского населения Правобережной Украины. Они свидетельствуют об оказании помещиками материальной помощи повстанческим отрядам¹⁸⁶, часть из них вошла в ряды повстанцев¹⁸⁷. Некоторые чиповники также присоединились к повстанцам¹⁸⁸. С мест доносили об уходе к повстанцам студентов, ремесленников, рабочих¹⁸⁹. Однако этот материал разрознен и неполон.

Более компактными и полными являются сведения о крестьянах Правобережной Украины в 1863 г. Целая серия донесений с мест рассказывает об антифеодальном движении крестьян¹⁹⁰. Крестьяне под видом

¹⁷⁵ Там же, л. 17.

¹⁷⁶ Там же, ч. 280, л. 9 об.

¹⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 21, лл. 19—22; ф. 1286, оп. 24, д. 880, л. 1; ф. 381, оп. 4, д. 2780, ч. 5, лл. 1—53; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 13, л. 21 об.; ч. 14, лл. 22, 112; ч. 20, л. 14.

¹⁷⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 26, лл. 6—8; д. 81, лл. 1—5; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 162, д. 126, лл. 1—68; ГИАЛЮ, ф. 139, оп. 1, т. 3, лл. 6127, 6246.

¹⁷⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 23, л. 1; ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 32, д. 158, л. 1; ф. 796, оп. 144, д. 10, л. 156.

¹⁸⁰ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 13, лл. 47—47 об.

¹⁸¹ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 37, л. 51.

¹⁸² Там же, ф. 1284, оп. 24, д. 184, лл. 61—91.

¹⁸³ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 13, л. 146; ч. 14, лл. 162, 169.

¹⁸⁴ ЦГИА СССР, ф. 381, оп. 4, 1863 г., д. 2687, ч. 12, л. 42 об.; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 14, лл. 76 об., 111 об.

¹⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. 381, оп. 4, 1863 г., д. 2687, ч. 13, л. 36.

¹⁸⁶ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 18, лл. 134—137; ф. 722и, оп. 1, д. 359, лл. 357—358.

¹⁸⁷ Там же, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 18, л. 112.

¹⁸⁸ ЦГИА УССР (Киев), ф. 442, оп. 813, 1863 г., д. 315, лл. 1—2.

¹⁸⁹ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 18, л. 106.

¹⁹⁰ ЦГИА УССР (Киев), ф. 442, оп. 813, 1863 г., лл. 75, 175, 188, 197, 224, 248, 255, 344, 383, 407, 410, 412, 429, 431, 435, 463, 469, 476, 478, 516, 554, 561, 586, 613, 617 и др.; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 18, лл. 29, 59 об., 61 об., 76.

борьбы с повстанцами-помещиками задерживали помещиков, нападали на помещичьи усадьбы, отказывались платить подати, работать на помещиков, принимать уставные грамоты. С другой стороны, бывали случаи, когда крестьяне, ссылаясь на свое участие в сельской страже, отказывались выполнять и распоряжения правительства. «Крестьяне уже очень часто предлагают вопросы насчет повинностей сельской стражи и утверждают, что им не следует теперь платить податей, потому, что несут такую же службу, как и солдаты», — сообщалось из Волынской губернии в августе 1863 г.¹⁹¹ Большинство сообщений говорит о преданности крестьян царскому правительству и об их отказе от помощи повстанцам¹⁹². В то же время нельзя игнорировать свидетельство документов, авторы которых высказывают опасение в преданности крестьян правительству¹⁹³, сообщают о сопротивлении их организации сельской стражи¹⁹⁴ или, наконец, о присоединении к повстанческим отрядам¹⁹⁵.

Итак, указанный комплекс документальных материалов является одним из важнейших источников для изучения расстановки классовых сил в 1861—1863 гг. Особое значение он имеет для изучения крестьянского вопроса. Материалы Учредительного комитета в Царстве Польском, Комитета по делам Царства Польского и Западного комитета позволяют поставить вопрос об аграрной структуре Царства Польского, Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, а документация правительственных канцелярий — о классовом движении крестьян в 60-х годах и их участии в восстании 1863 г.

Оценив расстановку классовых сил в Царстве Польском накануне восстания, царское правительство стремилось соответственно опереться на соглашательские элементы и изолировать наиболее революционные слои польского общества.

Данный комплекс архивных материалов позволяет поставить и решить вопрос об одном из составных элементов «кризиса верхов» в начале 60-х годов XIX в., проявившегося в крахе национальной политики царизма в Польше. Источники отражают как внешние проявления этого краха, так и растерянность властей, их внутреннюю неуверенность в действительности той политики, которую они проводили.

Переписка царя с заместителями дает возможность изучить вопрос о попытках царизма договориться с аристократами и верхушкой духовенства, показывает провал этих попыток¹⁹⁶. В переписке и других материалах видна растерянность правительства, его попытки действовать и методом уступок, и путем усиления репрессий. Так, очень много внимания правительство уделяет кампаниям выборов в советы, стремясь отвлечь помещиков и зажиточное мещанство от участия в демократическом движении. А. А. Куцынский в конце 1861 г. предлагал даже временно приостановить аресты участников демонстраций в связи с подготовкой к выборам¹⁹⁷. 15 (27) мая 1862 г. в Варшаве начал работу городской совет. Почти все члены совета ранее входили в состав февральской делегации 1861 г., причем четверо из них были репрессированы за участие в антиправительственных демонстрациях. И тем не менее, оценивая факт созыва совета, А. Н. Лидерс писал: «Осуществление этого учреждения важно потому, что

¹⁹¹ ЦГАОР, ф. 109п, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 18, лл. 170—170 об.

¹⁹² ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 19, л. 5, ф. 1405, оп. 539, д. 17, лл. 16—17.

¹⁹³ «Мировые посредники и дворяне, — писал из Волынской губернии жандармский штаб-офицер в мае 1863 г., — старались восстановить крестьян против законной власти, а потому трудно сказать, чтоб крестьяне не увлеклись такими доводами, если заблаговременно не примутся меры», ЦГАОР, ф. 109п, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 18, л. 129.

¹⁹⁴ Там же, лл. 169—170.

¹⁹⁵ ЦГИА СССР, ф. 381, оп. 4, д. 2687, ч. 19, лл. 6—7.

¹⁹⁶ «Korespondencja namiestników...», стр. XXIV.

¹⁹⁷ ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 366, л. 62.

действия его будут служить примером подражания для провинциальных советов»¹⁹⁸. Однако правительству не удалось достигнуть желаемого результата, и в канун восстания наместник вынужден был признать: «Но при всех этих реформах, осуществленных и осуществляемых, нельзя заметить, кроме материальной тишины, никакого улучшения в моральном состоянии края»¹⁹⁹.

Поддающую массу духовенства, принимавшего активное участие в патриотических демонстрациях, правительство старалось то подчинить влиянию послушного ему архиепископа Фелинского²⁰⁰, то воздействовать на них через Рим²⁰¹, впрочем понимая иногда тщетность этих попыток²⁰², наконец, переходило к репрессиям²⁰³. Для отвлечения рабочих от злободневных политических вопросов местные власти стремились побольше загрузить их работой²⁰⁴.

Интересный материал содержат изучаемые источники о подготовке к введению военного положения в Царстве Польском. (Вопрос о введении военного положения ставился еще летом 1861 г. Наместник стремился избежать этой крайней меры, вводились частичные ограничения.)²⁰⁵ Материалы переписки царя с наместником князем Константином определенно свидетельствуют о том, что рекрутский набор своим острием был направлен против революционных сил польского народа. В письме от 22 декабря 1862 г. (3 января 1863 г.) Александр II откровенно заявил о том, что движение в Польше носит не только «национальный», но и «революционный» характер, и рекрутский набор должен ослабить силы революционной партии²⁰⁶. Эта же мысль отразилась и в политическом обзоре²⁰⁷. С другой стороны, документы опровергают лицемерные уверения тех же лиц, будто восстание застало их врасплох. Царизм спровоцировал восстание, не дав революционной партии времени для его подготовки²⁰⁸.

В связи с этим интересным является вопрос, который также можно поставить на основании изучения данного круга материалов, — о степени осведомленности царской администрации относительно повстанческой организации.

Упорную борьбу царское правительство вело за подчинение своему влиянию польского крестьянства. Но в то же время оно защищало классовые интересы польских помещиков. Документы отражают обе эти тенденции. Власть с тревогой отмечает попытки помещиков сблизиться с крестьянами путем устройства сельских школ, бесед с крестьянами, распространения среди них листовок. В обзоре политического состояния края на рубеже 1861—1862 гг. есть следующие строки: «Положение крестьян с каждым днем становится замечательнее по усилиям, которые употребляют помещики к привлечению их на свою сторону, действуя

¹⁹⁸ Там же, д. 349, лл. 31—31 об.

¹⁹⁹ Там же, д. 350, л. 53 об.

²⁰⁰ ЦГАОР, ф. 828и, оп. 1, д. 222, лл. 26—27; ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 346, л. 107; д. 349, лл. 5, 23; ф. 678и, д. 773, лл. 353—358; ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 34, лл. 10, 16, 17, 20—22, 52, 53.

²⁰¹ ЦГАОР, ф. 678и, оп. 1, д. 773, лл. 361—364.

²⁰² Александр II в письме к Константину в декабре 1862 г. признавал, что обращение в Рим к папе не будет иметь положительного результата (ЦГАОР, ф. 722и, оп. 1, д. 682, лл. 56—57).

²⁰³ Там же, ф. 678и, оп. 1, д. 773, лл. 345—346.

²⁰⁴ А. Ф. Мейендорф писал А. М. Горчакову 31 марта (12 апреля) 1861 г.: «Чтобы отвлечь рабочих от событий, стараемся занять их массой работы» (ЦГАОР, ф. 573и, оп. 1, д. 1185, лл. 36—37).

²⁰⁵ «Korespondencja namiestników...», стр. XXIV. ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 366, лл. 49 об., 52 об., 56, 57, 72, 73; д. 346, л. 18 об.; д. 348, лл. 2—7; ф. 728и, оп. 1, д. 2711, лл. 1—14.

²⁰⁶ ЦГАОР, ф. 722и, оп. 1, д. 682, лл. 58—59.

²⁰⁷ Там же, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 351, лл. 74 об., 75.

²⁰⁸ Там же, ф. 678и, оп. 1, д. 773, лл. 337—340, 351—352; ф. 722и, оп. 1, д. 682, лл. 39—40.

через публицистику». Против строк обзора о том, что образование крестьян — дело правительства, а не помещиков, Александр II написал: «Справедливо»²⁰⁹. В противовес мероприятиям помещиков проводились половничатые реформы, не удовлетворившие крестьян²¹⁰, царизм не мог пойти на проведение радикальной земельной реформы и ликвидацию или ущемление помещичьей собственности²¹¹. Правительство даже практикует применение экзекуций, несмотря на рекламирование метода мирного уговаривания крестьян²¹².

Агитационной работе польских патриотических сил в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине царизм противопоставил свою программу русификации западных губерний. Исследуемые архивные материалы вскрывают планы царизма в этом отношении. Политика царизма в 1861—1862 гг. выражалась в осуществлении различных мероприятий по русификации западных областей (замена учителей-католиков православными²¹³, образование сельских школ с преподаванием на русском языке²¹⁴, запрещение изданий книг на польском языке²¹⁵). В 1862 г. был поставлен вопрос о колонизации западных губерний²¹⁶. Были приняты меры к улучшению материального положения православного духовенства²¹⁷. В конце 1861 г. по проекту П. А. Валуева был образован специальный комитет для разработки мер по улучшению положения православного духовенства в Юго-Западном крае. Циркуляр министра народного просвещения А. В. Головнина от 14 февраля 1862 г. предписывал оказывать содействие «Вестнику Юго-Западной и Западной России», издание которого в Киеве было предпринято с целью идеологической борьбы с влиянием католицизма²¹⁸.

Архивные документы содержат материал о репрессивных мерах, направленных против поляков-студентов и гимназистов. Киевский генерал-губернатор получил право исключать из университета «неблагонадежных» студентов, полякам — уроженцам Царства Польского доступ в университет был закрыт вовсе, был регламентирован порядок увольнения в отпуск студентов и гимназистов, а также установлены другие ограничительные меры²¹⁹.

В западных губерниях, как и в Царстве Польском, царизм не чувствовал себя уверенно. Но в отличие от Польши, там с самого начала был взят более резкий курс. Имеющиеся данные позволяют воссоздать систему репрессивных мер против революционно-демократических сил (от запрещения иметь оружие до введения военного положения)²²⁰.

Широкая волна антифеодалных выступлений и участие крестьян Литвы и Белоруссии в восстании заставили царское правительство уско-

²⁰⁹ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 346, лл. 98, 101.

²¹⁰ Там же, д. 366, л. 23.

²¹¹ См. письмо М. Д. Горчакова к В. А. Долгорукову от 23 апреля (12 мая) 1861 г. «Я думаю, — писал он, — что в самом близком времени мы проведем отмену барщины и замену ее оброком, но экономически мы не должны затрагивать в принципиальном плане интересы собственников, ибо это один из „институтов“ страны». (ЦГАОР, ф. 109и, оп. 2, д. 358, лл. 37—40).

²¹² ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 336, л. 18.

²¹³ ГБЛ, ф. 169, кор. 42, д. 5, л. 19; ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 14, лл. 7—26; ф. 733, оп. 70, д. 1039, лл. 2—36.

²¹⁴ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1861 г., д. 303, ч. 2, лл. 63—66.

²¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 29, 1 отд., 2 стол., д. 158, лл. 13—14; ф. 1282, оп. 1, д. 45, лл. 1—91.

²¹⁶ ГБЛ, ф. 169, кор. 42, д. 8, л. 10.

²¹⁷ ЦГАОР, ф. 544и, оп. 1, д. 12, лл. 18—23; ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 143, д. 819.

²¹⁸ ГИАЛО, ф. 139, оп. 1, д. 6175, лл. 11—12.

²¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 70, д. 1030, лл. 1—3; д. 1040, лл. 1—5; д. 1029, лл. 1—7; ф. 1282, оп. 1, д. 93, л. 7; д. 95, лл. 1—33; ф. 1284, оп. 241, д. 29, лл. 195—201; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1862 г., д. 459, лл. 6—25, 31—36, 41—50; ГБЛ, ф. 169, кор. 42, д. 5, л. 19.

²²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 22; ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 373, лл. 75—76, 79—80, 83—84 и др.; оп. 3, д. 790, л. 13.

рить завершение проведения земельной реформы в Северо-Западном крае²²¹. Уже 6 февраля 1863 г. П. А. Валуев во всеподданнейшем докладе обосновывал необходимость проведения реформы как можно скорее²²². Крестьянам западных губерний делались послабления при рассмотрении их споров с помещиками, чего не допускалось в великорусских областях²²³. Генерал-губернатор оказывал нажим на помещиков с целью добиться уступок для крестьянства. Так, помещики шести уездов Могилевской губернии еще до издания указа об обязательном выкупе вынуждены были отказаться от крестьянских платежей²²⁴. Местным властям были даны распоряжения о мягком обращении с крестьянами, отказывавшимися от уставных грамот. Власти старались направить чувство вражды крестьян к помещикам в русло борьбы против повстанческого движения. Зато наиболее крутые меры применялись к крестьянам, однодворцам, шляхтичам и другим лицам из непривилегированного сословия, заподозренным в сочувствии повстанцам. Их семьями и целыми деревнями высылали в глубь России.

Репрессивные меры были направлены также против той части католического духовенства, которая принимала какое-либо участие в восстании²²⁵, против студентов и гимназистов²²⁶.

Введение военного положения и организация системы военно-полицейского управления в губерниях Северо-Западного края²²⁷ означали с самого начала вступление правительства на путь репрессий. Помимо мер военно-полицейского характера, в силу вступили инструкции о наложении секвестра и конфискации имущества участников восстания в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине²²⁸. Большая группа документов содержит сведения о порядке высылки из Литвы и Белоруссии и отражает разногласия, возникшие по этому вопросу между генерал-губернатором и министром внутренних дел²²⁹.

Достаточно полно представлена в документах русификаторская направленность политики царизма в западных губерниях. Уже с 1863 г. началось привлечение на службу в Литве и Белоруссии русских чиновников с предоставлением им материальных льгот²³⁰, в 1864 г. была запрещена переписка на польском языке²³¹. Польских учителей стали заменять русскими²³². В Московском, Казанском и Харьковском университетах были учреждены 60 специальных стипендий для подготовки русских учителей в западные губернии²³³. Правительство учло опыт предшествующих лет и занялось организацией сельских приходских училищ с преподаванием на русском языке для местного населения, было создано товарищество «Общественная польза» по изданию дешевых книг на русском языке²³⁴, укреплены позиции православного духовенства в этих областях²³⁵. Особо большое внимание царское правительство уделяло проблеме рус-

²²¹ ЦГИА СССР, ф. 1181, т. XV, д. 95, лл. 1—81; д. 134, лл. 1—5; д. 174, лл. 1—46.

²²² ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 3, д. 104, лл. 5—6.

²²³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 49, лл. 7—8.

²²⁴ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 3, д. 104, л. 43.

²²⁵ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 150, д. 89, лл. 19—28; ф. 1267, оп. 1, д. 26, лл. 177—188.

²²⁶ Там же, ф. 733, оп. 162, д. 56, лл. 1—7; ф. 1267, оп. 1, д. 16, лл. 49—61.

²²⁷ Там же, ф. 1282, оп. 1, д. 32, лл. 33—34; ф. 1267, оп. 1, д. 3, лл. 46—49.

²²⁸ Там же, ф. 384, оп. 12, д. 349, л. 33.

²²⁹ Там же, ф. 1267, оп. 1, д. 14, л. 109; д. 21, лл. 41—44; ЦГАОР, ф. 811, оп. 1, д. 57, лл. 2—5.

²³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 62, д. 5749, лл. 1—104.

²³¹ Там же, ф. 1289, оп. 1, д. 2158, лл. 1—27.

²³² Там же, ф. 733, оп. 120, д. 124, лл. 1—8.

²³³ Там же, оп. 148, д. 3, лл. 1—307.

²³⁴ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1864 г., д. 102, л. 2.

²³⁵ Там же, с. а., оп. 2, д. 708, лл. 5—15; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 170, д. 112, лл. 1—12.

ской колонизации в Западном крае. Сохранилось много источников и по этому вопросу ²³⁶.

В Царстве Польском правительственная политика во время восстания была более гибкой, чем в западных губерниях. Имеющиеся архивные материалы отражают всю ее многосторонность и противоречивость в 1863—1864 гг. Первый период 1863 г. отличался тем, что, спровоцировав восстание, царизм вначале встал на путь проведения двойственной политики, сохраняя надежду на возможность сговора с консервативными польскими кругами ²³⁷. О неустойчивости политики царизма в это время говорят также объявление амнистии и колебания в вопросе об отставке А. Велёпольского ²³⁸. Назначение наместником Ф. Ф. Берга свидетельствовало о том, что колебаниям был положен конец, хотя позиция царизма в Польше и в дальнейшем оставалась более гибкой, чем в западных губерниях. Документальные материалы содержат много сведений о репрессивной стороне политики царизма во время и после восстания.

Уже в ходе подавления восстания в Польше царское правительство все усилия сосредоточило на проведении административных преобразований, изыскивая новые методы подчинения страны. Изучение этой стороны политики царского правительства имеет серьезное значение для анализа проблемы — какую роль сыграло восстание 1863 г. в Царстве Польском в социально-экономическом развитии страны.

Помимо проблем расстановки классовых сил и политики царизма в 1861—1864 г., архивные материалы правительственных властей позволяют поставить вопрос о том, какими сведениями располагала царская администрация о самом восстании, руководителях, когда власти начали обнаруживать костяк повстанческой организации.

Данные архивные материалы могут быть использованы также в качестве дополнительных источников для изучения других вопросов. Так, в документах содержится описание событий 1861—1862 гг. в Царстве Польском и западных губерниях, сообщается о формах революционной агитации в 1861—1863 гг., имеются разрозненные сведения о студенческих волнениях, об участниках событий, освещаются русско-польские революционные связи накануне и в период восстания. Можно почерпнуть сведения о военных операциях и тактике повстанцев, отношении к ним местного населения, откликах на восстание в России, обстановке в Царстве Польском и западных губерниях после восстания. Источники содержат также данные о внешней политике царизма и деятельности польской эмиграции.

Подводя итоги, можно сказать, что неопубликованные архивные материалы административных органов управления Царством Польским, Литвой, Белоруссией и Правобережной Украинной являются ценным источником для изучения основных проблем восстания 1863 г.

²³⁶ ЦГИА СССР, ф. 384, оп. 12, д. 359, 460; ф. 385, оп. 1, д. 814; ф. 1267, оп. 1, д. 1, 25; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 175.

²³⁷ Там же, ф. 722и, оп. 1, д. 683, лл. 139—142.

²³⁸ Там же, дд. 682, лл. 99, 100.

Ю. И. Штакельберг

ФИНАНСОВЫЕ ПРОЕКТЫ ПОВСТАНЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Одним из наиболее важных и в то же время наименее исследованных вопросов истории восстания 1863 г. является вопрос о его финансах. Цифровой материал, приводимый в воспоминаниях и показаниях участников восстания, заимствованный затем позднейшими исследователями, всегда весьма относителен. Документов, содержащих обобщающие данные по этому вопросу, не сохранилось так же, как не сохранилось архива Финансового отдела Национального правительства. Да в сущности таких обобщающих документов, по-видимому, и не было, так как финансовыми вопросами (и поступлением, и расходованием средств) во время восстания ведали не только центральные повстанческие органы, но и местные власти и даже отдельные командиры повстанческих отрядов. Кроме того, следует учитывать, что в условиях неизбежной строжайшей конспирации хранение различных финансовых документов после сдачи отчета вышестоящей повстанческой власти (а зачастую и до такого отчета) было по меньшей мере неосторожностью, которая могла повлечь за собой многочисленные аресты и провал какой-то части организации. Поэтому, как правило, такие документы по сдаче отчета немедленно уничтожались¹. В силу всех этих причин полный свод данных о финансовом положении восстания практически невозможен. Тем не менее на основании имеющихся отрывочных данных по этому вопросу можно осветить целый ряд частных моментов, связанных с финансированием восстания 1863—1864 гг., в том числе и различные усилия повстанческого руководства, направленные на изыскание средств для вооруженной борьбы.

Следует оговориться, что в рамках настоящей статьи остается совершенно незатронутым вопрос о расходовании этих средств, поскольку он может служить темой самостоятельной работы.

* * *

В начальный период подготовки восстания, в 1861—1862 гг., основным источником денежных средств являлись пожертвования². Пожертвования эти собирались главным образом во время широко распространенных

¹ J. Łukaszeński. Zabór pruski w czasie powstania styczniowego 1863—1864 г. Jassy, 1870, стр. 240.

² Следует отметить, что в связи с распространявшимися царскими властями слухами о применении принуждения при сборе пожертвований, Центральный Национальный Комитет издал (уже летом 1862 г.) специальное обращение к жителям с опровержением таких слухов (ЦГАОР СССР, ф. 945п, оп. 1, д. 101, л. 210). Не исключена возможность, что основанием для подобных слухов могли быть показания лиц, обвинявшихся во взносе пожертвований и оправдывавшихся тем, что были принуждены к этому угрозами.

тогда молебнов «о спасении отечества». Сумма, собиравшаяся во время таких молебнов, не поддается сейчас исчислению, но по некоторым данным в Варшаве, например, собиралось до 2 тыс. злотых за один прием³. Естественно, что в провинции собирали гораздо меньшие суммы, иногда всего несколько десятков рублей. Кроме того, по-видимому, какая-то часть собранных денег оставалась в руках духовенства⁴. Впрочем, иногда в провинции за сравнительно короткий срок удавалось собирать относительно крупные суммы. Так, например, в Пётркове за девять месяцев 1861 г. было собрано 5 тыс. злотых⁵. Сбор пожертвований производился также помимо костелов; например, студентами, ходившими по домам, собиралось в Варшаве иногда до 14 тыс. злотых (2 тыс. руб.) в день⁶. Некоторые суммы выручались от продажи патриотических брошюр и листовок, портретов жертв февральского расстрела, литографированных и фотографических воспроизведений патриотических рисунков (в частности, рисунков Гроттгера), различных значков, медальонов, крестиков и т. п. Считается, что в 1861—1862 гг. таким образом было собрано около 500 тыс. злотых. Но сколь бы значительны ни были собиравшиеся суммы, все они тут же расходовались на типографии, на проведение манифестаций, на помощь арестованным и высылаемым, а также семьям погибших во время варшавских расстрелов.

В дальнейшем, с развитием национальной организации, все призывавшие вносили небольшие ежемесячные добровольные взносы. Но эти деньги шли только на внутренние нужды организации⁷. Неотвратимость надвигавшегося восстания поставила летом 1862 г. Центральный Национальный Комитет перед настоятельной необходимостью решить вопрос финансирования не только работ по подготовке общественного мнения и созданию организации, но и по приобретению оружия для предстоящей вооруженной борьбы. В результате 18 октября 1861 г. в № 7 газеты «Ruch» был опубликован декрет об установлении национальной подати в размере $\frac{1}{2}\%$ от капиталов и недвижимости и 5% от доходов. При этом срок уплаты подати за 1862 г. был установлен 10 ноября. Несмотря на то, что к редакции этого декрета, по-видимому, были привлечены и определенные круги «белых» (В. Пшиборовский называет автором декрета А. Гиллера), исполнение его натолкнулось на известное сопротивление в шляхетских кругах, особенно в провинции. Так, в Люблинском воеводстве шляхта громко жаловалась на эту подать «и домогалась от царского правительства, чтобы оно защитило ее от натиска агентов Комитета»⁸. В результате, если к концу декабря 1862 г. только в двух циркулах Варшавы было собрано около 40 тыс. злотых, то по воеводствам за это же время были собраны примерно такие же суммы (Люблинское воеводство, например, дало всего 40 тыс. злотых). Всего в декабре 1862 г. в кассе Центрального Национального Комитета было около 400 тыс. злотых, собранных по октябрьскому декрету⁹.

³ «Zeznania śledcze o powstaniu styczniowym» (далее: «Zeznania śledcze...»). Wrocław, 1956, стр. 295; ГПБ, ф. 1020, тетр. IX, лл. 139—164.

⁴ З. Хондзыньский рассказывает, что несколько сот рублей, собранных в 1861 г. во время молебна в память Т. Костюшко, так и остались в руках доминиканцев (Z. Chądzyński. Wspomnienia powstańca z lat 1861—1863. Warszawa, 1963, стр. 43—44).

⁵ Там же, стр. 41.

⁶ «Zeznania śledcze...», стр. 296.

⁷ «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде» (далее: «Показания и записки О. Авейде»). М., 1961, стр. 454.

⁸ W. Przyborski. Historia sześciu miesięcy. Warszawa, 1904, стр. 225, 319.

⁹ Там же; Z. Chądzyński. Указ. соч., стр. 61.

Р. Рогинский в своих показаниях говорит, что в ноябре-декабре 1862 г. «под квитанции» было собрано 800 тыс. руб. (ГПБ, ф. 1020, тетр. IX, л. 221 об.). Но, по-видимому, эта цифра не соответствует действительности, так как З. Падлевский в январе 1863 г., выступая на заседании Центрального Национального Коми-

Национальная подать собиралась не только в Царстве Польском, но и в западных губерниях империи, а также в Галиции и Познани. Часть собранных средств оставлялась на местные нужды (10% для повятовой кассы и 5% для воеводской)¹⁰. Однако сбор подати на первых порах, по-видимому, был организован недостаточно четко, что дало право впоследствии О. Авейде заявить, что сбор «производился настоящим, как говорит папа пословица, казачьим порядком, т. е. бог знает кем, с кого и сколько»¹¹. Поэтому одним из первых распоряжений после начала вооруженного восстания был приказ начальника г. Варшавы от 2 февраля 1863 г. о порядке сбора денежных средств¹².

Диктатура М. Лянговича еще более дезорганизовала сбор средств в стране. Одним из немногочисленных актов, которые успел совершить десятидневный диктатор, была рассылка специальных агентов и комиссаров с правом распоряжаться сбором и расходованием средств¹³. В то же время провозглашение диктатуры, бывшей делом рук «белых», пробудило среди определенных кругов состоятельной части населения надежду изменить как октябрьский декрет, так и всю финансовую политику руководства восстанием. Появляется проект Л. Кроненберга о замене национальной подати внутренним займом. По его мысли, участие во внутреннем займе мог принимать каждый обыватель соотносительно со своим капиталом или доходами. Каждый участник должен был получить облигации на внесенную им сумму, с тем, чтобы в свое время эта сумма «нормальным правительством была признана за долг Королевства»¹⁴. При этом Кроненберг предлагал свои услуги для распространения внутреннего займа среди наиболее состоятельных лиц. Весь этот проект выражал желание присоединившихся к восстанию «белых» получить в случае победы восстания не только политические, но и материальные выгоды.

Падение диктатуры Лянговича ликвидировало возможность осуществления как проекта Кроненберга, так и надежд «белых» вернуть впоследствии деньги, вложенные в национальное движение. Принятый Центральным Национальным Комитетом (уже в качестве Временного правительства) новый декрет об обязательной национальной подати от 8 апреля 1863 г., хотя он и был отредактирован близким Кроненбергу К. Рупрехтом, уже не предусматривает никакого возращения когда-либо внесенных на нужды восстания средств. Более того, попытки ряда весьма состоятельных лиц оттянуть уплату подати вызвали через месяц новый декрет (12 мая 1863 г.), в котором прямо указывалось, что «люди, известные своими капиталами и крупными владениями, пренебрегают обязанностями, вызванными нуждами святого дела национального восстания», в силу чего гражданам, на которых приходилось более 1000 злотых подати, предлагалось внести ее в трехдневный срок¹⁵. В то же время декретом от 8 апреля освобождались от уплаты подати все лица, принимавшие непосредственное участие в вооруженной борьбе.

тета, говорил о собранных по октябрьскому декрету 350 тыс. злотых, т. е. дал цифру, близкую к указанной в других источниках (B. Li m a n o w s k i. Historia powstania narodu polskiego 1863—1864. Lwów, 1909, стр. 481).

¹⁰ ЦГАИ УССР (Киев), ф. 442, оп. 814, д. 744, л. 10—15; оп. 813, д. 7, л. 29. В Литве в распоряжении повятов оставлялась 1/8 часть собранной суммы (ГПБ, ф. 874, оп. 2, д. 96, л. 8 об.).

¹¹ «Показания и записки О. Авейде», стр. 529.

¹² ЦГАОР, ф. 109н, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 1, л. 84.

¹³ «Listy Leopolda Kronenberga do Mieczysława Waligórskiego z 1863 roku». Wrocław, 1955, стр. 49, 57.

¹⁴ Там же, стр. 45 (письмо Л. Кроненберга от 19—20 марта 1863 г.). Несколько ранее (15 марта) он писал, что советовался с начальниками воеводств в отношении этого проекта (там же, стр. 33).

¹⁵ ГБЛ, ф. 324 (Цветаев) д. 7, л. 145.

Апрельский декрет распространялся также и на западные губернии, Галицию и Познань¹⁶. При этом следует отметить, что за исключением некоторой части средств, собранных в Галиции и прусских землях, почти все средства, собиравшиеся на основе апрельского декрета, оставались в воеводских кассах и шли на местные нужды: на формирование отрядов повстанцев и приобретение оружия на местах. По свидетельству О. Авейде, Литва, например, не прислала в Варшаву ни одной копейки¹⁷. В распоряжении Национального правительства оставались по существу только те суммы, которые были собраны в самой Варшаве. Но и они шли главным образом на нужды варшавской городской организации, на типографии и помощь семьям погибших повстанцев¹⁸. По показаниям казначея Национального правительства Т. Ильницкого, через его руки в июне-июле 1863 г. прошло всего около 100 тыс. руб. (несколько менее 700 тыс. злотых)¹⁹. Это была капля в море. Повстанческие отряды жуждали в десятках, сотнях тысяч ружей, не говоря уже о боеприпасах и амуниции, а на их приобретение требовались миллионы рублей. Каждый карабин, купленный у европейских фабрикантов оружия, стоил 25—30 руб., револьвер с сотней патронов — 20—28 руб., и еще в такую же сумму обходилась их доставка в Царство Польское (если только оружие вообще доходило туда, а не было захвачено прусской или австрийской полицией, или же царской пограничной стражей)²⁰. К этому следует добавить, что почти все суммы, первоначально намеченные к сбору на основе апрельского декрета, были внесены в течение первых же месяцев после введения налога и уже в начале лета встал вопрос о необходимости обложения страны новой податью или изыскания иных источников для пополнения финансов²¹.

Действительно, в конце июля—начале августа в провинции фактически подать уже не вносилась. Использование полевой жандармерии для сбора певисепной подати давало весьма незначительные в финансовом отношении результаты²². Для упорядочения как расхода имевшихся средств, так и сбора еще не полученных Национальное правительство в лице своего Финансового отдела издает 5 августа 1863 г. подробную «Инструкцию по предмету сбора и контроля подати»²³. Но это уже не могло изменить положение. К концу года национальная подать собиралась фактически только в Варшаве и отчасти в Августовском воеводстве. Однако и в Варшаве количество поступавших средств из месяца в месяц падало: в декабре 1863 г. — 40 тыс. злотых, в январе 1864 г. — 17 тыс. зло-

¹⁶ В Западной Пруссии к этому времени была распределена подать не только за 1863 г., но и за пять лет вперед (J. Łukasiewicz. Указ. соч., стр. 290).

¹⁷ «Показания и записки О. Авейде», стр. 542. Там же О. Авейде указывает, что в Литве подать вносилась «не по букве декрета, а по собственному усмотрению; притом весьма многие богатейшие люди ничего не давали».

Как показал Р. Рудницкий, на Украине «Русинский комитет за все время своего существования [т. е. от половины июля 1862 г. до мая 1863 г. — Ю. III.] не назначал никакой подати» (ГПБ, ф. 1020, тетр. XVII, л. 86 об.).

¹⁸ «Zeznania śledcze...», стр. 93. Впоследствии при диктатуре Р. Траугутта был издан декрет от 22 февраля 1864 г., которым предлагалось всем гражданам платить дополнительно с 1 января 1864 г. 1% от дохода специально на содержание вдов и сирот, а также раненых повстанцев (С. Н. Драпичын. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л., 1937, стр. 285).

¹⁹ «Proces Romualda Traugutta i członków Rządu Narodowego» (далее: «Proces R. Traugutta...»). Warszawa, 1960—1961, t. II, cz. 2, стр. 142; t. III, стр. 111.

²⁰ ГПБ, ф. 1020, тетр. IX, лл. 1—26 (показания Зд. Ячевского). Кароль Маевский утверждает, что в среднем каждый карабин, который был на вооружении повстанцев летом 1863 г., обошелся в 1000 злотых (около 140 руб.); эта цифра выведена им путем деления затраченных сумм на количество поступившего оружия («Zeznania śledcze...», стр. 248).

²¹ «Показания и записки О. Авейде», стр. 560—561, 585.

²² Z. Chądzyński. Указ. соч., стр. 138; «Pamiętnik Junoszy oficera polskich żandarmów». Warszawa, 1960, стр. 41.

²³ ГБЛ, ф. 324, д. 7, л. 187.

тых, в феврале — 10 тыс. злотых и в марте — всего 6 тыс. злотых²⁴. В середине февраля 1864 г. начальник г. Варшавы Александр Вашковский еще призывает жителей города к уплате подати и одновременно публикует фамилии лиц, отказавшихся внести деньги на нужды восстания. Но с упадком восстания это было совершенно бесполезно, и в последнем приказе от 27 сентября 1864 г. А. Вашковский заявляет, что в начале сентября прекратился сбор национальной подати. Это было не только констатацией того факта, что никто уже не вносил подать, но и предупреждением различных злоупотреблений со стороны лиц, имевших в руках полномочия Национального правительства или его органов²⁵.

Помимо общенациональной подати, в сентябре 1863 г. Национальным правительством был установлен еще особый налог на владельцев винокуренных и сахароваренных предприятий²⁶. Однако не сохранилось никаких сведений ни о размере обложения, ни о количестве средств, изысканных таким путем. Точно так же не известно, что дала подать, учрежденная 22 ноября 1863 г. для поляков, находившихся за границей без разрешения Национального правительства (в размере 15 злотых с каждого). Известно даже, была ли она практически введена²⁷.

* * *

Кроме вышеуказанных, Национальное правительство к лету 1863 г. имело еще несколько источников доходов.

Одним из них являлись частные займы. Впрочем, они мало значили, так как, по словам О. Авейде, «производились одним лишь Рупрехтом у разных бывших «белых» друзей его [...] одним из важнейших наших кредиторов был банкир Кропленберг. Вся сумма занятых денег приблизительно не превосходила 300 тыс. руб. серебром»²⁸.

Другим источником, более эффективным, чем частные займы, был вооруженный захват средств в разных правительственных кассах. Такой захват осуществлялся отрядами повстанцев, которые реквизировали все казенные суммы, попадавшие к ним в руки. Это были деньги, находившиеся в волостных и сельских управлениях, почтовых станциях, захваченные при перевозке казенной почты и т. п. (При захвате почты, как правило, повстанцы оставляли в целости частную денежную почту.)

²⁴ «Zeznania śledcze...», стр. 93. В. Шиборовский пишет об этом времени: «Подать собирали теперь с большим трудом. От ксендзов Августянов на улице Пивной, с применением «большого принуждения», как сказано в рапорте, удалось добыть едва несчастную тысячу злотых. Дошло до того, что пришлось продать серебряные и другие ценные вещи, принадлежащие Национальному правительству, за 2000 злотых» (Z. L. S. Ostatnie chwile..., т. I. Poznań, стр. 299). Такое же положение, если не хуже, было в провинции. 27 января 1864 г. секретарь Национального правительства пишет полномочному комиссару в «прусском захвате»: «Денег сейчас вам правительство послать ничего не может. Провинции ничего правительственной кассе не присылают, также и воеводства» (J. Łukaszeński. Указ. соч., стр. 28).

²⁵ Царские власти в течение всего восстания жестоко преследовали как сборщиков подати, так и лиц, вносивших ее. Любая бумажка, содержащая какие-либо цифры (хотя бы это были записи хозяйственного порядка), привлекала пристальнейшее внимание следственной комиссии. Самый факт внесения национальной подати считался достаточным основанием для привлечения к судебной ответственности. Так, например, было с О. Шпаковским, виновным «только в том, что по требованию какого-то молодого человека уплатил революционной подати 500 р. сер» («Proces R. Traugutta...», т. III, стр. 8). Но если в данном случае Шпаковский отделался только испугом и денежным штрафом в пятикратном размере, то иной разговор был со сборщиками подати. Так, Л. Вилькошевский, обвиненный в сборе подати (в частности, с того же Шпаковского), был осужден на 8 лет каторжных работ (там же, стр. 193—197).

²⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 409, л. 56.

²⁷ B. Limanowski. Указ. соч., стр. 421.

²⁸ «Показания и записки О. Авейде», стр. 561.

Суммы эти были самые различные — от нескольких рублей²⁹ до нескольких тысяч или даже десятков тысяч³⁰. Тем не менее к началу июня 1863 г., по данным царских властей, в руки повстанцев таким путем попало около полумиллиона рублей³¹. В дальнейшем вооруженный захват казенных сумм продолжался не менее активно. Наиболее крупная сумма, оказавшаяся в руках повстанцев таким путем, была захвачена во время Жижинского боя 8 августа 1863 г., когда повстанцам досталось около 140 тыс. руб. (по данным царского правительства, 200 тыс.). Однако эти деньги фактически остались в распоряжении генерала Крука и не попали в кассу Национального правительства³². Всего путем вооруженного захвата в руки повстанцев попало около 1 млн. руб., но все они так же, как и захваченные под Жижинем, осели на местах и были израсходованы на местные потребности повстанцев.

Зато сумма, экспропрированная из Главной кассы в Варшаве, целиком была передана в распоряжение Национального правительства. Экспроприация эта, проведенная А. Вашковским в конце мая 1863 г., дала 3600 тыс. руб.³³ К сожалению, в основном эта сумма была в заставных листах, и пока листы эти переправлялись в Париж для их реализации, царское правительство успело сообщить в европейские банки номера экспропрированных ценных бумаг. В результате реализация их оказалась невозможной³⁴.

Попытка получить под эти ценные бумаги заем за границей также не имела успеха, ибо, как писал О. Авейде, «дружба дружбой осталась, но давать деньги бедному, оборванному, скрывавшемуся в лесах партизану никто не хотел»³⁵. Английские банкиры заявили, что заем возможен в случае признания Национального правительства воюющей стороной³⁶.

Создавшаяся ситуация привела к тому, что в начале июля 1863 г.

²⁹ Так, 9 мая 1863 г. на Вередовской почтовой станции было реквизировано 13 руб. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1310, л. 108 об.).

³⁰ Около 60 тыс. руб., а по другим источникам — 70 тыс., захвачены в Сосновце; 30 тыс. руб. захвачены Франковским на почтовой станции Курово; 18 тыс. руб. экспропрированы в Лодзи; 10 806 руб. захвачены в Пружанах, и 5546 руб. были в почте, перехваченной между Пинском и Минском. О. Авейде считает, что экспроприация была «самым важным источником дохода» («Показания и записки О. Авейде», стр. 529. См. также: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1310, лл. 60, 108).

³¹ ГБЛ, ф. 324, карт. 10, ч. II/17. «Мнение генерал-лейтенанта Куцынского, присутствовавшего в Комиссии, учрежденной по повелению е. и. выс. наместника в Царстве Польском для расследования обстоятельств похищения из Главного казначейства сумм», 7 (19) июня 1863 г. А. А. Куцынский предлагал следующие меры «к ограждению того, что осталось»: «Ежели признано будет неудобным перевести все суммы из Варшавы в Цитадель, а со всего Царства собрать их в крепости, оставив на расходы известное количество денег, по мере же накопления, передавать в главное хранилище, то как в Варшаве, так и в губернских казначействах должны быть казначей русские — вполне благонадежные люди, знающие счетную часть» (л. 2).

³² «Zeznania śledcze...», стр. 263. В данном случае (как это бывало нередко) был нарушен декрет Национального правительства от 23 июня 1863 г., которым предписывалось деньги, захваченные из казначейств неприятеля, немедленно передавать гражданским властям для отправки в национальное казначейство («Ruch», № 17).

³³ Об этой экспроприации население было извещено двумя листовками Национального правительства от 15 и 22 июня 1863 г. (ЦГАОР, ф. 945и, оп. 1, д. 102, л. 78; ГИМ, ОПИ, ф. 461, св. 7).

³⁴ Наличные деньги, экспропрированные в Главной кассе, были израсходованы Национальным правительством в течение двух месяцев (ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, л. 249, показания О. Авейде). У одного из чиновников оказался черновик списка заставных листов, что и позволило царским властям 13 июня 1863 г. огласить номера попавших в руки повстанцев ценных бумаг (см. воспоминания Юзефа Яновского в кн.: «Warszawa w pamiętnikach powstania styczniowego». Warszawa, 1963, стр. 427). О попытках реализации заставных листов пишет А. Моллер (A. Moller. Situation de la Pologne aux 1-er Janvier 1865. Paris, 1865, стр. 225).

³⁵ «Показания и записки О. Авейде», стр. 587.

³⁶ W. Czartoryski. Pamiętnik, 1860—1864. Warszawa, 1960, стр. 148; «Zeznania śledcze...», стр. 267.

Национальное правительство принимает решение для изыскания необходимых средств выпустить внутренний заем на сумму 21 млн. злотых (т. е. равную стоимости экспроприированных заставных листов) и одновременно ввести национальную монету.

Декретом от 5 июля 1863 г. Национальное правительство, исходя из того, что «по мере развития народного восстания увеличиваются его потребности» и что «положение восстания дает достаточную гарантию возвращения доверенных Национальному правительству средств», установило 5%-ный принудительный заем на сумму 21 млн. злотых. В условиях займа, выработанных Финансовым отделом, указывалось, что заем будет распространяться среди «состоятельных капиталистов края» и что одновременно учреждается в Париже Комиссия национального долга. Последняя составилась из князя Владислава Чарторьского, Юзефа Орденги и доктора Северина Галензовского, при секретаре Яне Банземере³⁷. Правительственным комиссаром при Комиссии национального долга был назначен Кароль Рупрехт. В обязанности Комиссии входило: сбор средств на нужды восстания за рубежом, ведение Главной книги государственного долга, выпуск облигаций национального займа и запись их в эту книгу. На суммы, собранные по подписке внутри страны, выдавались временные облигации или квитанции, завизированные местными повстанческими властями³⁸. Впоследствии они подлежали обмену на облигации, выпущенные Комиссией национального долга, которые уже должны были быть не на предъявителя, а именными. Чтобы не встречалось отказа при распределении займа, по проекту референта Финансового отдела Генрика Воля, назначенного контролером национального займа, был подготовлен декрет Национального правительства, запрещающий платить долги лицам, отказавшимся подписаться на заем. Однако, по словам О. Авейде, не было ни одного случая применения этого декрета, который даже не был опубликован³⁹.

Общая сумма займа была распределена на три части — 7 млн. злотых должно было быть распространено в Царстве Польском, столько же в Западном крае и остальное в Галиции и Познани. Практически заем был распространен только в Царстве Польском, на остальных территориях подписка проходила с трудом⁴⁰. Однако успех его в Царстве Польском и главное крайняя нужда в деньгах толкнули Национальное правительство (в последние дни так называемого сентябрьского жонда) на то, чтобы издать декрет от 10 октября 1863 г. о переходе на всеобщую добровольную подписку на заем и увеличении его суммы до 40 млн. злотых. В это же время (после 10 октября 1863 г.) и были, наконец, выпущены Комиссией национального долга облигации займа, которыми начали заменять временные облигации и квитанции⁴¹.

³⁷ По словам В. Чарторьского, он дал свою подпись на облигациях займа «с болью в сердце и с большим нежеланием» и вообще не мог и не желал распускать об этом (*W. Czartoryski. Pamiętnik*, стр. 187). Первоначально предполагалось, что на облигациях будет подпись Людвика Воловского, но поскольку он не решился на такой шаг, то оставалась кандидатура В. Чарторьского (*B. Limanowski. Указ. соч.*, стр. 281).

³⁸ Форма квитанции в получении денег по подписке на заем была обнародована в приказе начальника г. Варшавы № 30 от 29 декабря 1863 г. Образцы временных облигаций довольно часто приводились в различных публикациях как иллюстративный материал (*A. Sokołowski. Dzieje powstania styczniowego*, стр. 82, 150).

³⁹ «Люди вообще давали деньги без малейшего противоречия, хотя «белый» Скаржинский [директор Финансового отдела. — *Ю. III.*] несколько не щадил своих бывших собратьев», — писал О. Авейде. В частности, Кроненберг дал 500 тыс. злотых, а ЗамоЙские — 1 млн. («Показания и записки О. Авейде», стр. 588).

⁴⁰ Зд. Янчевский показал на следствии: «Народный попутительный заем в Литве не удался и не принес ни гроша денег. Так, по крайней мере, когда я был на свободе, ни одна облигация не была прислана в Вильно» (ГПБ, ф. 1020, тетр. XVII, л. 77).

⁴¹ Зд. Янчевский, говорит, что облигации эти, по-видимому, так и не были в обращении («*Zeznania śledcze...*», стр. 64). Однако известен целый ряд случа-

Однако ситуация в стране к этому времени значительно ухудшилась, и заем, к тому же теперь на добровольных началах, распространялся со все большим и большим трудом. О том, что благоприятный для займа момент был упущен, говорится, в частности, в донесении полномочного комиссара в Мазовецком воеводстве от 6 декабря 1863 г.: «Недостаток денег препятствует формированию отряда — почти два месяца воеводство их лишено, по поводу того, что отделение финансов не присылает повесток и квитанций к всеобщему займу, на доставлении копих столько раз было настаиваемо. Всеобщий заем следовало привести в исполнение прежде, чем москали взыскали свои подати, этого, однако ж, отделение финансов не приняло в уважение. При настоящем недостатке денег нельзя даже рассчитывать на успешное пополнение займа»⁴².

Такое же положение было и в других воеводствах, как это видно из отдельных рапортов. Так, в Люблинском воеводстве за период с ноября 1863 г. по апрель 1864 г. заем был распространен всего на 14 283 злотых 10 грошей, а в Августовском с октября 1863 г. по май 1864 г. только на 2 тыс. злотых⁴³. Позднее, за исключением одного Калишского воеводства, распространение займа в провинции практически прекратилось. Попытка И. Чинского оживить реализацию займа в мае 1864 г. в Августовском воеводстве реальных результатов не дала⁴⁴.

Еще хуже было со сбором средств по займу вне Царства Польского. Исполнительный отдел в «прусском захвате» принял 5 марта 1864 г. специальное постановление, которым принудительное распространение займа откладывалось на неопределенное время, а в качестве добровольной подписки разрешалось засчитывать суммы, уже внесенные в виде двухлетней подати⁴⁵. Тем самым распространение займа лишалось своей цели. Среди польской эмиграции распространение займа вообще было встречено в штыки — деньги от состоятельных эмигрантов приходилось вырывать силой⁴⁶.

В целом заем не был распространен не только на 40 млн. злотых, но даже и на первоначально намеченные 21 млн. По подсчетам А. Моллера, в Царстве Польском, западных губерниях, в Галиции и Пруссии он был реализован всего на 8 млн. злотых⁴⁷. При этом далеко не вся эта сумма могла быть обращена на самое необходимое — приобретение оружия.

ев, когда царскими властями были обнаружены такие облигации на территории Царства Польского и западных губерний. Так, в начале 1865 г. в Ленчицком уезде были найдены спрятанные там с 1864 г. облигации на сумму 40 тыс. злотых (ЦГАОР, ф. 547п, оп. 1, д. 264, лл. 100—101; как листы 105—133 в том же деле подшита часть этих облигаций). Особенно интересен экземпляр 500-злотовой облигации, заверенный на обороте подписью и печатью начальника Варшавского повета Мазовецкого воеводства, такая заверка могла быть сделана только на месте, т. е. в Царстве Польском (ГИМ ОПИ, ф. 461, связка 7). Еще один экземпляр такой же заверенной облигации (но со смазанной печатью) имеется в коллекции Цветаева (ГБЛ, ф. 324, д. 7). Кроме того, известен рассказ Стеллы-Савицкого о передаче в Подолью в половине февраля 1864 г. трех тюков с облигациями на 7 млн. злотых, которые были уничтожены из опасения обыска (Stella-Sawicki. *Galicja w powstaniu styczniowym*. Lwów, 1909, стр. 53). Стелла-Савицкий указывает, что изготовление облигаций обошлось в 30 тыс. фр.

⁴² ЦГАОР, ф. 547п, оп. 1, д. 45, л. 46 об.

⁴³ Z. L. S. *Ostatnie chwile...*, t. IV. Poznań, 1888, стр. 122, 124.

⁴⁴ Библиотека АН УССР (Львов), ф. Оссолинских, д. 8051/II, лл. 75—77.

⁴⁵ J. Łukaszeński. Указ. соч., стр. 68, 157, 183, 236. Ю. Лукашевский (быв. полномочный комиссар в «прусском захвате») писал, что заем был мертворожденным замыслом, во-первых, потому, что было уже поздно, а во-вторых, потому, что он был отдан в руки финансистов, т. е. тех, кто свой карман щадил (там же, стр. 236).

⁴⁶ «Polska działalność dyplomatyczna, 1863—1864», т. II. Warszawa, 1963, стр. 253; Z. L. S. *Ostatnie chwile...*, t. IV, стр. 152.

⁴⁷ A. Moller. Указ. соч., стр. 222.

Вторым пунктом польского проекта Финансового отдела был выпуск национальной монеты. Об этой части проекта известно главным образом со слов О. Авейде и К. Масовского⁴⁸. Согласно их показаниям, Национальное правительство постановило изготовить за границей (под наблюдением Комиссии национального долга) и выпустить в обращение национальные банкноты на сумму до 50 млн. злотых (за денежную единицу был принят злотый, равный 100 грошам). Дело поручили правительственному комиссару при Комиссии национального долга К. Рупрехту⁴⁹. Для урегулирования курса банкнот предполагалось особым постановлением обязать польских (главным образом варшавских) купцов и промышленников принимать их без ограничения, а все частные расчеты между гражданами производить (не менее, чем на $\frac{1}{3}$ суммы) в национальной монете. Предполагалось также запретить употребление рублевых и трехрублевых кредитных билетов царского правительства. Кроме того, для укрепления курса банкнот было также решено отчеканить за границей на 1—2 млн. злотых звонкую монету — золотую, серебряную и медную. «Здесь имели в виду главным образом крестьян и бедных людей, чтобы их материальные интересы связать с революцией»⁵⁰.

Введением в обращение собственных денег Национальное правительство, помимо получения средств для нужд восстания, еще и упрочило бы свое положение как в Царстве Польском, так и за границей. Ведь именно в то время, когда был принят декрет от 15 августа 1863 г., которым окончательно утверждалось введение национальной монеты, велась дипломатическая переписка между западными державами и царским правительством по польскому вопросу. Выпуск в этот момент Национальным правительством польской монеты лишней раз подтвердил бы как его законность, так и то, что оно пользуется поддержкой народа. Следовательно, этот шаг явился бы еще одним подкреплением требованиям признать Национальное правительство воюющей стороной. Таким образом, декрет был в значительной мере рассчитан именно на дипломатический эффект. Правда, по свидетельству Вл. Чарторьского, среди правящих кругов европейских держав отношение к проекту выпуска польской национальной монеты было весьма скептическим. Когда 30 августа 1863 г. им был затронут этот вопрос в разговоре с министром иностранных дел Франции Друэн де Люнсом, последний охарактеризовал проект как непрактичный и высказал свое недоумение, как же это Национальное

⁴⁸ «Показания и записки О. Авейде», стр. 588; «Zeznania śledcze...», стр. 257, 278, 279; ГПБ, ф. 1020, тетр. XI, лл. 33—34 об.

⁴⁹ «Polska działalność dyplomatyczna», т. I. Warszawa, 1937, стр. 137.

⁵⁰ ГПБ, ф. 1020, тетр. XI, л. 34 (показания О. Авейде).

В настоящей работе остается в стороне вопрос о выпуске в 1860-х годах различными фирмами и торговыми домами бон взамен звонкой монеты. Эти боны, появление которых было обусловлено нехваткой звонкой монеты в Царстве Польском, имели приватный характер и узко локальное обращение. Известно по всему Царству свыше 250 фирм, выпускавших такие боны достоинством до 30 коп. Основная масса их была вынуждена в 1861—1862 гг. Подробный каталог бон см.: T. Solski. Bony Królestwa Kongresowego z lat 1860—1865. («Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne», т. XVIII, Kraków, 1937, стр. 50—76). Боны не имели никакого отношения к финансовой деятельности Национального правительства, что вытекает уже из их юридического статуса, так как они не были обязательны к приему, и их ценность поддерживалась только доверием к выпускавшей фирме. Однако известен случай, когда такие боны, выпущенные в марте 1863 г. лавкой Земледельческого общества (Dom zleceń rolników nadwiślańskich Lubelsko-Sandomierskich) в г. Люблине, были расценены царским правительством как политический акт, поскольку на них были изображены «помещик и крестьянин, подающие себе руки, а внизу надпись»: «Ufność i Jedność» (ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 196, л. 93).

правительство хочет выпустить свои деньги против русского правительства⁵¹.

Первые известия о намерении повстанцев выпустить национальную монету царские власти получили в январе 1864 г., когда начальник Радзивиловского таможенного округа донес начальству, что он получил «заслуживающие вероятия» сведения, что «Польский народный жонд приказал, чтобы все, у кого только есть серебряная и золотая посуда и ложки, отсылали таковые во Францию для чекана там польской монеты»⁵². По сообщению генерал-майора Крейтера, сбор в Царстве Польском золотой и серебряной посуды к этому времени уже начался. В связи с этим генерал-губернатор Юго-Западного края генерал-адъютант Н. Н. Анненков запретил вывоз за границу золотой и серебряной посуды и ходатайствовал перед Петербургом об утверждении такой меры.

Дело было внесено на рассмотрение Западного комитета, и были запрошены мнения как министра финансов, так и наместника Царства Польского и генерал-губернатора Северо-Западного края. Генерал-губернатор М. Н. Муравьев ответил, что он «не находит препятствий к приведению этой меры к исполнению», хотя, на его взгляд, «подобного рода покушения со стороны жителей означенного края немыслимы»⁵³. Наместник Ф. Ф. Берг предложил распространить эту меру на все границы как в империи, так и в Царстве Польском. Что же касается министра финансов М. Х. Рейтерна, то он 17 февраля 1864 г. внес в Западный комитет записку, в которой писал, что, по его мнению, запрет не приведет к желаемой цели, «ибо желающие жертвовать своими золотыми и серебряными вещами в пользу польского восстания могут без большого труда провозить оные помимо таможен, при постоянном положении нашей западной сухопутной границы, или же переливать изделия в слитки, вывоз которых нельзя подвергнуть запрещению без стеснения международных торговых сношений; наконец, никто не может препятствовать приверженцам польского движения продавать или закладывать свою золотую и серебряную посуду и вырученные деньги переводить трактами на Париж в кассу тамошнего польского комитета»⁵⁴. Переписка по этому делу тянулась несколько месяцев, пока не было получено от Н. Н. Анненкова в апреле уведомления о том, что «в настоящее время не представляется уже крайней надобности в воспрещении вывоза за границу золотых и серебряных вещей»⁵⁵. И действительно, к маю 1864 г. царским властям уже было ясно, что восстание идет к концу и ни о каком выпуске национальной польской монеты не может быть и речи. Об этом же пишет в своих воспоминаниях и Стелла-Савицкий: «В конце ноября (27-го) Национальное правительство намеревалось устроить национальный монетный двор с целью изготовления польской монеты. Призывали обывателей для удовлетворения этого предприятия жертвовать домашнее

⁵¹ W. Czartoryski. Pamiętnik..., стр. 380. Следует отметить, что и среди руководства восстанием этот проект был встречен с известным скепсисом, а начальник стражи народной П. Ляпдовский в своих показаниях 5 (17) июня 1864 г. характеризует его как «сумасшедшее предприятие» (ГБЛ, ф. 324, карт. 10, ч. 1/6, л. 29).

⁵² ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 44, л. 43 и об. По-видимому, Крейтеру стало известно обращение начальника г. Львова от 20 января 1864 г., в котором население призывалось для «борьбы с такой силой, как московская [...], жертвовать на потребности национального дела золотые и серебряные предметы» (Библиотека АН УССР (Львов), ф. Дзедушицких, д. VIII, л. 122 и об.).

⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 25, л. 410 об.

⁵⁴ Там же, л. 411 и об.

⁵⁵ Там же, д. 27, лл. 42, 79 и об. Н. Н. Анненков основывался на донесении Крейтера от 31 марта 1864 г., в котором говорилось: «Сбор этой посуды в здешних губерниях, как сообщают те же агенты, затруднен тем, что сельские и военные караулы по деревням весьма строго осматривают всех проезжающих, и нет возможности провезти посуду эту скрытно» (ЦГИА УССР (Киев), ф. 442, оп. 814, д. 21, л. 12 об.).

серебро. [...] До изготовления польской монеты, однако, не дошло, а собранное серебро было отдано на нужды восстания»⁵⁶.

О той части проекта, которая касалась выпуска национальных банкнотов, и шагах, предпринятых в связи с этим Национальным правительством, царским властям стало известно только после подавления восстания. 4 апреля 1865 г. лондонский агент III отделения Балашевич («Потоцкий») сообщил: «В н[аших] руках единственный экземпляр кредит[ного] билета — *Париж[ского] революц[ионного] комитета*. Гравировано в Лондоне на стали»⁵⁷. Далее он дает краткое объяснение нарисованного им на обороте конши (в натуральную величину) и предлагает в случае надобности выслать фотографию или оригинал. 21 июля 1865 г. Балашевич переправляет в III отделение подлинный образец, сопроводив его следующим замечанием: «*Прилагаю в[есьма] интерес[ный] кредит[ный] билет*, купленный нами от Тх. [обычное в донесениях Балашевича сокращение фамилии Станислава Тхоржевского. — Ю. Ш.], который уверял нас, что это единственный пробный экземп[ляр]. Быть может, для Вас он имеет интерес»⁵⁸.

Присланный Балашевичем образец представляет собой листок обычной (без водяного знака) бумаги размером 11 × 17,5 см, на котором оттиснут обрамляющий рисунок и в середине отдельно приклеен панчестанный текст (см. фото). На рисунке «верхняя вишета изображает герб, поддерживаемый земледельцем и промышленностью в растральном венце. На прав[ой] стор[оне] — Коперник, на левой — курган Костюшки. Внизу медальон, изображающий союз партизанов Польши, Литвы и Руси»⁵⁹. Посредине банкнота надпись: «Moneta Narodowa Polska» и ниже наклеен текст: «Установленная декретом Национального правительства от 15 августа 1863 года. — Двадцать пять. — злотых польских. Национальное правительство выплатит предъявителю после окончания войны за независимость стоимость настоящего билета в серебряной монете из расчета

86 ⁸⁶/₁₂₅ злотых из чистой гривны кельнской». Ниже повторено обязательство уплаты предъявителю банкнота в серебре на литовском и украинском языках⁶⁰. Еще ниже: «Правительственный комиссар» и «член Комиссии национального долга». Факсимиле соответствующих подписей К. Рупрехта и Ю. Орденги воспроизведены уже непосредственно на самом банкноте с рисунком. Сбоку рисунка повторена надпись: «Moneta Narodowa Polska». Под рисунком в центре «Подделка монеты подлежит всей суровости закона» и по бокам имена исполнителей гравюры — художника А. Пилиньского⁶¹ и резчика Ф. Симона. Последнее особенно интересно, так как это те же самые лица, которые были исполнителями и облигаций национального займа. Да и сам рисунок во многом повторяет рисунок на облигациях. То же сочетание тройного герба с симво-

⁵⁶ Stella-Sawicki. Указ. соч., стр. 131.

⁵⁷ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 2, д. 561, л. 93 об. (подчеркнуто Балашевичем).

⁵⁸ Там же, л. 153 (образец кредитного билета см. там же, л. 158).

⁵⁹ Такое объяснение рисунка дано в донесении Балашевича от 4 апреля 1865 г. (там же, л. 93 об.)

⁶⁰ Украинский текст выполнен латинскими буквами и звучит так: «Okazateli seho bileta po skinczeniu winyi za wilnist zemli naszej skarb Polskiy zaplatit srebbranpoju Monetoju». Приведенный в обязательстве расчет свидетельствует, что в основу был положен серебряный стандарт 1831 г. (Т. Katkowski. Tysiąc lat monety polskiej. Kraków, 1963, стр. 224—225).

⁶¹ Адам Пилиньский (1810—1887) — польский гравер и литограф, участник восстания 1831 г., эмигрировавший затем во Францию, где он приобрел известность своими работами по факсимильному воспроизведению старинных изданий и различных документов (Е. Rastawiecki. Słownik rytowników polskich... Poznań, 1886, стр. 235—237; «Adam Piliński et ses travaux, par un Bibliophile». Paris, 1890). Сведений о его работе над облигациями и банкнотами польского Национального правительства в литературе встретить не удалось.

лическими фигурами, те же Коперник и курган Костюшко наверху, тот же рисунок польского улана, казака и литовского крестьянина-кошняка внизу.

В нижних углах банкнота наклеено два кружка (красный и синий — единственные цветные, вся гравюра черно-белая) с выдавленной на них печатью Комиссии национального долга⁶². Сомнительно, чтобы предполагалось заверять кредитные билеты двумя оттисками одной и той же печати; очевидно, в данном случае это сделано исключительно для наглядности и сравнения сочетания оттиска и цвета. Надо полагать, что на окончательном варианте были бы выдавлены две печати — Комиссии национального долга и Национального правительства, как это сделано на облигациях национального займа⁶³.

Данный образец является явно черновым и, по-видимому, первым. Это видно хотя бы по незаконченности работы — не изготовлена оборотная сторона, не выверен текст надписи, содержащий опечатки, да и сам текст еще не переведен на сталь, не отработан цвет банкнота. Вероятнее всего, что на этой стадии и прекратилась всякая работа по изготовлению кредитных билетов. Во всяком случае у нас нет никаких оснований не доверять словам Ст. Тхоржевского, что это единственный пробный билет. О том, что в Париже в конце 1863 г. прекратились всякие помыслы о введении национальной денег, свидетельствует письмо Комиссии национального долга к Л. Мерославскому от 15 ноября 1863 г., в котором комиссия, перечисляя свои обязанности, говорит об изготовлении облигаций национального займа, но ни словом не упоминает о кредитных билетах⁶⁴. Очевидно, с утратой интереса со стороны европейской дипломатии к польским делам, в результате чего отпало и дипломатическое значение введения национальной монеты, пропал интерес к этому проекту и со стороны тех, кто составлял Комиссию национального долга, так как это были лица, считавшие возможным разрешение польского вопроса только дипломатическим путем.

Однако в Варшаве, по-видимому, еще не отказались от плана введения национальной монеты. С началом диктатуры Р. Траугутта, только что прибывшего из Парижа и несомненно знавшего как о самом плане, так и о тех шагах, которые уже были предприняты к его реализации, Национальное правительство вновь возвращается к этому вопросу.

По показаниям К. Маевского, им был даже составлен для Р. Траугутта другой проект выпуска национальных денег, уже с введением новой денежной единицы «няст», равной 2 франкам, или 50 копейкам⁶⁵. К реализации этого проекта не было предпринято никаких шагов, и сам Маевский, возвращаясь в своих показаниях еще раз к этому вопросу, говорит, что «ни золотых, ни нястовых [денег. — Ю. III.] как металлических, так и бумажных никогда не видал ни одной штуки. Более того, даже не слышал, чтобы были когда-либо пущены в обращение, даже предполагаю, что не были изготовлены, разве уже после моего ареста в марте 1864 г.»⁶⁶

⁶² Что должно было быть помещено в верхних кружках и по бокам текста — не известно. Балашевич считал, что «на верхних кружках предполагались надписи, на боковых — номера» (ЦГАОР, ф. 109п, с. а., оп. 2, д. 561, л. 93 об.). Последнее мало вероятно, так как в верхней части банкнота отведены специальные места для номера и сери.

⁶³ Выдавленные на облигациях печати очень плохо заметны, а на воспроизведениях при публикации не видны совсем.

⁶⁴ «Dokumenta urzędowe do dziejów organizacji jeneralnej powstania narodowego w latach 1863 i 1864». Paryż, 1864, стр. 63.

⁶⁵ «Zeznania śledcze...», стр. 278. К. Маевский участвовал и в разработке первого (июньского) проекта выпуска национальных денег (там же, стр. 255—256). Характерно, что обо всем этом его допрашивали только в ноябре 1865 г., т. е. после того, как царским властям стал известен опытный образец банкнота.

⁶⁶ Там же, стр. 297.

В марте 1864 г., как видно из предыдущего, вопрос об изготовлении национальной монеты в Париже не стоял, но в Варшаве еще думали об этом. Из показаний К. Пшибыльского явствует, что «в первых числах марта [1864 г.] он [...] переписывал с черновой Траугутта отзыв к предводителю шайки Босаку, в котором между прочим ему предложен был вопрос, не найдет ли он возможным реализовать на месте приготовленные в Париже кредитные билеты; в таком случае Босаку предоставлялось право послать от себя доверенное лицо в Париж и привести сказованных билетов на 2 млн. злотых»⁶⁷. Что ответил Босак — не известно, но нет никакого сомнения, что в марте 1864 г., когда Национальное правительство уже не имело достаточной силы даже для того, чтобы обеспечить сбор средств по линии национальной подати и займа, не могло быть и речи о распространении национальной монеты. Национальная монета за наименьшим золотого обеспечения могла быть поддержана только народным энтузиазмом и военной силой, но и тот и другая к этому времени уже основательно исчерпались. Да и сам запрос Р. Траугутта был в известной мере беспредметным, так как изготовленных денег в Париже не было. Об этом, впрочем, Траугутт мог и не знать. Этот запрос — последний отзыв проекта введения национальной монеты⁶⁸.

Введение национальной монеты, конечно, не могло бы кардинально разрешить вопрос об изыскании средств для закупки оружия за границей, по оно в значительной мере разрешило бы проблему снабжения повстанческих отрядов. На протяжении всего периода вооруженной борьбы повстанческие отряды в основном снабжались путем добровольных пожертвований со стороны населения и прямых реквизиций. Правда, в отношении последних Национальное правительство предпринимало меры против всяческих злоупотреблений. Так, например, 4 мая 1863 г. Национальное правительство приняло декрет, в котором говорилось: «Дошло до сведения Народного правительства, что некоторые злодеи под предлогом служения народному делу, пользуясь патристической готовностью жителей жертвовать для восстания, осмеливаются требовать от них в виде реквизиции денежных приношений или поставок натурой, как-то: лошадей, хлеба и т. п., и взятые, таким образом, обманом приношения обращают в предмет личных своих бесчестных спекуляций», а потому постановлялось, что «всякого рода реквизиции наличными деньгами или натурой не иначе могут быть требуемы и удовлетворяемы, как в силу точного

⁶⁷ «Proces R. Traugutta...», t. III, стр. 99.

⁶⁸ В апреле-мае 1864 г. Национальному правительству были присланы в Варшаву два проекта (некоего Верницкого и гр. Я. Дзялыньского) с предложением выпустить национальные бумажные деньги. Но в сущности оба они преследовали не политические, а чисто спекулятивные цели. Верницкий предлагал выпустить на несколько миллионов банкнотов номиналом в 1, 2 и 5 злотых, которые, по его словам, были бы «разобраны за границей и в крае, куплены на память». При этом их можно было бы употреблять и для расчетов с кредиторами. Нужно было только, чтобы они были украшены пышным гербом Польши и подписями кн. Чарторьского, гр. Замойского и других известных лиц (*Z. L. S. Ostatnie chwile...*, t. IV, стр. 163—164). Я. Дзялыньский, давая обширный проект введения ипотечных листов на десятилетнюю подать, для их денежной реализации предлагал, в частности, выпуск банкнот в 5, 10 и 20 злотых, которые могли быть раскуплены в крае несостоятельным населением, не обложенным национальной податью, может быть, даже крестьянами. За границей также, по мысли Дзялыньского, можно было бы распространить их среди симпатизирующих полякам ремесленников и фабричной молодежи. Кроме того, он предлагал при расчетах за оружие и амунизию некоторый процент погашать такими банкнотами (от 1 до 6, а возможно, даже до 10%). Проект этот в сущности был фантастическим, т. к. не было никакой реальной возможности в середине 1864 г. убедить население (хотя Дзялыньский и брался это сделать) принять на себя десятилетнее обязательство платить подать на пужды восстания, которое уже клонилось к упадку. Да он и сам это понимал и сущевственным требованием для введения банкнотов считал выступления повстанцев с новыми силами и несколько решительных сражений (*Biblioteka Kurnicka*, rkp. sign. 7414, л. 15 об.).

Облигация Национального займа

Эскиз банкнота Жонда Народового стоимостью в 25 злотых

полномочия Народного правительства или установленных им властей. Полномочия эти, будут ли они печатные или письменные, должны быть снабжены печатью гражданских властей или подписью и печатью военных начальников»⁶⁹. Такие реквизиции с упадком восстания, естественно, становились все более и более затруднительными. Поэтому возможность рассчитываться на месте национальной монетой за все необходимое для повстанческих отрядов в значительной мере облегчила бы их снабжение.

Источником поступления средств в пользу повстанцев являлись различные штрафы, налагавшиеся как в силу общих постановлений Национального правительства, так и распоряжениями местных и военных повстанческих властей. После того, как декретом Национального правительства от 9 апреля 1863 г. все население страны было освобождено от уплаты податей, установленных царским правительством, эта мера, задуманная как финансовая диверсия, неожиданно дала возможность привлечь некоторые суммы на службу восстанию⁷⁰. Лица, которые, не взирая на распоряжение Национального правительства, все же вносили подать царским властям, подвергались денежному штрафу, а кроме того, еще и вносились в списки изменников. Сумма такого штрафа была зачастую вчетверо большей, чем сумма внесенной подати⁷¹.

Штрафы налагались и по другим поводам. Весьма часто ими заменялись различные дисциплинарные наказания. При этом такая замена практиковалась очень широко⁷². Но все суммы, полученные таким образом, практически оставались в распоряжении тех повстанческих органов, которые их взыскивали. Последнее обстоятельство является причиной того, что общее количество денежных средств, полученных этим путем, не поддается исчислению. Можно только предположить, что в целом-то оно было весьма незначительно, и в финансировании вооруженного восстания эти деньги существенной роли не играли.

Можно упомянуть еще один источник средств — пожертвования частных лиц за границей. Такие жертвования приносились как жившими в эмиграции поляками, так и людьми, сочувствовавшими польскому национальному движению. Собирались они самым различным путем, в частности и в редакции «Колокола», который в 1863 г. регулярно публиковал все случаи присылки денег «для польского дела»⁷³. 5 декабря 1863 г. Национальное правительство дало Польскому комитету в Париже

⁶⁹ ГПБ, ф. 1020, тетр. IV, л. 54 (перевод сделан в следственной комиссии).

⁷⁰ ГПБ, ОРК, инв. 20216 (Декрет Национального правительства от 9 апреля 1863 г., повторенный в листовке Исполнительного отдела в Литве). По данным главного директора правительственной Комиссии финансов, сообщенным им в Совет управления Царства Польского 6 (18) октября 1863 г., дефицит Царства за 1863 г., вызванный спекуляцией податей, исчислялся в 7 млн. руб. (ЦГИА СССР, ф. 869, д. 612, л. 3). Следует отметить, что, кроме запрещения платить подати царским властям, Национальное правительство прибегало и к иным видам финансовой борьбы. Так, 10 мая 1863 г. был издан специальный декрет о запрещении каких бы то ни было финансовых операций с царскими властями (ГИМ ОПИ, ф. 461, св. 7). Впоследствии, в связи с ростом контрибуций, накладываемых царским правительством, неоднократно повторялось запрещение платить их (ЦГИА УССР (Киев), ф. 442, оп. 814, д. 744, лл. 39, 42). Последний декрет начинался следующими словами: «Все, без какого-либо исключения, жители края как сельские, так и городские обязаны всеми способами затруднить неприятелю сбор как различных денежных оплат, наложенных им, так и вымогаемых им реквизиций в натуре».

⁷¹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320а, л. 70 (конверт), док. № 2. Распоряжение начальника Пружанского повета от 12 (24) июля 1863 г.

⁷² F. Kopernicki. Pamiętnik z powstania styczniowego. Warszawa, 1959, стр. 30—31. Ф. Коперницкий, приводит случай, когда трусливому шляхтичу было разрешено покинуть ряды повстанцев за взнос в воеводскую кассу 10 тыс. злотых (там же, стр. 46—47). Известно также, что в 1863 г. бывший полицейский чиновник Юзеф Свентский был «за известную преданность своей законной власти приговорен революционерами к смерти, от которой спасся, уплатив им 1000 рублей» (AGAD. Kancelara Tajna Namiestnika, rkp. sygn. 53, л. 40).

⁷³ «Колокол», 1863 г., лл. 159—161, 165—166.

распоряжение, чтобы «все капиталы, собранные из складок и пожертвований от обывателей, находящихся за границей, на предмет освобождения Польши, вносил прямо в Комиссию народного долга в Париже, за ее квитанциею, в непосредственное распоряжение Народного правления»⁷⁴.

Суммы, присылавшиеся в Париж, были самые разнообразные — от нескольких франков до нескольких тысяч. По данным, которые приводит А. Моллер, всего за границей (не считая Франции) было собрано 923 400 франков (около 1500 тыс. злотых). Наибольшую сумму дала Италия — 240 тыс. франков. В Англии подобные пожертвования собирались также и во время митингов в честь поляков, всего здесь было собрано около 130 тыс. франков⁷⁵. Точность цифры, приводимой А. Моллером, как и все его финансовые выкладки, может вызывать некоторые сомнения, но весьма вероятно, что она недалека от истинной. Во всяком случае все деньги, собранные за границей, поступили в распоряжение Комиссии национального долга и могли быть использованы непосредственно на первоочередные нужды восстания.

* * *

Национальное правительство, кроме решения вопросов, связанных с изысканием средств на нужды вооруженного восстания, одновременно предпринимало меры, направленные против возможных злоупотреблений любого рода. Когда в руки царского правительства попали бланки податных квитанций с печатями Национального правительства, было распространено листовкой специальное «Извещение Финансового отдела Национального правительства» от 13 июля 1863 г., в котором сообщались для всеобщего сведения номера этих квитанций⁷⁶. Через несколько дней после этого, 18 июля, было сообщено о введении на податных квитанциях, кроме печати Национального правительства, еще второй печати: в Варшаве — печати II Отдела управления начальника города, а в поветах — печати начальника повета⁷⁷. Такое же значение имел упоминавшийся выше дневной приказ начальника г. Варшавы от 29 декабря 1863 г. с обнародованием формы квитанции в получении денег по подписке на заем. В этом же приказе указывалась форма удостоверений сборщиков. Вообще Национальное правительство и его органы на местах и раньше неоднократно обращались к населению с напоминанием о том, что различные денежные взносы имеют право собирать только лица, снабженные специальными удостоверениями⁷⁸. А в дневном приказе начальника г. Варшавы от 27 сентября 1864 г. указывалось, что такое удостоверение действительно только пятнадцать дней со дня выдачи.

Подделка удостоверения сборщика или самовольный сбор средств всегда рассматривались как преступления против восставшего народа и отечества. Так, в изданном Исполнительным отделом в провинциях Руси 15 (27) июля 1863 г. «Кратком уголовном положении» (*Krótki Regulamin Karny*) было указано: «Фальшивые сборщики податей, или собирающие таковые или пожертвования для собственной корысти [...] будут караться смертью»⁷⁹. Тем не менее с упадком восстания такие злоупотреб-

⁷⁴ ЦГАОР, ф. 547п, оп. 1, д. 45, л. 28. На л. 35 имеется письмо Национального правительства от того же числа в Комиссию национального долга по этому же предмету.

⁷⁵ А. Moller. Указ. соч., добавления, стр. 229.

⁷⁶ ЦГАОР, ф. 945и, оп. 1, д. 102, л. 52.

⁷⁷ Там же, л. 81.

⁷⁸ Дневные приказы начальника г. Варшавы, № 6 (4 марта 1863 г.) и № 22 (1 сентября 1863 г.); ГПБ, ф. 1020, тетр. IV, л. 54 и об. (Распоряжение Национального правительства от 4 мая 1863 г.); Библиотека АН УССР (Львов), ф. Дзедушицких, д. VIII, лл. 22, 108; ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 42, лл. 275—276 (приказ начальника г. Житомира от 12 октября 1863 г.).

⁷⁹ «Walka», № 2 (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 42, л. 170).

ления все чаще имели место. Примером того является дело Зенгера, который в начале 1864 г. на чистом бланке Финансового отдела выписал для своего знакомого «свидетельство, позволяющее ему уплатить в казну законного правительства недоимочные подати», и пытался продать облигацию национального займа⁸⁰. Другим примером может служить дело Мицевича, подделавшего номинацию на должность повятового и значительную часть собранных средств положившего в свой карман⁸¹.

С целью проверки финансов всех повстанческих органов декретом от 10 октября 1863 г. была образована в Париже Счетная палата (Izba Obgashunkowa), которая, по мысли декрета, должна была требовать финансовые отчеты со всеми приложенными документами и ревизовать их. Задача эта была явно неисполнимая. Во время диктатуры Р. Траугутта была сделана также попытка проверить финансовые счета местных повстанческих органов и военных отрядов «с момента начала восстания», для чего были разосланы правительственные контролеры⁸². Но в это время навести какой-либо порядок в финансовой отчетности, по-видимому, практически уже было невозможно.

Можно дать весьма приблизительную оценку результативности различных финансовых мероприятий Национального правительства. Ниже дается попытка такой оценки по статьям дохода.

Экспроприация. Общая сумма (без экспроприированных в Главной кассе), называемая различными источниками, сходится к 1 млн. руб., что составляет около 7 млн. злотых. По мнению А. Моллера, сюда входят и суммы, взысканные в виде штрафов. Если добавить еще 3 млн. злотых, экспроприированных в виде наличных денег из Главной кассы, то общий итог средств, экспроприированных Национальным правительством и его органами, составит около 10 млн. злотых.

Частные займы. Около 300 тыс. руб., или 2100 тыс. злотых.

Иностранные пожертвования. Около 1500 тыс. злотых.

Национальная подать. Сумма, полученная в виде национальной подати, представляет наибольшие трудности для подсчета. Называемая А. Моллером цифра свыше 100 млн. злотых (включая сюда Познань, Галицию и Западные губернии) несомненно фантастична. Впрочем, Моллер исходит не из действительно собранной суммы подати, а из подлежащего уплате в виде подати процента от общего дохода населения. Если же исходить из действительно внесенной подати, то нам известны следующие общие цифры по Царству Польскому: в декабре 1862 г. было внесено 400 тыс. злотых, в июне-июле 1863 г. — 700 тыс. злотых. Можно предположить, что за период январь-май 1863 г. вносились примерно такие же суммы, т. е. всего в этот период было внесено около 2 млн. злотых. Во второй половине 1863 г. количество вносимой подати резко падает, и не будет большим преуменьшением, если определить общую сумму подати, собранной за август-декабрь 1863 г., в 500 тыс. злотых. В 1864 г. подать собиралась практически только в Варшаве, где в январе-марте было собрано всего 33 тыс. злотых. В воеводствах за всю весну 1864 г. было собрано по 5—7 тыс. злотых. Иными словами, общую сумму собранной в 1864 г. подати можно без большой ошибки определить в 100 тыс. злотых. Таким образом, можно считать, что в виде подати по Царству Польскому с ноября 1862 г. до конца восстания было собрано около 3,7 млн. злотых. Если считать, что в эту сумму не входят те 8—10% собранной суммы, которые оставались в распоряжении воеводских организаций, то всю сумму можно увеличить до 4 млн. злотых.

⁸⁰ «Proces R. Traugutta...», т. III, стр. 206, 241.

⁸¹ Библиотека АН УССР (Львов), ф. Оссолинских, д. 8051/II, л. 71. Мицевич был приговорен революционным трибуналом к смертной казни (14 февраля 1864 г.).

⁸² ЦГАОР, ф. 547п, оп. 1, д. 45.

Национальный заем. Наиболее часто приводимая цифра — несколько больше 8 млн. злотых, по-видимому, ближе всего к действительной.

«Прусский захват». По балансу, посланному Ю. Лукашевским в Счетную палату в январе 1864 г., за 1863 г. приход определялся в 1874 тыс. злотых⁸³. За 1864 г. подобного отчета не имеется, но судя по воспоминаниям того же Лукашевского, сумма, собранная в 1864 г., была невелика. Поэтому общее исчисление всех средств, полученных в «прусском захвате» в 2 млн. злотых, представляется наиболее вероятным.

Галиция. По подсчетам Ф. Равиты-Гавроньского, в Галиции было собрано (в основном в виде национальной подати) около 1 млн. злотых⁸⁴.

Литва и Украина. Можно предположить, что здесь было также в общей сумме собрано по 1 млн. злотых. При этом косвенным фактором являются упоминания о суммах, выделенных на покупку оружия и формирование отрядов. 80 тыс. руб. (свыше 500 тыс. злотых), посланных из Литвы на покупку оружия⁸⁵, и 62 тыс. руб., выделенных Украиной на организацию отрядов из Галиции⁸⁶, составляют вряд ли более чем $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ часть тех сумм, которыми данные провинциальные организации располагали. Поэтому не будет большой ошибкой, если, как уже было сказано, их возможности будут исчислены в 1 млн. злотых для каждой.

Таким образом, общую сумму, которая была собрана в период восстания, можно исчислить примерно в 30 млн. злотых. Кроме того, в распоряжении Национального правительства были экспроприированные из Главной кассы ценные бумаги на 21 млн. злотых, которые фактически оно использовать не могло.

Общая сумма средств, бывших в распоряжении восставших, как видим, была катастрофически мала. Для сравнения можно указать, что это в два с половиной раза меньше той суммы, которую израсходовали повстанцы 1831 г., хотя в их распоряжении была 30-тысячная армия с полным вооружением и боекомплект. В период восстания 1863—1864 гг. из собранной незначительной суммы далеко не самая большая часть была использована на действительные нужды вооруженной борьбы — на покупку оружия. Постоянная нехватка средств, необходимость изыскивать новые и новые пути для пополнения все время пустой казны Национального правительства явились причиной того, что, каков бы ни был состав Национального правительства в разные периоды восстания и каковы бы ни были общеполитические взгляды входящих в него лиц, в вопросах финансовой политики его линия была постоянна. И это естественно, деньги нужны были все время, независимо от того, делалась ли ставка на вооруженное восстание или на «манифестирование перед лицом Европы». Любое решение, принятое для изыскания средств, более или менее активно, но все же проводилось в жизнь и последующими составами Национального правительства. Иначе, собственно, и не могли поступить.

⁸³ J. Łukaszeński. Указ. соч., стр. 92—95.

⁸⁴ F. Rawita-Gawroński. Rok 1863 na Rusi, cz. 1. Lwów, 1902, стр. 221.

⁸⁵ «Показания и записки О. Авейде», стр. 542.

⁸⁶ F. Rawita-Gawroński. Указ. соч., стр. 221.

В. Д. Конобеев

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОЛГАРИИ В 1853—1854 ГГ.

Проблема политического движения в Болгарии в начале Восточного кризиса, в 1853—1854 гг., как в советской, так и в болгарской исторической литературе еще не освещена полностью. Каково было тогда политическое движение внутри Болгарии, какие социальные силы в нем принимали участие? «Ответить на этот вопрос трудно», — писал академик Д. Косев. «С одной стороны, — продолжал он, — сведения о политической жизни Болгарии того времени скудны, с другой — историки мало уделяли внимания этому вопросу. Создавалось впечатление, что болгары оставались немymi зрителями событий и пассивно ожидали решения своей судьбы¹.

В своей статье Д. Косев кратко обобщил известный материал о национально-освободительном движении Болгарии во время Крымской войны и дал правильную оценку рассматриваемой проблеме. Вопросы политического движения в Болгарии освещены и на страницах коллективных трудов по истории Болгарии². Эта тема нашла отражение и в советской исторической литературе — в работе профессора С. А. Никитина³.

Однако проблема исследования политического движения в Болгарии в начале Восточного кризиса до сих пор остается малоизученной. Все еще недостаточно раскрыты социальные и экономические причины, приведшие к возникновению политического движения в стране, его движущие силы и цели, организационные формы, классовый состав участников.

* * *

Рассматриваемые нами события происходили в Болгарии в эпоху, содержание которой определено В. И. Лениным как «восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности»⁴. Экономическая основа буржуазно-национальных движений в эту эпоху состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий, насе-

¹ Д. Косев. Отражението на Кримската война (1853—1856 гг.) в България. «Исторически преглед», г. III. София, 1946—1947, кн. 2, стр. 190.

² Д. Косев. Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 214—229; «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 264; «История на България», т. I. София, 1954, стр. 384—388.

³ С. А. Никитин. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны. «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 3—29.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 143.

ление которых говорит на одном языке, образование национального государства. В. И. Ленин подчеркивает, что при рассмотрении национального движения «марксисты не могут упускать из виду могущих *экономических* факторов» эпохи перехода от феодализма к капитализму, которые порождают стремления к созданию национального государства⁵. Корни политического, национального движения кроются в экономических факторах развития страны того времени⁶.

К середине XIX в. промышленность Болгарии прошла начальные стадии, и наряду с домашней промышленностью и мелким ремеслом, производившими на рынок, развивалась и мануфактура⁷, зарождалось фабричное производство. Огромную роль в жизни страны играл торговый капитал. Он был тесно связан с мануфактурой, господствовал не только в сфере обмена, но и в сфере производства. Торговец нередко был организатором мануфактуры и зарождавшейся фабричной промышленности⁸. Центрами возникновения капиталистической промышленности и торговли становились города, куда стекались болгарские крестьяне и ремесленники. Вокруг городов возникали экономические районы и местные рынки, происходил процесс образования единого внутреннего рынка. Важными торгово-промышленными центрами в северной части Болгарии стали Русчук, Свиштов, Габрово, Тырново, а за Балканами — Пловдив, Сливен, Адрнанополь, Пазарджик. Многие из них впоследствии явились центрами политического движения.

В Болгарии складывался класс торгово-промышленной буржуазии. К нему относились торговцы, владельцы мануфактур, богатые ремесленники, эксплуатировавшие чужой труд. Этот класс играл огромную роль в экономической жизни Болгарии. В Болгарии, в условиях турецкой феодально-деспотической системы, шел хотя и медленный, мучительный, но прогрессировавший процесс развития новых производительных сил, новых капиталистических отношений, охватывавших как деревню, так и город. Однако развитие капиталистических отношений упиралось в господствующую турецкую военно-феодальную систему. По этому поводу Ф. Энгельс писал: «[...] турецкое, как и любое другое восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности»⁹. Вся экономическая политика Турецкого государства строилась на принципе наибольшего выкачивания денежных средств путем различного рода налогов и поборов.

Характерной чертой экономического развития Болгарии было образование болгарских торговых колоний в придунайских княжествах (особенно в Бухаресте), Константинополе, России (главным образом в Одессе), в Австрии. Болгарские купцы этих колоний сосредоточивали в своих руках огромную долю импорта и экспорта Болгарии. Торговцы были тесно связаны с внутренним национальным рынком, промышленностью. Буржуазия колоний, будучи всеми экономическими интересами связанной с экономическим развитием Болгарии, активно участвовала

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 263.

⁶ Проблема развития капиталистических отношений в Болгарии на рубеже первой и второй половины XIX в. достаточно полно освещена в работах советских и болгарских историков и не является предметом исследований данной статьи. Мы опираемся здесь на общие выводы, утвердившиеся в литературе.

⁷ Д. Косев. Новая история Болгарии, стр. 84. Развитию мануфактуры в Болгарии посвящена обстоятельная статья болгарского историка Н. Т. Тодорова «К развитию мануфактуры в Болгарии во второй четверти XIX в.», см.: «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XVI, 1958, стр. 109—150.

⁸ Жак Натан. История экономического развития Болгарии. М., 1961, стр. 139, 159; «История Болгарии», т. I, стр. 227—230.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 33.

в политическом движении страны. В Константинополе, Бухаресте, Одессе среди болгарской эмиграции складывались центры национально-освободительного движения, возникали политические организации.

В области аграрных отношений к середине XIX в. завершился в основном процесс перехода от военно-ленной системы (спахилука) к помещичьему хозяйству полуфеодального, полукапиталистического типа (чифликчийство). Проникновение и последующее развитие товарно-денежных отношений в деревне постепенно превращало сельское хозяйство в товарное. Переход к чифликчийству сопровождался резким ухудшением положения крестьян, усилением их эксплуатации, захватом феодалами не только свободных и государственных земель, населенных крестьянами, но и, главным образом, земель болгарских крестьян.

Особенно массовое обезземеливание крестьянства произошло в центральной и северо-западных частях Болгарии. Бывшие спахийские крестьяне превращались здесь в безземельных арендаторов-испольщиков, отдававших до половины урожая помещику, — возникла система отношений между помещиком и крестьянином под названием издольщины.

В юго-западных районах страны захват крестьянских земель одновременно сопровождался превращением крестьян в крепостных. Так появилась новая форма эксплуатации крестьянства — кесимджийство. При этой системе земля принадлежала помещику. Крестьянин имел в последственном пользовании небольшой участок земли, к которому он был прикреплен. Помещик определял в свою пользу размер оброка и повинностей — как барщинные работы, так и натуральные поборы¹⁰. Крестьяне на чифликских землях продолжали выполнять феодальные и полуфеодальные повинности. А в горных районах Западной Болгарии вообще еще долго сохранялись спахийские феодальные отношения.

Положение крестьянства ухудшилось еще и потому, что правительство Турции взимало с крестьян огромные и разнообразные палогги, в том числе десятины. Таким образом, крестьянин испытывал вдвойне и чрезвычайно тяжелый гнет турецкого феодального государства.

В ликвидации турецкой военно-феодальной системы были заинтересованы как нарождавшаяся буржуазия, так и крестьянство, которое все больше и больше втягивалось в товарно-денежные отношения и нуждалось в свободном росте промышленности и торговли.

Вот почему наряду с болгарской буржуазией в национально-освободительном движении активно принимало участие и крестьянство.

Принимая участие в национальном освобождении, крестьяне стремились ликвидировать зависимость от феодалов во всех ее формах, превратить землю в частную собственность, стремились освободиться от всех феодальных пут Турецкого государства. В этом заключалось социально-экономическое содержание крестьянских восстаний 1840—1850 гг., это, как мы увидим ниже, составляло цель участия крестьян в национально-освободительном движении в период Восточного кризиса.

Практически политическое движение в Болгарии непрерывно продолжалось с восстания 1850 г., заметно усилившись в 1853—1854 гг. Три внешних толчка способствовали росту политического движения в Болгарии того времени: 1) русско-турецкая война; 2) национально-освободительное движение соседних народов — черногорского, греческого, сербского; 3) идеи революций 1848—1849 гг., прокатившихся по Европе.

Возникновение Восточного кризиса, а затем и начавшаяся Крымская война породили среди болгар надежды на использование русско-турец-

¹⁰ Д. Косев. Новая история Болгарии, стр. 108—115; «История Болгарии», т. I, стр. 216.

ких военных столкновений в интересах освобождения Болгарии от турецкого ига¹¹.

Первой на события откликнулась торгово-промышленная болгарская буржуазия Константинополя, где образовался крупный болгарский торговый центр. Вместе с ремесленниками колония насчитывала около 50 тыс. человек¹². Тут были торговые дома Гавриила Моравенова, братьев Чалыковых и Тыпчилештовых. Константинопольские купцы имели конторы во многих городах Болгарии. В руках колонии была большая доля импорта и экспорта болгарских товаров, проходивших через Константинополь. Здесь занимался торгово-финансовой деятельностью и Г. С. Раковский. С возникновением русско-турецкой войны болгары связывали свои надежды на освобождение от турецкого ига. «Когда прибыл князь Меншиков, — пишет Г. С. Раковский, — всеобщий восторг охватил болгарский народ, и каждый болгарин с радостью ожидал своего освобождения»¹³.

Некоторое время спустя после прибытия князя Меншикова представители болгарской колонии обратились к нему с прошением¹⁴. В составлении текста принимали участие представители торговой буржуазии: Г. Моравенов, Н. Тыпчилештов, Ц. Каблешков, Г. Раковский¹⁵.

В прошении выдвигается одним из главных требований предоставить независимость болгарской церкви, богослужения на родном языке, право иметь свои народные училища и «образовать своих детей на природном болгарском языке»¹⁶.

Поскольку Г. С. Раковский принимал в 1850—1853 гг. деятельное участие в болгарских церковных делах и в составлении данного обращения, буржуазные историки пытались представить Г. С. Раковского как просветителя и приверженца легальных средств борьбы с турецким игом¹⁷.

В действительности, как говорят документы, круг вопросов, затронутых болгарам в сношениях с А. С. Меншиковым в Константинополе, был шире официально поданного прошения. Буржуазная верхушка болгарской колонии сумела привлечь внимание российского посла к болгарской проблеме. Видимо, как результат общения с болгарам и пужно рассматривать депешу А. С. Меншикова К. В. Нессельроде от 5 (17) марта 1853 г., целиком посвященную этой проблеме. А. С. Меншиков сообщал К. В. Нессельроде, что поручил отъезжающему в Петербург русскому генеральному консулу в Адрианополе Н. Я. Мухину, который ехал к месту нового назначения в Белград, дать информацию

¹¹ Обращения болгарских общин к России составляют объемистое архивное дело. Они шли отовсюду — из Болгарии и болгарских колоний, Константинополя, Бухареста, Одессы (см. АВПР, ф. Главного архива (далее: ГА), 1—9, 1853 г., д. 3).

¹² АВПР, ф. Славянского стола, д. 8613, л. 12. Записка К. Петковича о болгарской народной церкви в Константинополе (1853 г.).

¹³ «Архив на Г. С. Раковски», т. 1. София, стр. 491.

¹⁴ Е. В. Тарле. Крымская война. Сочинения, т. VIII. М., 1959, стр. 162. О целях посольства А. С. Меншикова см. там же, стр. 143—188. В исторической литературе существуют самые противоречивые сведения об этой политической миссии константинопольских болгар и содержании их просьбы.

¹⁵ Д. Косев. Новая история Болгарии, стр. 215.

¹⁶ АВПР, ф. ГА, 1—9, 1853 г., д. 11, л. 232—241 («Копия с прошения проживающих в Константинополе болгар на имя его светлости князя Меншикова от 1-го мая 1853 г.»). Что главный вопрос официального обращения болгар был церковный, сообщал впоследствии посол России в Константинополе А. П. Бутенев. В 1857 г. он писал А. М. Горчакову: «Стремление болгар освободиться от ига греческого духовенства не есть явление новое. Оно выражалось не раз уже в прошении, которые болгары подавали в разное время Императорскому двору и Порте, в последнее время и князю Меншикову в бытность его в Константинополе» (там же, ПО, 1850 г., д. 1, ч. 1, л. 136).

¹⁷ Б. Петров. Биография на Георги Стойков Раковски. София, 1910, стр. 128; Б. Пенев. Биография. «Г. С. Раковски по случай петдесетгодишнината от смъртта му 1867—1917». София, 1917, стр. 46.

«о состоянии народа этой провинции», просил выслушать внимательно Н. Я. Мухша, поскольку тот в течение долгого времени жил в Болгарии и был «более чем кто-либо в курсе подлинных интересов и нужд ее населения». А. С. Меншиков предполагал впоследствии вернуться «в более широком плане к положению в Болгарии, которая имеет право на нашу заботу»¹⁸. Не следует строить иллюзий относительно «забот» царского сановника о «подлинных» интересах болгарского народа, но из депеши можно сделать вывод о том, что болгары ставили вопросы, далеко выходящие за рамки церковных и школьных дел. К сожалению, пока остается неизвестным содержание доклада Н. Я. Мухша в Петербурге.

Вопрос об официальном представлении в России политических чаяний болгарского народа продолжал обсуждаться в Константинополе среди болгарской буржуазной верхушки, группировавшейся тогда вокруг епитропии (настоятельства) «болгарской народной церкви» (это был своеобразный легальный центр болгарских политических деятелей в Константинополе). Как сообщает К. Петкович (один из организаторов второго обращения, который окончил Петербургский университет и прибыл в Константинополь в начале 1853 г.), в июле болгары решили в связи с обострением Восточного кризиса еще раз обратиться к России. В своем послании они просили, чтобы правительство России «в предстоящих договорах с Османской Портой [...] утвердило за ними следующее: болгары составляют большинство православного народонаселения Европейской Турции, поэтому справедливость требует, чтобы они пользовались, наравне с прочими народами, всеми правами и преимуществами, как церковными, так и гражданскими»¹⁹. Здесь довольно ясно выражены политические требования болгарской буржуазии, ее константинопольской группировки, это — национальная автономия по примеру соседних народов. Вместе с тем, в новом обращении резервировалось право поставить вопрос еще раз, если соседним народам будет представлена более широкая национальная государственность²⁰.

В своих политических устремлениях болгарская буржуазия в Константинополе не была едина. Одна, либеральная, часть ее ограничивалась только постановкой церковного вопроса, а другая — выдвигала требование национальной автономии. Причем все свои надежды обе группы возлагали на Россию. И только радикально настроенные представители буржуазии, группировавшиеся вокруг Г. С. Раковского, рассчитывали использовать русско-турецкий конфликт для подготовки болгарского народа к вооруженному восстанию. Для Г. С. Раковского вопросы церковной автономии и просвещения были только частью главной и основной задачи — национального освобождения Болгарии.

Вся революционная деятельность Г. С. Раковского связана с национально-освободительным движением болгарского народа, поэтому правильную оценку идеологии Раковского, его программных взглядов тех лет можно дать только при условии тщательного анализа общественно-экономического развития Болгарии рассматриваемого периода.

Представители буржуазной историографии исследовали деятельность Г. С. Раковского в отрыве как от общественно-экономического развития страны, так и от политического движения внутри Болгарии, в отрыве от международной обстановки. Поэтому они и не смогли объективно оценить революционную деятельность Раковского.

¹⁸ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 523, л. 175.

¹⁹ Там же, ПО., 1850 г., д. 1, ч. 1, л. 25.

²⁰ События развивались так быстро, что до выезда посольства России из Константинополя под вторым обращением даже не успели собрать подписи. К. Петкович представил его (без подписей) в Одессе прибывшему сюда поверенному в делах посольства А. Озерову и в Бухаресте командующему русской армией на Дунае князю М. Д. Горчакову.

Даже самый крупный представитель буржуазных историков М. Арнаудов, собравший огромный материал о жизни, деятельности и идеологии Г. С. Раковского, назвал, тем не менее, годы 1853—1854 «темными эпизодами в жизни Раковского»²¹.

* * *

Революционная деятельность Г. С. Раковского, сыгравшего исключительно большую роль в истории национально-освободительного движения Болгарии, постоянно привлекает внимание и историков-марксистов. Им принадлежит заслуга в правильной оценке этого выдающегося болгарского революционера. Этим, в частности, отличается называвшаяся ранее статья Д. Косева, в которой автор деятельность Г. С. Раковского целиком связывает с политическим движением Болгарии тех лет. Из работ советских историков заслуживает внимания и статья С. И. Сидельникова о начале революционной деятельности Г. С. Раковского²², где верно раскрывается процесс становления Г. С. Раковского как революционера именно в связи с национально-освободительным движением в Болгарии.

Совсем недавно в Болгарии вышел интересный сборник материалов, посвященный жизни, деятельности и идеологии Г. С. Раковского. Во введении к книге академик М. Димитров пишет, что, несмотря на существование обширной марксистской литературы о Г. С. Раковском, в раскрытии его деятельности «существуют еще значительные пустоты»²³.

По нашему мнению, остаются еще полностью не исследованными: 1) попытка создания первой общенациональной революционной политической организации в Болгарии в 1853—1854 гг. («Тайное общество»); 2) планы вооруженного восстания в Болгарии в связи с Крымской войной, формирование в этот период Г. С. Раковского как военного теоретика и военного организатора. При изучении этих проблем нами будет исследовано и социально-экономическое, классовое содержание национально-освободительного движения Болгарии 1853—1854 гг.

* * *

Начнем с первой проблемы — образования «Тайного общества».

До настоящего времени состав «Тайного общества» остается невыясненным. Между тем определение персонального состава и активных его участников имеет большое значение для понимания социального, классового облика его руководства и для выяснения преобладающей в политическом движении Болгарии в 50-х годах XIX в.

На основе опубликованных ранее источников и новых архивных материалов установлено, что душой и организатором «Тайного общества» был сам Г. С. Раковский. В автобиографическом письме к И. С. Иванову Г. С. Раковский сообщает, что его активным помощником по обществу был Иван Бацов, один из управляющих делами торгового предприятия братьев-болгар Тыпчилештовых в Константинополе. Сам И. Бацов, по

²¹ М. Арнаудов. Несколько темных эпизодов от жизни Г. С. Раковского в 1853—1854. «Годишник на Софийския университет», 1937, т. XXXIII, 7, стр. 13.

²² С. И. Сидельников. Начало революционной деятельности Г. С. Раковского. «Уч. зап. Харьковского пед. ин-та им. Г. С. Сковороды», т. XIX, 1957, стр. 115—133. Статья С. И. Сидельникова вошла и в его книгу на украинском языке: «Болгарський революціонер Георгій Раковський». Харьков, 1959. В дальнейшем мы будем ссылаться только на русское издание.

²³ «Георги Стойков Раковски. Възгледи, дейност и живот», т. I. София, 1964, стр. 6.

его свидетельству, родом из г. Калофера, также занимался торговлей²⁴. Вторым соратником Г. С. Раковского в Константинополе был Павел Грамадов²⁵.

В письме к И. С. Иванову Г. С. Раковский писал, что общество возникло в Константинополе из нескольких болгар, которые для осуществления своих намерений поступили на турецкую службу. Г. С. Раковский не указывает, кто из членов «Тайного общества», кроме него, устроился на турецкую службу. Но подобный маневр сторонников Г. С. Раковского вызвал недоумение в кругах болгарской эмиграции в Одессе, и Н. Х. Палаузов в записке 20 января 1854 г. называет имена «известных болгар» Рано и Павли²⁶. В болгарских буржуазных кругах в Константинополе под именем Рано был известен состоятельный и высоко образованный для того времени болгарин Константин Ранов, или Райнов, приятель Г. С. Раковского по периоду цариградской деятельности. Они были связаны торговыми делами. К. Ранов поступил на службу в министерство иностранных дел Турции²⁷. Под именем же Павли фигурировал богатый торговец Павел Куртович Чалыков, он принимал вместе с Г. С. Раковским участие в церковной борьбе, состоял членом епитропии болгарской церкви в Цариграде²⁸.

Следует подчеркнуть, что, кроме косвенных сообщений Н. Х. Палаузова, мы не располагаем другими данными о принадлежности П. Куртовича и К. Ранова к «Тайному обществу». Видно, в планы создания общества был частично посвящен Цоко Каблешков, также крупный торговец, с которым имел торговые связи Г. С. Раковский. Об этом свидетельствует характер переписки между ними. Отвечая на одно из писем Г. С. Раковского, Ц. Каблешков благодарит его за сообщение «некоторых новостей» и клянется сохранить их в тайне²⁹. Несомненно, Г. С. Раковский использовал свои торговые отношения в болгарской колонии в Константинополе, рассчитывая на финансовую поддержку болгарской торговой буржуазии в столице Турции; той же цели служили и его связи с епитропией болгарской церкви.

В Константинополе было положено только начало организации «Тайного общества». Основную организаторскую деятельность Г. С. Раковский развертывает внутри Болгарии. Он едет в Калафат, в главную турецкую военную квартиру, в качестве переводчика при Ахмед-паше. В плане автобиографии Г. С. Раковский отмечает, какие города и села он посетил: «Моя поездка по Болгарии через Шипку, Габрово, Тырново, Шумен, Русчук, Свиштов, Враца, Видин, до Калафата»³⁰. Помощником своим в поездке он называет И. Бацова, который, по его словам, посетил разные места в Болгарии, чтобы поднять народ³¹.

Академик Д. Косев и С. И. Сидельников высказали правильное предположение о том, что Г. С. Раковский выделил эти пункты в плане автобиографии потому, что намеревался подробнее рассказать затем о своей деятельности в перечисленных городах и селах³². Это предполо-

²⁴ ЦГВИА, ф. Молдавской армии, оп. 243, д. 120, л. 26.

²⁵ «Жизнеописание митрополита Охридско-Пловдивского Натанаила (автобиографични бележки)». «За народно умотворение», кн. XXV. София, 1909, стр. 37; Димитров М. Податки за капитан Павел П. Грамадов. «Известия на Българското историческо дружество», кн. XXII—XXIV. София, 1948, стр. 425—428.

²⁶ Н. Барсов. Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (с 1854—1884 гг.) и материалы для истории освобождения Болгарии. Одесса, 1895, стр. 41.

²⁷ П. П. Карапетров. Бележки за няколко дейци. «Българска сбирка», г. IX, 1902, стр. 376—378.

²⁸ «Архив на Г. С. Раковски», т. 2, стр. 73—74, 80.

²⁹ Там же, стр. 105.

³⁰ Там же, т. 1, стр. 491, 497.

³¹ ЦГВИА, ф. Молдавской армии, оп. 243, д. 126, л. 26.

³² Д. Косев. Новая история Болгарии, стр. 219; С. И. Сидельников. Указ. соч., стр. 127.

жение основано на известном письме Г. С. Раковского к И. С. Иванову, где, сообщая об организации «Тайного общества» на территории Болгарии, он писал: «Мои единомышленники в этом деле были многие болгары в различных городах и селах, но более всего их было в Свиштове, там руководил нашим делом известный патриот г. Апостол Конкович»³³.

В начале декабря 1853 г. И. Бацов по поручению Г. С. Раковского прибыл в Землин и встретился с находившимся там русским генеральным консулом в Белграде Н. Я. Мухиным; последнему он рассказал о «Тайном обществе» и планах вооруженного восстания³⁴. 19 (31) декабря консул подробно изложил содержание планов «Тайного общества» командующему русской армией на Дунае М. Д. Горчакову в специальном донесении, к которому приложил список членов «Тайного общества»³⁵. Н. Я. Мухин записывал имена членов общества со слов И. Бацова, поэтому не исключено искажение имен и фамилий членов «Тайного общества»³⁶. Тем не менее сообщение И. Бацова частично восполняет сведения о составе общества.

Говоря о процессе возникновения «Тайного общества», следует подчеркнуть то важное, на наш взгляд, обстоятельство, что организация появилась в связи с развитием политического движения в Болгарии в 50-е годы. В Константинополе в нее вошли некоторые радикальные элементы, участвовавшие в движении за создание «болгарской народной церкви»³⁷.

В Свиштове еще в 1850 г. существовала инициативная группа во главе с Апостолом Конковичем, которая выступила с обращением к России — своеобразным политическим протестом против кровавого подавления Видинского крестьянского восстания 1850 г.³⁸ Эта же группа в конце июля 1853 г. направила правительству России просьбу об освобождении Болгарии от турецкого ига³⁹. Теперь А. Конкович становится в Свиштове во главе «Тайного общества». А. Конкович, один из близких друзей Г. С. Раковского, по своему социальному положению принадлежал к торговой буржуазии. Он, как сказано в представлении его в 1856 г. к награде, занимался «мелочной торговлей»⁴⁰. По другим источникам, он имел недвижимую собственность в Валахии, был откупщиком рыболовных угодий в г. Свиштове⁴¹. А. Конкович занимал в организации ведущее положение, после ареста Г. С. Раковского в его руки перешли все связи с обществами в других городах Болгарии и с командованием русской армии.

По сообщению И. Бацова, ближайшим сотрудником Г. С. Раковского в Свиштове был также его большой друг, видный торговец Гаврил Хаджи Денков (Дянков)⁴². В связи с этим особый смысл приобретает обращение Г. С. Раковского к Г. Денкову в одном из писем: «Дорогой мой друг г. Гаврил! Наше первое знакомство было особенно и приме-

³³ «Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 491.

³⁴ В. Д. Конобеев. О плане вооруженной борьбы Г. С. Раковского в Болгарии в период Крымской войны. «Славянский архив». М., 1959, стр. 330—342.

³⁵ АВПР, ф. Канцелярии, 1853 г., д. 164, л. 236. Nomes des Membres de la Societe secrete Bulgare.

³⁶ Например, Г. С. Раковский в списки Н. Я. Мухина значится под фамилией Раковитцкий (Rakovitzky).

³⁷ «Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 497.

³⁸ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 6, лл. 18—21. Отрывок из обращения опубликован Н. Тодоровым в сб.: «Положението на българския народ под турско робство». София, 1953, стр. 221—224.

³⁹ АВПР, ф. ГА, 1—9, 1853 г., д. 3, лл. 33—35.

⁴⁰ АВПР, ф. Славянского стола, д. 9583, л. 6.

⁴¹ Георгий п. Христов. Свищов в миналото (1886—1877). Свищов, 1936, стр. 173.

⁴² АВПР, ф. Канцелярии, 1853 г., д. 164, л. 236.

чательно. С первой нашей встречи родилась к тебе моя любовь. Где причина? Я думаю, она заключается в единомыслии [...] скажу тебе сердечно, что я всегда смотрел на тебя как на самого лучшего друга. Поэтому и свободно всякое дело тебе выражаю»⁴³.

Среди членов «Тайного общества» Свиштова И. Бацов называет Константина Станч-оглу, Дмитрия Цанковича и Илью Экономова⁴⁴. К. Станч-оглу принадлежал к известному в Свиштове роду Станчевци, образовавшему целую ветвь знатных торговцев города. Это был крупный деятель г. Свиштова. Его подпись неизменно встречается рядом с подписью А. Копковича под обращениями болгар к России в 1850 и 1853 гг.⁴⁵ Илья Экономов также занимался торговлей, а в 1854 г. даже выполнял в Свиштове консульские обязанности Великобритании⁴⁶. Под именем Дмитрия Цанковича в списке Н. Я. Мухина значится, очевидно, Дмитрий Цепович, банкир и торговец, активный участник национально-освободительного движения в последующие годы. В своих воспоминаниях он пишет, что, будучи тогда молодым, 20-летним юношей, был воодушевлен пропагандой восстания Г. С. Раковского⁴⁷. Начав свою деятельность в 1853 г. в Свиштове, он был вынужден из-за преследования турецких властей эмигрировать в начале 1854 г. в Бухарест, где, как увидим, принимал деятельное участие в движении болгарской буржуазной эмиграции. Наконец, к обществу принадлежали члены зажиточного семейства Вачоолу, в доме которых происходили совещания «Тайного общества»⁴⁸.

Вероятно, не стояли в стороне от деятельности «Тайного общества» и такие друзья Г. С. Раковского, как видные торговцы Цветко Радославов, И. Станчолу. В случайно Г. С. Раковский прибегает непосредственно к их помощи во время второго своего посещения Свиштова в конце 1854 г.⁴⁹

Имея большие экономические возможности, свиштовская группа вместе с тем располагала, видимо, незначительными связями в округе среди болгарского крестьянства. В распоряжении ее было всего только 200 вооруженных человек, в то время как тайные общества в других местах, по словам И. Бацова, обладали в несколько раз большими силами.

Не случайно отдельные группы «Тайного общества» возникали и в предгорьях Балкан, в центральной части Болгарии, в городах Тырново, Габрово, Елена, Трявна. Еще в 1849 г. здесь, в Трявна—Габрово, создается историко-филологический кружок, объединявший интеллигенцию этого района, главным образом учителей⁵⁰. В кружок входили учителя: Трявно—Петко Славейков, Габрово—Илья Видинли, Хаджи Пенчо, Цветко Семерджиев, Христовуло Костович⁵¹. В автобиографии П. Славейков называет своим другом этих лет учителя из Тырново Кынчо Кесариева⁵². В Тырново же в то время жил и работал друг Г. С. Раковского и П. Славейкова — Стефан Пенювич Ахтар, коллекционер старинных рукописей, руководитель движения ремесленников 40—50-х годов⁵³.

⁴³ «Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 74.

⁴⁴ АВВР, ф. Канцелярии, 1853 г., д. 164, л. 236.

⁴⁵ Там же, ф. ГА, 1—9, д. 11, л. 35; там же, V-A₂, д. 520, л. 126.

⁴⁶ Георги п. Христов. Указ. соч., стр. 174; Ст. Ганчев. Свищов (Принос за историята му). Свищов, 1929, стр. 305.

⁴⁷ Георги п. Христов. Указ. соч., стр. 288.

⁴⁸ Ст. Ганчев. Указ. соч., стр. 304.

⁴⁹ «Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 51, 206—207; т. 2, стр. 133.

⁵⁰ Р. Славейков. Петко Рачов Славейков, Очерк на живота му и спомени за него. София, 1927, стр. 21.

⁵¹ П. Р. Славейков. Писма. «За народно умотворение», кн. XX. София, 1904, стр. 18—53.

⁵² П. Р. Славейков. Автобиография. София, 1955, стр. 58.

⁵³ «Архив на Г. С. Раковски», т. 2, стр. 53.

Борьба болгарского народа против турецкого гнета, политические события 1848—1850 гг. не могли не оказать воздействия на интеллигенцию, не вовлечь ее в политическое движение. В конце 1850 г. участники кружка выступают с политическим протестом против кровавого подавления Видинского восстания. Илья Видинли, Петко Славейков и его друзья были инициаторами посылки известного обращения 1850 г. к России через посла в Константинополе В. П. Титова. Авторы обращения, они первыми поставили подписи под ним⁵⁴.

В Тырновском округе в 1851 г. прокатилась волна народных волнений городских низов, ремесленников против произвольного обложения болгарского населения тяжелыми налогами. Руководил движением Ст. Пенювич Ахтар⁵⁵. Одновременно там же в 1851—1852 гг. произошли крестьянские выступления, предводителем которых был Цонзаров⁵⁶.

В середине 1853 г. прибывает из Бухареста Никола Филипповский (Дядо Никола, или капитан Никола), родом из Силистрии, ремесленник, участник Брацловских восстаний и революции 1848 г. в Валахии. Он приступает к подготовке восстания в Тырново—Габрово. Ближайшими помощниками Дядо Николы были, как известно, учителя П. Р. Славейков, Кынчо Кесариев, Н. Козлев⁵⁷.

До сих пор в исторической литературе высказывались только предположения о наличии отношений между Дядо Никола и Г. С. Раковским⁵⁸. Мы можем, однако, с достаточным основанием сказать о существовании организационных связей Г. С. Раковского с руководителями восстания в Тырновском округе. Проезжая через Тырново—Габрово, как видно из беседы И. Бацова с Н. Я. Мухомым, Г. С. Раковский привлек в «Тайное общество» в Габрове Илью Видинли и Хаджи Пенчо⁵⁹, единомышленников и друзей П. Р. Славейкова⁶⁰. Во время поездки по Болгарии в 1853 г. Г. С. Раковский имел встречу непосредственно и с П. Р. Славейковым, который был одним из помощников Дядо Николы⁶¹. Наконец, в г. Елена в общество был привлечен Иван Стойков. О нем дополнительных сведений нам пока не удалось выяснить.

В марте 1854 г. И. Бацов во время встречи в г. Кройово с чиновником МИД Фонтонем, который собирал сведения о национально-освободительном движении на Балканском полуострове, уточнил границы действия «Тайного общества» на северной стороне Балкан, указав, что в них входит пространство верхнего течения р. Янтры, охватывающее «район городов Тырново, Елена, Драново, Габрово»⁶². О создании «Тайного общества» в Тырновском округе сообщал и сам Г. С. Раковский

⁵⁴ АВВР, ф. ГА, V-A₂, д. 520, л. 123—126. Как указано, часть обращения болгар к России 1850 г. опубликована Н. Тодоровым. В Архиве внешней политики России нами найден второй экземпляр этого обращения, направленного В. П. Титову. Первая подпись под этим экземпляром стоит Илья Видинли, затем Христодуло Костовича. Далее следует подпись «Пеца Рачов». Есть все основания считать, что этим именем подписался Петко Рачов Славейков.

⁵⁵ «Архив на Г. С. Раковски», т. 2, стр. 53; П. Кисимов. Исторически работи. Пловдив, 1897, стр. 79.

⁵⁶ «История Болгарии», т. 1, стр. 257.

⁵⁷ Д. Косев. Новая история Болгарии, стр. 22.

⁵⁸ Д. Косев. Отражението на Кримската война (1853—1856 гг.) в България, стр. 192.

⁵⁹ АВВР, ф. Канцелярии, 1853 г., д. 164, л. 236.

⁶⁰ Илья Видинли и Хаджи Пенчо были друзьями П. Р. Славейкова, который с исключительным уважением относился к обоим и особенно к И. Видинли, называя его в переписке не иначе, как «Бача»; оба они были связаны с ним по всей предыдущей деятельности в 1849—1853 гг. Имя Хаджи Пенчо встречается в переписке Г. С. Раковского как имя одного из его сторонников революционной деятельности в последующие годы («Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 50).

⁶¹ «Архив на Г. С. Раковски», т. 2, стр. 336.

⁶² АВВР, ф. Канцелярии, 1853 г., д. 163, т. 1, л. 137.

в беседе с Драганом Цанковым, политическим деятелем Болгарии того времени⁶³.

«Тайное общество» в Тырнове—Габрово обладало широкими связями с народом. Руководители общества предполагали во время восстания выставить, по словам И. Бацова, не менее 1400 вооруженных человек⁶⁴. Эти данные свидетельствуют о наличии в Тырновском округе сети организации, связанной с жителями городов, сел, горных деревень. Организации Г. С. Раковского и Дядо Николы были тесно связаны между собой через Видинли, Славейкова, которые были членами и той, и другой организаций.

По социальному облику руководители движения в Тырновском округе значительно отличались от свиштовских. В Тырнове главными действующими лицами выступали представители буржуазной интеллигенции, ремесленников. К сожалению, пока совершенно не удалось установить имена членов «Тайного общества» в г. Казанлыке. И. Бацов сообщил только, что сфера влияния «Тайного общества» здесь охватывает пространство на южной стороне Средних Балкан, все верховье течения р. Тунджи, между Казанлыком и Калафером⁶⁵. В этом районе «Тайное общество» насчитывало до 2 тыс. активных сторонников. Дальнейшие поиски в архивохранилищах, возможно, помогут раскрыть и эту славную страницу истории болгарского народа.

Известно, что Г. С. Раковский посетил и придрунайский город Русчук. У нас нет сведений о существовании там «Тайного общества». Однако необходимо отметить, что еще до приезда Г. С. Раковского жители города обратились с прошением к правительству России об освобождении их от турецкого ига, о чем будет идти речь ниже.

Наконец, исключительно важное значение имело создание тайной организации в северо-западной части Болгарии. Незадолго до появления здесь Г. С. Раковского в одном из монастырей собрались оставшиеся в живых предводители крестьянского восстания 1850 г. Решался вопрос о восстании весной 1853 г.⁶⁶ (О несостоявшихся планах этого выступления мы скажем ниже.) С приближением русской армии к границам Болгарии было решено послать в главную квартиру, в Бухарест, несколько депутатов. Часть руководителей осталась в Болгарии, среди них — Манчо Крстич⁶⁷.

Мы не располагаем прямыми данными о связях Г. С. Раковского с этими руководителями крестьянского движения в Видине. Возглавлять «Тайное общество» в этом районе взяли непосредственно на себя Г. С. Раковский и И. Бацов⁶⁸. Таким образом, Видин был избран своеобразным центром, откуда удобнее всего было руководить тайными организациями в Болгарии, установить сношения с главной квартирой русской армии, с болгарской эмиграцией в Сербии и Бухаресте, куда и выехал незамедлительно И. Бацов, где он установил контакты с депутатами Западной Болгарии и действовал с ними в одном направлении.

Приведенные материалы дают основание сделать вывод о том, что внутри Болгарии Г. С. Раковским была создана разветвленная сеть

⁶³ М. Арнаудов. Няколко тъмни епизода от живота на Раковски, стр. 68—69.

⁶⁴ В. Д. Конобеев. Указ. соч., стр. 338.

⁶⁵ АВР, ф. Канцелярии, 1853 г., д. 163, т. 1, л. 137.

⁶⁶ Там же, ф. ГА, V-A₂, д. 175, л. 43.

⁶⁷ Вл. Тодоров-Хиндалов. Народни движения и въстания от предосвободителната епоха според новооткрити турски официални документи. София, 1929, стр. 42—43; Д. Маринов. Политически движения и въстания в Западна България (Видинско, Ломско, Белградчишко и Берковско). «За народно умотворение», кн. II. София, 1890, стр. 105—106.

⁶⁸ АВР, ф. Канцелярии, 1953 г., д. 164, л. 236.

«Тайного общества». Это была попытка образовать нелегальную политическую организацию, о которой он мечтал раньше в 40-х годах. Однако политическая организация тогда еще не имела ни опыта, ни сил для создания централизованной политической сети в масштабах всей Болгарии. «Тайное общество» не имело определенных организационных рамок, это скорее всего были отдельные группы единомышленников, но не централизованная организация. Поэтому с арестом Г. С. Раковского связи между обществами отдельных городов ослабли и распались.

Когда же возникло «Тайное общество»? Казалось бы, вопрос является решенным, поскольку ответ на него дал сам Г. С. Раковский в автобиографическом письме к И. С. Иванову, где он писал: «После того, как Россия и Турция пошли войной друг на друга, мы, несколько болгар, решили образовать тайное общество [...]»⁶⁹. Но Г. С. Раковский здесь, видимо, не особенно точен. Как показывают другие источники, мысль о создании «Тайного общества» возникла до начала войны России и Турции. Уже 21 апреля 1853 г. Павел Грамадов прибыл в Зографский монастырь с определенными планами общества⁷⁰. Русский консул в Адрианополе Н. Я. Мухин в декабре 1853 г. сообщил М. Д. Горчакову, что еще во время своего пребывания там в начале 1853 г. он узнал о существовании подпольного болгарского общества, образовавшегося в то время, когда Порта готовилась к войне с Россией. «Разрозненные сведения, собранные мною, — писал консул, — были недостаточны, чтобы думать о существовании общества, которое могло бы бороться за достижение общей цели всей болгарской нации»⁷¹. Следует напомнить, что Н. Я. Мухин хорошо знал обстановку и имел большие связи в Болгарии. Дальнейшие архивные поиски должны дать более точные материалы об организационных формах политического движения накануне русско-турецкой войны, ответить, что скрывается за короткой фразой, сказанной Г. С. Раковским в письме к С. И. Иванову: «До 1853 г. жил в Цариграде и содействовал по возможности нашему народному болгарскому делу»⁷².

По нашему мнению, «Тайное общество» начало складываться до формального объявления войны, и этот процесс завершился в начале войны. Заслуга Г. С. Раковского состоит в том, что он сделал попытку организовать «Тайное общество» как политический центр общенационального масштаба, объединить усилия всех патриотических сил, выступавших за национальное освобождение болгарского народа. Это единственно правильная тактика в национально-освободительном движении. Г. С. Раковский пользовался ею в своей революционной практике и позднее.

К сожалению, в современной литературе замечается неправильная тенденция в оценке деятельности «Тайного общества». Так, в комментариях ко второму тому «Архива Г. С. Раковского» оно изображается как некий разведывательный центр, занимавшийся сбором информации в пользу русской армии⁷³. Подобная версия о деятельности Г. С. Раковского имеет место и в недавно вышедшей книге о И. Селиминском⁷⁴. А в коллективном труде о вооруженной борьбе болгарского народа против османского господства категорически утверждается, что Г. С. Раков-

⁶⁹ «Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 491.

⁷⁰ Пловдивски Кирил. Натанал — митрополит Охридский и Пловдивский (1820—1906). София, 1952, стр. 201.

⁷¹ В. Д. Копобеев. Указ. соч., стр. 337.

⁷² «Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 491.

⁷³ «Архив на Г. С. Раковски», т. 2, стр. 822.

⁷⁴ Цв. Кристанов, Ив. Пенаков, Ст. Маслев. Д-р Иван Селиминский. София, 1962, стр. 189.

ский поступил на турецкую службу с целью сбора военных сведений для русского командования⁷⁵.

Г. С. Раковский сам четко и ясно определил цели общества. Он указывал, что члены общества намеревались «поступить на турецкую службу и, таким образом, иметь возможность, с одной стороны, защитить во время войны наш бедный народ от притеснений и злоупотреблений со стороны турок, а с другой, — готовить народ к тому, чтобы он в пужный момент мог начать действовать в соответствии с русским наступлением в Турцию»⁷⁶.

Итак, главная цель «Тайного общества» — готовить народ к вооруженному восстанию. И эту цель правильно подчеркивают советский историк С. И. Сидельников и болгарский историк академик Д. Косев⁷⁷. Но они совершенно справедливо указывают, что до нас дошло очень мало сведений о деятельности Г. С. Раковского по подготовке восстания в Болгарии. Нет сведений о плане вооруженного восстания и в фундаментальном издании архива Г. С. Раковского. Из содержащегося там автобиографического материала известно только, что Г. С. Раковский направил И. Бацова в Валахию, чтобы сообщить членам командования русской армии этот план и согласовать с ними действия болгар⁷⁸.

Донесения Мухомова и Фонтана о встрече и беседах с И. Бацовым и другие материалы советских архивов позволяют до некоторой степени восстановить план, а вместе с тем проследить формирование в указанный период взглядов Г. С. Раковского как военного теоретика и военного организатора.

Обычно, когда в исторической литературе касаются этой стороны революционной идеологии Г. С. Раковского, то имеют в виду его более позднюю деятельность, период разработки им плана восстания в 1858 и 1861 гг. и организации Легиона⁷⁹. Новые документы показывают, что все принципиальные проблемы военной идеологии разрабатываются Г. С. Раковским уже во время подготовки восстания в 1853—1854 гг., а впоследствии они обогащены опытом, критически осмысленным с учетом итога борьбы болгарского народа в период войны.

Г. С. Раковского отличает коренным образом от всех либерально-буржуазных деятелей, его современников, вера в свой народ, который, по его мнению, своего освобождения мог достигнуть только путем вооруженной борьбы. Именно поэтому созданию вооруженных сил Г. С. Раковский уделяет главное внимание, ищет пути организации этих сил, хотя первые варианты были, может, и папавы. Так, по сведениям И. Бацова, сначала Г. С. Раковский полагал создать и вооружить болгарские отряды турецким оружием якобы с целью участия их в совместных с турками операциях против русской армии. Для этого он вел переговоры с военным министром Турции Мехмедом Али-пашой и министром иностранных дел Рашид-пашой⁸⁰. Г. С. Раковский рассчитывал при благоприятном случае обратить оружие против турок. Естественно, что турецкое правительство не могло допустить формирование самостоятельного болгарского отряда. Порте хорошо были известны симпатии болгарского народа к братскому русскому народу. Турецкий главнокомандую-

⁷⁵ Ив. Кинов, Щ. Атанасов, Д. Христов, Б. Чолпанов. Въоръжената борба на българския народ срещу османското господство. София, 1961, стр. 109.

⁷⁶ «Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 491.

⁷⁷ С. И. Сидельников. Указ. соч., стр. 126—127; Д. Косев. Новая история Болгарии, стр. 218—219.

⁷⁸ «Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 491.

⁷⁹ Ив. Кинов, Щ. Атанасов, Д. Христов, Б. Чолпанов. Указ. соч., стр. 152—165; Н. Бацов. Раковски — военен теоретик и организатор. В кн.: «Георги Стойков Раковски», т. 1. София, 1964, стр. 67—68.

⁸⁰ Сообщение И. Бацова подтверждается письмом Г. С. Раковского к Рашид-паше от 13 августа 1853 г. («Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 45).

щий, сообщает И. Бацов, заявил, что «если они (болгары. — В. К.) хотят служить Порте, они должны поступить на службу в турецкую армию, и что он не согласится дать им оружие на других условиях»⁸¹.

Г. С. Раковский и его товарищи также надеялись образовать вооруженные отряды при материальной и военной поддержке России. Перед И. Бацовым была поставлена задача информировать русское командование о том, что болгары готовы выступить «по первому сигналу», но необходима материальная и военная помощь России.

Готовя восстание, Г. С. Раковский уделял внимание прежде всего созданию ядра армии повстанцев⁸². В беседе с Н. Я. Мухомым в Землине, а затем и с Фолтоном в Крайово И. Бацов заявил, что «Тайное общество» располагает уже силами в 3600 вооруженных человек, организованными в отряды во главе с капитанами и готовыми к действиям⁸³. И. Бацов сообщил даже о распределении этих сил по районам Болгарии: в Казанлыкском округе в распоряжении «Тайного общества» находилось 2000, в Тырновском — 1400, в Систове — 200 человек. Что «Тайное общество» могло располагать на первый случай подобными силами, подтверждается последующей проверкой, проведенной командованием русской армии через различные каналы разведки. Уже 21 августа 1853 г. командир 3-го пехотного корпуса А. Н. Лидерс доносил М. Д. Горчакову, что «деревни, населенные болгарами [...], с своей стороны запасаются тайным образом оружием, питая сильную ненависть к туркам, делающим всевозможные притеснения [...]»⁸⁴. Такие же данные в это время поступали и генеральному консулу России в Бухаресте Халчишскому. В марте 1854 г. поступили сведения от болгар западных районов Болгарии, что на переправе русских войск встретят волонтеры, «для которых готово уже оружие»⁸⁵.

Наконец, еще одно очень важное свидетельство о наличии оружия у болгар. В конце марта 1854 г. из Тырновского округа через Сербию в главную квартиру русской армии прибыл житель г. Лясковец Дмитрий Попович. Он привез подробные данные о размещении турецких войск на севере Болгарии и на Балканах. Д. Попович заявил, что «оружие у болгар есть, но некоторые из предосторожности скрыли его»⁸⁶. Командование русской армии, видимо, решило перепроверить эти сведения. Начальник штаба А. Е. Коцебу через Н. Х. Палаузова направил в конце апреля 1854 г. Д. Поповича обратно в Болгарию. Д. Попович 20 мая 1854 г., на рассвете, из Свиштова переправился через Дунай, но на этот раз не один. Вместе с ним прибыли еще депутаты: Пани Иванович, Христо Николаевич, Иоким (Ионисим) и Николай Поповы (Попович). Как доносил командующий авангардом русских войск ген. Саймопов, четыре болгарина, «спрошенные по одиночке, подтвердили показания булгара Дмитрия Поповича»⁸⁷. Иоким и Николай Поповы впоследствии писали, что были присланы «почетными болгарами с секретными сведениями»⁸⁸. И действительно, на этот раз Дмитрий Попович привез личные письма соратника Г. С. Раковского Апостола Конковича.

⁸¹ В. Д. Конобеев. Указ. соч., стр. 335. Н. Я. Мухом — А. М. Горчакову, 19 (31) декабря 1853 г. Одну из причин краха плана Г. С. Раковского И. Бацов видит в действиях М. Чайковского (Садык-паша), который состоял на турецкой службе и, по словам И. Бацова, предупредил Рашид-пашу о планах болгар. И. Бацов называет М. Чайковского не иначе как «ренегатом».

⁸² АВВР, ф. Капцелярия, 1853 г., д. 163, т. 1, л. 137.

⁸³ Там же, л. 138.

⁸⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5399, л. 184.

⁸⁵ Там же, д. 5557, ч. 1, л. 282.

⁸⁶ Там же, л. 215.

⁸⁷ Там же, л. 319.

⁸⁸ АВВР, ф. ГА, ПО, 1856 г., д. 7, л. 1—2.

Нет необходимости приводить здесь данные русской военной разведки. Все они подтверждают сообщения И. Бацова о наличии определенного контингента вооруженных повстанцев. Но, как показали дальнейшие события, организация и централизация повстанческих групп была еще недостаточной.

Г. С. Раковский считал, что для успешного исхода восстания необходимо иметь ядро вооруженных сил в 10—15 тыс. человек. И. Бацов в беседе с Н. Я. Мухным и Фонтаном оптимистично оценивал возможность формирования таких сил «в течение нескольких дней»⁸⁹. Но, чтобы довести численность организованных отрядов до 10—15 тыс., необходимы деньги, оружие. Собранные «Тайным обществом» пожертвования в сумме 940 тыс. пиастров были уже израсходованы. «Мы не имеем достаточно средств, — продолжает И. Бацов, — нам нужны деньги и несколько офицеров для обучения наших войск»⁹⁰. Иных свидетельств о денежных средствах «Тайного общества» нет. Даже если И. Бацов и преувеличил материальные возможности общества, то сделал он это, чтобы привлечь внимание русского командования к болгарскому национально-освободительному движению, побудить Россию поддержать повстанцев Болгарии в борьбе за освобождение страны.

Как свидетельствуют другие источники, при материальной и военной поддержке России существовала реальная возможность сформировать ядро сил восстания в 10—15 тыс. человек. На основе многочисленных разведывательных данных в конце марта 1854 г. в штабе русской армии была составлена обобщающая, чрезвычайно интересная сводка о потенциальных возможностях национально-освободительного движения в Балканских странах, особенно в Болгарии. «Булгары, — говорится в сводке, — очень много претерпели в продолжении последних 10 месяцев. Система усиленных реквизиций сильно истощила край. Жители принуждены были постоянно работать бесплатно над турецкими укреплениями. Грабежи и убийства совершались непрерывно, где только стояли турецкие войска. Жертвами постоянно были болгарские христиане. Все это до того раздражило булгар, что они с нетерпением ждут перехода войск наших через Дунай и готовы по первому призыву поднять оружие»⁹¹. Отметим, что здесь верно определено внутреннее положение в Болгарии на 1 апреля 1854 г.

А вскоре прибывает Дмитрий Понович из Тырновского округа и сообщает: «Болгары все воодушевлены [...] Они с нетерпением ждут появления русских [...] Они все готовы и ждут случая, только, разумеется, по переходе наших через Дунай, восстать на турок». М. Д. Горчаков по достоинству оценил сообщения Д. Поновича, сделав на них помету: «Это весьма важные сведения. Доложить его светлости» (И. Ф. Паскевичу. — В. К.)⁹². И вторичные сообщения Д. Поновича и четырех депутатов, подкрепленные письмами А. Конковича, дали возможность сделать вывод: «жители Булгарии ожидают нас с нетерпением»⁹³.

Ядро вооруженных сил, по мнению Г. С. Раковского, должно начать восстание, поднять народ, организовать его. И тогда, говорит И. Бацов, восстание «распространится на окружающие долины»⁹⁴. Поэтому Г. С. Раковский придает первостепенное значение вооружению и военной подготовке основного ядра. Он обращается к России с просьбой при-

⁸⁹ АВПР, ф. Канцелярии, 1853 г., д. 163, т. 1, л. 138.

⁹⁰ В. Д. Кнобеев. Указ. соч., стр. 336.

⁹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5557, ч. 1, л. 281—282. Вся первая часть этого дела содержит поступавшие по различным каналам данные о национально-освободительном движении на Балканах, особенно в Болгарии.

⁹² Там же, лл. 215—216. Показания Д. Поновича были доложены И. Ф. Паскевичу (ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 4, 1854 г., д. 253, л. 161—163).

⁹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5557, ч. 1, л. 319.

⁹⁴ АВПР, ф. Канцелярии, 1853 г., д. 163, т. 1, л. 138.

слать через Сербию трех-четырех опытных русских офицеров «для обучения наших войск». Подчеркнем — не для командования, а для обучения, ибо три-четыре офицера на всю армию восставшего народа могли служить только своеобразными военными советниками. Мысли о ядре вооруженных сил народа, его военной подготовке, обучении, вооружении, составе и т. д. находят свое развитие в военно-теоретическом наследии Г. С. Раковского в последующих его работах 1858—1863 гг.

Очень интересен план восстания Г. С. Раковского в стратегическом отношении. Он был подчинен полностью главной политической задаче — освобождению Болгарии от турецкого ига путем сочетания вооруженного выступления болгарского народа с военными действиями русской армии. Г. С. Раковский и его сторонники — не пассивные созерцатели типа либерального буржуа, ждавшего милости из рук царских чиновников, а сторонники народного восстания. В планах болгарской буржуазной эмиграции Одессы и Дунайских княжеств болгарские волонтеры следуют вместе с русской армией, они лишены самостоятельного действия. В планах Г. С. Раковского болгарскому народу отводится активная роль в форме вооруженного восстания, приуроченного к моменту вступления на территорию Болгарии русской армии.

В военно-стратегическом отношении план Г. С. Раковского чрезвычайно интересен и привлекателен своей реалистичностью. Как изложил его И. Бацов Н. Я. Мухомов и Фонтон, Г. С. Раковский предполагал с переходом русской армии поднять восстание на Балканах: на севере Балкан в Тырнове, Елесе, Драново, Габрово, т. е. в районе, охватывающем все верхнее течение р. Янтры; на юге Балкан — между Казанлыком и Калафером, т. е. в районе, охватывающем верхнее течение р. Тунджа. Сформированные и подготовленные отряды болгар должны захватить главные горные перевалы, прежде всего у Габрово и Котел. Эти силы в состоянии были не только удерживать перевалы, ибо они «защищены самой природой», но и отсюда распространить восстание на окружающие долины Балкан⁹⁵. Таким образом, заняв Балканы, болгарские повстанцы предполагали перерезать коммуникации турецкой армии с южными районами Болгарии и с Фракией⁹⁶. Сопоставление сообщения И. Бацова с другими источниками дает возможность полностью подтвердить военные планы «Тайного общества». Так, они подробно излагаются в беседе Павла Грамадова с А. В. Рачинским⁹⁷.

Г. С. Раковский и его товарищи, как видно из беседы И. Бацова с Фонтон, рекомендовали русской армии форсировать Дунай у Свиштова или Видина⁹⁸, что позволило бы болгарам реализовать свои намерения. А. Конкович сообщал в штаб русской армии, что именно в Свиштове самый слабый гарнизон из всех турецких опорных пунктов на Дунае (гарнизон Свиштова насчитывал всего 300 человек)⁹⁹. Наступать далее следует по течению Янтры на Тырново и Габрово, где, соединившись с восставшими болгарам, русское войско «таким образом со временем разделит оба крыла (фланга) турецкой армии»¹⁰⁰, т. е. разделит турецкую армию на две части.

Г. С. Раковский предлагает избрать для начала восстания момент вступления русской армии в пределы Болгарии, чтобы комбинированными силами нанести удар турецкой армии: с фронта, основной удар силами русской армии, с тыла — силами восставшего народа.

⁹⁵ Там же, л. 137—138.

⁹⁶ В. Д. Копобеев. Указ. соч., стр. 336.

⁹⁷ А. В. Рачинский. Походные письма ополченца из Южной Бессарабии (1855—1856 г.). М., 1858, стр. 23.

⁹⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5557, ч. 1, л. 315.

⁹⁹ Там же, л. 316.

¹⁰⁰ АВРП, ф. Капцелярии, 1853 г., д. 163, т. 1, л. 138.

Нельзя не удивляться военным способностям Г. С. Раковского, когда речь идет о выборе направления для главного удара. Г. С. Раковский считал, что русская армия будет вести основное наступление через Свиштов на Габрово, Шишку, Казанлык и далее на Константинополь, т. е. по тому направлению главного удара, которое и избрала русская армия в войне 1877—1878 гг.¹⁰¹

Поскольку руководители «Тайного общества» предполагали, что русские войска будут переправляться через Дунай у Свиштова или Видина, то обращалось большое внимание на подготовку восстания в западной части Болгарии. Этим занимался сам Г. С. Раковский, используя свое положение при главной квартире турецкой армии. Здесь в подготовке восстания активную роль играл И. Бацов, который, находясь со своими товарищами при Н. Я. Мухине в Землине и Белграде, а затем при Фонтоне в Крайово-Орсово, как свидетельствует М. Д. Горчаков, постоянно поддерживал «сношения с болгарами, в чем равномерно содействовал по нахождению его впоследствии и при отряде генерал-лейтенанта Липранди»¹⁰². Здесь, в Малой Валахии, при отряде П. П. Липранди постоянно находились и депутаты от болгарских общин западной части Болгарии, бывшие руководители восстания 1850 г., во главе с Дмитрием Пановым, Цеко Петковым, Дядо Пырвулом¹⁰³.

Можно не сомневаться, что И. Бацов был связан с депутатами, и они действовали совместно ради достижения одной цели. В сводке о состоянии национально-освободительного движения в Болгарии, на которую мы ссылались выше, сказано: «По сведениям, доставленным от генерал-лейтенанта Липранди, депутаты селений Западной Болгарии обещают выставить тотчас же по переправе войск наших за Дунай до 3 тыс. волюнтеров, для которых готово уже оружие. Запасы зарываются в землю для наших войск, и вообще болгары смотрят на русских, как на избавителей от тягостного для них турецкого ига»¹⁰⁴.

В это время, писал И. Бацов о себе позже, «жил я одной надеждой, что не сегодня—завтра возвращусь в свое отечество»¹⁰⁵.

В западной части Болгарии в начале 1854 г. обстановка была напряженной. Бесчинства турецких войск усиливали среди народа недовольство. В феврале через Сербию было получено письмо от болгар, где сообщалось, что в уездах Видинском, Ломском, Белградчичском пет ни одного дома, которого не коснулась бы рука «бесчеловечных варваров». Далее болгарские крестьяне писали, что с наступлением весны они возьмутся за оружие¹⁰⁶. Эти данные подтверждались сообщениями, полученными Н. Х. Палазузовым через болгарскую эмиграцию в Бухаресте: «Где бы войска ни перешли Дунай, везде пайдут наших, готовых, во всяком случае, исполнить приказания их и содействовать им» (русским войскам. — В. К.)¹⁰⁷.

Тревожным было положение в Софийском уезде. Турецкие власти вынуждены были разместить мелкие гарнизоны во многих пунктах, чтобы болгары «не бунтовали». Однако сообщения из многих уездов свидетельствовали, что настроение болгар — в пользу восстания: «Тамошний народ дошел до отчаяния, и давно бы восстал против притеснителей, если бы не было зимы»¹⁰⁸.

¹⁰¹ А. В. Рачинский. Указ. соч., стр. 23.

¹⁰² В. Д. Конобеев. Указ. соч., стр. 340—341.

¹⁰³ ЦГВИА, ф. Молдавской армии, оп. 277, д. 15, л. 22; оп. 263, д. 47, л. 12.

¹⁰⁴ Там же, ф. ВУА, д. 5557, ч. 1, л. 282.

¹⁰⁵ Там же, ф. Молдавской армии, оп. 243, д. 120, л. 26.

¹⁰⁶ АВПР, ф. Канцелярии, 1853 г., д. 163, т. 1, л. 462.

¹⁰⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5557, ч. 1, л. 208—209.

¹⁰⁸ АВПР, ф. Канцелярии, 1853 г., д. 163, т. 1, л. 467; ЦГВИА, ф. 14013, оп. 1, д. 32, л. 26, 29.

По собранным Н. Я. Мухным сведениям, относящимся к тому же времени, турецкие власти были обеспокоены настроением крестьян не только в районе Софии, но и в окрестностях Татар-Пазарджика, Самоково, Джумлы и Радомира, где турки делали все, чтобы раи «ничего не предпринимали»¹⁰⁹.

Приведенные документы свидетельствуют о нарастании недовольства в западных районах Болгарии. Нерешенные задачи восстания 1850 г. давали себя знать; главной причиной волнений оставался земельный вопрос, для крестьянства запада Болгарии он составлял основное содержание всех требований. Естественно, руководители «Тайного общества» учитывали эти настроения.

Мы не располагаем сведениями о практических мерах по подготовке выступления в восточной части Болгарии, но еще во время первой поездки на Святую Гору (апрель 1853 г.) Павел Грамадов обсуждал с Натапаплом вопрос о возможности восстания и в этом районе¹¹⁰.

Готовя восстание, сторонники Г. С. Раковского не отрицали возможности соединения выступления внутри Болгарии с действиями болгарских отрядов, сформированных на территории Дунайских княжеств. В Тырнове и других местах приветствовали организацию волонтерских батальонов в Молдавии и Валахии: «Болгаре все воодушевлены, — сообщал Д. Попович, — и известно им уже о формировании волонтеров из их соотечественников»¹¹¹. Появление в Валахии Павла Грамадова нельзя объяснить только причинами преследования его со стороны турецких властей. Во время второй встречи (июль 1853 г.) с Натапаплом в Зографском монастыре было условлено, что Павел Грамадов выедет немедленно в Валахию, где ему следует сформировать болгарские четы, которые будут действовать вместе с русской армией. Находясь в Валахии, против Видина, с батальоном болгарских волонтеров в отряде П. П. Липранди, в 1854 г., Павел Грамадов ратует за активные действия: «Веди нас драться в Болгарию; дай нам собраться всем вместе, и мы покажем!»¹¹²

При подготовке к восстанию Г. С. Раковский искал союзников для болгар и среди других народов Балканского полуострова. Поездка Павла Грамадова на Святую Гору имела целью не только обсудить с болгарскими старцами план восстания в Болгарии, но и попытаться установить отношения с руководителями восстания греков в Фессалии и Эпире, в частности речь шла об установлении связи с воеводой из Фессалии Хаджи Петром. Видимо, поэтому Павел Грамадов якобы для продажи лошадей предпринял поездку в Салоники¹¹³. Его интересовала возможность выступлений христианского населения Македонии¹¹⁴.

Как сообщает А. Озеров, И. Бацов поддерживал связи с сербами¹¹⁵. Идея совместного выступления с сербами и черногорцами против турок жила среди болгарских патриотов.

Таким образом, Г. С. Раковский и его соратники в сферу восстания включали территориально всю Болгарию. Но основными, главными районами были избраны Балканы, округа, прилегающие к Балканам с севера и юга, и западная часть Болгарии, точнее ее северо-западная часть.

¹⁰⁹ АВВР, ф. ГА, 1—9, 1853 г., д. 3, л. 43—44.

¹¹⁰ Натапал. Жизнеописание, стр. 37.

¹¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5557, ч. 1, л. 215—216.

¹¹² А. В. Рачинский. Указ. соч., стр. 23.

¹¹³ Натапал. Указ. соч., стр. 37.

¹¹⁴ Следует заметить, что в Македонии так же, как и в Болгарии, наблюдалось брожение среди христианского населения. Из сербских источников известно, что в окрестностях г. Скопье и г. Враца готовилось восстание, и турецкие власти арестовали его некоторых руководителей, которые «готовились поднять христиан против Порты» (АВВР, ф. Канцелярии, 1853 г., д. 163, т. 1, л. 467).

¹¹⁵ В. Д. Конобеев. Указ. соч., стр. 339.

Не случайно избирается именно этот район. Во-первых, это области с компактным болгарским населением; во-вторых, здесь более всего были живы традиции восстания 1850 г. (имелась и сеть руководителей «Тайного общества»); в-третьих, отсюда всего удобнее было установить связь с соседними балканскими народами — сербами, черногорцами, а через Македонию — с повстанцами в Фессалии и Эпире; в-четвертых, отсюда наиболее удобно было поддерживать связь с русской армией (через Сербию, Видин, Систов), координировать восстание с боевыми действиями русской армии; в-пятых, область восстания в военном отношении была самым уязвимым местом для турецкой армии, здесь меньше всего было турецких гарнизонов, восставшие сравнительно легко могли перерезать коммуникации турецкой армии, действовавшей на Дунае; в-шестых, Г. С. Раковский учитывал и политическое значение района, расположение там древней столицы Болгарии — Тырнова. План восстания Г. С. Раковского открыл новую эпоху в развитии общественной мысли и освободительного движения в Болгарии.

Военно-идеологические взгляды Г. С. Раковского формировались как составная часть его революционных, политических взглядов. Не имея специальной военной подготовки, Г. С. Раковский на основе изучения всего предшествующего опыта вооруженной борьбы болгарского народа формируется в эти годы как военный теоретик и военный организатор.

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные обстоятельства в большинстве своем нашли отражение в плане освобождения Болгарии, разработанном Г. С. Раковским в 1858 г. и конкретизированном в 1861 г. применительно к обстановке этих лет¹¹⁶.

На какие общественные классы и социальные группы опирались Г. С. Раковский и другие руководители «Тайного общества» при подготовке восстания? Известно, что сам Г. С. Раковский происходил из богатого семейства. Его отец имел собственность стоимостью около 1 млн. турецких грошей, которые израсходовал, чтобы освободить сына из тюрьмы. Выйдя из заключения, сам Г. С. Раковский быстро разбогател и уже в 1850 г. только за откуп сбора налогов с Пловдивской ярмарки мог заплатить 800 тыс. грошей¹¹⁷. В 1851 г. он развил бурную деятельность по строительству спиртовой фабрики, мельницы, чесальни шерсти, откупил налог на таких крупных торговых центров, как Узунджово, Пловдив, Т.-Пазарджик и Сливей¹¹⁸.

В «Тайном обществе» торгово-промышленная буржуазия играла ведущую роль. Г. С. Раковский рассчитывал на финансовую поддержку болгарской буржуазии, получил и использовал ее в 1853 г. (940 тыс. пиастров), в 1854 г. при формировании четы в Константинополе. В деятельности «Тайного общества» значительную роль играли представители молодой болгарской интеллигенции, выходцы из различных слоев имущих. Таким образом, внутри Болгарии, как и за ее пределами, в эмиграционных кругах главным классом, который выступал как руководитель движения, была буржуазия. Иначе и не могло быть, ибо молодая болгарская буржуазия была развивающимся по восходящей линии классом и выступала против турецкого феодального гнета.

Г. С. Раковского и его ближайших соратников от руководителей болгарской эмиграции отличала решимость, революционность во взглядах на роль народных масс в национально-освободительном движении.

¹¹⁶ «Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 359—363, 377—379.

¹¹⁷ Там же, стр. 490.

¹¹⁸ Подробно о торговой и промышленной деятельности Г. С. Раковского см.: В. Кйселков. Из живота на Раковски в Цариград. «Списание на Българската Академия на науките», кн. XXVI. София, 1923, стр. 71—118.

Г. С. Раковский заботился о расширении движения за счет вовлечения в него более широких масс мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности, как самого многочисленного класса. Крестьянство, по его мнению, — главная сила восстания. Об этом со всей определенностью заявил И. Бацов при первой же встрече с Н. Я. Мухомым в Землине в декабре 1853 г., сказав, что армии волонтеров (повстанцев) они легко сформируют из болгарских крестьян в Балканах (*parmi les paysans Bulgares du Balcan*) ¹¹⁹. При этом речь шла о ядре армии, которое положит начало восстанию. Мы видели, что и в северо-западной части Болгарии Г. С. Раковский ориентировался также на крестьянские массы, думал о вовлечении крестьян в вооруженную борьбу для решения общенациональных задач.

Мысль о крестьянстве как главной движущей силе национально-освободительного движения Г. С. Раковский развил затем в «Плане освобождения Болгарии», выработанном им в 1861 г., когда он мечтал поднять к оружию «все села» от Врацы и Видина до Черного моря, поднять 500 тыс. мужей и тогда ввести в бой 100 тыс. вооруженных бойцов ¹²⁰. «Тайное общество» ориентировалось на участие в восстании мелкой буржуазии болгарских городов, особенно ремесленников; с ними были связаны деятели общества в Тырнове и других городах севера Болгарии.

Г. С. Раковский реально оценивал расстановку классовых сил в стране. Если бы планам «Тайного общества» суждено было осуществиться, то было бы действительно массовое народное восстание, в котором выступили бы болгарская торгово-промышленная буржуазия, интеллигенция, крестьянство, мелкая буржуазия, трудовой люд городов. Этому фронту противостоял класс турецких феодалов, опиравшихся на абсолютистские учреждения Турецкого государства, на высшие слои греческого духовенства, болгарских чорбаджиев.

В Болгарии постепенно назревали объективные условия для национальной революции, буржуазно-демократической по своему экономическому и классовому содержанию. Естественно, что деятели «Тайного общества» выдвигали прежде всего общедемократические задачи и в первую очередь требование освобождения болгарского народа от гнета феодального Турецкого государства. Задача национального освобождения объединяла все патристические силы и явилась идейной и политической основой для создания «Тайного общества». Известно, что Г. С. Раковский в понятие «народ» включал все классы и социальные группы болгарского общества, за исключением чорбаджиев. Так он выражал общедемократическую, а по существу буржуазно-демократическую, идею освобождения от иностранного ига. Излагая командованию русской армии план и цель восстания, И. Бацов сказал, что члены общества объединили «свои усилия для достижения цели, к которой стремится вся болгарская нация» ¹²¹.

Когда Дм. Попович впервые прибыл из предгорий Балкан, он кратко передал чаяния болгар: «освобождение их от ига турецкого», к восстанию они готовятся «в полной надежде на свое освобождение» ¹²². Здесь, в центре Болгарии, в условиях глубочайшей конспирации учитель, писатель и поэт, участник готовившегося восстания Петко Славейков, выражая ту же мысль о национальном освобождении народа, писал своему другу, что они надеются на великий русский народ, который

¹¹⁹ В. Д. Конобеев. Указ. соч., стр. 336.

¹²⁰ «Архив на Г. С. Раковский», т. 1, стр. 378.

¹²¹ В. Д. Конобеев. Указ. соч., стр. 335.

¹²² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5557, ч. 1, л. 215.

совершит для болгар «доброе дело»¹²³. Болгарский народ только так и представлял себе ход войны. Депутаты Западной Болгарии также говорили, что «вообще болгары смотрят на русских как на избавителей от тягостного для них турецкого ига», и ради этого освобождения готовы поднять оружие¹²⁴. Идея национального освобождения проходит красной нитью и через обращение к России свиштовских болгар, а по сути дела организации «Тайного общества» в Свиштове¹²⁵. А. Конкович и его товарищи писали: «Мы слышали от предков наших, что всю надежду на избавление от этих бедствий должны мы возлагать на Великую Россию». Что касается характера войны, то свиштовцы полагали, что русские войска идут для освобождения болгарского народа, и просили «поспешить» избавить его «от страшной судьбы». Со своей стороны они заверяли, что преданы России, давая тем самым понять, что не будут пассивны в ходе войны. Несмотря на все жестокости турецких властей, писали болгары, мы «веруем, что не падём под таковым бедствием». Подобного содержания было и обращение болгар г. Русчук. Они также подчеркивали огромное стремление своего народа к национальному освобождению от ига Турции¹²⁶.

Нет необходимости увеличивать здесь число документов, говорящих о стремлении болгарского народа к решению задачи национального освобождения, о вере его в русский народ. Ориентируясь на Россию, Г. С. Раковский отражал надежды своего народа, и в этом выступал как политический деятель, связанный с народом, с его интересами.

В политическом отношении борьба шла против феодально-абсолютистских порядков, против различных форм политического гнета, против господства турок-феодалов и всех классовых сил, на которые опиралось турецкое феодальное государство. По своей сути это была острая классовая борьба болгарской буржуазии, представленной различными слоями имущих товаропроизводителей, против турецкого господства.

Правда, содержание этой борьбы не всегда четко выражено в документах того времени. Возьмем, к примеру, обращение болгар к России в конце 1850 г., авторами которого были Илья Видинли, Апостол Конкович и др. Хотя оно и начинается со слов, что это «смирная жалоба», но содержит такое острое политическое обличение турецких властей, что живо представляется вся гниль феодального абсолютистского государства и его учреждений. Здесь всем досталось, начиная от высших сановников, губернаторов и включая турецкий суд. «Пощадили» с виду только султана, но это авторы обращения сделали только по форме, ибо они обращались к другому, только русскому, султану. Надо было соблюсти этикет, не затрагивать чувств русского царя, единомышленника султана по классу. Но разве это не политический мотив, когда в обращении говорится, что в Болгарии «бедный народ остается бесгласным», когда рисуется кровавый террор турецких властей, судебный произвол?! А как остро обличаются чорбаджи: их характеризуют как «хищников», более «злейших, чем сами турки», показывают, что они «служат туркам орудием» угнетения народа!¹²⁷ Линия политического протеста продолжается и в обращении свиштовцев 1853 г. В нем указывается прежде всего на военный террор турецких властей: «Злодеяния их (турецких властей. — В. К.) над бедным нашим народом умно-

¹²³ П. Р. Славейков. Писма, стр. 51.

¹²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5557, ч. 1, л. 282.

¹²⁵ АВВР, ф. ГА, 1—9, 1853 г., д. 3, л. 33—35. Обращение болгар Свиштовского уезда к России было вручено М. Д. Горчакову в начале августа 1853 г. Под ним 209 подписей, в том числе А. Конковича и К. Станч-оглу, которые были связаны с Г. С. Раковским и стали затем членами «Тайного общества».

¹²⁶ АВВР, ф. ГА, 1—9, 1853 г., д. 3, л. 32.

¹²⁷ АВВР, ф. ГА, V-A₂, д. 520, л. 127—129.

жились до такой степени, что описать их невозможно никакой руке человеческой»¹²⁸.

Протест против политического гнета является одной из самых главных тем обращения посланцев Западной Болгарии к России и в 1853 г. Прибыв в Бухарест 13 сентября, они заявили, что «убийства большей частью совершаются по приказанию самих турецких властей». Характерно высказывание делегатов относительно политической системы Турции: «Ввиду всех фирманов султана, обнародованных в пользу христианства, можно бы подумать, что он есть лучший защитник нашей веры в Турции, но чтобы убедиться в противном, надобно всмотреться и прислушаться к страдательным крикам христианского народа». И, пачав с церковных дел, депутаты на нескольких страницах, по сути дела, дают политическое обличение властей¹²⁹. Подводя итог беседы с депутатами, М. Д. Горчаков в депеше к К. В. Нессельроду сообщает, что они выражали «страдания их соотечественников», «страдания их пацни»¹³⁰.

Носителем движения против политического иноземного гнета был болгарский народ, в среде которого созревала мысль, что виной всех его бедствий, террора, политического бесправия является турецкое правительство во главе с султаном. В высшей степени интересны в этом отношении наблюдения управляющего делами генерального консульства России в Адрианополе Ступина, изложенные им в отчете за 1851 г. Характеризуя политические настроения в Болгарии, он писал, что народ приходит к выводу, что виновником всех бед является Порта, которая, «прикрывшись одной личиной благонамеренности, сама поощряет непоследовательность и злоупотребления своих подведомственных правителей и низших чинов», что Порта поощряет их «парочитым потворством». Ступин понимал, что в министерстве иностранных дел не поправятся подобные суждения о верховной, мопархической, хотя и султанской, власти, поэтому он добавляет, что доводит только до сведения «отголоски общественного здесь мнения», «вредные убеждения» народа¹³¹.

В каун войны Г. С. Раковский пишет произведение «Болгария страждущая», где отражает настроение болгарского народа в этот период¹³². Идеи произведения были в 1854 г. развиты в автобиографической повести «Неповинный болгарин», где Г. С. Раковский указывает, что главным врагом болгарского народа является турецкое правительство¹³³.

Идея освобождения болгарского народа проходит красной нитью в таком программном сочинении Г. С. Раковского, как поэма «Лесной путник», первый вариант которой был закончен 25 декабря 1854 г.¹³⁴ Идеологическому и политическому содержанию «Лесного путника», окончательному варианту работы (изданному Г. С. Раковским в 1857 г.), посвящена большая литература¹³⁵. В первом варианте «Лесного путника» Г. С. Раковский занимает непримиримое отношение к султанской власти; его позиция по отношению к султанской власти — позиция революционера, он призывает народ к вооруженной борьбе за свободу и независ-

¹²⁸ Там же, 1—9, 1853 г., д. 3, л. 35.

¹²⁹ Там же, V-A₂, д. 175, л. 39—42.

¹³⁰ Там же, л. 28—37.

¹³¹ АВРР, ф. Турецкого стола (старого), д. 331, л. 50—52.

¹³² Г. С. Раковский. Съчинения. София, 1922, стр. 22.

¹³³ Там же, стр. 42.

¹³⁴ «Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 512—535.

¹³⁵ Обстоятельная работа на эту тему принадлежит советскому ученому И. М. Шептунову: «Първата българска революционна поэма „Горски пътник“ от Г. С. Раковски». «Георги Стойков Раковски», т. 1. София, 1964, стр. 224—273.

Что касается идеологического и политического значения начального варианта поэмы «Лесной путник», то первым в советской исторической литературе обратил на это внимание С. И. Сидельников (см. С. И. Сидельников. Указ. соч., стр. 130—131).

мость. Непримири́м Г. С. Раковский к болгарским чорбаджиям, их он разоблачает как антинародную силу, как предателей народа.

Какова должна быть форма будущего болгарского государства? На этот вопрос ни Г. С. Раковский, ни его товарищи по «Тайному обществу» четкого ответа не дают. И. Бацов, ведя переговоры с представителями официальной России о плане восстания и стремлении болгарского народа к национальному освобождению, однако, не высказывался о взглядах «Общества» на будущее государственное, политическое устройство Болгарии.

Судя по переговорам болгар в Константинополе (в них участвовал и Г. С. Раковский), речь шла об автономии. В июле 1853 г. сложилась окончательная точка зрения, которая зафиксирована была К. Петковичем и передана А. Озерову и Фонтону уже в Бухаресте. В окончательном варианте обращения к России говорилось, что «справедливость требует, чтобы они (болгары — В. К.) пользовались, паравне с прочими народами, всеми правами и преимуществами как церковными, так и гражданскими, которые даны в разные времена султанами, или имеют быть даны в будущем время»¹³⁶.

Мы не имеем данных о другой постановке вопроса Г. С. Раковским о будущем Болгарии. По крайней мере, официальной России, как увидим ниже, не была известна иная формулировка, кроме требования государственного устройства по типу соседних стран Балканского полуострова. Г. С. Раковский был политиком-реалистом, он понимал, что будущее политическое устройство болгарского государства зависит не только от желаний и стремлений болгарского народа, но и от России. Главное для него, как и для участников «Тайного общества», было поднять на борьбу широкие народные массы, освободиться от гнета Турции. Только спустя десять лет Г. С. Раковский высказывает мысль о том, что в будущем государстве должны восторжествовать свобода и равноправие¹³⁷.

Когда речь идет об идеологических и политических взглядах Г. С. Раковского, следует рассматривать их в развитии, в процессе формирования. Нам кажется, что споры в современной болгарской исторической литературе и объясняются, частично, игнорированием этого процесса. Некоторым историкам хотелось бы видеть Г. С. Раковского законченным революционером с первых шагов его общественно-политической деятельности, чуть ли не со дня рождения.

Национально-освободительное движение в Болгарии имело глубокое социально-экономическое содержание, носило антифеодальный характер. Все классовые силы, объединявшиеся в движении, были заинтересованы в ломке феодальных отношений. Прежде всего в этом было заинтересовано болгарское крестьянство. Депутаты запада Болгарии, которые по существу были посланниками крестьянства, не скрывали причин, побуждавших крестьян к вооруженной борьбе. Причины были те же, что вызвали и восстание 1850 г.¹³⁸: невыносимая эксплуатация турецкими феодалами, грабительские поборы, произвол и злоупотребления турецких чиновников, тяжелые и разнообразные налоги и повинности перед турецким военно-феодальным государством.

Важнейшим завоеванием восстания 1850 г. была ликвидация спахийского землевладения в северо-западной части Болгарии. Но турецкое правительство заставило крестьян выкупить спахийские земли. Такой исход битвы за свое право на спахийские земли не устраивал крестьян, он и был причиной готовившегося здесь восстания в 1853 г. Н. Я. Му-

¹³⁶ АВПР, ф. ГА, ПО, 1850 г., д. 1, л. 25.

¹³⁷ Д. Косев. Идеологията на Г. С. Раковски. «Георги Стойков Раковски», т. I, стр. 28.

¹³⁸ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 175, л. 43.

хин, посетивший Видинскую провинцию в 1851 г., писал, что болгар волнует намерение турецкого правительства «заставить крестьян выкупить земли, кои были присвоены господарями». Н. Я. Мухин правильно подметил, что это будет причиной будущих выступлений. Под влиянием освободительного движения в Черногории и в надежде использования русско-турецкого конфликта представители западной части Болгарии собрались в начале 1853 г. в Раковском монастыре¹³⁹, где приняли решение поднять 28 мая (9 июня) 1853 г. восстание. Предварительно решили заручиться поддержкой Сербии и Валахии. Но, как сообщил русский консул в Бухаресте Халчпинский, и сербское, и валахское правительства категорически отказали не только в поддержке болгарам, но и в приюте участникам восстания в случае его неудачи. С сентября 1853 г. руководители восстания ищут поддержки у России: «по этой самой причине, — говорили депутаты, — народ нас уполномочил подписями 35 приходоов отправиться в Валахию и рассказать о народном горе»¹⁴⁰.

Крестьянский вопрос был центральным вопросом политического движения и в центральной части Болгарии, определял его антифеодальный характер. Очень интересны в этом отношении свидетельства Захария Княжеского, болгарина, русского подданного, учителя в Старой Загоре, откуда он выехал в начале 1854 г. Чтобы приостановить рост крестьянского движения, Порта вынуждена была несколько изменить систему сбора налогов, принудительные бесплатные работы на рисовых плантациях феодалов, в рудниках на добыче железа и т. д. Но это не облегчило положение болгарского крестьянства, и оно по-прежнему активно выступало против турецкого феодального угнетения.

Крестьянское движение 1853—1854 гг. за разрешение аграрного вопроса скрыто за бурным протестом против террора и насилия турецких феодалов — политически господствующего класса и носителя национального гнета. Вот почему во всех обращениях к России, которые приводились выше, на первый план выдвигалось требование покончить с произволом, террором турецких властей.

В национальном освобождении болгарское крестьянство видело и свое социальное освобождение от гнета турецких феодалов, турецкого феодального государства. Однако конкретного выражения крестьянский вопрос в документах тех лет не нашел, хотя в произведениях Раковского уделяется много места критике тяжелого экономического гнета крестьян со стороны военно-феодального турецкого государства. «Тайное общество» рассматривало крестьянство как основную силу народной армии восстания, но все же не выдвигало требование преобразования аграрных отношений. В этом заключается, на наш взгляд, главная слабость общества, слабая сторона идеологических убеждений и практических мер, проводимых Г. С. Раковским. Естественно, открытая постановка земельного вопроса способствовала бы более широкому вовлечению крестьян в национально-освободительное движение Болгарии.

Следует остановиться еще на одном важном моменте в идеологических взглядах Г. С. Раковского того времени — на его трактовке причин национально-освободительного движения болгарского народа. В исторических примечаниях к «Лесному путнику» Г. С. Раковский горячо протестовал против утверждения западноевропейских деятелей, в частности Роберта Сиприена¹⁴¹, о том, что якобы национально-освободительное движение есть результат происков русской дипломатии. Г. С. Раковский показывает, что причина освободительного движения заключается в экономическом, политическом гнете Турции и что вся история болгарского

¹³⁹ АВВР, ф. ГА, V-A₂, д. 175, л. 43; С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 14.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ R. Cyprien. Les slaves de la Turquie. Paris, 1852.

народа — непрерывная борьба за свое освобождение от чужеземного гнета. Он отмечает непрерывность и преемственность в национально-освободительном движении Болгарии, показывает героизм народа, его лучших представителей, в частности Георгия Мамарчева¹⁴².

В исторической литературе, даже современной, к сожалению, подготовка восстания в Болгарии трактуется как реакция, отклик на воззвание главнокомандующего русской армией И. Ф. Паскевича. Такой подход неверен, ибо он неправильно изображает объективные причины нарастания национально-освободительного движения в Болгарии, противоречит историческим фактам.

«Тайное общество» и планы вооруженного восстания возникли задолго до обращения к болгарскому народу И. Ф. Паскевича с воззванием «Единоверным братьям нашим в областях Турции». Послание было составлено в Петербурге 7 апреля 1854 г., а в действующие войска на Дунае поступило, как видно из журналов военных действий, только во второй половине апреля. Не раньше конца апреля 1854 г. прокламация стала известна в Болгарии. Подготовка восстания шла независимо от призыва И. Ф. Паскевича и шла успешно. В воспоминаниях Драгана Цанкова (он имел встречу с Г. С. Раковским в Свиштове в начале 1854 г.) отмечено, что Г. С. Раковский рассказал ему не только о создании «Тайного общества», но и о том, что из многих мест приходят письма об успешном ходе подготовки восстания, которое приурочено к моменту вступления русских войск в Болгарию. Болгары, продолжал Г. С. Раковский, ждут только того момента, когда Россия поднимет меч, чтобы сокрушить Турцию¹⁴³.

Видимо, поездка Д. Поповича в Болгарию в конце апреля 1854 г. и была связана с обсуждением деятелями «Тайного общества» конкретных мер по подготовке восстания и воззвания И. Ф. Паскевича. По сведениям Георгия Христова, в Свиштове по этому поводу происходило совещание общества¹⁴⁴. О совещании упоминается в показаниях депутатов Николая и Иокима Поповых, прибывших с Д. Поповичем из его поездки в Свиштов¹⁴⁵.

Присутствовал ли на совещании Г. С. Раковский? Ответить на этот вопрос значит установить, когда Г. С. Раковский был арестован турецкими властями. Дело в том, что до сих пор в литературе точная дата еще не установлена. В автобиографическом письме к И. С. Иванову Г. С. Раковский указывает очень важное обстоятельство, связанное с воззванием И. Ф. Паскевича: «Нам была знакома и раздана прокламация в Болгарии со стороны России, а именно от военачальника Паскевича»¹⁴⁶. Выше говорилось, что воззвание проникло в Болгарию только в конце апреля 1854 г. Таким образом, Г. С. Раковский был арестован не ранее конца апреля или начала мая 1854 г. и мог присутствовать в Свиштове на совещании общества. Напомним, что Д. Попович, возвратившись 20 мая 1854 г. в главную квартиру из Свиштова, заявил, что болгары ожидают прихода русских войск «с нетерпением»¹⁴⁷. Видимо, и после ареста Г. С. Раковского продолжалась подготовка восстания. Штаб русской армии поддерживает в это время переписку с А. Конховичем, в руки которого перешли связи «Общества». П. Грамадов, как бы подводя итог состоянию дел, позже говорил А. В. Рачинскому: «Когда войска ваши стояли под Силистриею, Болгария готова была встать вся, как один человек. Земляки мои медлили с восстанием, ожидая малей-

¹⁴² Г. С. Раковский. Сочинения, стр. 101—115.

¹⁴³ М. Арnaudов. Указ. соч., стр. 68—69.

¹⁴⁴ Георги п. Христов. Указ. соч., стр. 173.

¹⁴⁵ АВР, ф. Славянского стола, д. 4183, л. 2—4.

¹⁴⁶ «Архив на Г. С. Раковский», т. 1, стр. 491.

¹⁴⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5557, ч. 1, л. 319.

шего движения русских внутрь земли; и за медленность эту они упрека не заслуживают. Столько раз наши надежды были обмануты!»¹⁴⁸ И. Бацов, находясь в конце марта уже при главной квартире, тоже ждал ответа на предложенный план восстания, ожидал сигнал, «чтобы подгот-овить пути его выполнения»¹⁴⁹.

Правительство России должно было ответить на эти вопросы. Но не один И. Бацов ждал ответа. Ответ на свои предложения ждали и болгарские деятели в Одессе и Бухаресте.

* * *

Подъем национально-освободительного движения, нарастание Восточного кризиса привели в движение болгарскую буржуазную эмиграцию и в Одессе. Торгово-промышленная болгарская буржуазия переходит от культурно-просветительной к активной политической деятельности и оказывает влияние на события внутри страны и политику официальной России по отношению Болгарии.

Идейным руководителем и организатором болгарской буржуазии здесь выступает Н. Х. Палаузов.

Начало перехода к активной политической деятельности болгарской эмиграции в Одессе относится к июлю 1853 г., когда Н. Х. Палаузов представил М. Д. Горчакову записку «О нынешнем положении болгар в Европейской Турции», в которой были изложены главные политические взгляды болгарских буржуазных кругов Одессы. Нарастание Восточного кризиса ускорило и организационное становление болгарской буржуазии, стремившейся не упустить момента и встать во главе народного движения. По инициативе Н. Х. Палаузова 2 февраля 1854 г. состоялось собрание наиболее зажиточной и влиятельной части болгарской эмиграции, где было оформлено создание Одесского болгарского настоятельства¹⁵⁰.

Формально настоятельство занималось сбором средств «в пользу болгар с соизволения русского правительства», а фактически это была политическая организация болгарской буржуазной эмиграции, ставившая перед собой политические цели. В официальном протоколе об учреждении настоятельства его задачи определяются довольно широко: «Позаботиться об угнетенных своих братьях и по возможности помочь им»¹⁵¹. В одной из записок Н. Х. Палаузов называет настоятельство «Одесским комитетом», который возник, когда «освобождение болгар казалось им событием уже несомненным»; далее он говорит, что «вследствие такой уверенности» одесские болгары, «пользующиеся известностью и авторитетом между задунайскими соотечественниками, побуждаемые желанием способствовать великому делу, предприиятому Россией», и создали комитет, который занимался «пзысканием средств и мер, как успешнее действовать за Дунаем»¹⁵².

Социально-политические цели и взгляды учредителей настоятельства отражены в многочисленных записках Н. Х. Палаузова. Они являются своего рода выражением программных стремлений болгарской буржуазной эмиграции в России. Основные положения высказаны Н. Х. Палаузовым в упомянутой записке «О нынешнем положении болгар в Европейской Турции» и в «Записке о Болгарии», одновременно поданной Д. Е. Остен-Сакену и И. Ф. Паскевичу (последняя датирована 21 ян-

¹⁴⁸ А. В. Рачинский. Указ. соч., стр. 23.

¹⁴⁹ АВПР, ф. Канцелярии, 1853 г., д. 163, т. 1, л. 138.

¹⁵⁰ Н. Барсов. Указ. соч., стр. 9.

¹⁵¹ Н. Барсов. Указ. соч., стр. 8—9. Копия протокола находится в АВПР, ф. Славянского стола.

¹⁵² АВПР, ф. ГА, 1—9, 1815 г., д. 1, лл. 574—576.

варя 1854 г.)¹⁵³. Ценный дополнительный материал о целях и взглядах болгарской эмиграции дают и другие документы, написанные Н. Х. Палаузовым в период 1853—1856 гг.¹⁵⁴

В записках Н. Х. Палаузова¹⁵⁵ дана яркая характеристика двух сторон турецкого военно-феодалного гнета: политической и экономической.

В политическом отношении болгарский народ лишен всяких прав, «в настоящем положении болгары ежедневно гибнут от злоупотреблений и меча оттоманского, религия преследуется, жизнь каждого зависит от произвола последнего турка, права собственности не обеспечены законом и в действительности; словом, никто не может поручиться, что он завтра останется жив и собственность его не будет расхищена»¹⁵⁶. На основе документальных материалов Н. Х. Палаузов показывает, как разбой, фанатизм, насилие, произвол затрагивают все основные классы болгарского общества, их экономические интересы. Автор правильно подметил, что политическая обстановка не обеспечивала безопасности личности самого буржуа. Болгарские купцы, пишет он, должны делать дальние путешествия по всем направлениям империи и переносить свои капиталы. Крестьяне не имеют никакой возможности ни пожать, ни собрать свои хлеба, большая часть урожая гибнет в полях.

Своеобразно Н. Х. Палаузов показывает в записке конкретное выражение экономического гнета, носителем которого выступает военно-феодалное Турецкое государство. «Там, — говорит Н. Х. Палаузов, — кроме так называемой подати вергы и другой харач, все отрасли внутренней промышленности обложены тяжкими налогами, которые отдаются с откупа. Можно представить себе, что терпят несчастные рай, которые платят пошлину за овец и коз, за всех домашних животных, за шелковичных червей, за шелк, сырец, десятину с имений, пошлину с винограда, табаку, подати, взимаемые при продаже коня, вола, овец, их шкур, шерсти, с хлеба и всякого рода съестных припасов, с топлива, разных изделий, продуктов и т. п. Все эти подати собираются посредством откупщиков с такою несправедливостью, что часто заставляет многих хозяев продать своих овец, рубить тутовые деревья, отказаться от обработки винограда и прекратить всякую производительность. Вот главнейшая причина бедности народа»¹⁵⁷. Помимо натуральных и денежных налогов, отмечает автор, существует система ангарии, различные виды бесплатных работ, которые огромным бременем ложатся на болгарское население. Нельзя не отметить известной доли прогрессивности взглядов Н. Х. Палаузова в раскрытии эксплуататорской сущности военно-феодалной системы Османской империи, в показе того, как военно-феодалный гнет задерживает экономическое развитие Болгарии, свободу действия болгарского буржуа. В работах Н. Х. Палаузова нашли отражение, в известной мере, народные интересы. В частности, он вы-

¹⁵³ Н. Барсов. Указ. соч., стр. 30—50. Подлинные экземпляры хранятся в ЦГВИА, ф. 1л, оп. 1, д. 21931, лл. 11—23 и в АВПР, ф. Славянского стола, д. 8642

¹⁵⁴ «Список болгарам, коих можно употребить в дело» (20 января 1854 г., подлинник находится в ЦГВИА, ф. 1л, оп. 1, д. 21931, лл. 21—22); «Записки о необходимости выписать для болгар церковные книги» (27 марта 1854 г.); «О формировании болгарских волонтеров» (4 апреля 1854 г.); «О внутреннем управлении в городах, занимаемых нашими войсками» (4 апреля 1854 г.); «О необходимости учредить при Главной квартире болгарскую канцелярию» (21 апреля 1854 г.). К сожалению, нами найдены только копии записок, хранящихся в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8793; лл. 72—89; «Поверхностный очерк существующего в Турции управления» (конец апреля 1854 г., хранится в ЦГВИА, ф. Молдавской армии, оп. 243, д. 76, лл. 8—19); записка от 20 октября 1854 г. на имя Н. Н. Анненкова (АВПР, ф. Славянского стола, д. 11089, лл. 3—7); «Записка о болгарях вообще и, в частности, о тех, кои принимали участие в Дунайской кампании нашей 1853—1854 годов» (31 марта 1856 г., подлинник хранится в АВПР, ф. ГА, 1—9, 1815, д. 1, лл. 573—587).

¹⁵⁵ Н. Барсов. Указ. соч., стр. 42, 44.

¹⁵⁶ Там же, стр. 31.

¹⁵⁷ Там же, стр. 33—34.

ступают против эксплуатации народа со стороны военно-феодального государства. Но характеристика социально-экономических отношений в Болгарии дана Н. Х. Палаузовым также односторонне, как и авторами предыдущих документов. Он обошел совершенно проблему экономической зависимости болгарского крестьянина от турецкого помещика, пощадил болгарское чорбаджийство, ни словом не обмолвившись о его гнусной роли в военно-феодальной системе Османской империи. Естественно, мы не найдем во взглядах Н. Х. Палаузова даже намека на различные формы эксплуатации болгарского народа со стороны самой болгарской буржуазии, выразителем интересов которой он выступает.

Объясняется это не только буржуазной ограниченностью автора, его служебным положением в России, в системе такого же военно-феодального государства, как и Турция, но и его отношением к проблеме национального освобождения Болгарии, попытке, как увидим ниже, ограничить борьбу болгарского народа только рамками вопроса о национальной независимости, чтобы избежать глубоких социальных изменений.

Однако при всей ограниченности взглядов Н. Х. Палаузов сумел, хотя и частично, подойти к пониманию того, что над болгарским народом тяготеет не только политический гнет Турции. «К игу политическому» еще присоединена и «другая язва Турции» — гнет экономический. При этом Н. Х. Палаузов замечает, что в сохранении турецкого ига заинтересованы западные державы, чьи эмиссары активизировались в Болгарии. Духовный гнет он называет «третьим несчастьем» болгарского народа. Греческое духовенство держит болгарский народ «в темпоте духовной», старается «уничтожить всякие стремления к народности». «Первые (турки. — В. К.), так сказать, физически преследуют болгар, последние (греческое духовенство. — В. К.) действуют на них морально и вместе с тем обирают и грабят. Болгаре поэтому желают избавиться от деспотизма одних и других [...]»¹⁵⁸. Надо отдать должное Н. Х. Палаузову — он правильно подметил настроение народа, то брожение умов, которое, мы видели, характерно для Болгарии как результат развития внутренних сил и как результат воздействия революции 1848 г. Н. Х. Палаузов хотел показать правящим кругам России не только необходимость освобождения Болгарии от ига Турции, но и неизбежность подъема широкого массового народного движения, возможность стихийного восстания. В записках Н. Х. Палаузова можно встретить даже такой термин, как «всеобщее народное восстание»¹⁵⁹. Но Н. Х. Палаузов, как и вся болгарская буржуазия, группировавшаяся вокруг Одесского болгарского настоятельства, далек от мысли о действительно всеобщем народном восстании. Будучи представителем либеральной буржуазии, Н. Х. Палаузов в условиях нарастания стихийного народного движения стремился не допустить самостоятельного революционного действия народных масс, ограничить его рамками, допустимыми официальной политикой России. Каким методом будет разрушен гнет Турции, по какому пути пойдет народное движение? — этот вопрос вставал перед болгарской буржуазией всякий раз, когда народ приходил в движение.

Стремясь сбросить иго Турции, народ «может принять в движении своем или законное, или незаконное, анархическое, направление», — вот два возможных исхода народного гнева¹⁶⁰. Н. Х. Палаузов указывал на опасность «незаконного», т. е. революционного, выступления народных масс. По его мнению, есть две причины «незаконного» выступления: во-первых, сознание народом своей возрождающейся силы, опыт

¹⁵⁸ Н. Барсов. Указ. соч., стр. 43.

¹⁵⁹ Там же, стр. 44.

¹⁶⁰ Там же, стр. 36.

восставший 40—50-х годов, породивших в его душе мысли и желания об освобождении от векового ига, которые не «затушили» ни жестокости, ни кровавые репрессии турок; во-вторых, влияние революций других народов, влияние революционных идей. «Враг человечества» — так называет Н. Х. Палаузов революцию — не дремлет, «он успел рассеять плеве́лы по пшенице, успел иных молодых людей совратить с истинного пути и заронить в души их анархические мысли и понятия», «политические злоумышленники не пропускали и не пропускают случая, особенно в настоящее время, разливать своего ложного учения между неопытными болгарам».

Резюмируя свое отношение к путям и методам национального движения, Н. Х. Палаузов говорит, что «необходимо направить умы» болгарского населения «к законному» пути. Он предлагает для этого использовать надежды болгар на освободительную миссию России — народ «ждет благоприятного случая, и все свои в этом надежды основывает на единоверной и единоплеменной России», с появлением русской армии за Дунаем болгарский народ восстанет, это восстание должно проходить при «содействии и пособии России».

Вооруженную борьбу болгарского народа Н. Х. Палаузов не представлял себе иначе, как «под крыльями мощного орла русского», под руководством офицеров царской армии. По его мнению, Россия не должна упускать из своих рук стихийного выступления болгар, чтобы движение шло по «законному» пути. Самым верным и удобным средством для этого является использование людей, «преимущественно таких, которые, будучи известны нашему правительству, пользовались бы доверием, известностью и некоторым авторитетом у болгар». И никто лучше это не сможет сделать, как болгары Одессы, те, что находятся «на государственной службе в России».

Естественно, что болгарские буржуазные деятели в России стремились обеспечить прежде всего за собой руководящую роль в борьбе болгарского народа против турецкого гнета. Это ясно видно, когда речь идет о самом процессе организации вооруженного движения¹⁶¹.

Для организации и руководства восстанием Н. Х. Палаузов предложил создать при Главной квартире русской армии своеобразную группу из «благонамеренных болгар», или, как он говорил, «комитет болгарский». Всех активных деятелей он предлагал разделить на три разряда: во-первых, «болгарские депутаты», которые постоянно находятся при Главной квартире для получения приказаний от командования и для представления со своей стороны прошений и замечаний по болгарским делам; во-вторых, избранные депутатами «агенты», в звании «эmissаров», посылаемых во внутренние районы Болгарии для подготовки народа к действию, к встрече русской армии, для предупреждения стихийного восстания народа до появления русской армии в Болгарию; в-третьих, переводчики, они же и представители при болгарских отрядах, которыми командуют русские офицеры. Руководителями, таким образом, выступают депутаты и эmissары из депутатов. Они составляют как бы своеобразный штаб движения, или, как позже Н. Х. Палаузов именует его, «болгарскую канцелярию» при Главной квартире¹⁶². На классовый и политический отбор депутатов обращает особое внимание Одесское болгарское настоятельство. В «Списке болгарам, коих можно употребить в дело», от 20 января 1854 г. были предложены в депутаты Найден Геров, Савва Радулов, Савва Филаретов и, естественно, Н. Х. Палаузов¹⁶³. В записке от 21 апреля 1854 г. о «болгарской канцелярии» в спи-

¹⁶¹ ЦГВИА, ф. 1л, оп. 1, д. 21931, л. 21—22.

¹⁶² Там же, ф. ВУА, д. 8799, л. 79.

¹⁶³ Там же, ф. 1л, оп. 1, д. 21931, л. 21—22.

сок депутатов дополнительно включены Стефан Изворский, Дмитрий Мутьев, Константин (Костаки) Попович, А. Навроцкий¹⁶⁴. Им, «комитету болгарскому», и надлежало, по мнению Н. Х. Палаузова, вершить дела национально-освободительного движения, направлять его по «законному» пути, определять судьбу Болгарии.

Каковы же классовый состав депутатов и социально-политическое направление их взглядов?

Найден Геров (1823—1900) — молодой тогда еще участник национально-освободительного движения, его либерально-буржуазного направления, выходец из Конривщицы, воспитанник Ришельевского лицея в Одессе, возвратившийся в Одессу после нескольких лет учительства в Румелии, принял русское подданство. В списке он характеризуется как «способный и благонамеренный болгарин, коего в настоящее время можно употребить в виде эмиссара»¹⁶⁵. Савва Радулов (1818—1887) — родом из Панагарюште, «из духовного звания», предназначался в качестве эмиссара в Болгарию¹⁶⁶. С. Радулов — один из виднейших деятелей народного просвещения болгарского народа, учительствовал в родном городе Панагарюште, а в 1849—1853 гг. обучался в Ришельевском лицее. После Крымской войны был директором Центрального училища в Белгороде, автор многих учебников, один из верных друзей Г. С. Раковского¹⁶⁷. Но в целом С. Радулов сложился все же как деятель буржуазно-либерального направления.

К числу крупнейших деятелей народного просвещения принадлежал и Савва Филаретов (1825—1863), выходец также из имущей семьи с. Жеравна, за Балканами; до 1847 г. учительствовал в г. Шумле, окончил в 1852 г. гимназию в Одессе, а затем (1852—1857) историко-филологический факультет Московского университета. «Достойный, благонамеренный и способный болгарин», который должен был выехать в Болгарию в качестве эмиссара¹⁶⁸. После Крымской войны С. Филаретов учительствовал в Софии (1857—1861), сотрудничал в русской периодической печати, имел связи с славянофилами, последние два года своей жизни служил в русском посольстве в Константинополе¹⁶⁹.

Последующие кандидаты в депутаты были утверждены, по-видимому, в результате переговоров с Бухарестской болгарской епитропией. В письме из Бухареста к Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, Н. Х. Палаузов писал 26 марта, что он установил связь с Бухарестским комитетом и намерен присутствовать на его заседании, где будет идти речь о совместных действиях болгарских обществ в Одессе и Бухаресте¹⁷⁰. Именно после встречи с деятелями Бухарестского комитета как результат известного компромисса двух обществ и появились в списке еще три кандидатуры. Среди них первым числится Стефан Изворский (1815—1875)¹⁷¹ — один из видных деятелей народного образования Болгарии в период Возрождения. До Крымской войны он учительствовал в Болгарии (1840—1847), в Цареграде (1848—1850), где принимал деятельное участие в болгарской общине в качестве ее делопроизводителя, вместе с Г. С. Раковским занимался церковным болгарским вопросом¹⁷². Крымская война застала С. Изворского в духовной семинарии в Петербурге. С русскими войсками он прибыл в Бухарест, официально находился при штабе М. Д. Горчакова, а неофициально прини-

¹⁶⁴ Там же, ф. ВУА, д. 8799, л. 81.

¹⁶⁵ Там же, ф. 1л, оп. 1, д. 21931, л. 21.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ «Архив на Г. С. Раковски», т. 2, стр. 301—302.

¹⁶⁸ ЦГВИА, ф. 1л, оп. 1, д. 21931, л. 21.

¹⁶⁹ «Архив на Г. С. Раковски», т. 2, стр. 252—253.

¹⁷⁰ Н. Барсов. Указ. соч., стр. 47—48.

¹⁷¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8799, л. 80.

¹⁷² «Архив на Г. С. Раковски», т. 2, стр. 70.

мал участие в деятельности Бухарестского комитета¹⁷³. Всю свою жизнь С. Изворский посвятил мирной просветительной деятельности, оставаясь чуждым революционному движению¹⁷⁴.

Новым кандидатом в депутаты стал Димитрий Мутьев (1818—1864), либерально-буржуазный деятель национально-просветительного движения. И, наконец, в результате встречи с членами Бухарестского комитета в число депутатов был включен Костаки Попович (1821—1876) — болгарский торговец в г. Браилове, получивший образование в Одессе. К. Попович был другом России, войну встретил с восторгом, принял активное участие в формировании болгарских волонтеров в Браилове. После войны он стал одним из организаторов болгарского издательского общества в Браилове, оказывал материальную помощь в литературной деятельности Г. С. Раковскому, другом которого оставался долгие годы¹⁷⁵.

Приведенные материалы позволяют сделать вывод о том, что болгарская буржуазная эмиграция в Одессе выдвигала в руководство народным движением своих братьев по классу, выходцев из имущих слоев, а также представителей нарождавшейся болгарской интеллигенции, вышедшей из буржуазии, наиболее образованных людей Болгарии того времени. Все они в своей политической деятельности ориентировались в то время на Россию, рассчитывали на ее помощь, смотрели как на решающий фактор в борьбе за освобождение Болгарии, предполагая, правда, участие в этой борьбе самого болгарского народа, но в пределах, допустимых официальной Россией. Никто из них и не помышлял о самостоятельности национально-освободительного движения болгарского народа. В конечном итоге все они остались на позициях мирной просветительной деятельности. Н. Геров, С. Радулов, С. Филаретов, К. Попович, С. Изворский и сам Н. Х. Палаузов были современниками Георгия Раковского, сочувствовали его революционной деятельности, оказывали даже материальную поддержку, но никто из них не стал его соратником в разработке национальной революционной идеологии.

Стремление болгарской буржуазии встать во главе народного движения еще рельефнее выступает, когда речь идет о ее представителях при болгарских вооруженных волонтерских отрядах. Н. Х. Палаузов в «Списке болгарам, коих можно употребить в дело» предлагает назначить П. Палаузова, Н. Палаузова, Ф. Жечева, Х. Тошковича (против каждого из них в характеристике отмечено: «занимается торговлей»¹⁷⁶). На поприще переводчиков и представителей при русских офицерах — командирах болгарских отрядов — предполагалось использовать воспитанников Ришельевского лицея, студентов Киевского университета, Духовной академии и семинарии, Одесской и Киевской гимназий: Ив. Ст. Иванова, Ив. Кишельского, Теодосия Икономова, Хр. Филиппова, Гр. Мустакова, Вас. Чолакова, Вас. Поповича и др. Все они также выходцы из довольно состоятельных семейств Болгарии, принадлежавших к торговой мелкой или средней буржуазии, впоследствии — видные общественно-политические деятели освободительного движения либерально-буржуазного направления.

Одесские настоятели старались подчинить своим планам и влиянию нараставшее народное движение и внутри Болгарии. С этой целью в страну через Сербию они намеревались послать якобы для торговых операций своих эмиссаров. На эту роль отбирались наиболее «благонамеренные» из депутатов: Н. Геров, С. Радулов, С. Филаретов, а в Маке-

¹⁷³ «Архив на Г. С. Раковский», т. II, стр. 452.

¹⁷⁴ Подробно см.: Г. Стефанов. Стефан п. Н. Изворски. Учител и поет от епохата на Възраждането. «Списание на Българската наука», кн. XXVIII, клон историко-филологичен и философско-обществен. София, 1935, стр. 120—164.

¹⁷⁵ «Архив на Г. С. Раковский», т. 2, стр. 688.

¹⁷⁶ ЦГВИА, ф. 1л, д. 21931, л. 21.

донию. должен был выехать пятидесятилетний одесский торговец Симо Андреевич, родом из Призрена.

В «Записке о Болгарии» от 20 января 1854 г. Н. Х. Палаузов предлагал поделить эмиссаров следующими функциями: предрасположить народ к действию, уверить, что русские идут для освобождения его от ига турок, что «в случае надобности» болгарам будет выдано оружие «для ведения войны против общего врага». Короче говоря, «эмиссары эти должны подготовить народ»¹⁷⁷; т. е. направить умы народа в русло «законного движения».

Сложнее обстояло дело, когда стали намечать людей, с которыми эмиссары должны были установить связь. Через них планировалось готовить «умы» к восстанию. На кого можно опереться внутри Болгарии? Этот вопрос волновал болгарскую эмиграцию. Отвечая на него, Н. Х. Палаузов не без ведома своих соратников предлагал использовать существующие связи болгар Одессы с населением внутри страны через бывших воспитанников светских и духовных учебных заведений России. В «Списке болгарам, коих можно употребить в дело» Н. Х. Палаузов писал: «Нельзя упустить из виду тех болгар, кои, воспитавшись в России, ныне находятся в Болгарии и занимают там должности учителей, также игуменов некоторых монастырей и священников»¹⁷⁸. Воспитанники русских учебных заведений были рассеяны почти по всем уголкам Болгарии. Это обстоятельство создавало благоприятные условия для организации восстания, если бы болгарские деятели действительно решились на него. В подавляющем большинстве намеченные кандидаты в руководители — активные участники национально-освободительного движения, патриоты своей родины.

Расстановка сил, по предположению Н. Х. Палаузова, в Северной Болгарии выглядела следующим образом¹⁷⁹. В Шумле, считал он, можно поручить дело Ивану Богоеву (Богорову), популярному впоследствии болгарскому литератору, педагогу, журналисту и языковеду. И. Богоев родился в г. Котел (около 1820 г.), был приятелем Г. С. Раковского, учился в Одессе, затем в Лейпциге и Париже, к 1853 г. был широко известен в Болгарии как поборник народного просвещения, выдающийся общественно-политический деятель, основатель первой болгарской газеты «Българский орел» (Лейпциг, 1846), газеты «Цариградский вестник» (1848)¹⁸⁰. В начале войны И. Богоев учительствовал в г. Шумле. В Тырнову работу мог проводить Стефан Пенювич Ахтар (1806—1860), который, как мы видели, работая в Тырнове учителем, еще в 1851 г. выступил как руководитель движения. В помощь ему предполагалось дать студента Московского университета Николая Михайловского, ставшего директором Тырновского училища. В предгорьях Балкан намечались доверить подготовку восстания видному общественному деятелю Петко Славейкову, учительствовавшему тогда в Трявну, Никифору Мудрону — в Елене, Илье Грудову — в Габрово. В списке возможных организаторов восстания в Систове числятся Апостол Конкович и Цветко Радославов, торговец, оба они уже в то время были друзьями Г. С. Раковского¹⁸¹. На севере Болгарии думали заручиться поддержкой той небольшой части служителей церкви, выходцев из болгар, которые сочувствовали и поддерживали национальное движение. В списке упоминаются епископ Врачанский Доротеи, епископ Ловчи Иларион, начальник его канцелярии Митрофан.

¹⁷⁷ Н. Барсов. Указ. соч., стр. 44—45.

¹⁷⁸ ЦГВИА, ф. 1л, оп. 1, д. 21931, л. 22.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ «Архив на Г. С. Раковски», т. 2, стр. 794; «Кратка Българска Енциклопедия», т. 1, стр. 257—258.

¹⁸¹ «Архив на Г. С. Раковски», т. 1, стр. 51; т. 2, стр. 133, 822.

В южной части Болгарии, за Балканами, главным организатором подготовки народа к приходу русской армии намечался видный педагог, литератор и публицист, отец революционера-демократа Христо Ботева — Ботьо Петков¹⁸². Академик М. Димитров сообщает, что Ботьо Петков был избран одесской и бухарестской буржуазной эмиграцией руководителем движения во всей Фракии¹⁸³. Ботьо Петков учительствовал в г. Калофере. В Ески-Загаре мыслилось поручить вести работу знакомому уже нам просветителю Захарию Княжескому, в Сливно — учителю Добре Чиптулову, в Казанлыке — учителю Стоянчо Груеву. Оба последних известны как доброжелатели Г. С. Раковского¹⁸⁴. Из духовенства на юге Болгарии — привлечь игумена Рыльского монастыря Иосифа, игумена монастыря в Татар-Пазарджике Галактиона, а через иеромонаха Нафанаила — заручиться поддержкой болгарского духовенства Зографского монастыря на Афоне.

Нетрудно заметить, что все предполагаемые руководители движения на местах были по своему положению тесно связаны с народом, находились среди народа, который знал их. В этом заключалась положительная сторона рассматриваемого плана. Отметим, что некоторые кандидаты, выдвинутые Одесским настоятельством в руководители движения, намечались в качестве руководителей и в плане восстания, составленного Г. С. Раковским.

Если бы эти планы одесской буржуазной эмиграции были приведены в действие, то не исключено, что, независимо от желаний настоятелей, брожение, существовавшее в Болгарии, могло бы превратиться в пламя народного восстания. Но болгарские деятели и Одессы и Бухареста были послушными исполнителями воли царских сановников, которым хотелось видеть в составе царской армии легионы вооруженных болгар, по призраку революции был страшнее этих желаний. Не меньшую тревогу по этому поводу испытывали и сами болгарские организаторы из Одесского настоятельства. Слова Н. Х. Палаузова, высказанные своим бухарестским собратом по классу, что «кроме правительственных, так сказать, волонтеров, болгарам пужно составить и своих собственных»¹⁸⁵, это только слова, ибо они находились в противоречии с его кредо о «законном» движении и с дальнейшей практической деятельностью.

Анализ социального состава намеченных организаторов национально-освободительного движения показывает, что верхушка руководства движением состояла из представителей торговой буржуазии. Остальные участники (представители при отрядах, руководители движения внутри Болгарии) выдвигались из молодой болгарской интеллигенции, главным образом из учителей, учащейся молодежи, также выходцев из тех или иных слоев имущего класса Болгарии. Характерная черта большинства тех, кто должен был руководить освободительным движением, — это их симпатии в России, к русскому народу, рожденные участием России в их образовании. На использование симпатий к России в большой мере рассчитывали учредители настоятельства. Через эмиссаров и агентов на местах Н. Х. Палаузов советовал царскому правительству обратиться с прокламацией к болгарам и убедить их, что Россия освободит Болгарию от турецкого гнета и что, действуя вместе с русской армией, они «освобождают себя от ига турок», обещать народу «лучшей будущности», объявить о том, «что Россия намерена предоставить им (болгарам. — В. К.) впоследствии»¹⁸⁶.

¹⁸² ЦГВИА, ф. 1д, оп. 1, д. 21931, л. 22.

¹⁸³ Мих. Димитров. Ботьо Петков. В кн.: «Христо Ботев. Сборник по случаю 50-го годовщины от рождения му». София, 1949, стр. 15; ЦГВИА, ф. 1д, оп. 1, д. 21931, л. 22.

¹⁸⁴ «Архив на Г. С. Раковски», т. 2, стр. 112, 669, 829.

¹⁸⁵ Н. Барсов. Указ. соч., стр. 48.

¹⁸⁶ Там же, стр. 39, 44.

Каким представляли будущее Болгарии политические и национальные деятели одесского болгарского настоятельства?

В июле 1853 г. Н. Х. Палаузов писал, что народ «жаждет того политического значения, какое имеют другие единоплеменные и единопольные ему народы: сербы, волохи, молдаване, под покровительством другой сильнейшей державы преимущественно православной». Далее он в записке не оставляет сомнений в том, кого он имеет в виду, говоря о «сильнейшей державе»: «Повторяю, что болгары неизменно преданы России, к ней обращены взоры их, под крыльями мощного Орла русского уношают они излечить вековые язвы свои»¹⁸⁷. Отсюда видно, что одесская группировка болгарской буржуазии не пошла далее требования национальной автономии Болгарии под покровительством России. В требованиях этой группы нет развернутой картины устройства верховных политических органов Болгарии, их окончательной формы. Видимо, политический облик автономной Болгарии рисовался болгарской буржуазии по образцу Сербии, о чем замечается в одной из записок¹⁸⁸.

В конце марта в Бухаресте встретились представители Одесского и Бухарестского комитетов. «Одесское общество (настоятельство) болгар, пользуясь этим случаем, — писал впоследствии Н. Х. Палаузов, — уполномочило меня войти в сношения с бухарестским для однообразных с ним действий в тех обстоятельствах»¹⁸⁹. Здесь, в Бухаресте, в апреле 1854 г. Н. Х. Палаузовым написано несколько работ. В них развиты политические пожелания и предложения болгарской буржуазии, ее соображения о предполагаемых социально-экономических переменах в Болгарии. В этом смысле характерны записки «О необходимости учредить при главной квартире болгарскую канцелярию» (21 апреля 1854 г.)¹⁹⁰, «Поверхностный очерк существующего в Турции управления» (середина апреля 1854 г.)¹⁹¹, «О внутреннем управлении в городах, занимаемых нашими войсками» (4 апреля 1854 г.)¹⁹², и др. Эти записки возникли, несомненно, не как плод только его личных размышлений. Они составлялись без совета Н. Герова и находящегося при главной квартире С. Н. Палаузова. Составлялись эти документы в обстановке, когда русская армия форсировала Дунай, занимала Добруджу, когда болгары, замечает впоследствии Н. Х. Палаузов, вступление русской армии в пределы Болгарии «сочли началом своего освобождения»¹⁹³, когда, как увидим ниже, болгарским буржуазным организациям в Бухаресте было известно о подготовке народного восстания в Болгарии Г. С. Раковским.

В этих условиях буржуазия высказывает надежду и пожелания, чтобы Россия в прокламации к болгарам дала обещание о том, «что по освобождении им будет даровано такое же управление, какое и у сербов»¹⁹⁴. Выбор в пользу политической системы Сербии пал, на наш взгляд, не случайно. Объяснение следует искать в следующих причинах: в Молдавии и Валахии господари назначались Портой (правда, с согласия России) и чаще всего из греков; в Сербии княжеская власть была наследственной, сам князь назначался из сербов; представительные органы в Валахии и Молдавии — учреждения сословные — боярские, помещичьи; в Болгарии сословий не было, следовательно, необходимо было учредить такие верховные органы, где бы было обеспечено политическое господство болгарской, главным образом торговой буржуазии, а это могла дать конституция типа сербской, действовавшей там с 1838 г.

¹⁸⁷ Н. Барсов. Указ. соч., стр. 36—37.

¹⁸⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8799, л. 82.

¹⁸⁹ АВПР, ф. ГА, 1—9, 1815 г., д. 1, л. 575.

¹⁹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8799, л. 79—82.

¹⁹¹ Там же, ф. Молдавской армии, оп. 243, св. 26, д. 76, л. 8—19.

¹⁹² Там же, ф. ВУА, д. 8799, л. 87—89.

¹⁹³ АВПР, ф. ГА, 1—9, 1815 г., д. 1, л. 576.

¹⁹⁴ ЦГВИА, ф. Молдавской армии, оп. 243, д. 76, л. 18.

Болгарскую буржуазию конституция Сербии привлекала консерватизмом и ограниченностью. С одной стороны, конституция 1838 г. полностью игнорировала представительный орган — народную скупщину. Болгарскую буржуазию, отрицательно относившуюся к революциям 1848 г. в Европе, это вполне устраивало. С другой стороны, ей импонировало то обстоятельство, что власть наследственного князя как главы государства была ограничена советом из 17 членов — представителей крупных земельных собственников и верхушки купечества Сербии¹⁹⁵. Следовательно, болгарская торговая буржуазия обеспечила бы за собой полное политическое господство в Болгарии. Если к этому добавить еще портфели министров центрального правительства: премьер-министра и министров внутренних дел, финансов и правосудия (как это было в Сербии), которые взяла бы в свои руки болгарская буржуазия, то картина ее политических стремлений станет полной. К тому же конституция Сербии 1838 г. была санкционирована в свое время Россией¹⁹⁶, а это немаловажный фактор в политических замыслах болгарской буржуазии, возлагавшей все свои надежды на Россию.

В условиях того времени требование национальной и политической системы типа Сербии было в целом прогрессивным. Болгария была ограждена от произвола турецких пашей. При всей ограниченности национальных и политических чаяний болгарской буржуазии, осуществление их способствовало бы капиталистическому развитию Болгарии, ускорило бы процесс консолидации болгарской нации.

Итак, мы можем говорить об идентичности взглядов болгарской буржуазной эмиграции в России, Молдавии и Валахии; борьба, если это можно назвать борьбой, шла между ними только по вопросу о влиянии на освободительное движение, за руководящее положение в будущих государственных органах Болгарии.

Болгарская буржуазная эмиграция в России, используя выгодное положение при главной квартире, развивала бурную деятельность, стремясь обеспечить свое руководство во временных, переходных органах освобождаемой Болгарии, о назначении, функциях и составе которых подробно писал в апрельских записках Н. Х. Палаузов. «Недостаточно только освободиться от турок, — замечал он. — Необходимо при самом освобождении положить начало новому порядку». Во всех его проектах немало слов о «народном благополучии», о «самостоятельности» и т. п.¹⁹⁷ Однако при тщательном рассмотрении мы увидим, что за этими словами кроется буржуазный либерализм и желание буржуазии обеспечить через временные органы управления свое господство в будущей автономной Болгарии.

Выше уже говорилось, что в качестве временного органа намечалось учредить при главной квартире русской армии «болгарскую канцелярию», или «комитет болгарский»¹⁹⁸. Болгарские деятели мечтали о довольно широких функциях комитета. Не раз повторяется пожелание, чтобы он занимался «всеми делами болгар». Деятельность комитета предполагалось направлять не только по линии руководства вооруженной борьбой болгарского народа, организации всесторонней помощи русской армии¹⁹⁹,

¹⁹⁵ «История Югославии», т. I. М., 1963, стр. 336.

¹⁹⁶ Там же, стр. 337. «Устав Княжества Сербского», см. в кн.: Л. Рапке. История Сербии. М., 1876, приложения, стр. 440—452.

¹⁹⁷ ЦГВИА, ф. Молдавской армии, оп. 243, д. 76, л. 14.

¹⁹⁸ Кандидатами в канцелярию, или комитет, рекомендовались Н. Геров, С. Изворский, Д. Мутьев, С. Радулов, К. Попович. В руководители болгарской канцелярии, естественно, претендовал сам Н. Х. Палаузов, который к этому времени уже состоял при главнокомандующем чиновником «по делам болгар».

¹⁹⁹ ЦГВИА, ф. Молдавской армии, оп. 243, св. 26, д. 76, л. 19. В этой же записке сказано: «Стараться всеми средствами сближать болгар с русскими» (л. 15).

но и по пути утверждения местного самоуправления, местных органов власти (говоря словами записки, «завести необходимый порядок в своем отечестве, по мере продвижения войск»²⁰⁰).

Болгарская буржуазия считала, что оставить старый порядок, который существовал при турецком управлении, невозможно. Поэтому нужно было создавать «по мере возможности» новые местные органы, формирование которых поручалось «благонамеренным болгарам», главным образом воспитывавшимся в России. Не отрицалась возможность использования в аппарате «местных», но «благонамеренных жителей»²⁰¹. Болгарская буржуазная эмиграция в России стремилась, с одной стороны, обеспечить за собой руководящую роль и в местных органах самоуправления, с другой, — она старалась предотвратить стихийное, по инициативе народа, возникновение органов власти на местах.

Новые местные органы самоуправления в городах (магистраты) и в селах (приказы) предлагалось создать на демократической основе, путем выборов, но опять-таки «из достойных и благонамеренных людей». Эти органы, по мысли одесской эмиграции, должны обсуждать и решать «все общественные дела», в том числе вести экономическую статистику, статистику населения, собирать налоги, обеспечивать общественный порядок, для несения полицейской службы выделять часть волонтеров, обеспечивать связь и заниматься даже судебными делами.

Болгарская буржуазия не отменяла все из старого аппарата, сложившегося в Болгарии при турецком господстве. Она исходила из того, что «вообще управление делами общественными в Турции можно назвать смесью двух начал — турецкого и болгарского»²⁰². Болгарским «началом» она считала, например, институт старшин, чорбаджийство. Отсюда предлагалось сохранить старшин, уточнив их обязанности в новых условиях, поскольку в освобождаемых районах Болгарии «по самому ходу дел правительства турецкого уже нет». Использование старого аппарата также гарантировало от всяких самочинных действий на местах.

Когда в записках Н. Х. Палаузова речь шла о том, что сохранение старого порядка, существовавшего при господстве турок, невозможно, то этим выражалась необходимость не только политических, но и социально-экономических перемен в Болгарии. И Одесская буржуазная эмиграция требовала «изменить прежние стеснительные меры на новые, облегчающие и способствующие народной производительности»²⁰³. Иначе говоря, расчистить дорогу для развития капитализма в Болгарии.

Выдвигалось требование о коренном пересмотре налоговой системы, существовавшей в Болгарии в условиях военно-феодального Турецкого государства. Предлагалось отменить всю систему налогов, «шедших в пользу султана и его чиновников». Это требование было центральным в программе действия болгарской буржуазии. Оно отражало интересы подавляющего большинства народа, находящегося под тяжким экономическим гнетом военно-феодального государства. Но из этого не следует, что болгарская буржуазия ратовала вообще за отмену налогов в освобожденной Болгарии. Известно, что ни одно буржуазное государство не может обойтись без системы налогов. В Болгарии, рассуждала буржуазия, «при водворении нового порядка» должна быть введена «постоянная подать», размеры которой будут определяться необходимостью покрытия «общественных расходов». А чтобы в будущем не было «ропота», необходимо в освобождаемых районах Болгарии уже «в настоящее время, на первый раз, назначить небольшую, временную, в каком бы то ни было

²⁰⁰ Там же, л. 14.

²⁰¹ Там же, ф. ВУА, д. 8799, л. 84.

²⁰² Там же, ф. Молдавской армии, оп. 243, д. 76, л. 12.

²⁰³ Там же, ф. ВУА, д. 8799, л. 89.

виде, подать, предоставив льготу тем, которые действительно пострадали от турок»²⁰⁴.

Что касается других экономических запросов, то они выражены в записках только как проблемы, требующие изучения. Среди таких проблем — судьба движимого и недвижимого имущества бежавших богатых турок. «Необходимо определить, что с ним делать, — оставить ли их неприкосновенными, или обратиться на вознаграждение пострадавших болгар», — говорилось в записках²⁰⁵. Речь шла главным образом о собственности турецкой буржуазии болгарских городов. А как быть с феодальной собственностью турецких помещиков в деревне? Такого вопроса болгарская буржуазия не ставила. Аграрные отношения в болгарской деревне, отношения болгарского крестьянина и турецкого помещика остались вне ее поля зрения. В качестве пожелания рекомендовалось оказать пострадавшим и пугающимся крестьянам помощь в покупке скота, семян путем выделения небольших денежных ссуд, что должно было бы произвести «самое благоприятное [...] влияние на народ болгарский» со стороны России²⁰⁶.

Таковы были программные предложения болгарских деятелей в Одессе, с которыми они прибыли в русскую главную квартиру, надеясь найти там поддержку и стать во главе политической жизни Болгарии.

* * *

Бурную деятельность развила буржуазная болгарская эмиграция в придунайских княжествах, в Молдавии и Валахии. Во всех крупных городах Румынии — Бухаресте, Крайово, Браилове, Галаце — образовались довольно сильные торговые болгарские колонии, почти вся экспортная и импортная торговля Болгарии через Дунайские города к середине XIX в. перешла в руки болгарских купцов. Особенно выделялась экономическими возможностями торговая фирма братьев Христо и Евлогия Георгиевых. По данным проф. Х. Гандева, торговый дом братьев имел филиалы по закупке продуктов сельского хозяйства почти по всей Болгарии от Карлово за Балканами до румынских городов. Фирма в 1846 г. уже имела капитал в 483 тыс. гроша²⁰⁷.

Естественно, болгарская торговая буржуазия в Румынии всеми своими экономическими корнями была связана с внутренним болгарским рынком. Поэтому она также была заинтересована в некоторой ломке военно-феодальных отношений. Вот те побуждающие причины, которые привели в движение болгарскую буржуазную эмиграцию, находившуюся в Румынии.

Политическое движение болгар в Румынии периода Крымской войны нашло отражение в довольно обширной литературе²⁰⁸. Тем не менее остается еще много вопросов, не выясненных с их фактической стороны и особенно с точки зрения анализа социально-экономического содержания движения, его классовых сил, политических устремлений.

²⁰⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8799, л. 84.

²⁰⁵ Там же, л. 83.

²⁰⁶ Там же, л. 88.

²⁰⁷ Цит. по кн.: Жак Натап. История экономического развития Болгарии, стр. 155—156.

²⁰⁸ Мпх. Димитров. Комитетът на «Старите» — Добродетелната дружина. В кн.: «България 1000 години». София, 1930, стр. 737—750; С. Никитин. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны. «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 15; Д. Косев. Отражението на Кримската война (1853—1856 г.) в България. «Исторически преглед», т. III, 1946—1947, кн. 2, стр. 189; В. Берон. Археологически и исторически изследвания. Тырново, 1886, стр. 230—233; Цветан Кристанов, Стоян Маслев, Иван Пенаков. Д-р Иван Селемписки. София, 1962, стр. 196—210.

Первыми на события откликнулись болгары колонии в г. Браилове, которые 17 августа 1853 г. обратились с прошением на имя Николая I ²⁰⁹. Прошение хотя и вышло из Браилова, но практически выражало политические и социально-экономические взгляды всей ведущей болгарской буржуазной верхушки в княжествах. Подписали документ видные болгарские купцы: Евлогий Георгиев, М. Попович, А. Канович, Мих. Аврамович и Ат. Аврамович. Среди подписавших были известный общественный деятель доктор Ив. Селиминский и деятель национально-освободительного движения архимандрит Максим Райкович.

О социальном составе подписавших М. Д. Горчаков в депеше к К. В. Нессельроде 4 октября 1853 г. сообщал: «Я запросил некоторые сведения о лицах, подписавших прошение, и мне сообщили [...], что по своему социальному положению это люди материально обеспеченные» ²¹⁰. Н. Х. Палаузов уточняет, что это «почетные болгары [...] ведущие значительную торговлю с Турцией, княжествами, Австрией и Россией» ²¹¹.

С. А. Никитин правильно подметил, что Евлогий Георгиев, этот крупнейший в то время торговец, как бы является связующим звеном между инициаторами прошения и политической буржуазной группировкой в Бухаресте, где активную деятельность развивал его брат, Христо Георгиев ²¹². Евлогий Георгиев был деятелем, который связывал инициативную группу в княжествах и с руководителями болгарской буржуазной эмиграции в Одессе. Между Е. Георгиевым и Н. Х. Палаузовым шла усиленная переписка о совместной политической деятельности ²¹³.

Прошение болгарской группировки в княжествах по содержанию очень близко взглядам одесской группировки, и это не удивительно, ибо их объединяет классовое родство. Основным в послании является указание на отсутствие в Турции обеспеченности безопасности личности купца и его собственности: «До сего дня жизнь паша, собственность, благосостояние, честь жен и дочерей наших зависят от последнего турка». Далее следует описание убийств, разгула, кровавого террора.

В прошении ярко показана эксплуататорская сущность турецкого военно-феодального государства, его экономический гнет, затрагивавший все слои населения. «Все новые законы султана о податях имеют одну только цель — увеличить количество их. Мы, как невольники, работаем и работаем для одного султана и его чиновников». Особо подчеркивается наличие таможенных перегородок, мешающих образованию общенационального рынка: «Может ли у нас развиваться торговля, когда не только вывозимые за границу, но и привозимые на некоторые ярмарки туземные произведения обложены тяжелой пошлинной?» Как и в записках Н. Х. Палаузова, в прошении дан перечень всех налогов, повинностей, выполняемых болгарским крестьянством в пользу турецкого государства. Далее говорится о том, что тяжесть налогов усиливается откупной системой. Это единственный вопрос, в котором частично нашли отражение интересы крестьянства и других слоев трудящихся, испытывавших экономический гнет турецкого феодального государства.

В послании обращается внимание на гнет греческого духовенства, рассказывается, как турецкое правительство и высшее греческое духовенство единым фронтом угнетают болгарский народ. Об этом писал ранее и Н. Х. Палаузов.

²⁰⁹ Прошение опубликовано в кн.: «Положението на българския народ под турско рабство Документи и материали». София, 1953, стр. 225—229. Подлинник хранится в АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 175; копия — в ЦГАОР СССР, ф. 672п (Николай I), оп. 1, д. 204.

²¹⁰ АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 175, л. 59.

²¹¹ Там же, ф. Славянского стола, д. 9583, л. 10.

²¹² С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 15.

²¹³ Ив. Кристапов, Ив. Пенаков, Ст. Маслев. Указ. соч., стр. 190—191.

Политические идеалы болгарской буржуазии, папешные отражение в прошении, не выходят за рамки пожелания национальной автономии Болгарии: «Подобно единоверным братьям нашим сербам и молдовалахам, если не вполне, то, по крайней мере, в некоторой степени, иметь свое народное управление. Не ищем мы отделиться от султана, не желаем противиться ему, но как испытали, что его добрые постановления до нас не достигают, ибо нет добрых исполнителей воли его, просим под его надзором иметь представителей своих от народа, которые радели о нас и поклись бы о нуждах наших»²¹⁴.

Как отличается постановка политической проблемы освобождения Болгарии болгарской буржуазией в княжествах от постановки ее Г. С. Раковским! Г. С. Раковский предполагает ликвидировать гнет Турецкого государства, здесь же все зло видят не столько в верховной власти Турции, сколько в исполнителях законов. Взгляды, изложенные в этом прошении, куда консервативнее взглядов даже одесской группировки.

Особенно разительна постановка вопроса о методе завоевания национальной автономии, о роли народа в решении этой задачи. Если Г. С. Раковский ратует за народное восстание, то болгарские буржуазные деятели в княжествах ни слова не говорят об этом. И то, что не сказали они сами, сказали за них командующий русской армией М. Д. Горчаков, сообщив К. В. Нессельроде, что буржуазные руководители уже несколько лет записываются «составлением проектов относительно будущего Болгарии, не выдвигая идеи восстания против Турции»²¹⁵.

Что члены этой группировки боялись народного восстания, свидетельствует отношение одного из ее главных деятелей, Ив. Селиминского, к революции 1848 г., к возможному участию в ней болгарского народа. В записке на имя К. В. Нессельроде (от 18 февраля 1856 г.) он сообщал, что в 1848 г., когда вспыхнула революция в Бухаресте, он «всеми силами старался, дабы народ болгарский не принял участие в таком безумном деле»²¹⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что по своему отношению к власти турецкого султана и по методу получения национальной автономии руководители болгарской буржуазии в княжествах полагались в решении этой проблемы главным образом на правительство России.

Вступление русской армии в княжества всколыхнуло и низы болгарской эмиграции, народные трудящиеся массы. Перед буржуазными политическими деятелями встал вопрос о руководстве этим движением, об организации болгарской буржуазии. Очень интересна в этом смысле одна деталь из воспоминаний Дмитрия Ценовича, прибывшего в начале 1854 г. из Свиштова в Бухарест. Он сообщает, что молодежь в Валахии находилась тогда под сильным влиянием Г. С. Раковского, пропаганда идей которого дошла и до Бухареста²¹⁷. Здесь, в Бухаресте, в начале 1854 г. с согласия русского командования возникло «Настоятельство», или «Эпитропия». Однако эта организация была распущена, и было создано «Болгарское центральное попечительство»²¹⁸.

Обращение «Попечительства» к М. Д. Горчакову от 14 апреля 1854 г. дает возможность уточнить состав и цели этого объединения. Подписавшие текст называют созданную организацию «Болгарским центральным

²¹⁴ «Положението на българския народ под турско рабство. Документи и материали», стр. 227.

²¹⁵ С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 15. Подлинник денешни М. Д. Горчакова К. В. Нессельроде от 19 октября 1853 г. хранится в АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 175, л. 59.

²¹⁶ АВПР, ф. ГА, 1—9, 1853 г., д. 11, лл. 261—262.

²¹⁷ Георги п. Христов. Указ. соч., стр. 288.

²¹⁸ М. Димитров. Указ. соч., стр. 746; Д. Косев. Новая история Болгарии, стр. 217.

комитетом». Членами его были: К. Чокап, Хр. Мустаков, А. Хаджи, П. Д. Протич, Христо Георгиев, Г. Атанасович, Ив. Бакал-оглу²¹⁹. Всеми делами комитета руководили К. Чокап (председатель) и Христо Георгиев (секретарь-казначей), оба — представители богатейших слоев болгарской торговой буржуазии.

В обращении комитета указывалось, что он учрежден для сбора добровольных приношений в пользу «страждущих болгар за Дунаем», для содействия в формировании отрядов волонтеров. В обращении говорилось: «Народ болгарский в злополучной своей участи возлагает все свои надежды на милосердие русского царя».

Комитету было суждено сыграть огромную роль в формировании болгарских волонтеров, для чего были созданы бюро по всем крупным городам Молдавии и Валахии, и во главе этих бюро (их называли и комитетами) всюду стояли представители торговой буржуазии. Практически от Центрального комитета деятельностью провинциальных комитетов по набору добровольцев руководил Ив. Селиминский, а формированием занимался А. Хаджи как военный специалист.

Напрашивается вопрос: существовала ли какая-либо организационная связь между всеми возникшими как внутри Болгарии, так и за ее пределами политическими организациями, какая-либо попытка координации планов и т. д. Ответить на этот вопрос пока еще не представляется возможным из-за отсутствия данных, материалов и документов.

* * *

Остановимся еще на одном проекте тех буржуазных кругов, которые особенно были напуганы революцией 1848—1849 гг. и желали, чтобы Болгария непременно была монархической во главе с «диктатором». Политические взгляды этих буржуазных кругов нашли отражение в двух записках Ивана Добровски (Добрович), основателя первого болгарского заграничного журнала «Мировоззрение», издававшегося им в Вене в 1850—1851 гг.²²⁰

В ноябре 1852 г. И. Добрович прибыл в Россию, где установил связь со славянофильскими кругами. В III отделении за ним было установлено наблюдение, итогом которого было заключение: «он ведет себя хорошо и скромно»²²¹. Через III отделение И. Добрович направил на имя Николая I две объемистые записки на греческом языке. Они были переведены на русский язык и по распоряжению царя направлены в МИД²²².

Если освободить записки Добровича от многословия, витиеватых выражений, всяческих исторических, философских экскурсов, рассуждений о религии, то его политический идеал Болгарии будущего предстанет перед нами в виде автономного, в рамках Османской империи, княжества Болгарии во главе с «диктатором». При этом И. Добрович в свою политическую схему пытается втиснуть и идею югославянского единения, и разрешение Восточного вопроса в пользу России. Отражая взгляды части болгарской буржуазии, боявшейся революционных потрясений, И. Добрович выступает за освобождение Болгарии «без смут, опасностей и без страшных переворотов». Освобождение представляется ему как результат «присутствия» русских войск. Автор отводит болгарам «роль деятельную», но «рассудительную» — в смысле недопущения революционной инициативы, предотвращения стихийного выступления народных масс.

²¹⁹ ЦГВИА, ф. 14013, оп. 1, д. 25, л. 9.

²²⁰ О политической направленности журнала и его содержании см.: Дм. Мишев. Выразители через печата. В кн.: «България 1000 години», стр. 648—652.

²²¹ АВПР, ф. ГА, 1—9, 1815 г., д. 1, л. 328—329.

²²² Мы в дальнейшем ссылаемся на записки, переведенные на русский язык. Записки датированы: первая — 27 июля 1853 г., вторая — 8 декабря 1853 г.

Военная сторона плана включала комбинацию двух сил: русской армии и вооруженной борьбы болгарского народа. Русская армия, по мнению И. Добровича, должна была вести действия на Балканском полуострове в двух районах. Основные части переправляются через Дунай и ведут наступление в направлении на юг, к Балканам. Переправе войск через Дунай должен предшествовать сильный, хорошо вооруженный морской десант за Балканами, в Месемврии (современный Несебыр), или в Бургасе, или Анхиадо (современный Поморие). Высадка войск должна производиться по возможности неожиданно, внезапно, быстро, так, чтобы корабли, производившие высадку, могли удалиться до подхода трех флотов: английского, французского, турецкого. Высадившиеся войска создают укрепления у подножия гор, занимают горные проходы и устанавливают связь с основными силами армии, которая к тому времени должна переправиться через Дунай.

В то же время повсюду происходит вооружение болгар. «Пусть устраиваются политически, но преимущественно и собственно на военную ногу», — говорит автор²²³. Однако Россия не должна оставаться равнодушной, она должна негласно направлять политическую военную организацию Болгарии. Россия поддерживает Болгарию в финансовом отношении и представляет болгарам военные средства. И. Добрович не без основания считал, что в течение шести месяцев пребывания русских войск на территории Болгарии к ним может присоединиться не менее пятидесяти тысяч отборного болгарского войска, хорошо обученного, преданного России²²⁴. А если расширится театр войны, то произойдет подобная политическая и военная организация и у других христианских народов. У болгар, продолжает И. Добрович, нет недостатка в военной храбрости, но они должны быть хорошо обучены ратному делу, накопить опыт, а затем уже идти в бой там, «где есть вероятность в успехе»²²⁵.

И. Добрович подробно говорит о настоящей и будущей политической организации Болгарии. На освобожденной территории образуется некоторого рода временное правительство во главе с «диктатором», который подбирается с учетом пожеланий России, он должен опираться на ее поддержку. Диктатор по национальности должен быть болгарин, а по социальному происхождению находиться «в родстве с знатнейшими лицами того места», где будет положено начало политической организации Болгарии. Глава временного правительства занимает «диктаторское место в отношении к народу»²²⁶. Власть временного правительства постепенно распространяется на все вновь освобождаемые районы. Таким образом, отражая политические взгляды определенных болгарских кругов, И. Добрович в своей схеме стремится обеспечить господство болгарской буржуазии; народу отводится только место подчиненное. В силу отсутствия у болгарской буржуазии политического опыта в установлении государственности, И. Добрович все свои надежды возлагает на помощь русского паризма.

Сам аппарат временного правительства, его органы формируются из русских чиновников, назначаемых российским правительством. И. Добрович называет подобный аппарат «тайной полицией», в действительности это не что иное, как временное русское гражданское управление, которое должно было подготовить Болгарию к автономному управлению. И. Добрович считает, что в Болгарии людей, способных к государственной деятельности, еще нет. Поэтому тайная полиция обеспечивает временному правительству безопасность и упрочение. Вместе с тем она изучает «образ мыслей тех людей, кои могут быть полезны правительству

²²³ АВПР, ф. ГА, 1—9, 1815—1873 г., д. 1, л. 373.

²²⁴ Там же, л. 374.

²²⁵ Там же, л. 386.

²²⁶ Там же, л. 376.

как по военной, так и по гражданской части»; постепенно аппарат временного правительства заполняется лицами болгарского происхождения, также испуко отобранными русскими чиновниками.

Будущее национальное и политическое положение Болгарии, по мнению И. Добровича, зависело от решения Восточного вопроса в целом, от конечных результатов войны. Два возможных исхода войны рассматриваются в записке. В первом случае русские войска при вторжении в Европейскую Турцию овладевают ею, завоевывают ее «раз навсегда», и «ничего не могло бы быть лучше для христианских жителей этой части Турции»²²⁷. Но такой исход, считает И. Добрович, в современных междонародных условиях не выгодеп для России, ибо Турция неизбежно была бы раздроблена соперничающими европейскими державами.

Россия, по мнению автора, должна придерживаться «умеренной политики», провозглашенной ею в официальных документах в пачаде Восточного кризиса. Россия должна добиться выполнения Турцией прежних договоров, добиться для Болгарии национальной автономии, подобной Валахии или Сербии, чтобы «Болгария могла бы остаться вне зависимости от прав и требований других держав, за исключением России». Но положение болгар должно стать «публично и хорошо известным в Европе»²²⁸.

В записке И. Добровича нет требований социально-экономического характера. Здесь мы не находим ни отражения интересов болгарского крестьянства, ни даже открыто выраженных интересов болгарской буржуазии, что присутствует в документах других группировок болгарской буржуазии. Вероятно, разрешение экономических интересов буржуазии и главного из них — завоевания национального рынка — автор видит в получении буржуазией политического господства в Болгарии, в условиях национальной автономии. Поэтому автор уделил много внимания будущему политическому облику Болгарии. В политическом отношении необходимо, по мнению И. Добровича, чтобы болгары имели «собственное их правительство», подобно валахскому или, по крайней мере, «подобно сербскому», чтобы это было «Болгарское княжество». Таким образом, по его мнению, временное правительство во главе «с диктатором» должно приобрести постоянный статут. Идеалом будущей политической системы И. Добровича является власть монархического типа. Для обоснования своей идеи он ссылается на опыт русского монархизма, без которого якобы «бог знает в каком положении была бы ныне державная и славная Россия»²²⁹. Для славян вообще и болгар в частности не наступила еще пора понимания других политических систем, кроме монархии. Конкретным идеалом политического деятеля для И. Добровича является И. Елачич, бан (наместник) Хорватии; о его «личных достоинствах» И. Добрович тепло отзывался²³⁰ и превозносит «отменный его славянский патриотизм»²³¹.

Одним из центральных в записке является вопрос о взаимоотношениях России с Болгарией в условиях национальной автономии последней в рамках Оттоманской империи. И. Добрович предполагал, что отношения должны строиться на основе политического и военного покровительства России, которое обеспечивало бы Болгарии подлинно национальную автономию, ограждало бы ее территорию от вторжения турецких войск и лишало бы Турцию права содержать свои гарнизоны в крепостях, расположенных на территории Болгарии. Для обеспечения действительного покровительства в трактате с Турцией должно быть закреп-

²²⁷ Там же, л. 377.

²²⁸ Там же, л. 394.

²²⁹ Там же, л. 381.

²³⁰ Там же, л. 390.

²³¹ Там же, л. 413.

лено право России вводить свои войска в Болгарию «в некоторых определенных обстоятельствах» без объявления войны, как это было обусловлено в свое время для Валахии и Молдавии.

Вместе с тем, продолжает И. Добрович, Россия может осуществить свои интересы на Балканском полуострове и Средиземном море «через Болгарию и болгар». Подобная инициатива будет, по мнению автора записки, исходить от самих болгар, а Россия должна проводить политику «равнодушную к собственной пользе», обеспечивая свои интересы на Балканах через посредство болгар. Для этого Россия помогает болгарам в организации их военных сил так, чтобы они могли продолжить свое время и сами противостоять туркам в случае их нападения.

Наконец, И. Добрович предлагает, чтобы главой болгар стал такой человек, который признавал бы за императором российским титул царя Болгарии.

Вместе с созданием организаций политической и военной Россия должна упрочить и свое моральное влияние на болгарский народ. И. Добрович рекомендует послать в Болгарию, во временное административное управление, археологов, историков, филологов и т. п., которые должны внушить болгарам, что Россия питает к ним живое сочувствие и считает священной обязанностью заняться освобождением и благосостоянием Болгарии, что Россия не имеет в виду завоевание Болгарии ²³².

* * *

Подводя итоги политическим событиям в жизни Болгарии рассматриваемого периода, мы можем сказать, что это было буржуазное национальное движение, руководящей силой которого выступала торгово-промышленная буржуазия.

В этом движении определились две линии — революционная и либеральная. Первая представлена Г. С. Раковским; он не только выдвинул идею освобождения болгарского народа при помощи вооруженного восстания, но и готовил восстание. Г. С. Раковский заложил тогда основы своих военных взглядов, которые были составной частью его революционной идеологии. Для осуществления своих замыслов Г. С. Раковский сделал попытку создать революционную политическую организацию в общенациональном масштабе. Главное, в чем заключается революционная сущность линии Г. С. Раковского, — непримиримое отношение к турецкому деспотическому феодальному государству.

Вторая линия представлена деятелями болгарской буржуазной эмиграции в Одессе, Бухаресте, Константинополе. Они боялись революционного национально-освободительного движения внутри Болгарии, опасаясь его народного характера. Все надежды эта часть буржуазии возлагала на Россию, не допуская и мысли о самостоятельном народном выступлении, ограничивая выступления народных масс участием в волонтерских батальонах в рядах русской армии.

По экономическому и классовому содержанию это было народное, общенациональное, т. е. буржуазно-демократическое, движение. Буржуазно-демократическое содержание определялось задачами, которые выдвигались перед движением, и прежде всего требованием ломки всех препятствий, мешавших образованию общенационального рынка.

Общедемократический характер движения как бы подчеркивается единодушным требованием уничтожения экономического гнета деспотического феодального государства, затрагивавшего экономические интересы

²³² «Россия представит болгарам устроиться самим и иметь собственное свое правительство, свой язык, свои законы, т. п., вовсе не помышляя присвоить Болгарию к своим владениям», — пишет И. Добрович.

широких народных масс, национальной буржуазии, ремесленников, крестьянства, интеллигенции, национального духовенства.

Слабой стороной всех групп буржуазии, претендовавших на руководство движением, являлось отсутствие открытой постановки вопроса о земле, об аграрных требованиях болгарского крестьянства, об освобождении крестьян от гнета турецких помещиков. Слабость программных требований буржуазии особенно становится очевидной при рассмотрении аграрных отношений в Болгарии, где главную движущую силу движения составляли крестьяне, боровшиеся за землю.

Политическим идеалом всех групп буржуазии являлась национальная автономия типа Сербии или Валахии и Молдавии. Требование национальной автономии в тех исторических условиях было несомненно прогрессивным.

В. П. Грачев

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИНСТИТУТОВ
(вопрос о жупах и жупанах в историографии)**

Неразработанность вопроса о жупах и жупанах в марксистской историографии осложняет рассмотрение истории развития этой темы и вынуждает нас сделать несколько предварительных замечаний о специфике употребления терминов «жупа» и «жупан» в источниках.

Сохранившийся материал показывает, что на протяжении с VIII по XV в. (а в отдельных случаях и до XIX в.) все южные и западные славяне, а также некоторые соседние с ними неславянские народы (венгры и валахи) довольно широко пользовались терминами «жупа» и «жупан», обозначая ими, как правило, институты и категории, относящиеся к сфере административного управления. Но, оставаясь в рамках указанной сферы, эти институты и категории у разных народов и в разное время существенным образом различались между собой. Более того, в отдельных случаях некоторые из этих институтов даже выходили за рамки сферы административного управления. Раньше всего термины «жупа» и «жупан» зафиксированы в источниках, относящихся к истории южных славян: у словенцев (777 г.), у болгар (IX в.), у хорватов (IX в.) и у сербов (X в.). В источниках, относящихся к истории западных славян, они впервые появляются только в XII в., причем как в первом, так и во втором случаях термин «жупа» фиксируется источниками значительно позднее термина «жупан». Например, у хорватов он впервые фиксируется в X в., у сербов в XII в., у поляков в XIII в. и у чехов только в XIV в. У болгар и прибалтийских славян он не фиксируется вообще. К тому же следует учитывать и тот факт, что происхождение как самих терминов «жупа» и «жупан», так и обозначаемых ими институтов до сих пор остается неразрешенной лингвистической и исторической задачей.

Таким образом, специфика употребления терминов «жупа» и «жупан» в источниках, которая выразилась в отсутствии исходных данных о происхождении терминов и обозначаемых ими понятий, в отсутствии свидетельств о первоначальных формах организации этих институтов, в крайне скудном отражении процесса их дальнейшей эволюции, в многозначности понятий и в то же время в наличии определенной взаимосвязи между интересующими нас терминами, — все это вместе взятое существенным образом осложняло объективную разработку данных вопросов на материале источников.

Попытки осмыслить значение терминов «жуна» и «жупан» делались еще средневековыми авторами XVII в. Но поскольку они также не располагали достаточно ясными свидетельствами источников, то пытались найти их значение в современной им действительности. Например, М. Орбини (1601 г.) называл жупанов «полковниками», или «континьями», а Ив. Лучич (1666 г.) жупу средневековых источников прямо связывал с современным ему венгерским комитатом. Основоположник сербской историографии Йован Раич (конец XVIII—начало XIX в.), идя по пути Ив. Лучича, считал, что средневековая жупа у южных славян означала то же самое, что «ныне комитат, а поэтому жупан будет то же самое, что называют венгры феуиспан или по-латыни комес». Согласно его представлениям, «такие чины и достоинства в сербской земле до Немани бывали»¹. Несмотря на то, что у средневековых авторов не было достаточно ясного представления ни о действительной структуре средневековых жуп, ни о характере жупанской власти, тем не менее уже в их работах при определении этапов развития государственности, оформление которой они ставили в зависимость от принятия королевского титула, намечается тенденция выделять так называемый «жупанийский» период, который, по их мнению, предшествовал так называемому королевскому периоду. Развивая это представление дальше, Й. Раич свою периодизацию государственного развития средневековой Сербии строил по такому же принципу. Например, он считал, что до прихода к власти Ст. Немани (конец XII в.) в Сербии был «жупанийский» период, за жупанами следовали короли, а после них — императоры².

Для славистов начала 30-х годов XIX в. интересующий нас вопрос также оставался совершенно неясным, о чем свидетельствует попытка Ю. И. Венелина ошибочно использовать термины «жуна» и «жупан» для объяснения этимологии названия области Паннония³.

Начало систематической разработки вопроса о жунах и жупанах с привлечением материала источников, объясняемого с позиций господствовавших философских и общетеоретических представлений о путях развития человеческого общества и государственности вообще и у славян в частности, относится ко второй половине 30-х—началу 40-х годов XIX в.

К этому времени соответствующие исторические концепции основных направлений и школ как в западноевропейской историографии, так и в русской исторической науке, как правило, строились на основе философской системы Гегеля. К истории славян, в частности к истории Руси, эта общая схема Гегеля, по всей вероятности, впервые была применена И. Эверсом уже в конце первого десятилетия XIX в.⁴

Применяя основные положения разработанной И. Эверсом схемы к периодизации исторического процесса у южных и западных славян, большая часть русских и зарубежных (из славянских стран) историков соответственно выделяли в развитии этих народов так называемую «первичную форму политического быта», которую они видели в «жупной» организации, и государственный период, под которым они подразумевали развитую государственную систему. В свою очередь в «первичной

¹ И. Раич. История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов, т. 2. Вена, 1794, стр. 295.

² Там же, стр. 295—296.

³ Ю. И. Венелин. Историко-критические изыскания, т. 2, М., 1841, стр. 14—18, 29.

⁴ Гегель. Философия права. Соч., т. VII. М.—Л., 1934; Он же. Философия истории. Соч., т. VIII. М.—Л., 1935; И. Ф. Г. Эверс. Древнейшее право в историческом его раскрытии. СПб., 1835.

Теоретическая сторона этого вопроса будет рассмотрена нами в особой статье.

форме политического быта» выделялись также два периода: период господства кровнородственных связей и период, соответствовавший, по формулировке Гегеля и Эверса, «гражданскому обществу». Придерживаясь положений, разработанных Эверсом, русские и зарубежные (из славянских стран) слависты, в отличие от немецкой историографии⁵, считали, что «жупная» организация у славян, как и любая другая «первичная форма политического быта» у западноевропейских народов, не могла служить препятствием для создания государств племенного типа. Поэтому представители наиболее раннего течения славянофилов в противовес немецкой историографии доказывали, что значительная часть славянских народов (в частности, сербы, хорваты и частично чехи) создали свои государства без всякой посторонней помощи уже в процессе поселения славян на Балканском полуострове. Отдельные историки находили даже определенную закономерность в развитии этих ранних государств, выделяя несколько последовательных этапов: так называемый жупанийский, княжеский или королевский и, в отдельных случаях, царский периоды. Однако тезис о создании государств в процессе заселения славянами Балканского полуострова удерживался в историографии сравнительно недолго.

Уже в конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. стало господствующим мнение, что в первое время все славяне разделялись на племена, а племенные государства у них возникли позднее, в разное время и самым различным путем. На разработке вопросов внутренней организации славян также отразилась определенная славянофильская тенденция, но наиболее рельефно она проявляется при характеристике «жупной» организации. С одной стороны, историки XIX в. из разных славянских стран, особенно чешские и русские, подчеркивали, что «жупная» организация у славян по своей внешней форме мало чем отличалась от германской марковой организации, что германская марка была тождественна славянской жупе. Но, с другой стороны, подавляющее большинство историков из славянских стран сосредоточило свои усилия на доказательстве того положения, что внутренняя организация славянских племен была совершенно одинаковой у всех славянских народов. Такая общность, с их точки зрения, якобы подтверждалась наличием у всех южных и западных славян единой «жупной» организации, которая удерживалась по меньшей мере до конца XIV в. Исчезновение этой формы политической организации, по мнению большинства славистов домарксистского периода, происходило постепенно путем ее вытеснения более совершенными государственными институтами, проникающими извне вместе с немецким или византийским правом и соответствующими церковными догмами.

* * *

Впервые с этих позиций вопрос о жупах и жупанах был поставлен во второй половине 30-х—начале 40-х годов XIX в. в чешской историографии, которая формировалась под влиянием двух видных славистов того периода — П. Й. Шафарика и Ф. Палацкого.

Теоретическое обоснование этого вопроса, очевидно, было сделано Ф. Палацким, а разработка методов исследования, судя по характеру работ, принадлежит П. Й. Шафарику. Во всяком случае несомненно то,

⁵ В немецкой историографии еще в XVIII в. господствовала точка зрения, что славянские народы в силу специфики их племенной организации, которой были свойственны демократические, а по определению немецких историков, анархические формы управления, без посторонней помощи соседних более развитых народов не могли создать государств. Более подробно этот вопрос рассмотрен в работе В. Т. Дитякина «Образование государства у хорватов» («Исторический журнал», 1944, № 10—11, стр. 71—83).

что оба исследователя руководствовались единой вновь созданной методикой исследования источников, которая затем прочно и надолго вошла в историографию, оставаясь руководством почти для всех исследователей вплоть до начала XX в.

Основу этой методики составляло отождествление понятий, обозначаемых разными терминами. Например, такие термины различных источников на латинском языке, как «*provincia*», «*regio*», «*pagus*», «*comitatus*» и другие, переводились термином «жупа», а их значения отождествлялись. Точно такой же прием использовался ими и при толковании терминов «*castellanus*», «*prefectus*», «*comes*» и других, которые приравнивались к славянскому термину «жупан»⁶. Поскольку все перечисленные выше термины в наиболее ранних источниках, написанных на латинском языке, встречались, как правило, у всех южных и западных славян, то из этого делался вывод, что жупная организация была известна всем упомянутым народам и что она фиксировалась уже самыми ранними источниками.

Не располагая более конкретным материалом для выяснения внутренней организации жуп на самом раннем их этапе, Ф. Палацкий, руководствуясь охарактеризованным выше методом анализа, считал возможным в своих целях привлечь материал сербских источников XIV в. и в первую очередь соответствующие статьи Законника Стефана Душана 1349—1354 гг. Полученные таким образом результаты Ф. Палацкий без особых оговорок перенес на характеристику чешских жуп VIII—X вв. На этом основании он пришел к заключению, что организация чешских жуп ничем не отличалась от структуры южнославянских (особенно сербских) жуп и что все славянские жупы были тождественны германской марке (*Markgenossenschaft*). Стремясь восстановить возможную перспективу эволюции жуп, он предполагал, что вначале они совпадали с территорией поселения отдельных родов, а позднее с расширением и распадом последних жупы превращались в территориальные единицы, потерявшие связь с племенной организацией. В соответствии с этой предпосылкой он считал, что окончательное число жуп зависело от количества городов, поскольку жупа не могла существовать без города, а город без жупы⁷. Поскольку территория жупы представляла собой коллективную собственность живущего на ней населения, то земля жупы, по мнению Ф. Палацкого, не могла отчуждаться в наследственную частную собственность (бащину), а передавалась главой государства лишь в условное держание. Несмотря на это, жупой управлял зависимый от центральной власти жупан, которого Ф. Палацкий отождествлял с комесом, префектом и кастеляном. Но в этой связи следует иметь в виду, что точка зрения Ф. Палацкого на жупу как на административную единицу не была постоянной и несколько раз менялась⁸.

Более развернутую и несколько иную реконструкцию «первичной формы политического быта» у южных и западных славян с позиций славянофильства попытался дать русский славист А. Ф. Гильфердинг⁹. Следуя примеру П. Й. Шафарика и Ф. Палацкого, А. Ф. Гильфердинг также отождествлял соответствующие термины латинских грамот с тер-

⁶ П. Й. Шафарик. Славянские древности, т. II, кн. 2. М., 1847, стр. 89, 96, 101, 208, 355, 356; т. II, кн. 3, стр. 271 и др.; F. Palacky. Dějiny národa českého v Čechách a v Moravě, t. 1. Praha, 1939, стр. 157, 495, 499 (первое издание вышло в 1848 г.).

⁷ F. Palacky. Указ. соч., стр. 570—571.

⁸ Подробно см.: А. Н. Ясинский. Падение земского строя в Чешском государстве. Юрьев, 1912, стр. 180 и др.

⁹ А. Ф. Гильфердинг. История балтийских славян. Собр. соч., т. 4. СПб., 1874.

минами «жу́па» и «жу́пан»¹⁰. Но в отличие от них он полагал, что каждое племя (в данном случае у прибалтийских славян) «подразделялось на волости (provinciae, radi, tegae), т. е. жупы: так, без сомнения, называли их балтийские славяне, подобно полякам, чехам, моравцам, словакам, хорватам, сербам и др.»¹¹. При этом интересно отметить, что А. Ф. Гильфердинг отчетливо сознавал, что в источниках по истории прибалтийских славян термин «жу́па» вообще никогда не встречается. Но по его глубокому убеждению деление на жупы у прибалтийских славян «несомненно утверждается производным жу́пан, которое сохранила нам одна Поморская грамота (ок. 1189 г.)»¹². Из этого следует, что вся система организации жуп и института жупанов у прибалтийских славян была воссоздана А. Ф. Гильфердингом на основании единственного, к тому же очень неопределенного факта.

Более обстоятельное знакомство с методикой доказательства А. Ф. Гильфердинга не оставляет никакого сомнения в том, что предложенная им схема организации жуп и института жупанов является надуманной конструкцией, которая построена не столько на анализе источников, сколько на основе общих представлений и ошибочных толкований средневековых терминов. Несмотря на это, схема А. Ф. Гильфердинга была признана почти всеми славистами того времени и стала руководством для последующих разработок.

По мнению А. Ф. Гильфердинга, в процессе переселения народов сербы и хорваты в отличие от других славянских народов двигались «стройною дружиною», а остальные славяне — «нестройными общинами». Поэтому при поселении на новом месте сербы и хорваты «тотчас же устроились государствами». Эти первоначальные политические образования, строго говоря, еще не были настоящими государствами, а имели характер государств так называемого «племенного типа», которые в «смягченном и малом виде» напоминали организацию средневековых государств Западной Европы. Из других славянских народов только чехи «наиболее приближались внутренним устройством к хорватам и сербам». Отдельные земли у сербов и хорватов состояли из волостей или жуп. Жупы были очень дробными, но каждая из них сохраняла внутреннюю самостоятельность и имела «природного правителя» — жупана. «Эти волости составляли союз (федерацию), и государь был общим главою союза: он носил титул великого жупана»¹³. У других славянских народов в начальный период не сложилось такой федерации. Каждый народ представлял собой одно племя, во главе которого стоял князь. Племя в свою очередь делилось на жупы. Жупы между собой связывались «не идеею внутреннего единства, а признанием общей княжеской власти». Органически связанная с племенным бытом такая организация жуп «требовала непременно обоих начал этого быта»: а) князя, в его старом значении, который связывал племя в единое целое, но еще не нес с собой идею государственного единства; б) общин, которые распоряжались самостоятельно «местными делами земли». Если власть князя брала верх над властью общин, то уничтожалась самостоятельность жуп. Если же «превозмогала община», то с упадком княжеской власти рушилась связь между жупами, и каждая жупа становилась «отдельным политическим телом», превращаясь в независимое племя¹⁴.

Следовательно, племя в понятии А. Ф. Гильфердинга являлось какой-то непостоянной и часто изменяющейся величиной: в одном случае оно

¹⁰ А. Ф. Гильфердинг. Собр. соч., т. 4, стр. 119—120.

¹¹ Там же, стр. 101.

¹² Там же.

¹³ А. Ф. Гильфердинг. История сербов и болгар, Собр. соч., т. 1. М., 1863, стр. 19.

¹⁴ А. Ф. Гильфердинг. Собр. соч., т. 4, стр. 108.

представляло собой весь народ, а в другом — отдельную жупу, которая время от времени превращалась в самостоятельное «политическое целое». Жупа при любых условиях оставалась неизменной основой всей организации, а жупан — наиболее устойчивой и постоянной фигурой административного управления, так как князь, по мнению А. Ф. Гильфердинга, не имел «в собственном смысле правительственной власти», поскольку каждая жупа управлялась особо, а дела всей земли, то есть совокупности жуп, решались на общем совете, где князь мог лишь предлагать свои решения, которые принимались только после общего согласия жупанов¹⁵. Жупан как бы являлся посредником между князем и населением жупы. С одной стороны, он был представителем населения жупы перед князем, а с другой, — представителем княжеской власти в своей жупе. Однако без совета с жупаном князь не мог принимать решения, касающиеся данной жупы. Таким образом, значение жупанов, по собственному признанию А. Ф. Гильфердинга, было «велико, но крайне неопределенно»¹⁶.

Такая гибкая и подвижная схема отвечала всем требованиям господствовавших в славянофильских кругах представлений, но ни в коей мере не согласовывалась с материалом источников и явно противоречила им.

Примечательно к условиям средневековой Сербии первая робкая попытка объяснить закономерности развития сербского общества в свете установившихся в тот период в исторической науке представлений была сделана в 60-х годах XIX в. первым сербским историком права Н. Крстичем¹⁷. Однако противоречивая трактовка вопроса и крайне слабая ее аргументация способствовали тому, что точка зрения Н. Крстича не нашла широкого признания в более поздней историографии.

Развивая заложенную Ф. Палацким идею, чешские историки 60—80-х годов несколько иначе, чем Ф. Палацкий, представляли процесс формирования жуп. Например, Г. Иречек считал, что в начальный период основной ячейкой у всех южных и западных славян был род. Территория рода могла называться жупой. Позднее роды, объединяясь в союзы, составляли племя. Территория племени тоже называлась жупой. Чешская историография жупу раннего периода (до X в.) характеризует очень неопределенно. Ее границы могли совпадать с границами одного села, где сидел род, позднее — с границами племени. Начиная с X в., жители родовых поселений стали расселяться по другим местам, и кровнородственные союзы были разрушены. В этот период, по всей вероятности, и стали формироваться новые территориальные области — жупы, которые уже не имели ничего общего с родо-племенной формой организации¹⁸.

Русский историк права Ф. Ф. Зигель оспаривал мнение тех чешских ученых, которые считали, что уже с древнейших времен Чехия представляла известное политическое единство, хотя и состоявшее из различных племен. В отличие от них Ф. Ф. Зигель утверждал, что древняя Чехия «не представляла никакого политического единства», что, поскольку отдельные племена были независимы друг от друга, они не могли представлять собой «народа в смысле известной народности». В то же время он полагал, что «жупная организация» в X в. еще не

¹⁵ А. Ф. Гильфердинг. Собр. соч., т. 4, стр. 121.

¹⁶ Там же, стр. 122.

¹⁷ Н. Крстић. Историја србског народа. Београд, 1863/64. Второе издание книги вышло в 1866 г.

¹⁸ Herm. Jireček. Slovanske pravo v Cechach a na Morave. Praha, 1863, стр. 63—69. Более подробную характеристику концепции Г. Иречека см.: Н. С. Державин. Славяне в древности. М., 1945, стр. 65—67. Но следует иметь в виду, что Н. С. Державин при этом допускает неточность, полагая, что Г. Иречек якобы не признавал деления на жупы.

могла быть полностью оторвана от племенной организации, она была необходимым «посредствующим звеном между полною самостоятельностью племен и между их слитием политическим в одно государство...». По мнению Ф. Ф. Зигеля, Чехия «жупного периода была некоторого рода федерацией под верховенством князя чешского племени»¹⁹.

Ф. Ф. Зигель считал, что жупан имел двойное значение: с одной стороны, он был представителем князя по отношению к области, а с другой, — политическим главою области в силу своего общественного значения среди областного населения независимо от княжеского назначения. Этот факт, по мнению Ф. Ф. Зигеля, является наилучшим подтверждением того, что «в чешской области [т. е. жупе. — В. Г.] мы видим видоизменение племенной жизни...»²⁰.

По схеме Ф. Ф. Зигеля, история Чехии до XIV в. разделяется на два периода: период безраздельного господства родо-племенных форм организации (до X в.) и «жупный период», являющийся, по его определению, «второй формой старого самоуправления», которая начала исчезать в XIII в. якобы под влиянием немецкого права, принесенного немецкими колонистами²¹.

Таким образом, уточняя точку зрения чешских историков, Ф. Ф. Зигель в основном следует схеме А. Ф. Гильфердинга, хотя и ее принимает с определенным ограничением, так как отказывается от положения о наплыве государства у чехов в момент их поселения.

Несоответствие гипотезы А. Ф. Гильфердинга материалу источников не могло остаться незамеченным и на примере истории южных славян. И. Н. Смирнов был вынужден отказаться от некоторых ее положений применительно к хорватским условиям IX—XI вв. Анализируя хорватский материал, И. Н. Смирнов совершенно справедливо отметил, что уже к IX в. хорватские жупаны утратили свою прежнюю самостоятельность и превратились в зависимых от центральной власти чиновников²². С другой стороны, он справедливо отмечал, что хорватский материал IX—XI вв. дает все основания говорить о наличии у хорватов государства. Не находя объяснений данным фактам на основе господствовавшей в славянофильских кругах теории, И. Н. Смирнов был вынужден обратиться к концепции немецкой историографии, которая объясняла причины возникновения государства у хорватов влиянием немецких порядков²³. И. Н. Смирнов прямо указывал: «Под влиянием государственных идей римско-германских значение жупана ослабло». Из независимого правителя жупан превратился в обычного королевского чиновника, который получал содержание от короля²⁴. Однако созданное Борной при поддержке немцев государство оказалось непрочным. После падения власти первых хорватских королей жупаны вновь стали самостоятельными и, не желая подчиняться друг другу, обратились к венграм с просьбой взять их под свое господство. После этого у хорватов вновь восторжествовала старая система управления²⁵.

¹⁹ Ф. Ф. Зигель. Исторический очерк местного земского самоуправления в Чехии и Польше. СПб., 1883, стр. 4.

²⁰ Там же, стр. 2—3.

²¹ Там же, стр. 1, 4—5.

²² И. Н. Смирнов. Очерк истории Хорватского государства до подчинения его угорской короне. Историческое исследование по источникам. Казань, 1879, стр. 101—102.

²³ Там же, стр. 106.

²⁴ Там же, стр. 101—102.

²⁵ «Разделенными на мелкие племена или роды, не сознававшими потребности политического единства, пришли хорваты на свои новые жилища; такими же оставались они и после пяти веков своего существования здесь. Жупа как в начале, так и в конце хорватской истории была высшей политической единицей, которая доступна была народному пониманию; государства народ не понимал» (там же, стр. 94).

Значительно дальше А. Ф. Гильфердинга и И. Н. Смирнова пошел Т. Д. Флоринский, хотя и он специально не занимался разработкой вопроса о жупах и жупанах. Т. Д. Флоринский пытался в самых общих чертах раскрыть свои представления о путях формирования государственности у южнославянских народов и наметить этапы эволюции в развитии жуп и института жупанов²⁶.

По мнению Т. Д. Флоринского, каждая область южнославянских племен представляла собой особое «жупанство», во главе которого стояли жупаны, принимавшие порой титулы князей и даже королей. Титул великого жупана мог передаваться жупану любой области. Говоря об этапах развития Сербского государства, он подчеркивал, что после создания сербского королевства в XIII в. во внутренней организации жуп не наблюдается существенных изменений вплоть до XIV в., когда в королевстве появляются зародыши «столь несвойственного духу славянских народов феодализма», который начал разрушать старые жупы²⁷. Термин «жупа» в XIV в., по мнению Т. Д. Флоринского, утратил понятие области значительных размеров и стал обозначать округ, состоящий из нескольких сел²⁸.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что наблюдения Т. Д. Флоринского о состоянии жуп в период XIV в. несравненно вернее отражают историческую действительность, чем его рассуждения о предшествующем периоде. Т. Д. Флоринский с полным правом констатирует, что жупы в период XIV в. «пользовались самыми разнообразными формами управления» и находились в самых различных отношениях к центральной власти²⁹. Этот правильный вывод позволит Т. Д. Флоринскому сделать еще одно очень важное наблюдение о перенесении термина «жупа» на обозначение другой, новой единицы административно-территориального деления, что было, на наш взгляд, безусловным шагом вперед в развитии историографии вопроса. К сожалению, эти верные наблюдения Т. Д. Флоринского не были в должной мере учтены другими исследователями, в то время как его общая ошибочная трактовка вопроса о путях развития государственности у сербов оказала значительное влияние на развитие последующей историографии.

* * *

В сербской историографии одну из первых попыток более широких теоретических обобщений сделал Пантелія Славков Сречкович в своей двухтомной «Истории сербского народа». Если при определении этапов развития государственности у сербов он следует за Й. Рапчем, выделяя жупанийский период (VII—XI вв.)³⁰, королевский период (XIII—первая половина XIV в.) и период царства³¹, то при конструировании схемы политической организации сербского общества в догосударственный период П. Сречкович стремился объединить разные точки зрения, пытаясь на этой основе дать свое толкование вопроса.

Первоначальной единицей сербского общества П. Сречкович считал семью. Объединение нескольких семей представляло собой задругу. Союз задруг, имевших общего родоначальника, П. Сречкович называет племенем. И, наконец, объединение нескольких племен составляло жупу, которая представляла собой административный округ с городом в центре³².

²⁶ Т. Д. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в., вып. 1—2. СПб., 1884.

²⁷ Там же, вып. 2, стр. 28.

²⁸ Там же, стр. 26.

²⁹ Там же, стр. 27—28.

³⁰ П. Сречкович. Историја српског народа, т. 1, Београд, 1884, стр. 439.

³¹ Там же, т. 2. Београд, 1888, стр. 791—792.

³² Там же, т. 1, стр. 437—438, 442—443.

В основе внутренней структуры административного управления жупы, по его мнению, была заложена военная организация, имевшая дружинный характер (воиничко-четнички характер). Жупой управлял жупан, опиравшийся на дружину и знатных людей (племянней), по верховная власть в этот период принадлежала сбору всех «колен»³³. С течением времени отдельные жупаны подчиняли своей власти по нескольку жуп и присваивали себе титул великого жупана, или архонта. Стремясь ограждать себя от «племенных перевыборов», они признавали вассальную зависимость от Византии, взамен чего получали постоянную поддержку императора. В результате этого создавались великие жупании, или «архонтии», которые, по мнению П. Сречковича, представляли собой «племенные королевства», но еще не были вполне сложившимися государствами³⁴. Эти политические объединения были очень непрочными и недолговечными, а поэтому быстро распадались и создавались вновь.

Таким образом, в «жупанийский период» развитие общества шло в направлении от семьи и до наиболее высшей формы данного периода — великой жупании-архонтии, или «племенного королевства». После того, как была объединена большая часть племен, усилиями одного племени «рашского типа», обладавшего особой организационной способностью, «великая жупания Ст. Немани» была провозглашена королевством, а вошедшие в него племена стали называться сербами³⁵. Однако во внутренней организации жуп, по мнению П. Сречковича, не произошло существенных перемен. Возражая в этой связи Т. Д. Флоринскому, П. Сречкович замечал, что крупные «жупанства» в XIII—XIV вв. еще продолжали существовать, сохраняя самоуправление, поскольку, по его мнению, управление жупами было отделено от государства. Жупой по-прежнему управлял наследственный или выборный жупан. Однако вслед за Т. Д. Флоринским П. Сречкович был вынужден признать, что в «смесных» (совместных) жупах кефалии и судья назначались королем, что явилось причиной разрушения старой «жупной» системы управления³⁶. Следовательно, начало частичной перестройки старой жупной организации П. Сречкович пытается отнести только ко второй половине XIV в.

Однако изложенная П. Сречковичем схема организации жуп в полном ее объеме не нашла признания, но отдельные положения, относящиеся к периоду XIV в., были усвоены сербской историографией. Проводимая им мысль о ведущей роли племени «рашского» типа также была охотно подхвачена и развита дальше с позиций великосербского шовинизма в работах сербских историков конца XIX—начала XX в.

Ставшее очевидным несоответствие концепции А. Ф. Гильфердинга фактическому материалу, относящемуся к истории южных и западных славян, самым настоятельным образом указывало на необходимость ее пересмотра или приведения в соответствие с источниками. Эта сложная и многогранная задача со всеми ее трудностями встала на пути хорватского историка Ф. Рачкого, начавшего систематическую разработку самого раннего периода (до XII в.) хорватской истории, так как хорватский материал о жупах и жупанах оказался хронологически наиболее ранним по сравнению с соответствующим материалом, относящимся к истории других славянских народов.

Говоря о концепции Ф. Рачкого, следует учитывать, что она сложилась не сразу. Из его работ 50—70-х годов хорошо видно, что он в то время, пожалуй, в одинаковой мере разделял как точку зрения русской,

³³ П. Сречкович. Указ. соч., т. 1, стр. 446—447.

³⁴ Там же, стр. 442—444.

³⁵ Там же, т. 2, стр. 791—792.

³⁶ Там же, стр. 803.

так и чешской историографии того же периода³⁷. К 80-м годам Ф. Рачки существенным образом пересмотрел свои старые взгляды³⁸. Учтя новейшие работы чешских и русских историков и приняв во внимание историко-географические и этнографические исследования, проводившиеся на территории Сербии и Черногории, он отказался от некоторых положений схемы А. Ф. Гильфердинга и вслед за И. Н. Смирновым и Ф. Ф. Зигелем стал утверждать, что хорваты, как и другие славянские народы, селились на новых местах не государствами, а «племенами». Однако Ф. Рачки все же не смог до конца отказаться от своих первоначальных взглядов и сохранил в своей концепции ряд принципиальных положений, высказанных А. Ф. Гильфердингом. Так, он конкретизировал и развил дальше мысль А. Ф. Гильфердинга о наличии у славян двух категорий племен: большого (этнического) племени, под которым понимался весь народ, и малого (генетического) племени, представлявшего собой население одной жупы. Не смог он преодолеть и ошибочную методику анализа источников. В частности, неоднократно ссылаясь на работы П. Й. Шафарика и Г. Иречека, он считал вполне закономерным отождествление различных терминов латинских грамот (*provincia*, *regio*, *pagus* и т. д.) с термином «жупа» и привлечение для исследования материала XV—XVII вв.

Стремясь сохранить наиболее важные положения гипотезы А. Ф. Гильфердинга, Ф. Рачки был вынужден сделать ряд искусственных дополнительных построений, с помощью которых он предполагал в какой-то мере сгладить наиболее явные противоречия схемы своего предшественника.

Анализируя материал хорватских грамот IX—XI вв., Ф. Рачки столкнулся с такими фактами, которые в корне разрушали всю систему представлений того периода об организации славянского общества на его ранних этапах. Во-первых, источники показали, что только на территории Приморской Хорватии прослеживается наличие большого числа жуп, которое значительно превышало число упоминаемых в источниках племен. Во-вторых, на территории одной жупы располагалось не одно племя, как это предполагалось раньше, а несколько групп (от 5 до 10), принадлежавших к разным племенам. Чтобы объяснить эти факты, Ф. Рачки, отправляясь от идеи А. Ф. Гильфердинга о двух категориях племен, предположил, что все хорваты «этнографически» составляли одно племя, которое, согласно традиции, якобы делилось на пять родов. Помимо такого деления, существовало деление на «генетические» племена. Каждое «генетическое» племя и занимаемая им территория в совокупности назывались жупой. Ф. Рачки формулирует это положение так: «Племя и жупа были два понятия, которые покрывают друг друга». «Генетическое» племя в свою очередь составлялось из родов или «колен» (*generationes*), которые расселялись по селам и заселкам данной жупы³⁹. Жупа в первое время представляла собой единство трех разнородных видов взаимоотношений: 1) родственной, или «генетической», связи, которая выражалась в племенной или родовой организации; 2) территориальной общности жителей жупы, определявшейся единой территорией племени; 3) административной системы управления, базировавшейся на общинной организации племени и рода. «Чем глубже в прошлое уходят эти три значе-

³⁷ F. Račkí. Nacrt jugoslavenskih povjestij do IX vjeka. «Arkiv za povjestnicu jugoslavensku», IV. Zagreb, 1857, стр. 260, 269; его же. Kada i kako se preobrzi hrvatska kneževina u kraljevinu. «Rad Jugoslovenske Akademije Znanosti i Umjetnosti» (далее: «Rad»), XVII, 1871; Он же. Borba južnih slovena za državnu neodvisnost. Beograd, 1931 (работа впервые была опубликована в журнале «Rad», 24. 1872).

³⁸ F. Račkí. Hrvatska prije XII v. «Rad», 56—57, 1880—1881; F. Račkí. Nutarnjo stanije Hrvatske prije XII st. «Rad», 70, 1884; 79, 1886; 91, 1889; 99, 1891; 105, 1893.

³⁹ «Rad», 57, стр. 131.

ния, тем определеннее они укладываются в понятие „жупа“, — подчеркнул Ф. Рачки⁴⁰.

Вслед за чешской историографией Ф. Рачки считал, что со временем роды и племена стали постепенно разрастаться, что привело к массовым переселениям, в процессе которых произошло «смешение племен». Жупа «приобрела территориальное значение; после этого эти два понятия, „жупа“ и „племя“, больше не покрывали друг друга, так как в одной жупе было по несколько племен». Каждое из новых племен, вошедших в состав жупы, «означало то же, что и братство в Черногории»⁴¹. Из этих рассуждений можно понять, что изменению подверглась лишь одна из составных частей единого комплекса — система родственных, или «генетических», отношений, которая была нарушена в процессе «смешения племен»⁴².

В соответствии с этой схемой Ф. Рачки весь исторический процесс разделяет на три периода: жупанийский, который продолжался до Трпимира (ок. 845 г.), княжеский и королевский⁴³. Жупанийский период был «временем внутреннего собирания» и организации племен⁴⁴. Уже в условиях этого периода начали пробиваться ростки «государственной идеи», носителями которой были отдельные удачливые жупаны, сумевшие подчинить себе более слабых соседей⁴⁵. Этот «первый новый порядок государственной власти», начало которого Ф. Рачки предположительно относит еще ко времени правления князя Борны (810—821 гг.), начался, согласно его схеме, одновременно с процессом расселения⁴⁶. Князья и короли, будучи выходцами из жупанов, оставались лишь первыми среди глав жуп⁴⁷. В соответствии с гипотезой А. Ф. Гильфердинга Ф. Рачки считал, что их власть держалась «на общественных началах, поэтому в этих органах она ишла свое ограничение»⁴⁸. На таких же началах покоилось и внутреннее управление жупами, которые продолжали оставаться «главным звеном государственного устройства»⁴⁹. Несмотря на признание ряда коренных изменений во внутренней структуре жупы, которые выразились, согласно концепции Ф. Рачкого, в распаде «генетического» племени и проникновении в жупу новых поселенцев, Ф. Рачки в то же время считал, что административное управление жупы осталось без изменений. В этом факте особенно хорошо видна непоследовательность концепции Ф. Рачкого. Во главе жупы он по-прежнему оставляет жупана, который выбирался «из отдельных родов, братств, племен»⁵⁰. Жупан, с одной стороны, был «природным» советником правителя, а с другой — воеводой и верховным судьей в своей жупе⁵¹.

Ф. Рачки путем ряда искусственных построений пытался представить жупу прежде всего как оставленную в наследство родо-племенной организацией территориальную единицу, население которой формировалось

⁴⁰ Rad», 99, стр. 106.

⁴¹ «Rad», 57, стр. 132 (Ф. Рачки имел в виду черногорские братства XV—XVII вв.).

⁴² На территории Посавской Хорватии в начале XII в., по мнению Ф. Рачкого, произошли более глубокие изменения: здесь под влиянием венгерской административной системы «исчезли племенные жупы». На остальной же территории, вплоть до реки Неретвы, «племенные» жупы, которых Ф. Рачки насчитывает до тридцати, продолжали сохраняться и далее, несмотря на изменение контингента жителей жупы («Rad», 99, стр. 106).

⁴³ «Rad», 91, стр. 141—142.

⁴⁴ Там же, стр. 128—129.

⁴⁵ Там же, стр. 129, 141.

⁴⁶ Там же, стр. 130—131.

⁴⁷ «Rad», 99, стр. 109.

⁴⁸ Там же, стр. 104.

⁴⁹ Там же, стр. 105.

⁵⁰ Там же, стр. 109.

⁵¹ «Rad», 91, стр. 142.

из различных племенных групп. Но как раз в этой части концепции Ф. Рачкого наиболее рельефно проявляется непоследовательность, которая выражается в том, что, признав распад кровнородственных связей внутри рода и племени, Ф. Рачки в то же время отказывается признать наличие других изменений, в том числе в области административного управления.

Несмотря на отказ от ряда положений гипотезы А. Ф. Гильфердинга, Ф. Рачки развил дальше основные, принципиальные положения схемы русского слависта. В свое время работы Ф. Рачкого оказали решающее влияние на дальнейшую разработку данного вопроса. Предложенная им схема была общепризнана и распространена на историю всех славянских народов по крайней мере до XII в. В современной хорватской историографии доказано, что концепция Ф. Рачкого основана не столько на анализе фактического материала, сколько на ошибочных отождествлениях и неправомερных сопоставлениях⁵².

Разработка хорватской истории после XII в. связана с именем В. Клаича, в концепции которого вопрос о жупах и жупанах приобрел еще большее значение. При освещении этого вопроса в период до XII в. В. Клаич следует за концепцией Ф. Рачкого. Однако, в отличие от последнего, В. Клаич высказал гипотезу, согласно которой хорваты, представлявшие собой какую-то смесь готских и славянских элементов, подчинив ранее осевшие славянские племена, создали свое государство и превратились в господствующую прослойку, из которой позднее развился целый феодальный класс. Остальную схему Ф. Рачкого В. Клаич оставил неприкосновенной. Анализируя источники XII—XV вв., он заметил, что, начиная с XII в., в некоторых частях Хорватии прослеживается определенная перестройка старой системы жупной организации. Более мелкие единицы административного деления расформировывались и включались в состав более крупных административных единиц, которые в источниках назывались также жупами или жупаниями. Чтобы как-то различать их между собой, В. Клаич предложил старые единицы называть жупами, а новые — жупаниями. По мнению В. Клаича, эта перестройка была вызвана не изменениями во внутреннем развитии хорватского общества, а совершалась под влиянием венгерской системы административного управления. Старые жупы на правах ленного владения передавались венгерским королем хорватским князьям и другим крупным феодалам. При этом старая жупа иногда разделялась на несколько частей. В результате такой перестройки старые жупаны заменялись князьями. Этот процесс в свою очередь к XIV в. вызвал необходимость новой, более коренной реорганизации всей системы управления. Несколько старых жуп, или, как их называет В. Клаич, *districtus, contrata, generatio*, были объединены в одну большую единицу — жупанию, центром которой стал один из так называемых «королевских городов». Но такая реорганизация не распространялась на «те старохорватские жупы, которые в XII—XIII вв. получили в наследственный лен семьи великашей...»⁵³.

Хотя современной хорватской историографией указан ряд ошибочных положений в концепции В. Клаича, тем не менее он первым обратил внимание исследователей на наличие сложного процесса эволюции в развитии жуп и института жупанов, который он попытался связать с развитием феодального землевладения. Однако В. Клаич объяснил этот процесс ошибочно и с реакционных националистических позиций.

⁵² Хорватский историк Нада Клаич отмечала, что система доказательств Ф. Рачкого строилась «больше на романтике, чем на анализе материалов источников» (N. Klaić. *Postanak plemstva «dvanadesetero plemena kraljevine hrvatske»*. «Histo-rijski Zbornik», XI—XII. Zagreb, 1958—1959, стр. 125).

⁵³ V. Klaić. *Povjest Hrvata*, t. II, z. 2. Zagreb, 1904, стр. 14.

Работы В. Клаича, можно сказать, являются завершающим этапом буржуазной историографии в разработке общей схемы вопроса о жупах и жупанах применительно к истории Хорватии, они по существу определили в начале XX в. направление дальнейшей разработки вопроса в пределах средневекового периода хорватской истории (после XII в.).

Исследователи начала XX в., как правило, обходили разработку этого вопроса, а при характеристике его в общих работах пользовались материалом предшественников. И только в очень редких случаях отдельные исследователи иногда пытались внести некоторые незначительные поправки в установившуюся схему⁵⁴ или же, в зависимости от своей концепции, предлагали особые, но неубедительные суждения, основанные на материале тех же старых разработок⁵⁵.

Характеризуя развитие хорватской историографии данного вопроса, Н. Клаич совершенно справедливо отмечала, что концепции В. Клаича, Ф. Шипича и всех остальных исследователей начала XX в. являются лишь дальнейшей разработкой той основы, которую предложил Ф. Рачки⁵⁶.

Ошибочная методика отождествления различных терминов, имевшая место в работах П. Й. Шафарика, Ф. Палацкого, А. Ф. Гильфердинга, Ф. Рачкого и других, не могла остаться незамеченной при рассмотрении частных вопросов, связанных с локализацией тех или иных территориальных единиц. На это в той или иной форме не раз обращали внимание еще исследователи 60—70-х годов XIX в. Но поскольку их наблюдения были связаны с разработкой более узких вопросов, они, как правило, не вносили существенных изменений в общую методику анализа⁵⁷.

В 1878 г. чешский исследователь А. Шембер на основе анализа материала по чешской истории пришел к заключению, что термин «*provincia*» латинских грамот не может соответствовать термину «жупа». Но при доказательстве этого положения он впал в другую крайность, полагая, что термины «жупа» и «жупан», как и обозначаемые ими институты и понятия, не были знакомы чехам и были заимствованы ими во второй половине XII в.⁵⁸ Эта точка зрения А. Шембера была поддержана и развита дальше представителями так называемой новой исторической школы, особенно Я. Пекаржем и В. Новотным⁵⁹.

Наиболее обстоятельно и аргументированно выступил против методики отождествления А. Н. Ясинский. Он прямо указывал: «С древнего времени (1835 г.) установился обычай в чешской исторической литературе переводить латинское *provincia* словом „жупа“ на том основании, что начальник города якобы назывался жупаном, а по-латыни *comes*»⁶⁰. Проведя анализ широкого круга источников, А. Н. Ясинский установил, что до XII в. термины «жупа» и «жупан» в источниках не встречаются. С момента появления термина «жупан» (XII в.) им обозначали не только чиновников, но и некоторые категории землевладельцев, и только в исключительных случаях этот термин употреблялся «для наименования па-

⁵⁴ F. Šišić. *Povjest Hrvata u doba narodnih vladara*, Zagreb, 1925, стр. 673—674; F. Šišić. *Povjest Hrvata za kraljeva iz doma Arpadovića (1102—1304)*, t. 1. Zagreb, 1944, стр. 116.

⁵⁵ В. Попович. *Историја Југославена*. Сарајево, 1920, стр. 1, 22, 29, 49—50, 105—106.

⁵⁶ N. Klaić. Указ. соч., стр. 124.

⁵⁷ Например, в 1868 г. Фелицетти доказал, что локализация так называемой «Хорватской жупы» (*pagi Croatiae*) в Карпатах была сделана ошибочно. Исследователи согласились с его мнением, но по-прежнему продолжали считать *pagus Croatiae* «Хорватской жупой» (V. Klaić. *Hrvati i Hrvatska*, Zagreb, 1890, стр. 12—18).

⁵⁸ A. Sembera. *O utoku Kunrata Znojemskeho na biskupa Jindřicha Zdika*. «*Casopis Ceskeho muzeja*». Praha, 1875, стр. 68. Подробнее об этом см.: А. Н. Ясинский. Указ. соч., стр. 94.

⁵⁹ V. Novotný. *Ceske dejiny*, t. 1, č. 1. Praha, 1912, стр. 499—514. Подробнее см.: Н. С. Державин. Указ. соч., стр. 68.

⁶⁰ А. Н. Ясинский. Указ. соч., стр. 94.

чальников городов». С другой стороны, термин «жу́па» в XIV в. обозначали единицы церковного деления, которые в некоторых случаях действительно совпадали с единицами государственного деления. Но такие совпадения были настолько редкими, что они, по мнению А. Н. Ясинского, не дают права для установления общей закономерности данных явлений.

На основе анализа документов X—XI вв. А. Н. Ясинский пришел к выводу, что «пачальники городов со второй половины XI в. назывались префектами, а не жупанами». Поэтому для отождествления городского округа, обозначаемого терминами *provincia*, *regio* и другими, со словом «жу́па» нет никаких оснований⁶¹. Несмотря на то, что А. Н. Ясинский пришел к данному выводу чисто эмпирическим путем, без учета хронологических особенностей анализируемого им периода (X—XII вв.) и периода XIV—XV вв., тем не менее он в основном верно указал на наличие определенной эволюции в развитии интересующих нас институтов. А. Н. Ясинский высказал предположение, что государственный строй в Чехии уже к началу X в. потерял черты племенного происхождения и что в связи с этим основной единицей административного деления в X в. стал княжеский город (городская организация), а не племенная жу́па, и что власть племенного жупана была поделена между несколькими представителями областной администрации⁶². Таким образом, А. Н. Ясинский выяснил лишь одну сторону вопроса, показав, что административное деление в Чехии уже к X в. не имело ничего общего с делением на жу́пы. Но проследивая пути развития административного деления, он оставил в стороне интересующий нас вопрос, ограничившись лишь отдельными замечаниями. В частности, возражая А. Шемберу, А. Н. Ясинский отмечал, что отсутствие упоминаний о жу́пах и жупанах в документах до XII в. еще не может служить доказательством того факта, что чехи вообще не знали этих институтов. Но, отстаивая их наличие у чехов, А. Н. Ясинский оказался в противоречии со своими собственными выводами, т. к. он при доказательстве этого положения был вынужден ограничиться ссылками на работы тех же чешских историков, выводы которых базировались на отождествлении соответствующих терминов, справедливость которых А. Н. Ясинский отрицает⁶³.

Работы А. Н. Ясинского были шагом вперед в развитии историографии вопроса, т. к. он не только раньше других доказал ошибочность отождествления соответствующих терминов, но и попытался подчеркнуть наличие эволюции в развитии интересующих нас институтов. Концепция А. Н. Ясинского сразу же нашла признание среди видных славистов того периода. Например, уже в 1899 г. К. Грот в отзыве на работу А. Н. Ясинского поддержал его точку зрения, особо отметив оригинальность и убедительность ее аргументации⁶⁴. Несколько позднее она нашла признание и в чешской историографии.

* * *

Говоря о развитии историографии вопроса, нельзя обойти молчанием одну реакционную гипотезу, которую в период 80—90-х годов XIX в. пытался обосновать чешский историк Я. Пейскер и которую он изложил в окончательном варианте в 1905 г.⁶⁵ Используя явные несоответствия существовавших концепций показаниям источников и отправляясь с позиций основоположников реакционной теории остфоршунга немецких

⁶¹ Там же, стр. 94, 96.

⁶² Там же, стр. 165.

⁶³ Там же, стр. 94.

⁶⁴ К. Грот. «Падение земского строя в Чешском государстве (X—XIII вв.)» А. Н. Ясинского. Критический отзыв. СПб., 1899.

⁶⁵ J. Peisker. Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. Berlin—Leipzig, 1905.

историков Мейцена и Гильдебранда⁶⁶, Я. Пейскер высказал мысль, что жупы и институт жупанов не имеют ничего общего с племенной организацией славянских народов, поскольку жупаны представляли собой привилегированную прослойку кочевников-скотоводов (помадов), которая выделялась из конгломерата племен тюркского происхождения (аваров, монгол, скифов и т. д.) в процессе завоевания ими земель, заселенных славянами. Эта господствующая прослойка (*eine besondere herrschende Volksschicht*) представляла собой своего рода кочевое дворянство, которое долгое время эксплуатировало славян-земледельцев (смердов). Позднее, с продвижением немцев на восток, немецкие завоеватели оттеснили жупанов с хороших земель, и они были выпущены смешаться со славянским населением. В большинстве случаев жупаны растворились в славянской массе, передав термин «жупан» славянским начальникам, а в ряде случаев, особенно на территории Словении, жупаны, размещавшиеся в славянских селах, еще долго (до XIV—XV вв.) сохраняли свое этническое ядро и привилегированное положение. В соответствии с этим Я. Пейскер считал, что жупа представляла собой определенный район пастбищ (*regio pistoria*), который находился в общем пользовании всех жупанов, а каждый жупан являлся совладельцем жупы (*Mitherr in der Zupa und Compastor, Weidegenosse*)^{66a}. Вполне естественно, что такая безудержная фантазия сразу же вызвала резкую критику со стороны многих исследователей, и несостоятельная гипотеза Я. Пейскера была единодушно отвергнута научной общественностью⁶⁷.

Однако полемика с Я. Пейскером не осталась бесплодной. Она, с одной стороны, заставила исследователей более внимательно присмотреться к противоречиям старой концепции, а с другой стороны, вынудила не только более критически оценить весь старый материал, но и ввести в научный оборот не использованные ранее новые источники о жупах и жупанах. В результате этого был установлен тот важный факт, что с XII в. термины «жупа» и «жупан», зафиксированные в источниках по истории западных славян, обозначают самые различные институты и понятия, которые к данному периоду утратили связь с племенной организацией. Вопреки старой концепции утверждалось наличие определенной эволюции этих институтов. Однако признание этого факта распространялось прежде всего на историю западных славян, а для истории южных славян по-прежнему оставалась в силе концепция Ф. Рачкого. Более того, все исследователи полагали, что организация жуп и института жупанов у южных славян даже после XII в. является примером первоначальной организации этих институтов для всех славян. Таким образом, концепция Ф. Рачкого стала отправным пунктом для всех последующих рассуждений и социологических построений.

Одна из первых попыток подытожить результаты полемики с Я. Пейскером была предпринята крупнейшим славистом того периода польским историком Освальдом Бальцером. Возражая Я. Пейскеру, он попытался суммировать наиболее важные свидетельства о жупах и жупанах, которые сохранились в источниках, относящихся к истории славян. О. Бальцер считал, что термин «жупан» первое время обозначал главу семьи или дома. Позднее эти понятия стали обозначаться другими терминами: «до-

⁶⁶ A. Dopsch. Die ältere Sozial- und Wirtschaftsverfassung der Alpenslawen. Weimar, 1909, стр. 5.

^{66a} J. Peisker. Указ. соч., стр. 103—104.

⁶⁷ O. Balzer. O zadrudze slowiańskiej. «Kwartalnik historyczny», XIII, z. 2. Lwow, 1899; J. Jancko. O stycie starych slowanu s turkotatary a Germany. «Westnik Ceske Akademie», f. 100. Praha, 1908, Fr. Krček. Teorya Peiskera o niewoli praslowianskiej w swietle krytyki. Lemberg, 1909; L. Niederle. Nova Peiskerova hypotesa o socialnim stavu starych slowanu. «Narodopisny vestnik českoslovanskí», t. 1. Praha, 1906; L. Niederle. J. Peiskers neue Grundlagen der slavischen Altertumskunde. «Archiv für slavische Philologie», Bd. 31, H. 4. Berlin, 1910; A. Dopsch. Указ. соч.

мачин», или «старейшина». С развитием системы административного управления термин «жупан», приобретая более широкий смысл, стал обозначать лицо, обладавшее любой властью независимо от того объекта, на который распространялась его власть. С течением времени круг должностей, обозначаемых этим термином, все более и более расширялся. Однако у южных славян основное значение термина «жупан» закрепилось за «начальником племенной территории»⁶⁸. Нужно признать, что О. Бальцер, возражая Я. Пейскеру, не внес ничего принципиально нового в разработку вопроса. Но его попытка сопоставить хотя бы часть сохранившихся свидетельств позволила ему констатировать наличие определенной эволюции в развитии жуп и института жупанов.

Единодушное отрицание научной общественностью гипотезы Я. Пейскера, несомненно, в значительной мере способствовало утверждению точки зрения Ф. Рачкого, но не это обстоятельство, на наш взгляд, явилось решающим для ее всеобщего признания применительно к истории южных славян. В этой связи, как нам кажется, гораздо большую роль сыграли историко-географические и этнографические исследования, которые в силу специфики сохранившегося материала оказались в центре внимания сербской исторической науки⁶⁹ и наиболее видных зарубежных славистов 70—80-х годов XIX—начала XX в., занимавшихся историей средневековой Сербии⁷⁰. Собственно сербская историография, встав на путь самостоятельного развития относительно позднее других, руководствовалась уже сложившимися методами анализа источников и давно установившимися представлениями о процессе развития общества и государства у славян. Но, с другой стороны, не располагая достаточным количеством ранних источников вплоть до второй половины XII в., исследователи средневековой сербской истории пытались пайти решение интересующего нас вопроса на материале более поздних источников и прежде всего на материале исторической географии. В результате обработки данных Дуклянской летописи и отчасти свидетельств К. Багрянородного был выявлен целый ряд жуп и установлены их территориальные границы.

Особенности географического расположения ряда сербских (особенно рапских) жуп (по речным долинам и в горных впадинах) и упоминание одноименных территорий в более поздних источниках — XIII—XIV и даже XV—XVII вв. — создавали у исследователей впечатление, что эти жупы как географическое, этническое и административное целое существовали в этих районах по крайней мере с момента поселения славян и вплоть до турецкого завоевания. Поэтому, если в источнике, к какому бы району и периоду он ни относился, упоминался термин «жупа», то в него непременно вкладывалось понятие географического и административного единства, которое сложилось с момента поселения славян. С другой стороны, такие представления дали основание исследователям исторической географии считать, что любая территория, на которой размещалось несколько сел, носившая название того или иного географического объекта (реки или горной местности), хотя она и не обозначалась соответствующим термином, также представляла собой определенную жупу и рассматривалась как административная единица⁷¹. Эти исследования были поды-

⁶⁸ О. Balzer. Указ. соч., стр. 208.

⁶⁹ Ст. Новаковић. Земљиште радње Немањине. Београд, 1877; его же. Новобрдо и вравско Поморавље у историји српској XIV—XV вв. Београд, 1879; его же. Српске области X и XII вв. Београд, 1880; его же. Град Вишесав и видинска област. Београд, 1883; его же. Струмска област у XIV в. и цар Душан. Београд, 1893, и др.; Љ. Ковачевић. Трг Брсково и жупе Брковска и Љубовићска. Београд, 1891.

⁷⁰ С. Jireček. Die Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelalters. Praha, 1879.

⁷¹ Наиболее показательным примером такого подхода являются более поздние работы Д. Лапчевича (Д. Лапчевић. Четири жупе. Прилози за иситивање. «Глас-

тожены и с соответствующих теоретических позиций изложены в работах одного из видных идеологов сербской буржуазии Ст. Новаковича.

При определении этапов развития сербского общества и государства Ст. Новакович не внес принципиально новых положений, а руководствовался разработками Ф. Рачкого, Т. Д. Флоринского, П. Сречковича и др. В соответствии с этим Ст. Новакович считал, что до XII в. у сербов не было потребности в государственной организации, а те временные и непрочные политические объединения, которые порой возникали до XII в., представляли что-то вроде федерации жуп. Он замечал по этому поводу, что «до XI в. среди сербов не было попыток создать какое-либо государство»⁷², так как «в жупаниях более раннего времени до 1018 г. не было такой потребности»⁷³.

«Необходимость византийской [государственной. — В. Г.] и церковной организации в Сербии возникла только в XIII в. после смерти Ст. Немани, во время правления его сыновей», — пишет Ст. Новакович⁷⁴. В новом государстве, которое начало оформляться только в XIII в., «многие основы и частности являются ничем другим, как простой кошкой устройства учреждений цариградского царства»⁷⁵.

Не внес Ст. Новакович принципиально новых положений и в конкретную разработку вопроса о жупах и жупанах, свои представления о котором он излагал в целом ряде работ⁷⁶. Характеристику жупной организации в Сербии до XII в. он обычно дает по работам Ф. Рачкого, а анализ более позднего сербского материала он, с одной стороны, ставит в прямую зависимость от данных исторической географии, а с другой стороны, сводит к сопоставлению терминов «жупан» и «князь», оперируя при этом не столько материалом источников, сколько сведениями из словарей П. Й. Шафарика — Дж. Даничича, Ф. Миклошича и Иваковича⁷⁷.

В соответствии с этим он определяет жупу как «объединение нескольких сел, связанных определенной [речной. — В. Г.] долиной, или территорией, ограниченной горами»⁷⁸. Этими своеобразными географическими условиями местности, отделявшими одну жупу от другой, Ст. Новакович объясняет и тот факт, что территория зафиксированных в источниках жуп всегда оставалась неизменной на протяжении по крайней мере до турецкого завоевания.

Уже в самом начальном периоде сербской истории во главе жупы стоял жупан, который получил свое название от слова «жупа». С проникновением западного термина «князь» глава жупы мог в равной мере называться и этим термином. В этом случае, если одному из жупанов удавалось подчинить себе несколько жуп, то он мог называться великим жупаном. Великий жупан или великий князь опирался на простых жупанов или князей, которые управляли жупами и краями, на которые делилось государство. Жупаны и князья в свою очередь опирались на села, так как

ник географского друштва», 7/8. Београд, 1922, стр. 179—197) и особенно А. Ивича. Последний, например, называл жупой любую территорию, на которой упоминается более одного села (А. Ивич. Грађа за српску историјску географију. Српске области и жупе од XII до XIV в. Там же, стр. 198—199).

⁷² Ст. Новакович. Неколико теза питања српске историје. «Годишњица Николе Чушића», кн. 32. Београд, 1913, стр. 8.

⁷³ Ст. Новакович. Средневековна Србија и римско право. «Архив за правне и друштвене науке», кн. 1(3). Београд, 1906, стр. 217.

⁷⁴ Ст. Новакович. Средневековна Србија..., стр. 217.

⁷⁵ Ст. Новакович. Византијски чинов и титуле у српским земљама XI—XV вв. «Глас Српске Академије Наука», 78(47). Београд, 1908, стр. 178.

⁷⁶ Наиболее обстоятельно этот вопрос рассматривается в его работе «Византијски чинов и титуле у српским земљама XI—XV вв.» («Глас Српске Академије Наука», 78(47). Београд, 1908, стр. 178—279).

⁷⁷ Там же, стр. 184—186, 194.

⁷⁸ Там же, стр. 183.

общины в тот период, по мнению Ст. Новаковича, еще не было. Село было самым маленьким населенным пунктом в жупе и в государстве⁷⁹.

Но с принятием и распространением христианства постепенно «...открывались настежь двери обычая и законам византийского происхождения не только в тогдашний сербский двор, но и в самую маленькую хижину»⁸⁰.

Однако старая система организации управления с некоторыми изменениями в положении правителей, которые были сначала великими жупанами, а затем королями, просуществовала, по мнению Ст. Новаковича, до середины XIV в., когда с принятием царского титула возникла необходимость ввести новые должности и титулы князя, деспота и т. д. После этого, указывает Ст. Новакович, жупаны и великие жупаны утратили свое первоначальное значение⁸¹.

Более осторожно и историчнее подошел к освещению этих вопросов крупнейший чешский историк К. Иречек, который также не занимался специально теоретической разработкой данного вопроса, хотя и уделил большое внимание историко-географической стороне вопроса⁸². К. Иречек при характеристике сербских жуп и института жупанов, особенно в условиях раннего периода, руководствовался концепцией чешской историографии. Он предполагал, что деление на жупы появилось после переселения славян на Балканский полуостров. Но вопрос о времени возникновения и о соотношении жупного деления и племенной организации К. Иречек сознательно обходит, признавая, что происхождение термина «жупа» остается неизвестным⁸³. Вслед за другими чешскими историками он считал, что жупанами сначала были старейшины местных родов⁸⁴, а позднее, в период правления Неманичей, они представляли собой «знатных людей (властелу) из самой жупы, которые на своей административной территории имели землю и родственников»⁸⁵. Таким образом, изменения в положении жупанов ограничивались лишь тем, что они из родовых старейшин превращались в последственных собственников земли и управителей жуп, подчиненных центральной власти. После распада государства Неманичей термин «жупа», по мнению К. Иречека, вообще исчезает из источников, уступив место термину «власть». Но причину этого он видит не в изменении внутренней структуры сербского общества, а объясняет какими-то неизвестными нам внутренними реформами⁸⁶.

Выводы К. Иречека по существу мало чем отличаются от точки зрения Ст. Новаковича, если не считать некоторых незначительных расхождений.

Работы Ст. Новаковича и К. Иречека явились завершающим этапом в разработке вопроса о жупах и жупанах на материале сербских источников, а их выводы стали непререкаемой основой для всех последующих исследователей.

Со второго десятилетия XX в. разработка рассматриваемого вопроса на базе конкретного материала источников практически прекращается вообще во всей славяноведческой историографии. Его дальнейшее рассмотрение становится предметом обобщающих работ и особенно работ по истории

⁷⁹ Ст. Новакович. Византијски чинови..., стр. 186, 187, 193.

⁸⁰ Там же, стр. 192.

⁸¹ Там же.

⁸² С. Јиреџек. Geschichte der Serben. Gotha, 1911. Сербский перевод под редакцией и с дополнением Й. Радонича: К. Јиреџек. Историја Срба, т. 1—4. Београд, 1922—1925; второе издание: т. 1—2. Београд, 1952. В статье цитируется второе издание.

⁸³ К. Јиреџек. Указ. соч., т. 1, стр. 64.

⁸⁴ Там же, т. 1, стр. 42, 71; т. 2, стр. 4—5.

⁸⁵ Там же, т. 2, стр. 16.

⁸⁶ Там же, стр. 358.

государства и права, авторы которых видели свою задачу в систематизации уже накопленного материала⁸⁷.

Наиболее значительным опытом таких обобщений явились работы крупнейших чешских историков Карела Кадлеца и Л. Нидерле, которые долгое время занимались сравнительным изучением общеславянской истории⁸⁸.

Л. Нидерле неоднократно высказывался по данному вопросу, polemизируя с Я. Пейскером. Но наиболее полно и систематично он изложил этот вопрос в работе «Славянские древности», которая издавалась по частям с 1901 по 1925 г. Учитывая результаты предшествующих исследований, Л. Нидерле был вынужден признать, что «жуны как географическое и этническое целое зафиксированы лишь у южных славян». Он признает также неправомерным отождествление термина «*pagus*» с термином «жупа». В то же время Л. Нидерле считает, что признание этих фактов еще не говорит об отсутствии деления на жуны у других славян. Он склонен думать, что «жупа существовала и на севере в смысле локального района (*district*), хотя термины „жупан“ и „жупа“ и зафиксированы здесь уже позднее и имеют иной смысл, так как под ними понимаются чиновник и его управление»⁸⁹.

Несмотря на признание этих справедливых фактов, Л. Нидерле целиком и полностью следует за схемой К. Кадлеца. Он полагал, что до IX—X вв. в организации славянского общества можно выделить несколько этапов развития. Самой первой ячейкой у всех славян был род; затем роды объединились в племена, а позднее сформировались родо-племенные объединения. Создание более крупных политических союзов, под которыми Л. Нидерле понимал чешское, моравское, польское, хорватское и болгарское государства, стали формироваться уже в период IX—X вв. Причем эти государства, по его мнению, «образовались по чужеземному, германскому или тюрко-татарскому образцу, а создателями их отчасти были германцы или тюрко-татары»⁹⁰. Поскольку «поворот» от племенного устройства к устройству государственному произошел под влиянием внешних факторов, то внутренняя организация славянского общества осталась почти без изменения. В конце X в. «основной наименьшей административной единицей» по-прежнему оставалась территория рода, которая управлялась родовым жупаном. Эти единицы объединялись в большие союзы, название которых нам неизвестно. Но, по мнению Л. Нидерле, у балтийских и подунайских славян они в X в. назывались жупами. По убеждению Л. Нидерле, «подобные жуны были и у чехов, и у северных сербов»⁹¹. Таким образом, под жупой Л. Нидерле, как и К. Кадлец, понимал не территорию рода,

⁸⁷ В сербской историографии такая попытка была сделана в 1921 г. Д. Алимпичем в работе «Управне власти у старој српској царевини» (Београд, 1921), в которой он последовательно систематизировал результаты исследований Ст. Новаковича и К. Иречка, подкрепив их анализом статей Законника Ст. Душана.

⁸⁸ Свои первые еще неоформившиеся представления по данному вопросу К. Кадлец изложил в статье «Жупа», написанной в 1908 г. для чешской энциклопедии «*Ottov slovník*». В 1912 г. в статье «O politycznym ustroju słowian», помещенной в сборнике «*Początki kultury słowiańskiej*» («*Encyklopedia Polska*», t. IV, sz. 2. Kraków, 1912, стр. 31—72), он дал более развернутую трактовку вопроса. А позднее в фундаментальной работе «*Introduction à l'étude comparative de l'histoire du droit public de peuples slaves*» (Paris, 1933) К. Кадлец привел в окончательную систему свои взгляды. Мы не рассматриваем общую систему представлений К. Кадлеца потому, что она, во-первых, обстоятельно охарактеризована Н. С. Державиным (указ. соч., стр. 54—56) и, во-вторых, последовательно воспроизведена в работах Л. Нидерле, характеристика которых будет дана ниже.

⁸⁹ Л. Нидерле. Славянские древности. Перевод с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова. М., 1956, стр. 110.

⁹⁰ Там же, стр. 306.

⁹¹ Там же, стр. 307.

а территорию союза родов, то есть территорию племени. Она управлялась тем жупаном, который принадлежал к наиболее знатному и наиболее сильному роду.

Следовательно, на территории одной жупы, по схеме К. Кадлеца — Л. Нидерле, могло быть несколько жупанов, сфера власти которых ограничивалась родовой территорией. В свою очередь эти жупаны подчинялись жупану из наиболее влиятельного рода, который и являлся фактическим главой жупы, то есть племени. Если у южных славян жупа представляла собой географическое и этническое единство, то у западных славян к моменту появления этого термина в источниках (XII — XIV вв.) она уже утратила эти качества.

Такая систематизаторская работа имела свои отрицательную и положительную стороны. С одной стороны, она способствовала утверждению в историографии разработанной ранее схемы жупной организации, которая представлялась в подобного рода работах уже не как выводы предшествующих историков, а как реальные, объективно существующие факты, непосредственно извлеченные из источников. Это обстоятельство относится прежде всего к характеристике наиболее раннего периода славянской истории, который крайне слабо освещен источниками. Но с другой стороны, в результате систематизации все более и более обнажалось несоответствие старой схемы материалу более поздних источников XIII — XIV вв., которые сохранились в значительно большем количестве.

Чувствуя неудовлетворительное решение вопроса, некоторые авторы при разработке более позднего периода и при решении частных вопросов постепенно стали обходить наиболее противоречивые положения старых концепций или же пытались заменить некоторые из них, так как ошибочное решение общетеоретической стороны проблемы явно противоречило выводам, полученным при рассмотрении истории отдельных жуп⁹². Однако, несмотря на малочисленность подобного рода исследований, они существенным образом подрывали авторитет господствовавших концепций и порождали к ним недоверие исследователей. Например, А. Соловьев, учитывая материал впервые изданной им полностью грамоты царя Уроша от 1363 г. чельнику Мусе, совершенно верно заметил, что раздача земель монастырским хозяйствам, обладавшим правами наиболее полного иммунитета, не могла не отразиться на внутренней структуре жуп. Такие пожалования неизбежно должны были разрушить «бывшую целостность старых сербских жуп»⁹³. К сожалению, это верное замечание не было учтено другими исследователями.

Более решительную попытку отказаться от старых представлений сделал М. Младенович в докторской диссертации «Характер сербского средневекового государства», которую он вынес на защиту в 1930 г. на факультете права Парижского университета⁹⁴. Но как историк права

⁹² Наиболее показательной в этом отношении является работа Р. Груича «Конавли под разным господарином од XII до XV в.» («Споменик Српске Академије Наука», 66, 1926, стр. 1—121), в которой автор попытался проследить историю административного управления жупы Конавли. Руководствуясь общепринятыми в тот период представлениями, он оказался в весьма затруднительном положении, так как фактический материал ясно показывал, что указанная жупа на протяжении всего рассматриваемого периода никогда не представляла единой и обособленной административной единицы. Наоборот, она целиком или частями входила в состав других административных сфер, возглавляемых самыми различными чиновниками или феодальными собственниками. Это обстоятельство вынуждало Р. Груича делать ряд дополнительных построений и отвлеченных обобщений.

⁹³ А. Соловьев. Једна српска жупа за време царства. «Гласник Скопског научног друштва», књ. III. Скопље, 1928, стр. 27—28).

⁹⁴ М. Младенович. Le Caractère de l'Etat Serbe au Moyen Age. Paris, 1930, Ученый совет факультета отказался дать оценку диссертации и предложил считать сделанные в ней выводы личным мнением автора. Однако в сербской исто-

он отказался от анализа материала всех существующих источников и строил свои доказательства в основном на литературе, подкрепляя их выдержками из статей Законника Ст. Душана. Приняв за основу филологические исследования словенского лингвиста К. Оштира и историко-юридическую концепцию А. Допша, М. Младенович высказал мнение, что происхождение жуп и института жупанов уходит корнями в древнюю организацию фракийцев. Подтверждение этой мысли он видит в том, что территориальное распространение терминов «жу́па» и «жу́пан» якобы совпадает с местами расселения пллиро-фракийских племен⁹⁵. Поэтому жупа, по его мнению, не имела никакой связи ни с одной из славянских организаций, покоившихся на родстве, ни с земельной собственностью, а представляла собой лишь территорию административной единицы и живущее на ней население. Термин «жу́пан» также ни в коей мере не мог обозначать старейшину племенной жупы, поскольку он был иностранного происхождения. Приобретя в славянской среде более широкий смысл, этот термин обозначал именитую знать вообще (*noble*), должностное лицо (*un dignitaire*) или чиновника (*un fonctionnaire*). Но чаще всего этот термин, по мнению М. Младеновича, обозначал судью (*judex*)⁹⁶. Однако эта точка зрения осталась малоизвестной и не получила признания научной общественности.

Наиболее видные сербские историки 30-х годов XX в. уже отчетливо сознавали, что положения сербской историографии о путях развития государственности безнадежно устарели. Например, Н. Радойич в этот период с большим полемическим задором выступал против старых, как он выражался, «легендарных» представлений о создании Сербского государства и предложил свою схему решения проблемы. Однако, касаясь вопроса о жупах и жупанах, Н. Радойич был вынужден признать, что он не может найти места в своей схеме для жупанов в их старом понимании. Он писал по этому поводу: «Где следует их [жупанов. — В. Г.] разместить в ряду чиновничьей иерархии? Я не знаю»⁹⁷.

В советской исторической науке этот вопрос в самых общих чертах был затронут только в 40-х годах академиком Н. С. Державиным в работе «Славяне в древности» (М. 1945), где он с марксистских позиций попытался охарактеризовать его применительно к истории всех славянских народов, у которых эти институты прослеживаются⁹⁸. Руководствуясь высказываниями Ф. Энгельса о немецкой марке, Н. С. Державин полагал, что жупа как территориальная община по существу не отличалась от немецкой марки. Но этот факт признавала и старая буржуазная историография. На этом основании Н. С. Державин, приняв схему К. Кадлеца (хотя он и высказался о ней отрицательно), полагал, что жупа представляла собой территориальную соседскую общину, или общину-марку. По его мнению, такие же общины-марки были известны и у восточных славян: на севере они назывались мир, а на юге — вервь⁹⁹. Такое поверхностное решение вопроса привело не только к ряду несо-

риографии эта работа получила сравнительно благоприятный отзыв (см. рецензию Н. Радойича в «Гласник Скопског научног друштва», кн. XI, 1932, стр. 252—258).

⁹⁵ М. Младенович. Указ. соч., стр. 65.

⁹⁶ Там же, стр. 154.

⁹⁷ Н. Радойич. Друштвено и државно уређење код Срба у раном средном веку. «Гласник Скопског научног друштва», XV, 1935, стр. 8.

⁹⁸ Несколько раньше (в 1944 г.) применительно к истории Хорватии этот вопрос затрагивал В. Т. Дитякин, впервые попытавшийся вскрыть реакционные основы концепции старой немецкой историографии и проследить ее влияние на русскую историографию XIX в. Однако при характеристике вопроса о жупах и жупанах он полностью повторил точку зрения И. Н. Смирнова (В. Т. Дитякин. Указ. соч., стр. 74, 77; И. Н. Смирнов. Указ. соч., стр. 101—102).

⁹⁹ Н. С. Державин. Указ. соч., стр. 64.

ответствий и явных противоречий в концепции самого Н. С. Державина, но и сделало возможным проникновение ошибочных положений старой историографии в работы советских авторов¹⁰⁰.

* * *

Во всей славяноведческой послевоенной историографии вопрос о жупах и жупанах также не стал предметом специального рассмотрения, но получил некоторое отражение в работах по истории государства и права, авторы которых освещали исторический процесс развития славянского общества и государства с марксистских позиций. Одним из первых эту задачу попытался решить югославский историк Д. Янкович¹⁰¹.

Он предложил свое решение вопроса, которое в значительной мере отличается от старой схемы, хотя Д. Янкович и привлек для своих разработок материал Ст. Новаковича, К. Иречека и Д. Алимпича. Вслед за советскими историками Д. Янкович совершенно справедливо выделяет раннефеодальный период и вполне обоснованно признает его отличие от периода развитых феодальных отношений. Но это верное положение он не всегда четко и последовательно распространяет на развитие государственной организации. Значительно в большей мере этот недостаток прослеживается при трактовке вопроса о жупах и жупанах. Д. Янкович считает, что организация жуп в условиях раннефеодального государства (IX—XII вв.) существенным образом отличалась от их организации в догосударственный период. Но в то же время он не признает никаких качественных изменений в положении жуп в условиях развитого феодализма (XIII—XIV вв.). Он замечает по этому поводу: «При раннефеодальном порядке жупы остаются, но их характер полностью меняется: они больше не являются самоуправляющейся территорией отдельных племен, а становятся лишь частями государства, административно-территориальными единицами (состоящими из нескольких сел), во главе которых стоят отдельные феодалы как административно-судебные органы правителя. И в период развитого феодализма (после XII в.) жупы сохраняют точно такой же характер. Их самоуправляющийся характер все больше исчезает»¹⁰².

Из этих рассуждений можно понять, что Д. Янкович понимает жупу как постоянное географическое и административное целое, границы которого установились еще в период переселения славян на Балканский полуостров и не менялись по крайней мере вплоть до XV в. По его представлению изменения происходили лишь в формах управления и в положении жупанов: жупа утрачивала самоуправляющийся характер, а жупан превращался из старейшины в феодального собственника жупы. Нетрудно заметить, что такое представление уже априори никак нельзя увязать с многогранностью путей формирования феодального землевладения, которые в конечном итоге приводили к созданию широкой сети мелких, средних и крупных феодальных хозяйств. Если к тому же принять во внимание, что значительная часть феодальных владений XIII—XIV вв. (прежде всего это относится к монастырским хозяйствам) рас-

¹⁰⁰ См.: «История государства и права», т. 1. М., 1949, стр. 511—518; «История феодального государства и права». М., 1959, стр. 204—212; «История государства и права зарубежных стран», т. 1. М., 1963, стр. 268—571.

¹⁰¹ D. Janković. *Istorija države i prava naroda* FNRI, Beograd, 1947; Д. Јанковић. *Историја државе и права феудалне Србије*. Београд, 1957. Указанные работы представляют собой учебные пособия для студентов юридических факультетов и были написаны на основе курса лекций, разработанных автором. Концепция Д. Янковича нашла довольно широкое признание научной и педагогической общественности СФРЮ, а его работы до сих пор остаются основным пособием для студентов и переиздавались не менее шести раз.

¹⁰² Д. Јанковић. *Историја...*, стр. 74.

полагали относительно полным иммунитетом и были разбросаны по разным областям государства таким образом, что на территории одной жупы размещалось по нескольку иммунитетных владений, то несоответствие выдвинутого Д. Янковичем положения станет вполне очевидным.

Вполне естественно что ошибочность отправной предпосылки неизбежно должна была привести и к другим несоответствиям его представлений с материалом источников. В этой связи следует указать на наиболее серьезную и особенно бросающуюся в глаза неточность, которую содержит утверждение Д. Янковича, что в период развитого феодализма во главе жупы по-прежнему стоял жупан, который был «ее собственником или держателем (то есть баштанником или проиаром), или же господином-кефалией, которого назначал правитель»¹⁰³. Таким образом, Д. Янкович вопреки источникам пытается распространить термин «жупан» на все категории феодальных землевладельцев и чиновников, во владении или управлении которых находились жупы. Рассмотренные выше примеры с достаточной очевидностью показывают, что в данном случае мы сталкиваемся с явно противоречивой точкой зрения, непоследовательность которой, как нам представляется, вытекает из того, что Д. Янкович, не имея возможности в общей работе последовательно собрать и систематизировать весь имеющийся в наличии материал источников, был вынужден использовать для своих целей разработки старой домарксистской историографии.

В хорватской историографии вопрос о жуках и жупанах вновь привлек внимание исследователей только после того, как Л. Гауптман установил в 40-х годах XX в., что упомянутые К. Багрянородным города были центрами административных единиц не с XII или XIV в., а с X в. Но, не найдя объяснений этому явлению и согласившись с концепцией В. Клаича, Л. Гауптман высказал мнение, что упоминаемые К. Багрянородным города уже к X в. утратили связь с «племенными жупами» и стали центрами «королевских жупаний».

Авторы ряда новых исследований признали наличие новых единиц — жупаний, но характеризовали их по-разному в зависимости от того, как они понимали, по выражению Н. Клаич, «политическую организацию» у хорватов до XII в.¹⁰⁴

Учитывая результаты, накопленные предшествующими исследователями, О. Мандич в 1952 г. решил в корне пересмотреть концепцию Ф. Рачкого¹⁰⁵. Обнаружив в ней ряд внутренних противоречий и указав на ее несоответствие материалу источников, О. Мандич предложил свое решение вопроса, которое он поставил в зависимость от следующих исходных предпосылок. На территории одной жупы уже к X в. не существовало единого племени, так как там прослеживаются несколько племенных групп, которые О. Мандич предлагает назвать братствами. В то же время группы людей, носящие имя одного племени или рода, к данному периоду прослеживаются в самых различных районах страны. Принимая во внимание это обстоятельство, О. Мандич предполагает, что племенная организация у хорватов начала распадаться уже в процессе их переселения. Поэтому на новом месте они селились не племенами, а сельскими общинами — задругами. В процессе дальнейшего развития эти сельские общины постепенно разрастались и объединялись, образуя территориальные единицы, которые О. Мандич называет жупами-племенами. На первой стадии эти единицы носили родовой характер.

В процессе дальнейшей дифференции кровно-родственные связи ут-

¹⁰³ Д. Јанковић. Историја..., стр. 75.

¹⁰⁴ N. Klaić. Указ. соч., стр. 25.

¹⁰⁵ O. Mandić. Bratstvo u ranosrednjovekovnoj Hrvatskoj. «Historijski Zbornik», V, kn. 3—4, 1952.

рачивались постепенно, все более и более отдаляясь от политической и территориальной организации. С развитием государственной системы управления старые жупы, утратив свое прежнее значение, включались по несколько в состав новых значительно больших по размеру единиц государственного деления, которые назывались жупаниями. Таким образом, жупы, по мнению О. Мандича, «были лишь фазой развития, которая от сельской общины-верви привела к жупаниям, как административным единицам Хорватского государства». Между тем кровно-родственные связи не могли исчезнуть сразу, а продолжали развиваться. Поэтому их «компоненты» сохранились в братстве, как общности кровных родственников¹⁰⁶. На наш взгляд, мысль о разделении путей развития административного управления и кровно-родственных связей, несомненно, заслуживает внимания, поскольку она, в основном, согласуется с марксистским пониманием этапов развития государственности.

Далее О. Мандич считает, что развитие административного управления в разных частях Хорватии шло неодинаково. В соответствии с этим он разделяет Хорватию на три части: далматинские города, территория от Гвозда и на юг до р. Неретвы, территория севернее Гвозда. Территория к югу от Гвозда, по мнению О. Мандича, имела двойную систему территориально-административного деления: одно деление — на жупы, а другое — на жупании. Административное управление строилось также по дуалистическому принципу. На территории одной жупании, по мнению О. Мандича, «могли существовать две администрации — жупанийская и жупская, которые не находились в иерархическом взаимоотношении»¹⁰⁷. Территория на севере от Гвозда разделялась только на жупы, которые по-прежнему оставались родственно-территориальными единицами, но к X в. приобрели уже политический характер¹⁰⁸. Но и в этих районах также господствовала дуалистическая система управления. С одной стороны, каждой жупой управлял жупан, а с другой стороны, целой областью — бан. Как представитель королевской власти, последний располагал особым административным аппаратом¹⁰⁹. Подтверждение высказанной гипотезе О. Мандич якобы находит в материале Дуклянской летописи. Он замечает по этому поводу, что «жупаны были, по всей вероятности, в одно и то же время главами своих территориальных организаций и королевскими чиновниками, то есть они выполняли те функции, которые были у жупанов в Дукле»¹¹⁰. Между тем на территории к югу от Гвозда, по мнению О. Мандича, с 907 по 1102 г. произошли некоторые изменения в управлении, так как «дуалистическая организация власти уступила место родовой организации»¹¹¹.

На наш взгляд, предложенное О. Мандичем объяснение процесса эволюции жуп и института жупанов нельзя считать бесспорным, тем более, что оно в ряде случаев не согласуется с материалом источников, на что уже неоднократно указывали М. Барада¹¹² и Н. Клаич. Н. Клаич, критикуя точку зрения О. Мандича, не без основания отмечает, что он слишком обедняет и упрощает процесс превращения жуп в жупании¹¹³. Однако сама Н. Клаич не предлагает своего решения и ограничивается замечанием, что она по ряду вопросов готова присоединиться к мнению М. Барады и М. Костренчича.

¹⁰⁶ O. Mandić. Указ. соч., стр. 285.

¹⁰⁷ Там же, стр. 280.

¹⁰⁸ Там же, стр. 230.

¹⁰⁹ O. Mandić. «Pacta conventa» i «dvanaest» hrvatskih bratstava. «Historijski Zbornik», XI—XII, Zagreb, 1958—1959, стр. 173.

¹¹⁰ O. Mandić. Bratstvo..., стр. 283.

¹¹¹ O. Mandić. «Pacta conventa»..., стр. 188.

¹¹² M. Barada. Starohrvatska seoska zajednica. Zagreb, 1957, стр. 61.

¹¹³ N. Klaić. Указ. соч., стр. 126.

Наиболее развернуто эта точка зрения изложена М. Костренчичем в 1956 г. в обобщающем очерке по истории государства и права Хорватии.

Руководствуясь общими представлениями о путях развития славянского общества, М. Костренчич считает, что после переселения славян на Балканский полуостров у них начинается распадаться система военной демократии. Но к VIII в. она еще находилась на высшей ступени своего развития. Именно в этот период и начинается перестройка внутренней организации славянских племен. Кровно-родственные связи отходят на задний план, уступая место территориальному принципу, что приводит к созданию новой территориальной общины. На раннем этапе члены территориальной общины одновременно были и членами одного рода¹¹⁴. При этом М. Костренчич оставляет без ответа вопрос о том, в каком соотношении находились между собой род, племя и жупа. Он сразу же переходит к характеристике жупанин. Комментируя свидетельства гл. 30 «De administrando imperio», М. Костренчич считает, что упомянутые в этой главе 11 жупаний уже не были старыми «племенными» жупами и не имели «совершенно никакой связи с родо-племенной организацией». Как «новые территориальные организации» они образовались уже «после поселения славян в Далмацию». Во главе этих новых административных единиц был поставлен чиновник, который назывался жупаном. Он-то и дал название этим территориальным единицам¹¹⁵.

До назначения на должность чиновников упомянутых единиц жупаны, по мнению М. Костренчича, составляли военную свиту верховного воеводы, который как «патримониальный правитель» позднее передал им часть своих функций, чтобы они вершили власть от его имени во вновь сформированных жупаниях. О составе и организации самих жупаний М. Костренчич ничего не говорит, ссылаясь на отсутствие необходимых для этого данных. Но в то же время он категорически утверждает, что жупанин представляли собой новые образования, которые «возникли в связи с возникновением Хорватского государства»¹¹⁶. Дальнейшие преобразования жупаний М. Костренчич связывает с реформами 1001 г., которые были проведены венгерским королем Стефаном. После реформы в Славонии жупанин стали называться по-латыни: *comitatus*, *parohia* или *provincia*¹¹⁷. Пореформенная организация удерживалась до первой половины XIII в. Во второй половине XIII в. была проведена новая реорганизация жупаний, но она не уничтожала полностью старой системы административного деления, в которую, по мнению М. Костренчича, было вложено лишь новое содержание, превратившее жупанию «в дворянскую организацию». Жившие на ее территории дворяне (*plemići*) «захватили власть и создали из нее единицу, через которую отстаивали свои классовые интересы, стремясь перестроить ее в дворянский автономный институт в провинции, по возможности, независимый от государственной власти»¹¹⁸. Превратившись таким образом в сословную организацию, жупания без особых изменений просуществовала вплоть до XVIII—XIX вв.¹¹⁹

Нетрудно заметить, что концепция М. Костренчича существенным образом отличается от предшествующих точек зрения. Он значительно

¹¹⁴ М. Kostrenčić. *Nacrt historije hrvatske države i hrvatskog prava*. Zagreb, 1956, стр. 105.

¹¹⁵ Там же, стр. 138. Кстати, следует заметить, что вслед за Ф. Шишичем М. Костренчич полагает, что термин «жупан», впрочем как и термин «бан», а возможно, и обозначаемые ими институты, были заимствованы из аварской племенной организации (стр. 159—160, 176).

¹¹⁶ Там же, стр. 138.

¹¹⁷ Там же, стр. 159—160, 176.

¹¹⁸ Там же, стр. 222.

¹¹⁹ «Historija naroda Jugoslavije», t. 1. Zagreb, 1953, стр. 696—720.

упростили схему эволюции этих институтов за счет того, что обошел стороной вопрос о соотношении родо-племенной организации с делением на жупы и сразу же перешел к анализу жупаний, в которых совершенно справедливо видит новые единицы государственного деления. Нам кажется, что в таком упрощении есть свои положительные и отрицательные стороны. М. Костренчичу, на наш взгляд, удалось правильно определить сущность жупании, которая уже к X в. не имела никакой связи с племенной организацией. Это обстоятельство позволило ему совершенно правильно оценить значение латинского термина «*provincia*», который употреблялся для обозначения не старой «племенной» жупы, а новой территориально-административной единицы — жупании. Но в то же время М. Костренчич, на наш взгляд, слишком переоценил значение этой единицы, как основной формы административно-территориального деления, поскольку он признает неизменной ее границы на всем протяжении с середины XIII в. и вплоть до XIX в. Нам кажется, что в данном случае мы вновь можем столкнуться с тем же явлением, когда терминологическое сходство различных по своей сущности категорий скрывало подлинную эволюцию данного понятия или института в различные исторические периоды. С другой стороны, нельзя полностью согласиться с М. Костренчичем и потому, что он обходит вопрос о существовании жуп и о путях их эволюции. Если в соответствующих главах «Истории народов Югославии», которые написаны М. Костренчичем совместно с Я. Шидаком, он признает наличие жуп, то в своей монографии он игнорирует эту разновидность деления.

Вопрос о жупах и жупанах не нашел окончательного решения и для условий средневековой Словении. Если Л. Гауптман считает, что термином «жупан» в Словении XIII—XIV вв. обозначали отдельную категорию крестьян¹²⁰, то М. Кос под этим термином предлагает понимать сельских старост (*Dorfmeister*) или сельских судий (*Dorfrichter*)¹²¹. Однако следует отметить, что при решении более частных вопросов в отдельных случаях были сделаны сравнительно важные наблюдения¹²².

За послевоенный период разработка вопроса о жупах и жупанах на материале западных славян по существу не продвинулась дальше.

Подводя общий итог исследованиям вопроса в чехословацкой историографии, В. Ванечек в 1949 г. констатировал, что значение термина «жупа» для чешской истории продолжает оставаться неясным¹²³. В то же время он признает, что историки двух последних поколений с полным правом отвергли старую точку зрения, которая предлагала понимать под жупой территорию так называемых «княжеских городов», возникших в X в. Сам В. Ванечек не без основания полагает, что жупа была известна чехам еще на самом раннем этапе их истории, хотя термин «жупа» появляется в латинских источниках только в 1342 г., когда он в Южной Моравии употреблялся для обозначения единицы государственного управления. В. Ванечек, на наш взгляд, совершенно прав, полагая, что с X в. до XIV в. могли произойти большие перемены как в области социально-экономических отношений, так и в административ-

¹²⁰ L. Hauptmann. *Staroslovenska družba in obred na knežjem kamenu*. «Dela Slovenske Akademije Znanosti i Umetnosti», 10. Ljubljana, 1954, стр. 8, 73, 74.

¹²¹ М. Кос. *История Словенца*. Белград, 1960, стр. 219—220.

¹²² Например, Б. Графенауэр, еще раз возвращаясь к вопросу о хорватах, поселившихся на территории Словении, убедительно доказал, что *pagus Croatiae* не имеет никакого отношения к хорватским поселениям и не имеет ничего общего с делением на жупы (B. Grafenauer. *Hrvati u Karantaniji*. «Historijski Zbornik», XI—XII. 1958—1959, стр. 207—231).

¹²³ Краткий обзор различных точек зрения по поводу происхождения терминов «жупа» и «жупан» был сделан В. Ванечком еще в 1942 г. в работе «*Vnitřní organizace Čech a Moravy v době přemyslovské*» («*Vestník České Akademie Věd a umění*», т. LI, ч. 1, 1942, стр. 24—25).

ном управлении. А это обстоятельство неизбежно заставляет учитывать тот факт, что термин «жупа» в течение данного периода мог быть просто перенесен на совершенно новую единицу административно-территориального деления¹²⁴.

В болгарской историографии интересующий нас вопрос также не нашел своего разрешения и до сих пор вызывает разногласия среди исследователей. Основываясь на материале ранних болгарских надписей и на свидетельствах ст. 3 и 22 Закона судного людем, где встречаются упоминания о жупанах на территории Болгарии, Д. Ангелов и М. Андреев пошли возможным утверждать, что в Болгарии в начале X в. также существовало деление на жупства, или жупы¹²⁵. Однако следует признать, что сохранившиеся свидетельства позволяют говорить только о наличии жупанов, но вряд ли могут быть достаточными для категоричного вывода о наличии жупного деления в Болгарии, тем более, что этот факт не нашел отражения ни в народной традиции, ни на материале исторической географии. С позиций старой историографии трактуется этими авторами и вопрос о жупанах, за что их справедливо упрекает Ст. Лишев¹²⁶.

В современной советской историографии вопрос о жупах и жупанах специально не рассматривался. Для их характеристики авторы общих работ и учебных пособий, как правило, без особых оговорок, привлекали и до сих пор продолжают привлекать материал старой историографии.

* * *

Обзор историографии показал, что при определении понятий и институтов, которые выступают под терминами «жупа» и «жупан», у историков до сих пор нет единого, твердо установившегося мнения. Более того, концепции старой буржуазной историографии по данному вопросу, вне всякого сомнения, были далеки от исторической действительности, так как они создавались на базе общих и, как правило, неверных представлений о развитии общества и государства и путем явно ошибочной методики исследования.

Основная ошибка буржуазной историографии, руководствовавшейся формально-юридическими и лингвистическими методами исследования, заключалась в том, что она при решении данных вопросов, как правило, почти не учитывала тех внутренних социально-экономических изменений в структуре славянского общества, которые, бесспорно, имели место в период с IX по XV в. Поэтому исследователи даже не допускали мысли, что система социально-экономических отношений и базирующаяся на них система административного управления могли в течение этого периода коренным образом менять свое внутреннее содержание и формы. Частичные изменения в структуре общества и административного управления признавались ими постольку, поскольку прирост численности населения время от времени вызывал механическую перегруппировку его, что приводило к разрушению родо-племенной организации. Проникавшие извне государственные начала и институты постепенно начали вытеснять исконно славянские органы самоуправления якобы только в XIII—XIV вв.

Исходя из этого, подавляющее большинство буржуазных исследователей считало, что до тех пор, пока в источниках упоминаются термины «жупа» и «жупан», они в условиях одного государства должны выражать собой не только постоянные понятия и институты, но и сохранять

¹²⁴ V. Vaneček. Prvich tisič let... Praha, 1949, стр. 28—29.

¹²⁵ Д. Ангелов, М. Андреев. История на българската държава и право. София, 1955, стр. 90.

¹²⁶ Ст. Лишев. За генезиса на феодализма в България. София, 1963, стр. 167.

между собой взаимосвязь. Другими словами, сфера власти жупанов не могла выходить за пределы одной жупы независимо от изменений характера жупанской власти.

Эта внешняя взаимосвязь терминов оказалась настолько самодавлеющей и само собой разумеющейся, что исследователи чуть ли не до последнего времени не пытались поставить ее под сомнение и стремились доказать ее наличие в условиях самых различных хронологических периодов и у разных народов. Стабильности и жизнеспособности таких представлений способствовало то, что такая взаимосвязь в определенных условиях и в отдельные периоды (например, в Хорватии) действительно существовала, хотя она и появилась в результате более поздних преобразований. Поэтому перенесение этой предполагаемой взаимосвязи жуп с институтом жупанов в ее первоначальном значении в условия более позднего времени (XIII—XIV вв.) вносило серьезную путаницу и в разработку других проблем. И только в самое последнее время хорватские историки смогли отказаться от подобных традиционных представлений и внесли определенную ясность в этот спорный вопрос.

То, что это было сделано хорватской историографией, особенно важно, поскольку наиболее ранний хорватский материал в интерпретации Ф. Рачкого и В. Клаича являлся основной базой для старой традиционной точки зрения. Но по состоянию сохранившегося материала в центре внимания современных хорватских историков оказались не столько так называемые «племенные» жупы, сколько новые административные единицы, получившие в хорватской историографии название «жупаний».

Несмотря на то, что вопрос о жупах и жупанах в современной историографии еще не нашел своего окончательного разрешения на материале хорватских источников и еще продолжает вызывать среди исследователей серьезные разногласия, тем не менее отказ от старой схемы устройства жупной организации и отклонение старой периодизации процесса ее эволюции является несомненным шагом вперед.

Между тем отмеченное выше обстоятельство способствовало тому, что материал сербских средневековых источников в том виде, как он представлен в домарксистской сербской историографии, объективно оказался основным опорным пунктом старых представлений, остатки которых в этом вопросе сохраняются до сих пор. В отличие от других источников, сербский материал действительно дает реальные основания говорить о жупах в средневековой Сербии, которые впервые зафиксированы источниками XII—XIII вв. и хорошо прослеживаются на материале исторической географии, как об относительно устойчивых территориально-географических единицах. Такие прямые и бесспорные факты, насколько нам представляется, не зафиксированы другими источниками, относящимися к истории всех остальных славянских народов.

Если предположить, что жупа на самом раннем этапе ее существования представляла собой сложный комплекс разнородных связей, выступавших не только в форме территориально-географических и этнических категорий и понятий, но и в форме разносторонних экономических и общественно-политических взаимоотношений, то следует учитывать и тот факт, что эти связи не могли оставаться статичными. Они неизбежно должны были видоизменяться в процессе поступательного развития общества. Кроме того, развитие взаимосвязей не могло быть одинаковым по темпам. Поэтому если представить себе возможную перспективу развития всех составных частей этого сложного комплекса независимо от конкретных путей его возникновения (поскольку оно не нашло своего отражения в источниках), но с учетом остаточных и порой видоизменившихся элементов, то можно думать, что жупа по крайней мере до VIII в. представляла единство трех разнородных групп факто-

ров: территориально-географических, этнических и социально-экономических.

В ходе развития общества изменение этих факторов не могло совершаться одновременно и одинаковыми темпами, поскольку развитие экономических отношений происходило более быстро и не могло быть замкнуто в границах одной жупы. Поэтому вполне естественно предполагать, что под воздействием этого фактора постепенно распадались и видоизменялись и остальные составные компоненты единого комплекса и в первую очередь административное управление, которое также не могло долго оставаться в пределах одной жупы. В процессе распада этого комплекса, происходившего под влиянием развития феодальных отношений, отдельные его части в условиях формировавшегося классового общества и государства либо бесследно исчезали, либо становились основой для других, более совершенных экономических и общественно-политических институтов, направленные и темпы развития которых в зависимости от конкретно-исторических условий были неодинаковыми. Поэтому развитие административных органов с зарождением государственности все более и более должно было обособливаться от развития более консервативных составных частей ранее единого комплекса и в свою очередь воздействовать на их развитие. Ф. Энгельс писал по этому поводу, что с развитием классовых отношений и с зарождением элементов государственности старые формы военной демократии постепенно превращаются в свою противоположность и «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения [...]»¹²⁷.

Следовательно, отождествление процесса эволюции института жупанов (одного из основных органов административного управления) с постепенным разрастанием и расселением населения жупы, окончательным распадом кровно-родственных связей во всех их формах, с изменением территориально-географических границ жупы, с утратой ее населением всех коллективных прав на пользование общественными угодьями и т. д., то есть с постепенной эволюцией всех составных компонентов, которые в общей сумме раньше представляли собой единый комплекс — жупу, является ошибочным, поскольку темпы развития этих исторических категорий не могли совпадать с темпами развития социально-экономических и политических отношений.

Знакомство с материалом источников показывает, что уже самые ранние дошедшие до нас свидетельства (сообщения К. Багрянородного, материал хорватских грамот, болгарские надписи и ст. 3 п 22 Закона судного людем) противоречат концепциям буржуазной историографии и дают все основания утверждать, что к IX в. сфера власти жупанов уже вышла за пределы одной жупы (или вообще не совпадала с ними) и распространялась на большие области (например, Травуния или Трешинье), в составе которых позднее прослеживается большое число (до десяти) жуп, а сами жупаны, насколько можно верить сообщению К. Багрянородного, из племенных старейшин превратились в один из основных институтов административной системы раннефеодального государства у всех южных славян. Дальнейшее развитие института жупанов как органа административного управления шло независимо от эволюции различных составных частей, входивших в понятие жупы. Но в то же время в период с IX по XI в. (а в некоторых областях и до XIII в.) организация института жупанов еще в какой-то мере зависела от старых форм организации феодализирующейся знати, которые представляли собой определенный пережиток родо-племенных отношений в условиях раннефеодального государства. В этот период жупаны управ-

¹²⁷ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд., т. 21, стр. 165.

ляли не отдельными жупами, а уже целыми областями (provincia, regio в Дуклянском государстве или «жупания» в Хорватии), в состав которых входило по нескольку старых жуп. В условиях раннефеодального периода институт жупанов уже не был единственным органом административного управления, одновременно существовали и другие органы управления, одни из которых не имели с ним прямой связи, а другие были ему подчинены. Например, жупанам подчинились сотники, казначей и судья. Наряду с этим термином, «жупан» в IX в. одновременно обозначал и чиновников придворных служб (например, в Хорватии).

Изложенные выше обстоятельства позволяют предполагать, что жупа в этот период уже не была единственной административно-территориальной единицей, поскольку сфера власти жупана уже вышла за пределы одной жупы. Но более поздние свидетельства (XII в.) и материал исторической географии позволяют предполагать, что старые жупы на территории Дуклянского государства, позднее вошедшие в состав Сербского государства Неманичей, в период IX—XI вв. еще довольно прочно удерживались в старых границах и представляли собой географическое и в определенной мере этническое целое, территория которого определялась не столько географическими и этническими факторами, сколько правом живущего там населения на данную территорию.

В период развитого феодализма (XII—XIV вв.) часть старых жуп до некоторой степени еще сохраняла территориальное единство, но основные компоненты комплекса были уже разрушены в процессе формирования частно-феодальных хозяйств, так как организация этих хозяйств неизбежно приводила к нарушению общности населения, жившего на территории жупы, и к закреплению его за отдельными хозяйствами с разными хозяйственными, административными и судебными правами и т. д. При этом следует учитывать, что разрушение различных сторон этого сложного комплекса совершалось постепенно, неравномерно и не во всех областях государства в одно и то же время. Это зависело от самых различных причин: от интенсивности формирования феодальных хозяйств, от проводимой центральной властью политики пожалований, от своеобразия форм феодального землевладения, от форм организации знати и местного административного управления в различных областях Сербского государства в период с конца XII до середины XIV в. и т. д. Поэтому в некоторых областях (Холм и Требишье) жупы в их старых границах сохранялись вплоть до XV в. и даже позже. Но в условиях государства Неманичей они (за исключением жуп, переданных далматинским городам с автономным управлением) не были отдельными и самостоятельными административными единицами и по нескольку жуп (иногда по частям) входили в сферу власти того или иного чиновника либо феодального собственника. Любопытно, что в условиях государства Неманичей эти комплексы в источниках, как правило, уже не обозначаются термином «жупа», но в подавляющем большинстве случаев сохраняют топоним старой жупы, который обычно совпадал с географическим названием местности. В Рашке старые комплексы оказались разрушенными значительно раньше, уже к XIV в. Большая часть из них утратила не только административную, территориальную и хозяйственную общность, но даже и свое старое название. Другая часть старых жуп передала свои названия географическим топонимам и отдельным селам.

Приблизительно с 80-х годов XIII в. в источниках термин «жупа» стал употребляться в более широком смысле. Им стали обозначать территорию административной единицы, которая располагалась за пределами городской черты. Поэтому понятие «жупа» в данный период связывалось не столько с географическим названием местности, сколько с названием городов, которые были центрами этих новых единиц. При

этом ее управители или феодальные владельцы, как правило, уже не назывались жупанами и располагали самыми разнообразными правами. Более того, территория этих новых единиц, насколько можно предполагать, была очень неопределенной, так как ее границы зависели уже не от права живущего там населения на эту территорию, а от сферы власти чиновника или феодального собственника. В отдельных случаях можно установить, что размеры новых единиц были значительно больше территории старых жуп, так как первые (например, жупа Брвеник) включали в свой состав отдельные части последних (а возможно, и целиком). Факт перехода термина «жупа» на обозначение нового понятия бесспорно подтверждается документами начала XIV в., относящимися к территории присоединенных к Сербскому государству районов Македонии, где до их вхождения в состав государства Неманичей совершенно определенно не было деления на жупы в их старом значении. Эти факты, на наш взгляд, дают достаточные основания утверждать, что Законник Ст. Душана отразил не состояние старых жуп, которые к данному периоду в основном утратили даже территориальное единство (особенно в Рашке), а структуру и организацию управления совершенно новых единиц, на которые был перенесен старый термин «жупа».

Таким образом, в условиях, когда старые территориальные единицы были еще прочны, хотя и утратили свое административное значение, соответствующий им ранее термин продолжал сохраняться за ними, а когда они в подавляющем большинстве уже были разрушены процессом феодализации и утратили свое прежнее значение, то и соответствовавший им термин, утратив свое прежнее содержание, был использован для обозначения вновь возникшей категории, порожденной новыми условиями развитой системы феодальных отношений.

Сопоставляя наблюдения над эволюцией жуп с материалом источников, отражающих процесс эволюции института жупанов, можно с достаточным основанием утверждать, что на территории, составившей основу государства Неманичей, в период с IX по XV в. источники не зафиксировали ни одного совершенно определенного случая, когда бы сфера власти одного жупана бесспорно совпадала с границами одной старой жупы. Если в период с IX по XI в. жупаны, как правило, управляли большими областями (*provincia, regio*), в состав которых входило по несколько жуп, то в период с середины XIV по конец XIV в. подвластная им территория не имела твердо определенных размеров и границ, а иногда их владения были разбросаны в разных областях.

Что касается эволюции института жупанов, то о ней можно говорить, на наш взгляд, лишь с определенным ограничением, поскольку этот институт в полном смысле слова удерживался в основном лишь до конца XII в. С возникновением и оформлением государства Неманичей (конец XII—третья четверть XIV в.), административное управление которого строилось на основах развитых феодальных отношений, институт жупанов, равно как и подчиненные ему органы административного управления в их старом значении (сотники, казначей и судья), перестали соответствовать новым условиям и стали вытесняться из общей системы административного управления. Однако этот процесс также происходил не во всех областях одновременно. Например, в Холме и Требишье институт жупанов удерживался относительно дольше (до второй половины XIII в.). В Рашке последние осколки старых институтов (жупанов и сотников) прослеживаются еще при Ст. Немане (конец XII в.), по к 20-м годам XIII в. ни один из сохранившихся источников уже не упоминает о них в их старом значении.

Постепенная перестройка и ликвидация института жупанов, как основного органа административного управления, способствовали тому, что термин «жупан» постепенно стал распространяться на крупных свет-

ских феодальных собственников, которые обладали наиболее полными имущественными правами и, следовательно, располагали определенной автономией управления. Наиболее отчетливо эти явления фиксируются источниками 40—70-х годов XIV в. и прежде всего прослеживаются на территории тех районов, где раньше не было и не могло быть института жупанов (например, в Македонии). В связи с этим следует отметить, что термин «жупан» в этот период употребляется лишь в определенном ограниченном круге источников (в надписях, в грамотах, когда речь идет о каком-то конкретном факте), которые, как правило, отражают местные особенности данного района, и никогда не встречается в тех документах, которые фиксируют общегосударственную систему административного управления. Например, в Законнике Ст. Дупана термин «жупан» вообще не употребляется. Это обстоятельство позволяет думать, что термин «жупан» в его новом смысле обозначал не титул и не официальное название определенной группы государственных чиновников, а использовался для того, чтобы подчеркнуть определенную автономию управления и независимое положение наиболее крупных феодальных собственников. Поэтому этот термин распространялся на крупных феодалов не под влиянием общегосударственного законодательства, из которого он был уже изгнан, а скорее вопреки ему, по традиции присваивался отдельными наиболее крупными феодалами.

Сохранившиеся источники достаточно ясно показывают, что сфера власти этих крупных феодалов, называвшихся жупанами, не имела никакой связи с делением на жупы в их новом значении. В ряде случаев владения отдельных жупанов включали в себя несколько областей и управлялись посредством большого, сложного и хорошо развитого административного аппарата. Имеющийся в наличии материал не вызывает никакого сомнения в том, что большая часть жупанов, упоминаемых в источниках второй половины XIV в., не имела никакой связи со старым институтом жупанов. Прежде всего это относится к феодалам, владения которых располагались на захваченных у Византии землях. Более того, некоторые феодальные собственники, называвшие себя жупанами, даже не были сербами, и только в единичных случаях можно предполагать, что феодальные владения некоторых знатных семей (Сашковичей) сформировались на основе органического развития старого института жупанов. С распадом Сербского государства Неманичей эти крупные феодальные собственники, как правило, превращались в самостоятельных и независимых правителей.

* * *

В заключение хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что намечающаяся перспектива эволюции жуп и института жупанов в средневековой Сербии в новом аспекте подтверждает выводы тех исследователей, которые совершенно справедливо ищут начало государственной организации у сербов и у других югославянских народов еще за пределами IX в.

АННА КОНСТАНТИНОВНА ЦЕЛОВАЛЬНИКОВА

Советские историки потеряли одного из своих товарищей — Анну Константиновну Целовальникову, скончавшуюся 27 мая 1964 г.

Она родилась в 1902 г. в гор. Твери (ныне Калинин). Родители: отец — машинист на железной дороге, коммунист; мать — домашняя хозяйка. В 1920 г. поступила в Московский университет на факультет общественных наук, который закончила в 1925 г. Член КПСС с 1943 г.

С 1939 г. А. К. Целовальникова работала в Институте истории в комиссии по истории фабрик и заводов, затем в секторе истории СССР.

В 1942 г. А. К. Целовальникова получила звание младшего научного сотрудника.

С 1945 г. А. К. Целовальникова — сотрудник сектора славяноведения Института истории АН СССР.

Анна Константиновна приняла большое участие в организационной работе по созданию Института славяноведения АН СССР и затем ряд лет работала здесь младшим научным сотрудником.

С сентября 1949 г. А. К. Целовальникова работала научным редактором редакции стран народной демократии «Большой советской энциклопедии» и затем руководителем группы проверки до ухода на пенсию в декабре 1958 г.

Анна Константиновна вела большую общественную работу, была чутким, отзывчивым товарищем. Память о ней останется навсегда в сердцах тех, кто ее знал.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. П. Митина.</i> Революционно-демократическое движение в Сибири в капут восстания польских ссыльных на Кругобайкальской дороге	3
<i>Т. Ф. Федосова.</i> Польское студенческое общество в Московском университете (1855—1863 гг.)	24
<i>З. Я. Тальвицкая.</i> Создание Омской революционной организации и общество «Пётковичей» в 1861—1862 гг.	51
<i>В. П. Сторожук.</i> Польская эмиграция в Румынии и восстание 1863 года (По материалам донесений дипломатических представителей России)	77
<i>Л. А. Обушенкова.</i> Архивные комплексы по истории восстания 1863 г. (Документальные материалы административных органов управления территориями, охваченными восстанием)	90
<i>Ю. И. Штакельберг.</i> Финансовые проекты повстанческого Национального правительства	115
<i>В. Д. Конобеев.</i> Национально-освободительное движение в Болгарии в 1853—1854 гг.	134
<i>В. П. Грачев.</i> Из истории изучения славянских средневековых институтов (вопрос о жуках и жунах в историографии)	178
<u>Анна Константиновна Целовальникова</u>	210

**Освободительное движение
западных и южных славян
XIX и XX вв.**

*Ученые записки
Института славяноведения,
том XXIX*

*

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения АН СССР*

*

Редактор А. М. Орехов.
Технические редакторы В. И. Зудина, Н. Д. Новичкова.

*

Сдано в набор 25/II 1965 г. Подписано к печати 21/V 1965 г.

Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 13,25=18,15 усл. печ.

Уч.-изд. л. 18,9. Тираж 1100 экз. Т-06876.

Изд. № 4333/65 Темплан 1965 г. № 125

Тип. зак. № 105

Цена 1 р. 28 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62. Подсосенский пер., 21

1-тип. издательства «Наука», Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

